

ISSN 2077-8325

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА

- **ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**
- **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

№2 (88)-2025

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

**UNIVERSITY
BULLETIN**

**РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ
(СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ**

Основан в 2002 г.

**ВЕСТНИК
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (88) – 2025 г.

Душанбе – 2025

RUSSIAN TAJIK (SLAVONIC) UNIVERSITY

Founded in 2002

**UNIVERSITY
BULLETIN**

SCIENTIFIC JOURNAL

№ 2 (88) – 2025 г.

Dushanbe – 2025

ISSN – 2077-8325

Учредитель: Межгосударственное образовательное учреждение высшего образования
«Российско-Таджикский (Славянский) университет»

Главный редактор: Файзулло Машраб Курбонали, доктор экономических наук

Редакционная коллегия:

Русакова Марина Васильевна, кандидат филологических наук,
заместитель главного редактора журнала

Баратова Рано Вахидовна, ответственный секретарь журнала

по филологическим наукам:

Шамбезода Хусрав Джамshedович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Салимов Рустам Давлатович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Искандарова Дилоро Мукаддасовна, доктор филологических наук (Таджикистан)

Абдуллозода Масрур Ахмад, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муллоев Шариф Бокиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Мамадназаров Абдусалом, доктор филологических наук (Таджикистан)

Турсунов Фаёз Мелибоевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

Косимов Олимджон Хабибович, доктор филологических наук (Таджикистан)

Муродов Мурод Бердиевич, доктор филологических наук (Таджикистан)

по экономическим наукам:

Султанов Зубайдулло Султанович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Комилов Сироджиддин Джалалиддинович, доктор экономических наук (Таджикистан)

Амонова Дильбар Сабхоновна, доктор экономических наук (Таджикистан)

Тураева Мадина Октамовна, доктор экономических наук (Россия)

Ткаченко Александр Александрович, доктор экономических наук (Россия)

Плоских Елена Викторовна, доктор экономических наук (Кыргызстан)

Ташбаева Рано Гайбуллаевна, кандидат экономических наук (Узбекистан)

Редактор: Р.В.Баратова

Технический редактор: Г.Х.Ташматова

Перевод на английский язык: С.У.Тагаева

Перевод на таджикский язык: Р.Р.Раджабова

Компьютерная верстка: Н.Р.Тохиров

Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан

Свидетельство о регистрации №275/ЖР-97 от 08 февраля 2023 года.

Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства
науки и высшего образования Российской Федерации

Подписной индекс журнала 77691

Адрес редакции: 734025, Республика Таджикистан, город Душанбе, улица М. Турсунзаде,
д.30

тел: (+992 44) 620 42 34; 620 42 11

www.rtsu.tj

vestnik_rtsu@mail.ru

© Российско-Таджикский (Славянский) университет
Типография РТСУ

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Вестник университета» (Российско-Таджикский (Славянский) университет) ежеквартально публикует статьи преподавателей, аспирантов и соискателей университета, других учебных заведений и научных учреждений Республики Таджикистан, являющиеся результатом их научных изысканий в области экономики и филологии. Журнал открыт для публикаций ученых стран ближнего и дальнего зарубежья.

Материал, представляемый в редакцию журнала, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других научных изданиях.

Статьи принимаются на рассмотрение редакционной коллегии при наличии рецензии от специалиста, имеющего ученую степень доктора наук (если автор статьи является доктором наук), доктора или кандидата наук (если автор статьи является кандидатом наук, соискателем или аспирантом). Рецензия должна быть подписана рецензентом и заверена по месту его работы (требования к рецензированию см. на сайте РТСУ).

Авторы представляют свои работы в электронной и печатной версиях, оформленные в соответствии с требованиями, установленными Правилами для авторов.

Распечатка рукописи должна быть полностью идентична электронному варианту статьи.

К рукописи статьи обязательно прилагается справка о прохождении через систему «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 70%.

Общий объем статьи без аннотации, ключевых слов и списка литературы – не менее 10 страниц, но не более 14 страниц.

В структурные элементы статьи входят (в порядке расположения): УДК, название статьи, ФИО автора/авторов (полностью) с указанием ученой степени, ученого звания (при наличии), должности, названия структурного подразделения, учреждения/организации, почтового адреса с индексом, номера телефона и E-mail; аннотация (150-200 слов) на русском, английском и таджикском языках; ключевые слова (не менее 7 слов и выражений через точку с запятой).

Название статьи должно отражать проблематику работы, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, определяющие основные аспекты работы.

Аннотация должна ясно излагать содержание статьи и быть пригодной для публикации отдельно от статьи. В аннотации необходимо кратко описать актуальность рассматриваемой проблемы, цель работы, элементы новизны, результаты исследования и общий вывод.

Статья должна носить проблемный характер, в ней должны отражаться научная новизна проблемы или новизна подходов к её решению, знание автором научных достижений в этой области, результаты исследования и чётко сформулированные выводы. Необходимо соблюдать точность цитирования, фактологическую достоверность, научный стиль изложения, ясность и последовательность выражения суждений (мыслей).

В статье обязательны ссылки на источники информации, в том числе на источник получения статистических данных. Рисунки, диаграммы, таблицы размещаются в соответствующем по смыслу фрагменте текста. Они должны быть озаглавлены, пронумерованы и сопровождаться ссылками на источник заимствования данных. Объем рисунков и таблиц не должен превышать 1/3 объема научного текста.

Разрешаются общепринятые сокращения. Аббревиатуры приводятся сначала полностью с указанием в скобках принятого сокращенного варианта для его дальнейшего использования в тексте (например, Российско-Таджикский (Славянский) университет) (далее – РТСУ).

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р705-2008.

В списке должно быть представлено не менее 10 наименований только научной литературы, в том числе не менее 5 источников, опубликованных за последние 5 лет. При-

ветствуются материалы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях и за рубежом. Самоцитирование, использование учебников и учебных пособий строго ограничено. Список литературы располагается в алфавитном порядке, сначала указываются работы на русском языке, далее литература на иностранных языках. Работы отечественных ученых, опубликованные на таджикском языке, приводятся в переводе на русский язык в общем перечне с русскоязычными источниками с указанием языка оригинала (на тадж.яз.). В список литературы не должны включаться работы, ссылки на которые отсутствуют в тексте статьи.

При цитировании или при ссылке на ту или иную работу в тексте статьи используются квадратные скобки, в которых указаны номер источника в перечне литературы и цитированная страница (напр.: [7, с.20]).

Источники публицистического характера, в том числе из печатных и электронных СМИ, официальные документы, архивные материалы, статистические издания и т.д. указываются в постраничных сносках на языке оригинала.

Ответственность за достоверность и полноту описания библиографических данных несёт автор статьи.

Завершают рукопись название статьи, данные о её авторе/авторах и текст аннотации на английском и таджикском языках.

Библиографический список приводится на двух языках: русском и английском.

Страницы статьи должны иметь сквозную нумерацию. Рукопись должна быть тщательно выверена и отредактирована автором.

Ответственный секретарь редакционной коллегии может самостоятельно отправить рукопись на доработку в случае, если её оформление не соответствует установленным правилам оформления.

Редакция оставляет за собой право вносить редакционные поправки, не искажающие основное содержание статьи.

Статьи, не отвечающие правилам оформления, к рассмотрению не принимаются, рукописи не возвращаются.

Доработанный вариант статьи с её электронной версией возвращается в редакцию вместе с первоначальной версией не позднее, чем через две недели после получения замечаний. В случае нарушения указанного срока, а также повторного обнаружения ошибок и недоработок дата опубликования статьи переносится на более поздний срок.

Датой поступления считается день поступления окончательного варианта текста статьи.

В редакцию принимаются тексты, подготовленные в формате MS Word for Windows. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, списка литературы – 12, интервал одинарный, абзацный отступ – 1,25. Размер полей: сверху – 2 см, снизу – 2 см, слева – 3 см, справа – 1,5 см.

СОДЕРЖАНИЕ

• ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каюмов Н.К., Довгялло Я.П. Краткий обзор определения понятий инноваций.....	13
Мукимова Н.Р., Сайфудинова М.И. Подходы к мониторингу финансовой устойчивости энергетического сектора	25
Лю Цзяньвей. Анализ кросс-уровневого модераторного эффекта поддержки предпринимательства в университетах и его влияние на механизм формирования предпринимательских намерений среди студентов.....	40
Солиева Л.Ф. Значение цифровизации для современного рынка труда.....	56
Раджабеков Г.Дж. Гидроэнергетические ресурсы Афганистана и вопросы их освоения.....	65
Исмаилова Ш.Ш. Развитие сельскохозяйственного кредитования в Китае	79

• ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Елистратов В.С., Ковтун М.Б. А.В.Сухово-Кобылин: стилистический «Избыток электричества» (о проекте «Словарь языка А.В.Сухово-Кобылина»).....	94
Хасанова Т.Г. Идеи этнонациональной идентичности в «Таджикнаме» (том 3 трилогии) и «Правде о таджиках» И.К.Усмонова.....	106
Икромзода Х.И. Перевод спортивного дискурса на таджикский язык: проблемы и стратегии.....	117
Некушоева Ш.С. Лингвокультурологический взгляд на лексику традиционного жилища (на примере имен пяти столбов традиционного памирского дома)	130
Муллоева К.Н. Парадигма традиционных таджикских семейных отношений в интерпретации Н.Мамаджоновой.....	144
Файзулоева Р.Х. Реализация культурно-специфических метафор в фольклорных текстах шугнано-рушанской группы языков.....	156

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН»

Искандарова Д.М. Векторы развития таджикской лингвистики: цифровизация научных исследований.....	166
Ладыгина О.В. Культурная обусловленность коммуникативного поведения (на примере таджикской лингвокультуры).....	183
Курбонова Х.Х. Психолингвистическое моделирование лексемы «Верность» в русском языке.....	195
Бойматова Н.К. Образ красоты в таджикском языковом сознании (на материале анкетирования).....	205
Козлова О.Л. Лексико-семантическое поле лингвокультурного типажа «Зан» («Жена») в паремиях таджикского языка.....	216

Разыкова М.Б. Сопоставительный анализ концепта «Праздник» в паремиологическом фонде таджикского и английского языков.....	231
Тагаева Т.Р. Специфические особенности отражения эмоции «ғам» («печаль») во фразеологическом фонде таджикского языка.....	240
Хурсанова Н.Н. Лексическая интерференция в русской речи таджиков (на материале письменных работ студентов)	256
Хахимов А.А. Роль социокультурных стереотипов в повседневной практике общения.....	268
Махсутшоева Н.М. Лексическая объективация концепта «Зан» в системе кровного родства в таджикском языке.....	283

К 65-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Д.М.ИСКАНДАРОВОЙ

Сабирова С.Г. Наследие первых: неизменная актуальность просветительской мысли: к юбилею профессора Дилоро Мукаддасовны Искандаровой и Научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан».....	294
Давлатмирова М.Б., Худоёров Х.Ё. Научная преемственность и новаторство – мост между традицией и современностью.....	311
Мухторов З.М. Научная школа успешного наставника.....	324

CONTENTS

• ECONOMIC SCIENCES

Kayumov N.K., Dovgyallo Ya.P. A brief review of the definition of innovation concepts.....	13
Mukimova N.R., Sayfudinova M.I. Approaches to monitoring financial stability of the energy sector.....	25
Liu Jianwei. Analysis of cross-level moderatory effect of entrepreneurship support in the universities on the mechanism of forming entrepreneurial intention among students.....	40
Solieva L.F. The importance of digitalization for the modern labor market.....	56
Rajabekov G.J. Hydroenergy resources of Afghanistan and their development issues.....	65
Ismailova Sh.Sh. Development of agricultural credit in China.....	79

• PHILOLOGICAL SCIENCES

Elistratov V.S., Kovtun M.B. A.V.Sukhovo-Kobylin: stylistic «Excess of electricity» (project information «Dictionary of Sukhovo-Kobylin language»).....	94
Khasanova T.G. Ideas of ethno-national identity in "Tajikname" (volume 3 of the trilogy) and "The truth about the Tajiks" by I.K.Usmonov.....	106
Ikromzoda Kh.I. Translation of sports discourse into Tajik: problems and strategies.....	117
Nekushoeva Sh.S. A linguocultural perspective on the lexicon of a traditional dwelling (on the example of the names of the five pillars of the traditional Pamir house).....	130
Mulloeva K.N. Paradigm of traditional Tajik family relations in the interpretation of N.Mamadjonova.....	144
Fayzuloeva R.Kh. The realization of culturally specific metaphors in folklore texts of the Shughnan-Rushan group of languages.....	156

MATERIALS ROCEEDINGS OF THE SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE «CONTEMPORARY PROBLEMS OF APPLIED LINGUISTICS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN»

Iskandarova D.M. Vectors of development of Tajik linguistics: digitalization of scientific research.....	166
Ladygina O.V. Cultural determination of communicative behavior (on the example of Tajik linguoculture)	183
Kurbonova Kh.Kh. Psycholinguistic modeling of the lexeme "Loyalty" in the Russian language.....	195
Boimatova N.K. The image of beauty in the Tajik linguistic consciousness (based on the survey).....	205
Kozlova O.L. Lexico-semantic field of the linguocultural type "Zan" ("Wife") in the paroemias of the Tajik language.....	216
Razykova M.B. Comparative analysis of the concept "Holiday" in the paremio-logical fund of Tajik and English languages.....	231

Tagaeva T.R. Specific features of reflection of the emotion of sadness ("gham") in the phraseological fund of the Tajik language.....	240
Khursanova N.N. Lexical interference in the Russian speech of the Tajiks (based on the written works of students).....	256
Khakimov A.A. The role of sociocultural stereotypes in everyday communication practice.....	268
Makhsutshoeva N.M. Lexical objectification of the concept "Zan" in the system of consequence in the Tajik language.....	283

TO THE 65th ANNIVERSARY OF PROFESSOR D.M.ISKANDAROVA

Sabirova S.G. Heritage of the first: the constant relevance of educational thought on the anniversary of professor Iskandarova Diloru Mukaddasovna and the Scientific school "Applied linguistics in the Republic of Tajikistan".....	294
Davlatmirova M.B., Khudoyorov Kh.Yo. Scientific continuity and innovation – a bridge between tradition and modernity.....	311
Mukhtorov Z.M. Scientific school of a successful educator.....	324

МУНДАРИҶА

• ИЛМҲОИ ИҚТИСОДӢ

Қаюмов Н.Қ., Довгялло Я.П. Шарҳи мухтасар дар бораи тафсири мафҳуми инноватсия.....	13
Мукимова Н.Р., Сайфудинова М.И. Усулҳои мониторинги устувории молиявӣ дар соҳаи энергетика.....	25
Лю Тэзянвей. Таҳлили таъсири модератории бо сатҳҳои мутафовити дастгирии соҳибкорӣ дар донишгоҳҳо ба раванди шаклгирии тамоюлҳои соҳибкорӣ дар миёни донишҷӯён.....	40
Солиева Л.Ф. Аҳамияти рақамикунонӣ барои бозори меҳнати муосир.....	56
Раҷаббеков Г.Ҷ. Захираҳои гидроэнергетикии Афғонистон ва масъалаҳои истифодаи онҳо.....	65
Исмоилова Ш.Ш. Инкишофи қарздиҳии хоҷагии қишлоқ дар Хитой.....	79

• ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГӢ

Елистратов В.С., Ковтун М.Б. А.В.Сухово-кобилин: уфазои сабкии «Изофаи барқ» (дар бораи лоиҳаи «Фарҳанги забони А.В.Сухово-Кобилин»).....	94
Хасанова Т.Г. Идеҳои ҳуввияти этно-миллӣ дар «Тоҷикнома» (чилди 3-и трилогия) ва «Ҳақиқат дар бораи тоҷикон»-и И.К.Усмонов.....	106
Икромзода Х.И. Тарҷумаи дискурси варзишӣ ба забони тоҷикӣ: мушқилот ва дурнамо.....	117
Некушоева Ш.С. Таҳлили лингвофарҳангии лексикаи марбут ба ҳонаи суннатӣ (дар асоси намунаи номҳои панҷ сутуни ҳонаи анъанавии помирӣ).....	130
Муллоева К.Н. Парадигмаи муносибатҳои анъанавии оилавӣ тоҷик дар тафсири Н.Мамаҷонова.....	144
Файзулоева Р.Х. Инъикоси маҷозҳои ҳоси фарҳангӣ дар матнҳои фолклории гурӯҳи шугнониву рушонӣ.....	156

МАТЕРИАЛҲОИ КОНФЕРЕНЦИЯИ ИЛМӢ-АМАЛӢ «МУШКИЛОТИ МУОСИРИ ЗАБОНШИНОСИИ ТАТБИҚШАВАНДА ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН»

Искандарова Д.М. Самтҳои рушди забоншиносии тоҷик: рақамикунонии тадқиқоти илмӣ.....	166
Ладыгина О.В. Омилҳои фарҳангӣ дар ташаккули рафтори коммуникативӣ (бар асоси лингвофарҳанги тоҷикӣ).....	183
Курбонова Х.Х. Моделсозии психолингвистии лексемаи «Верность» («Вафодорӣ») дар забони русӣ.....	195
Бойматова Н.К. Симои зебӣ дар шуури забонии тоҷикон (дар асоси маълумоти пурсишнома).....	205
Козлова О.Л. Майдони луғавӣ-маъноии намунаи лингвофарҳангии «Зан» («Ҳамсар») дар паремияҳои забони тоҷикӣ.....	216
Розиқова М.Б. Таҳлили муқоисавии мафҳуми «Ид» дар фонди паремии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ.....	231
Тағоева Т.Р. Хусусиятҳои ҳоси эҳсоси «Ғам» дар захираи фразеологии забони тоҷикӣ.....	240

Хурсанова Н.Н. Даҳолати луғавӣ дар гуфтори русии тоҷикон (аз рӯи асарҳои хаттии донишҷӯён).....	256
Ҳакимов А.А. Нақши стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ дар амалиёти муосироти ҳаррӯза	268
Махсутшоева Н.М. Объективизатсияи лексикӣи концепти «Зан» дар системаи ҳешу таборӣ дар забони тоҷикӣ.....	283

БА ПЕШВОЗИ 65-СОЛАГИИ ПРОФЕССОР Д.М.ИСКАНДАРОВА

Сабирова С.Ғ. Мероси аввалинҳо: аҳамияти пойдории андешаҳои маърифатӣ бахшида ба чашнвораи профессор Искандарова Дилоро Муқаддасовна ва Мактаби илмӣ «Забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон».....	294
Давлатмирова М.Б., Худоёров Х.Ё. Вориснокии илмӣ ва навоарӣ – пуле байни анъана ва замони муосир.....	311
Муҳторов З.М. Мактаби илмӣи устодони муваффақ.....	324

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 330.3

КРАТКИЙ ОБЗОР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЙ ИННОВАЦИЙ

Каюмов Нуриддин Каюмович

Доктор экономических наук, профессор, академик
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана
734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Ризо, 6а

Довгялло Яна Павловна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Институт экономики и демографии
Национальной академии наук Таджикистана
734024, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Ризо, 6а
Тел.: (+992) 93 504 85 89 (м.)
ydovgvallo@mail.ru

В статье речь идет о различных подходах к трактовке таких понятий, как инновации, инновационный процесс, инновационная деятельность. Анализ литературных источников показал, что одни учёные-экономисты рассматривают инновации как изобретения или открытия, другие представляют их в качестве процесса внедрения научно-технических достижений в производство, третьи – как полученный результат в виде новых товаров, услуг или новейшей методики организации производственного процесса, которые ранее не были представлены на рынке или не использовались в процессе управления предприятием. Существует также точка зрения, что научно-технические достижения можно считать инновациями только в случае их реализации на рынке, т.е. в процессе их коммерциализации, а конечным результатом выступает удовлетворение потребностей общества. На основе обобщения позиций, точек зрения, подходов к интерпретации категорий, связанных с понятием инноваций, автор определяет инновации — как фундаментальные идеи, изобретения, открытия, научно-технические разработки, имеющие прикладной характер и предназначенные для удовлетворения потребностей общества. Инновационный процесс представляет собой комплекс мероприятий по внедрению инноваций в производство, а инновационная деятельность – это непосредственно производство инновационной продукции с применением новых технологий, техники, новых методов организации и управления производством.

Ключевые слова: инновации; инновационный процесс; инновационная деятельность; научно-технические достижения; новые методы организации и управления производством; новые технологии; коммерциализация инноваций.

Отечественные и зарубежные учёные-экономисты в своих исследованиях по теоретическим и методологическим вопросам инновационной экономики, инно-

вационного развития экономики, формирования национальной инновационной системы приводят различные определения таких понятий, как инновации, инновационный процесс, инновационная деятельность, инновационная активность, инновационный потенциал и др. Определения данных категорий зависят от методологии исследования, теоретических подходов, рассматриваемых уровней и сфер экономики, поэтому трактуются они достаточно широко. Вместе с тем, на сегодняшний день отсутствует их более или менее чёткая формулировка. В связи с этим в данном исследовании предпринята попытка проанализировать имеющийся доступный материал относительно определения этих понятий и обозначить их базовые характеристики.

Как известно, впервые ввел в оборот понятие «инновации» Й.Шумпетер, (в 1912 г.), который рассматривал их как средство, оказывающее влияние на новую научно-организационную комбинацию производственных факторов, формирование которой мотивируется предпринимательским духом. Он отмечал, что «новые комбинации факторов производства, или новой производственной функции, осуществляются, во-первых, непосредственно предпринимателем в производственном процессе и, во-вторых, в процессе продажи товаров, находясь рядом со старыми комбинациями, постепенно вытесняемыми новыми, так как предыдущие комбинации факторов производства не могут обеспечить дальнейшее развитие производства» [30, с.56]. На основании этого он сделал вывод о том, что «на экономический рост оказывает влияние не количественное увеличение численности работников, средств производства и рост потребления, а качественные характеристики факторов производства. Иначе говоря, эффективное использование факторов производства изменяет траекторию кругооборота» [30, с.57]. Следовательно, инновации обеспечивают качественное развитие экономики, поэтому он и представлял их, как средство для кардинального обновления производства. Й.Шумпетер делил инновации на «радикальные» — это инновации, которые приводят к масштабным изменениям в мировой экономике, и «инкрементальные» — это инновации, с помощью которых осуществляется непрерывный процесс изменений в экономике.

Рассматривая инновации как фактор качественного развития экономики, Й.Шумпетер предположил, что существует возможность с помощью технологических изменений преодолевать кризисы в экономике, а осуществляемые инновационные процессы способствуют переходу всей мировой экономики на более высокий технологический уровень своего развития [25, с.159].

Дальнейшее исследование различных подходов к определению понятия инновации, проведенное уже Г.Меншу, позволило их классифицировать, сгруппировав следующим образом: первая группа инноваций – базисные, вторая группа – улучшающие, третья группа – псевдоинновации. При этом он не делал различие между инновациями и нововведениями.

К первой группе – базисные инновации – он относил новые виды продукции, новые предприятия, новые отрасли, новые рынки. При этом базисные инновации делились на технологические, которые включали в себя новые товары, и нетехнологические, к которым относились изменения в социально-культурной сфере, в

методах организации и управления, в предоставлении общественных услуг. Г. Менш вывел закономерность перехода от базисных инноваций к улучшающим, а затем к псевдоинновациям. Данный переход обосновывался конкуренцией за экономические ресурсы, которые были необходимы для каждого вида инноваций. Входя в стадию депрессии, экономика готова использовать новые базисные инновации, поэтому значительная часть ресурсов перенаправляется на приобретение и внедрение инноваций в производственный процесс. Затем, по мере выхода из стадии депрессии и перехода в стадию оживления и подъёма, спрос на инновации снижается, что способствует переходу к улучшающим инновациям и псевдоинновациям [38].

Различие методологических подходов позволило учёным-экономистам сформировать и различные точки зрения к определению понятий «инновации». Так, одни учёные-экономисты определяли понятия инноваций, изобретений, нововведений как однопорядковые понятия, другие – как разные по значению. Например, П.Ф. Друкер рассматривает научное открытие с точки зрения объяснения различных явлений природы, изобретения, по его мнению, – это возможные технические решения определённых производственных задач, а нововведения оказывают значительное влияние на образ жизни населения [7]. Многие исследователи не делали различий между инновациями и инновационными процессами или инновационной деятельностью. Так, американский учёный Э. фон Хиппель, который считается специалистом в области инновационной деятельности, представляет инновации в виде нового продукта или процесса [34]. Х.Риггс считал, что изобретения представляют собой «концептуализацию новой идеи», а инновацию рассматривал как коммерческое освоение новой идеи [37]. В.Кингстон считает инновации процессом со множеством его стадий и связей. Процесс включает в себя научно-технические достижения, которые применяются на производстве с целью создания нового продукта и услуги или значительно модифицированного. Иными словами, он представлял инновации в виде преобразования идеи в новые товары и услуги [38].

Другие учёные-экономисты под инновациями подразумевают результат, который получается в процессе использования научно-технических достижений. Инновациями они считают действительно новые или уникальные процессы, продукты и услуги, которых ранее не было на рынке [1; 4; 29]. Так же к этой группе учёных можно отнести Х.Барнетту и Г.Цалтману, которые помимо новых товаров, услуг и процессов, относили к инновациям и новые идеи и вещественные результаты. По их мнению, инновациями можно считать всё, что по своим качественным характеристикам отличается от уже существующих на рынке форм или воспринимается производителями, которые внедряют в производство инновации в виде чего-то нового [38].

Б.Санто рассматривал инновации в виде общественно-техно-экономического процесса. Данный процесс представляет собой использование научных изобретений в производстве с целью создания товаров и технологий с улучшенными характеристиками. Реализация последних на рынке ориентирована на получение экономической выгоды, или прибыли, что способствует появлению

добавочного дохода. Следовательно, Б.Санто под инновациями понимал деятельность от идеи, или научного изобретения, до непосредственного внедрения в производство и реализации на рынке, или маркетинг [8, с.83].

Н.И.Лапин говорит о нововведениях или инновациях, как «о комплексном процессе создания, распространения и использования нового практического средства (новшества) для новой (или для лучшего удовлетворения уже известной) общественной потребности; одновременно это есть процесс сопряженных с данным новшеством изменений в той социальной и вещественной сфере, в которой совершается его жизненный цикл» [13, с.150].

В более широком виде, чем его предшественники, Б.Твисс рассматривает инновационный процесс. Он утверждал, что «инновационный процесс, независимо от его определения, представляет собой цепочку научно-технической, производственной и маркетинговой деятельности, которая с помощью рыночного механизма осуществляет коммерциализацию новшеств, а конечным результатом данной деятельности выступает удовлетворение потребностей общества в тех или иных товарах и услугах» [23, с.28]. Б.Твисс считает, что «инновации представляют собой процесс, в котором идея или научно-техническое изобретение приобретают экономическое содержание. Поэтому научно-технические нововведения представляют собой процесс, в котором объединяется наука и производство. Последнее проявляется в предпринимательских и управленческих способностях, основанных на знаниях и компетенциях не только учёных и руководителей предприятий, но и всех специалистов, обслуживающих производственный процесс, и любого члена общества» [там же, с.29]. Б.Твисс сделал вывод о том, что «общество изменяется за счёт воплощения научных знаний в новом виде продукции» [23, с.30].

Анализ экономической литературы позволил выявить, что существует большое множество определений понятия «инновации», основные из которых приведены ниже и сгруппированы следующим образом: 1. инновации как нововведения, 2. инновации как процесс, 3. инновации как результат.

В первую группу входят определения, в которых под инновациями подразумеваются новый или улучшенный товар, работу, услуга, которая не имела до этого аналогов на рынке или качественно отличается от предыдущих товаров. Кроме этого, к инновациям отнесены технологии, усовершенствования в сфере организации и управления производством. Данные инновации обеспечивают экономическую выгоду или создают условия для такой выгоды. Также к инновациям могут относиться и принимаемые в производственной сфере административные, финансовые, юридические, коммерческие и другие виды решений, которые приводят к повышению эффективности производства и повышению прибыли. И в непроизводственной сфере – культуре, образовании, здравоохранении, в управлении государственными финансами, в бюджетном процессе, в банковском деле, в страховании и т.д. В целом сущность данного понятия инноваций можно определить как создание новых потребительских стоимостей товаров, работ и услуг, которые и позволяют получать коммерческую выгоду от их реализации, новизна в способе их производства, усовершенствование методов организации и управления, в научной, финансовой марке-

тинговой сферах. Следовательно, к инновациям можно отнести любое новшество, которое способно обеспечить потребительский спрос более качественными товарами [12, с.58; 14, с.5; 15, с.190; 18, с.136; 21, с.77; 27, с.367].

Во вторую группу входят определения, объясняющие инновации как процесс по продвижению научных идей от этапа создания до внедрения в экономику. Данный процесс включает в себя непосредственно разработку новой идеи, внедрение её в производственный процесс, освоение на основе имеющегося экономического, производственного и социального потенциала. Сторонники данного подхода рассматривают инновации, с одной стороны, как инновационный процесс, представляющий совокупность последовательных действий, множество подходов, которые раскрывают её содержание. В целом же инновации – это изменения, которые приводят к улучшению системы или комплекса, поэтому инновации в виде процесса происходят во всех сферах общественной жизни и способствуют её эффективному развитию. С другой стороны, конечным результатом инновационного процесса является новый, усовершенствованный продукт, способный удовлетворять вновь сформировавшиеся потребности рынка [4, с.5; 9, с.17; 26, с.27; 31, с.8].

Третью группу составляют интерпретации инновации как результат деятельности экономических, правовых и социальных отношений в различных областях общественной жизни (науки, культуры, образования, здравоохранения и т.д.). Иначе говоря, инновации – это уже полученный результат (товар, работа, услуга) научного и творческого процесса или открытия, который качественно отличается от своего предыдущего аналога. Под инновациями также понимается любой новый произведённый товар, услуга, технология их производства, т.е. любые новшества в производственной, организационной, финансовой, научной областях, которые способны снизить затраты на их выпуск. Инновации представляют собой новые потребительские стоимости, использование которых меняет привычные действия в процессе производства или стереотипные навыки у потребителей. В связи с тем, что происходит снижение спроса у потребителей на уже имеющийся товар на рынке, производители используют различные научно-технические достижения, результаты интеллектуальной собственности для производства новых или усовершенствованных товаров, чтобы удовлетворить потребности и, соответственно, получить прибыль.

Инновация – вовлечение в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности, содержащих новые, в том числе научные, знания с целью удовлетворения общественных потребностей и (или) получения прибыли [1, с.12; 5, с.69; 6, с.3; 10, с.13; 11, с.10; 17, с.6; 19, с.162; 20, с.170; 22, с.15; 32].

Обзор различных точек зрения позволил выявить, что существует несколько определений понятия «инновации». Вместе с тем, некоторые исследователи методологически смешивают подходы к определению «инновации», сначала рассматривая их как объект, а затем как процесс или как деятельность.

Отечественными учёными-экономистами предлагаются свои определения понятия инновации. Так, Р.М.Бабаджанов и Ф.Д.Атаханова объясняют его следующим образом: «Сам термин «инновация» происходит от латинского «novatī», что означает «обновление», а приставка «in» – «в направлении», т.е. обновление в каком-то направлении или какой-то сфере. Если поместить понятие «инновация» в экономи-

ческий контекст, то оно трактуется как прорыв в какой-либо области, приносящий положительный экономический эффект». «Инновационную систему» авторы рассматривают в виде комплекса взаимосвязанных между собой организаций и хозяйствующих субъектов, которые заняты коммерциализацией научных достижений и производством на их основе инновационной продукции. К таким организациям относятся правовые, материально-финансовые, информационные, социальные учреждения, которые на основании кластерного подхода обеспечивают взаимодействие образовательных и научных структур с коммерческими [2, сс.52, 54].

Дальнейшее исследование сущности инноваций и инновационных процессов позволило Р.М.Бабаджанову и Н.Нормакмадзода рассматривать инновации как новшества в технологиях, оборудовании, выполнении работ, предоставлении услуг, методах и способах управления, т.е. в различных областях, где внедряются научные достижения и получается экономический и социальный эффект. Инновационный продукт авторами представлен не только как новый товар или услуга, но и в виде новых методов производства и реализации его рынке. Инновационным проектом можно считать результат интеллектуальной деятельности научных организаций и предприятий по внедрению научных достижений в производственный процесс и выпуску готовой продукции с целью развития научных знаний. К инновационной деятельности авторы относят деятельность, которая основана на новых или усовершенствованных научных результатах, опытно-конструкторских разработках. Результаты данного вида деятельности в виде нового или модернизированного товара или услуги можно реализовать на рынке для получения экономического или социального эффекта [3, с.28].

Д.Т.Назаров, исследуя проблемы инновационного развития экономики, предполагает, что «одним из направлений совершенствования производительных сил, выражающимся на практике в их рациональном размещении на определенной территории и повышении их уровня развития до соответствия современным международным стандартам, может быть использование фактора инновационной кластеризации... При этом цементирующим стержнем инновационного кластера является совокупность совместно реализуемых инновационно-ориентированных проектов. Обычно создание инновационных кластеров начинается с разработки кластерных программ в рамках инновационной государственной стратегии, сориентированной на поддержку инновационно-ориентированных крупных проектов» [16, с.31].

Об инновациях в контексте развития агропромышленного комплекса Таджикистана говорит Н.Х.Хоналиев: «Инновационный процесс объединяет науку, технику и технологии, предпринимательство, т.е. включает все сферы деятельности, связанные с производством, обменом, реализацией и потреблением конечной сельскохозяйственной продукции. Главными субъектами инновационной деятельности выступают – новатор, инноватор, инвестор, стартапы, выполняющие основные функции по ее осуществлению. Новатор – первичный участник инновационного процесса, осуществляющий поиск инновационных идей и разработку новшеств на их основе (научно-исследовательские учреждения, малые инновационные предприятия, инжиниринговые компании, отделы НИОКР, индивиду-

альные изобретатели и рационализаторы). Инноватор – участник инновационного процесса, непосредственно осуществляющий внедрение и продвижение новшеств на рынке – (внедренческие риско-фирмы, концерны, финансово-промышленные группы). Инвестор – участник инновационного процесса, осуществляющий финансирование разработки и внедрения новшеств (государственные и коммерческие банки, инвестиционные компании, страховые компании, пенсионные фонды, специализированные компании, частные лица). Стартапы – предприятия и организация, осуществляющие весь инновационный процесс в сельском хозяйстве от возникновения новых научных идей, разработок до их внедрения в производство и использование и представляющие юридические, информационные, патентно-лицензионные, консультационные услуги на различных этапах инновационного процесса. Основной функцией участников инновационного процесса является поддержка инновационной активности сельскохозяйственных предприятий, предпринимателей, организационное обеспечение процессов создания, внедрения и использования новшеств в аграрном секторе страны» [28, с.61].

Свою оценку сущности инноваций в рыночной экономике с позиций процессно-утилитарного подхода, при котором рассматривается вся система производственных отношений – при разработке или создании новой идеи (производство), при её распространении (распределение), коммерциализации научно-технических достижений (обмен) и использовании или внедрении в производственный процесс (потребление), дает Ю.Р.Юсуфбеков. С точки зрения ученого, сущность новшеств и нововведений проявляется только в процессе их потребления, т.е. когда они используются или внедряются в производственный процесс, иными словами, в процессе их коммерциализации. До этого процесса нововведения не проявляются, так как фундаментальные, базисные новшества не коммерциализуются, т.е. они не проявляют себя в виде конкретных прикладных инноваций. Изучение различных подходов к определению понятия инноваций, позволило автору предложить свою дефиницию понятия: «Инновация (нововведение) – это коммерциализация научных знаний, результат инновационной деятельности, получивший воплощение в виде нового или усовершенствованного продукта, внедренного на рынке, нового или усовершенствованного технологического процесса, используемого в практической деятельности, либо новой или усовершенствованной организационно-экономической формы производства, управления, обеспечивающей необходимую экономическую и (или) общественную выгоду» [24, с.32].

В нормативно-правовых документах, принятых Правительством Республики Таджикистан по регулированию инновационной деятельности, приводится следующее понятие: «Инновационная деятельность – вид деятельности по воспроизводству поисковых, фундаментальных (необходимой части) и прикладных исследований, проектных и опытно-конструкторских работ, маркетинговых действий в целях вовлечения их результатов в гражданско-правовой оборот для реализации в виде инновационного продукта. Это единый в рамках государственного и частного сектора, комплексный научно-технологический, организационный, финансовый, инвестиционный, производственный и маркетинговый процесс, посредством которого

идеи и технологии трансформируются в технологически инновационные продукты (услуги) и процессы (новые методы производства), имеющие коммерческую ценность (коммерческий спрос и коммерческое использование на рынке), а также в новые направления использования существующих инновационных продуктов и услуг, в формирование инновационных рынков» [33].

Помимо научной интерпретации понятий инновации, существуют их определения в виде международных стандартов, разрабатываемых международными организациями. В Руководстве «Осло» понятие инновации рассматриваются на уровне предприятий, т.е. на микроуровне. Так, предлагается термин «технологические» инновации, которые представляют собой модернизацию уже имеющегося продукта для того, чтобы повысить его эффективность. В данном международном документе приводится следующее определение инноваций: «инновации — это новое приложение научных и технических знаний, приводящее к успеху на рынке» [36, с.26]. Следовательно, инновационным можно считать тот продукт или процесс, который является новым, т.е. вновь созданным или модернизированным для предприятия. При этом инновационным продукт или процесс можно считать только для конкретной компании, а не для всей экономики страны в целом или для всего мира [35]. Согласно другому международному стандарту (Руководство Фраскати), инновации представляют собой конечный результат инновационной деятельности. В качестве конечного результата можно принять не только продукт, но и технологический процесс, а также новый метод организации производства или предоставления социальных услуг. Необходимо отметить, что определяющим условием, которое позволяет считать новые товары или услуги инновационными, является их реализация на рынке и внедрение в производство [20, с.30, 31].

Итак, обобщение доступных источников по вопросу определения понятий «инновации», «инновационный процесс» и «инновационная деятельность» позволило сформулировать следующие выводы.

Во-первых, инновации могут выступать в виде фундаментальных идей, открытий, изобретений, научно-технических разработок, которые имеют практическое приложение в производственном процессе с целью повышения эффективности действующей экономической системы или роста производительности труда. К инновациям можно отнести не только товары, но и технологии и новые виды организации производства. Всё это должно оказывать влияние на переход к более высокому технологическому уровню развития экономики.

Во-вторых, инновационный процесс – это комплекс мер, который направлен на коммерциализацию инноваций, использование их в производственном процессе с целью получения соответствующего результата. К таким мерам относятся, прежде всего, законодательная база, нормативно-правовые документы, инновационная инфраструктура, которые обеспечивают продвижение инноваций в производственный процесс на основе спроса со стороны предпринимательского сектора.

В-третьих, инновационная деятельность представляет собой производство инновационной продукции, выполнение работ, предоставление услуг или применение инновационных методов организации и управления производством.

Необходимо отметить, что данная последовательность принята не случайно: инновации, представленные в виде новшеств, идей, изобретений, открытий, научно-технических достижений, – это только первый этап их освоения, далее необходимо осуществить административно-организационный этап – доведение инноваций до предпринимателей с учётом их спроса и, наконец, наступает заключительный этап – непосредственное внедрение инноваций в производство и реализации на рынке инновационной продукции.

Литература

1. Авсянников Н.М. Инновационный менеджмент: учеб. пособие. – М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002 (Тип. ИПК РУДН). – 174 с.
2. Бабаджанов Р.М. Сущность инновационного потенциала Республики Таджикистан и его структура / Р.М.Бабаджанов, Ф.Д.Атаханова // Экономика Таджикистана. – 2020. – №1. – С.51-57. – EDN TPGLRX.
3. Бабаджанов Р.М. Понятие и сущность инноваций и инновационных процессов / Р.М.Бабаджанов, Н.Нормаммадзода // Экономика Таджикистана. – 2021. – №2. – С.27-30. – EDN LLPGSB (на тадж.яз.).
4. Бездудный Ф.Ф. Сущность понятия инновация и его классификация / Ф.Ф.Бездудный, Г.А.Смирнова, О.Д.Нечаева // Инновации. – 1998. – №2-3(13). – С.3-13. – EDN SGKOVZ.
5. Волынкина М.В. Правовая сущность термина «инновация» // Инновации. – 2006. – №1. – С. 64-69.
6. Гамидов Г.С. и др. Введение в системологию инноватики. – Махачкала: Дагпресс, 2000. – 318 с.
7. Друкер П.Ф., Макьярелло Дж.А. Менеджмент. – М.: ООО «ИД Вильямс», 2010. – 532 с.
8. Инновация как средство экономического развития / Б.Санто; пер. с венг. с изм. и доп. авт.; общ. ред. и вступ. ст. Б.В.Сафонова. – М.: Прогресс, 1990. – 295 с. ISBN: 5-01-002034-3.
9. Инновационный менеджмент: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Менеджмент" / Ю.П.Морозов, А.И.Гаврилов, А.Г.Городнов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 471 с. ISBN: 5-238-00402-8.
10. Инновационный менеджмент в АПК: учеб. пособие для студентов вузов, изучающих дисциплину "Менеджмент" / Р.Н.Минниханов, В.В.Алексеев, Д.И.Файзрахманов, М.А.Сагдиев. – М.: МСХА, 2003 (ГУП Смол. обл. тип. им. В.И. Смирнова). – 430 с.
11. Кокурин Д.И. Инновационная деятельность. – М.: Экзамен, 2001. – 574 с. ISBN: 5-8212-0226-4.
12. Кулагин А.С. Немного о термине «инновация» // Инновации. – 2004. – №7(74). – С.56-59.
13. Лапин Н.И. Теория и практика инноватики: учеб. пособие. – М.: Университетская книга: Логос, 2008. – 326 с.
14. Медынский В.Г. Инновационный менеджмент: учеб. по специальности "Менеджмент орг.". – М.: Инфра-М, 2005. – 293 с. ISBN: 5-16-002226-0.
15. Мезенина Н.С. Инновация как результат и процесс // Молодой ученый. – 2012. – №6. – С.189-191.
16. Назаров Д.Т. Инновационные кластеры как форма развития и размещения производительных сил в условиях переходной экономики Республики Таджикистан // Экономика Таджикистана. – 2021. – № 2. – С.31-39. – EDN ZNPGYJ.
17. Основы инновационного менеджмента. Теория и практика: учебник / Л.С.Барютин и др.; под ред. А.К.Казанцева, Л.Э.Миндели. – 2 е изд., перераб. и доп. – М.: Экономика, 2004. – 517 с.

18. Райзберг Б.А. Современный экономический словарь / Б.А.Райзберг, Л.Ш.Лозовский, Е.Б.Стародубцева. – 2-е изд., испр. – М.: Изд. дом "ИНФРА-М", 1998. – 476 с. ISBN: 5-86225-758-6.
19. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 722с.
20. Статистика науки и инноваций: Краткий терминологический словарь / под ред. Л.М.Гохберга. – М.: ЦИСН, 1996. – 483 с.
21. Степаненко Д.М. Классификация инноваций и ее стандартизация // Инновации. – 2004. – №7. – С.77-79.
22. Суворова А.Л. Инновационный менеджмент: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Менеджмент" / М-во образования Рос. Федерации. Марийс. гос. техн. ун-т. – Йошкар-Ола: Марийс. гос. техн. ун-т, 1999. – 143 с. ISBN: 5-230-00478-9.
23. Твисс Б. Управление научно-техническими нововведениями / Сокр. пер. с англ. – М., Экономика, 1989. – 271 с.
24. Теоретико-методологические вопросы инновационного развития экономики Республики Таджикистан. Исследование динамики и структуры добавленной стоимости в контексте инновационного развития экономики Республики Таджикистан: монография / Р.К.Рахимов, Я.П.Довгялло, Ю.Р.Юсуфбеков / АН РТ Ин-т экономики и демографии. Т.1. – Душанбе: Дониш, 2017. – 240 с.
25. Теория экономического развития: (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цикла конъюнктуры) / Й.Шумпетер; пер. с нем. В.С.Автономова и др. – М.: Прогресс, 1982. – 455 с.
26. Удальцова Н.Л. Подходы к инновациям и инновационной деятельности как фактору конкурентоспособности // Экономические науки. – 2015. – №2 (123). – С.25-28.
27. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / колл. авт. под ред. А.Г.Грязновой. – М.: Финансы и статистика, 2004. – 1165 с.
28. Хоналиев Н. Некоторые вопросы инновационного развития АПК Таджикистана // Экономика Таджикистана. – 2020. – №S4-1. – С.57-62. – EDN RHBJMW.
29. Шевченко С.А. Бюджетирование инновационной деятельности промышленных предприятий / С.А.Шевченко, Е.В.Кузьмина, В.Ф.Трунина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2015. – №8. Экономика, вып.48. – С.127-133.
30. Шумпетер Йозеф А. История экономического анализа = History of economic analysis: в 3 т. / пер. с англ. под ред. В.С.Автономова. Т.1 / 24 см. – СПб.: Экон. шк. [и др.], 2001. – 496 с.
31. Экономика инноваций: учеб. пособие. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова, 2016. – 310 с.
32. Ягафаров А.Д. Инновационная деятельность в экономике переходного периода // Евразийский международный научно-аналитический журнал. – 2004. – №4(12).
33. www.adlia.tj / Стратегия инновационного развития Республики Таджикистан на период до 2020 года: утверждена [Постановлением Правительства](#) Республики Таджикистан от 30 мая 2015 года, № 354; Программа инновационного развития Республики Таджикистан на 2011-2020 годы: утверждена Постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 апреля 2011 года №227. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.
34. Hippel E. The user's role in industrial innovation // Management of research and innovation. – North Holland, Amsterdam, 1980.
35. Proposed Guidelines for Collecting and Interpreting Technological Innovation Data: Oslo Manual. – Paris: OECD, Eurostat, 1997.
36. La technologie et economie: Les relation determinantes. – Paris: OECD, 1992. – 157 p.
37. Riggs H.E. Managing high-technology companies. Lifetime Learning Publications. – Belmont, 1983. – 333 p.
38. <http://mvbiblioteka.su/tom3/2-74833.html>

A BRIEF REVIEW OF THE DEFINITION OF INNOVATION CONCEPTS

Kayumov Nuriddin Kayumovich

Doctor of Economics, professor, academician
Institute of economics and demography
National Academy of sciences of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Rizo str., 6a

Dovgyallo Yana Pavlovna

Candidate of economical sciences, leading researcher
Institute of economics and demography
National Academy of sciences of Tajikistan
734024, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Rizo str., 6a
Ph.: (+992) 93 504 85 89 (m.)
ydovgyallo@mail.ru

In the article various approaches to the interpretation of such concepts as innovation, innovation process, innovation activity are presented. The analysis of literary sources showed that some economists consider innovations as inventions or discoveries, others present them as a process of introducing scientific and technological achievements into production, and others - as a result obtained in the form of new goods, services or the latest methods of organizing the production process that were not previously presented on the market or were not used in the process of enterprise management. There is also a point of view that scientific and technological achievements can be considered innovations only if they are implemented on the market, i.e. in the process of their commercialization, and the end result is the satisfaction of the needs of society. Based on the generalization of positions of points of view, approaches to the interpretation of categories associated with the concept of innovation, the author defines innovations as fundamental ideas, inventions, discoveries, scientific and technological developments of an applied nature and designed to meet the needs of society. The innovation process is a set of measures to introduce innovations into production, and innovative activity is the direct production of innovative products using new technologies, equipment, new methods of organizing and managing production.

Keywords: innovation; innovation process; innovative activity; scientific and technological achievements; new methods of organizing and managing production; new technologies; commercialization of innovations.

ШАРҲИ МУХТАСАР ДАР БОРАИ ТАФСИРИ МАФҲУМИ ИННОВАТСИЯ

Каюмов Нуриддин Каюмович

Доктори илмҳои иқтисодӣ, профессор, академик,
Институти иқтисодиёт ва демография
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Ризо, ба

Довгялло Яна Павловна

Номзади илмҳои иқтисодӣ, ходими пешбари илмӣ
Институти иқтисод ва демография
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
734024, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Ризо, ба
Тел.: (+992) 93 504 85 89 (м.)
ydovgyallo@mail.ru

Дар мақола нуктаи назари гуногун оид ба мафҳумҳо, ба монанди инноватсия, раванди инноватсионӣ, фаъолияти инноватсионӣ пешниҳод карда мешавад. Таҳлили маъхазҳои адабӣ маълум гардид, ки баъзе иқтисодчиён навоариҳои ихтироъ ё кашфиёт мешуморанд, баъзеи дигар инноватсияро чараёни дар истеҳсолот ҷорӣ намудани комёбиҳои илму техника ва баъзеи дигар дар натиҷаи ба даст омада, ҳамчун маҳсулоти нав, хизматрасонӣ ва ё усули наватарини ташкили процесси истеҳсолот, ки пештар ба бозор пешниҳод нашудаанд ва ё дар процесси идоракунии корхона истифода нашудаанд, пешниҳод мекунад. Нуктаи назар низ мавҷуд аст, ки дастовардҳои илму техникаро танҳо дар сурати дар бозор, яъне дар чараёни тижоратикунонии онҳо ҷорӣ намудан ва натиҷаи ниҳойи қонеъ гардонидани талаботи ҷомеа шуданро метавон навоариҳои ҳисоб кард. Дар ин маврид муаллиф дар асоси таҳлил ба хулосае омадааст, ки инноватсия идеяҳои бунёди, ихтироъ, кашфиёт, таҳияи илмию техникае мебошанд, ки дар табиат татбиқ шуда, барои қонеъ гардонидани талаботи ҷомеа нигаронида шудаанд. Раванди инноватсионӣ маҷмӯи тадбирҳои ҷорӣ намудани навоариҳои дар истеҳсолот ва фаъолияти инноватсионӣ ин истеҳсоли бевоситаи маҳсулоти инноватсионӣ дар асоси технологияи нав, техника, усулҳои нави ташкил ва идоракунии истеҳсолот мебошад.

Калидвожаҳо: инноватсия; раванди инноватсионӣ; фаъолияти инноватсионӣ; дастовардҳои илму техника; усулҳои нави ташкил ва идоракунии истеҳсолот; технологияи нав; тижоратикунонии инноватсия.

УДК 620.9:336.7(575.3)

ПОДХОДЫ К МОНИТОРИНГУ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СЕКТОРА

Мукимова Наргис Рустамовна

Доктор экономических наук,
доцент кафедры экономики и управления производством
Таджикский технический университет имени академика М.С.Осими
734042, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. академиков Раджабовых, 10
Тел.: (+992) 900 25 18 01 (м.)
mnargis@yandex.ru

Сайфудинова Мавзуна Ильёсовна

Докторант PhD кафедры экономики и управления производством
Таджикский технический университет имени академика М.С.Осими
734042, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. академиков Раджабовых, 10
sayfudinovamavzuna@gmail.com

В статье рассматриваются подходы к оценке финансовой устойчивости предприятий энергетики с учётом особенностей этой отрасли и современных требований к цифровизации управления. Подчёркивается, что традиционные методы, основанные только на коэффициентах, не всегда дают полную картину и не отражают сложность функционирования капиталоемких и подверженных риску предприятий. В качестве альтернативы предложена комплексная система мониторинга, включающая пять ключевых направлений анализа: оценка ликвидности, структуры капитала, прибыльности, инвестиционной активности и способности предприятия адаптироваться к рискам. Все показатели предварительно нормализуются, что позволяет рассчитать сводный интегральный индекс финансовой устойчивости (ИФУ).

Для проверки эффективности данной методики она была применена к открытым данным ОАО «Барки Точик» за 2018-2023 гг. Выполнен прогноз ИФУ до 2030 года с использованием модели временных рядов ARIMA (1,1,0), дополненной 95%-ными доверительными интервалами. Полученные результаты свидетельствуют о низком уровне устойчивости предприятия и подтверждают, что предложенный подход может использоваться для регулярного анализа и стратегического управления финансовыми рисками в энергетическом секторе.

Ключевые слова: финансовая устойчивость; энергетика; мониторинг; интегральный индекс; нормализация; ARIMA; предиктивная аналитика; цифровые метрики; ОАО «Барки Точик».

Финансовая устойчивость является одной из ключевых характеристик любого предприятия, отражающей его способность эффективно функционировать и развиваться на долгосрочной основе. Она предполагает сохранение платежеспособности, поддержание оптимального баланса между

доходами и расходами, активами и обязательствами. Особенно актуально это понятие для энергетического сектора, который относится к капиталоемким и инфраструктурным отраслям. Состояние финансовой устойчивости энергетических предприятий напрямую влияет на стабильность энергоснабжения, уровень инвестиционной привлекательности отрасли и, в конечном итоге, на развитие экономики страны в целом.

Для обеспечения устойчивого развития энергетического сектора необходимо уделять особое внимание вопросам мониторинга финансовой устойчивости. Мониторинг представляет собой систематический процесс сбора, анализа и оценки финансовых показателей с целью своевременного выявления потенциальных рисков и управления ими. Однако существующая практика финансового анализа имеет ряд недостатков. Применяемые традиционные коэффициентные методы зачастую оказываются ограниченными, так как они не учитывают особенности жизненного цикла предприятия [11], также не содержат отраслевых индикаторов, специфичных для энергетики. Это затрудняет принятие эффективных решений, особенно в условиях нестабильной экономической ситуации.

Сегодня, когда мировая и национальная экономика сталкиваются с вызовами нестабильности, проблема обеспечения финансовой устойчивости предприятий приобретает особую значимость. Для промышленных и энергетических компаний финансовая устойчивость является не только отражением текущего состояния их деятельности, но и важнейшим условием повышения конкурентоспособности и обеспечения устойчивого долгосрочного развития. В этой связи одной из приоритетных задач управления становится формирование эффективных подходов и инструментов мониторинга финансовой устойчивости, способных учитывать специфику энергетического сектора и обеспечивать обоснованность принимаемых управленческих решений.

Вопросы анализа финансового состояния предприятий достаточно широко представлены в работах отечественных и зарубежных исследователей. В частности, исследования академика НАНТ Н.К.Каюмова были посвящены вопросам повышения эффективности использования материальных ресурсов и рентабельности в промышленности. Его фундаментальные работы [4; 5] заложили основу применения ресурсных и коэффициентных подходов при анализе финансового состояния предприятий. Существенный вклад также внес известный отечественный ученый-экономист Л.Х.Саидмуродзода, который акцентировал внимание на институциональных аспектах функционирования макроэкономики и финансового сектора Таджикистана. Его исследования подчеркивают важность структурных факторов в обеспечении финансовой устойчивости предприятий и доступности финансовых услуг в стране [13, с.14]. А.А.Мирзоалиев в своей статье [8] проанализировал, как применение международных стандартов способствует повышению прозрачности и достоверности финансовой информации в национальном контексте.

Современные исследования в области мониторинга финансовой устойчивости энергетического сектора опираются на работы современных

учёных и раскрывают актуальные методологические подходы. Так, М.Р.Кошонова и М.С.Сафарзода предложили комплекс методик оценки устойчивости, основанных на расчёте абсолютной и текущей ликвидности, коэффициента независимости и других ключевых показателей, адаптированных к экономическим реалиям страны [6]. В свою очередь А.С.Кретова [7] обосновала применение бальной шкалы и классификации рисков на основе анализа финансовых коэффициентов, что позволяет предприятиям своевременно выявлять и корректировать финансовые дисбалансы.

Таким образом, современная научная база объединяет классические методы коэффициентного анализа с целостными рисково-ориентированными подходами, что создаёт прочный фундамент для разработки системного мониторинга финансовой устойчивости энергетических компаний Республики Таджикистан. Важно отметить актуальность применения практико-ориентированных методов, учитывающих отраслевые особенности и уровень цифровой зрелости предприятий энергетического сектора.

Итак, опираясь на изложенное, можно утверждать, что методические подходы к мониторингу финансовой устойчивости предприятий, в том числе энергетического сектора, по-прежнему остаются недостаточно разработанными. Существенная часть проблем связана с отсутствием единого понятийного аппарата и целостного методологического подхода к определению сущности мониторинга финансового состояния предприятий.

В научной литературе термин «мониторинг» трактуется по-разному. Так, Е.С.Сазонова под мониторингом понимает систему непрерывного наблюдения за процессами развития предприятия с целью своевременного принятия управленческих решений [12]. По её мнению, финансовый мониторинг целесообразно подразделять на два основных блока: мониторинг финансовой деятельности предприятия (как процесса) и мониторинг финансового состояния (как характеристики финансового положения на определённый момент времени). На практике именно мониторинг финансовой деятельности, связанный с отслеживанием денежных потоков, движения капитала и использования привлечённых средств, является наиболее разработанным элементом. Данный вид мониторинга осуществляется большинством предприятий, поскольку он позволяет своевременно выявлять финансовые риски и принимать корректирующие меры.

В финансово-экономическом словаре под редакцией А.Г.Грязновой [17] мониторинг трактуется как система постоянного контроля, анализа и оценки ключевых экономических и финансовых показателей предприятия, направленная на своевременное выявление отклонений и принятие эффективных управленческих решений. Мониторинг охватывает все уровни управления – от оперативного контроля на местах до анализа финансового состояния организации в целом. Особое внимание уделяется таким аспектам, как состояние производственной программы, выполнение бизнес-плана, анализ смет затрат, а также управление дебиторской и кредиторской задолженностью. Таким образом, мониторинг выполняет

важнейшую функцию в системе управления, обеспечивая руководство предприятия объективной и своевременной информацией для принятия решений.

Современные подходы к определению финансового мониторинга всё чаще связывают его с цифровизацией финансового контроля. Е. Ю. Омельченко в статье «Финансовый мониторинг как инструмент финансового контроля в условиях цифровизации» [10] подчёркивает, что это система, использующая IT-решения для автоматизированного и непрерывного наблюдения за основными финансовыми показателями. Особенно выделены возможности обработки больших данных и построения моделей на основе искусственного интеллекта для реального времени выявления отклонений и антимошеннического контроля

В контексте энергетического сектора это означает переход от традиционных периодических проверок к системе реального мониторинга денежных потоков, затрат и обязательств, построенной на цифровых платформах и аналитике данных. Такой подход значительно повышает оперативность реакции на финансовые риски и усиливает управляемость устойчивостью предприятия. А. Д. Ахророва, Р. М. Аминджанов и К. А. Доронкин в своей статье «Энергетика и проблемы устойчивого развития Таджикистана» говорят о том, что высокая капиталоемкость, технологическая сложность и зависимость от внешних факторов делают энергетическую отрасль особенно уязвимой к финансовым рискам и колебаниям внешней среды [1]. В этой связи ключевым становится внедрение механизмов постоянного анализа и мониторинга финансового состояния предприятий, основанных не только на традиционных коэффициентах, но и на учёте отраслевых рисков, инвестиционных циклов и системной зависимости от государственных и международных программ.

Современные подходы к финансовому мониторингу всё чаще связывают его с цифровизацией финансового контроля. Например, в статье «Big Data как инструмент обеспечения эффективных управленческих решений организации в области планирования и прогнозирования» [3] авторы отмечают, что анализ больших данных позволяет в реальном времени выявлять отклонения финансовых показателей от плановых значений и формировать решения, основанные на учёте ключевых факторов, влияющих на устойчивость организации

В контексте энергетической отрасли Таджикистана это означает необходимость построения информационных систем мониторинга, способных отслеживать и прогнозировать финансовые потоки, затраты на капиталоемкие проекты и долговую нагрузку в режиме реального времени. Такой подход обеспечит оперативное управление рисками и повышение устойчивости предприятий к внешним шокам.

Таким образом, мониторинг финансовой устойчивости предприятий энергетического сектора Таджикистана представляет собой непрерывный, системный и технологически обеспеченный процесс сбора, анализа и интерпретации финансово-экономической информации, направленный на выявление рисков, прогнозирование критических изменений и принятие

обоснованных управленческих решений в целях обеспечения стабильности и развития предприятий в условиях внутренней и внешней нестабильности.

Учитывая специфику энергетической отрасли республики – её высокую капиталоемкость, технологическую сложность, зависимость от инвестиционных программ и внешнеэкономических факторов – мониторинг должен включать в себя не только традиционные инструменты финансового анализа, но и опираться на современные цифровые технологии: автоматизированные информационные платформы, системы обработки больших данных и элементы искусственного интеллекта. Такой подход позволяет не просто фиксировать текущее состояние, но и в режиме реального времени выявлять потенциальные угрозы, моделировать сценарии развития и своевременно корректировать стратегию управления.

Следует отметить, что именно мониторинг финансовой деятельности сегодня является наиболее проработанным элементом системы. Особенно это актуально для предприятий энергетического сектора, где управление денежными потоками, инвестициями и кредитной нагрузкой требует особого внимания в условиях нестабильной макроэкономической среды.

С учётом особенностей экономики Республики Таджикистан и её ориентации на развитие гидроэнергетического потенциала, особое значение приобретает разработка адаптированных методик финансового мониторинга именно для предприятий энергетического сектора. Это требует внедрения современных цифровых решений, развития кадрового потенциала и формирования эффективной нормативной базы. Только комплексный подход позволит обеспечить высокий уровень финансовой устойчивости энергетических компаний страны.

Существующие подходы к мониторингу к финансовой устойчивости можно классифицировать следующим образом (см.табл.1).

Таблица 1 – Существующие подходы к мониторингу к финансовой устойчивости

Подход	Краткая характеристика	Основные недостатки
Коэффициентный	Оценка устойчивости на основе расчёта финансовых коэффициентов (ликвидность, рентабельность, автономия и др.)	Не учитывает динамику развития предприятия, специфические факторы отрасли и инвестиционный цикл
Интегральный	Построение сводного индекса или агрегированного показателя устойчивости на основе ряда финансовых и экономических данных	Сложность нормализации показателей; ограниченная применимость в отраслях с нестабильной доходностью

Подход	Краткая характеристика	Основные недостатки
Бенчмаркинг	Сравнительный анализ с аналогичными предприятиями или отраслевыми стандартами	Зависит от доступности и достоверности внешней информации; не учитывает уникальность предприятия
PEST/PESTEL-анализ	Оценка влияния политических, экономических, социальных, технологических и экологических факторов	Не даёт количественной оценки текущей финансовой устойчивости; не отражает внутренние финансовые процессы
Сценарный подход	Моделирование развития предприятия при различных макро- и микроэкономических сценариях	Требует точных исходных данных и качественной аналитики; высокая чувствительность к ошибкам прогнозирования
Интегрированный рисковый	Комбинирует анализ финансовой устойчивости с оценкой внутренних и внешних рисков	Сложность реализации, необходимость создания обширной базы рисков и их весовой оценки
Цифровой мониторинг	Использует цифровые платформы, Big Data и AI для отслеживания отклонений и прогнозирования показателей устойчивости	Требует значительных IT-ресурсов и организационной перестройки процессов финансового контроля

Источник: составлено на основе [2; 9; 16; 18]

Представляется целесообразным предложить усовершенствованную комплексную систему мониторинга финансовой устойчивости, интегрирующую как традиционные подходы (коэффициентный, сравнительный, интегральный), так и современные цифровые инструменты анализа, включая элементы анализа больших данных, автоматизированной визуализации и предиктивной аналитики.

Разработанная система базируется на модульной структуре и охватывает пять ключевых блоков показателей, обеспечивающих многоаспектное представление о текущем и перспективном финансовом состоянии предприятия. Каждый блок дополняется цифровыми метриками, отражающими адаптацию мониторинга к современным управленческим требованиям.

Таблица 2 – Блок 1. Ликвидность и платёжеспособность

Показатель	Формула	Интерпретация	Нормализация
Коэффициент текущей ликвидности	Оборотные активы / Краткосрочные обязательства	Норма > 1	$x^{norm} = \min(1, \frac{x}{1})$
Абсолютная ликвидность	Денежные средства / Краткосрочные обязательства	Норма > 0,2	$x^{norm} = \min(1, \frac{x}{0,2})$
Покрытие краткосрочных долгов	(ДС + Дебиторы < 90 дней) / Краткосрочные долги	Цифровой показатель, вычисляется динамически	Нормируется методом Min-Max по историческим данным
Коэффициент покрытия процентов	EBITDA / Проценты к уплате	Желательно > 1,5	$x^{norm} = \min(1, \frac{x}{1,5})$
Скорость платёжных операций	Среднее время обработки счёта (из ERP-систем)	Норма зависит от отрасли	Обратная нормализация: $x^{norm} = \frac{x_{max} - x}{x_{max} - x_{min}}$

Источник: составлено авторами.

Таблица 3 -Блок 2. Финансовая структура и устойчивость капитала

Показатель	Формула	Интерпретация	Нормализация
Коэффициент автономии	Собственный капитал / Валюта баланса	Доля собственных средств; норма > 0,5	$x^{norm} = \min(1, \frac{x}{0,5})$
Коэффициент задолженности	Обязательства / Собственный капитал	Предпочтительно < 1	Обратная нормализация: $x^{norm} = \frac{x_{max} - x}{x_{max} - x_{min}}$
Коэффициент обеспеченности	Собственный капитал / Внеоборотные активы	Способность финансировать долгосрочные активы	Min-Max нормализация
Лeverидж	Общие активы / Собственный капитал	Уровень заимствований	Обратная нормализация
Индекс концентрации долгов	Топ 5 кредиторов / Общий долг	Зависимость от крупных кредиторов	Min-Max нормализация

Источник: составлено авторами.

Таблица 4 – Блок 3. Рентабельность и эффективность

Показатель	Формула	Интерпретация	Нормализация
ROA	Чистая прибыль / Активы	Эффективность использования активов	Min-Max нормализация
ROE	Чистая прибыль / Собственный капитал	Доходность собственного капитала	Min-Max нормализация
Рентабельность продаж	Прибыль от продаж / Выручка	Доля прибыли на выручку	Min-Max нормализация
Рентабельность инвестиций	Прибыль / Объём инвестиций	Эффективность вложений	Min-Max нормализация
Цифровая отдача	Прибыль от автоматизации / Затраты на ИТ	Результативность цифровых инициатив	Min-Max нормализация

Источник: составлено авторами.

Таблица 5 – Блок 4. Инвестиционная и инновационная активность

Показатель	Формула	Интерпретация	Нормализация
Доля капвложений в выручке	Капвложения / Выручка	Интенсивность инвестиционной политики	Min-Max нормализация
Амортизация / Капвложения	Амортизация / Капвложения	Соотношение восстановления и инвестиций	Min-Max нормализация
Доля цифровых активов в ИС	Цифровые активы / Внеоборотные активы	Уровень цифровизации основных средств	Min-Max нормализация
Инвестиции в ИТ и ИИ	Расходы на ИТ / Выручка	Приоритет цифровых технологий	Min-Max нормализация
Отдача на инновации (Digital ROI)	Эффект от цифровизации / Затраты	Рентабельность цифровых и инновационных проектов	Min-Max нормализация

Источник: составлено авторами

Таблица 6 – Блок 5. Риски и адаптивность

Показатель	Описание	Интерпретация	Нормализация
Индекс финансового давления (ИФД)	Композитный показатель уязвимости к финансовым рискам	> 0.6 — зона риска, требует мер	Обратная нормализация: $x^{norm} = 1 - \min(1, \frac{x}{0.6})$
PESTEL-риск-фактор	Оценка угроз макросреды (политика, экономика и др.)	Помогает выявить внешние угрозы	Min-Max нормализация
Индекс антикризисной устойчивости	Оценка стрессоустойчивости	Способность противостоять шокам	Min-Max нормализация
Индекс цифровой зрелости	Уровень интеграции цифровых решений в управлении	Высокие значения — готовность к трансформации	Min-Max нормализация
Индекс отклонений по план-факт	Расхождение фактических и плановых показателей	Оценка качества планирования	Обратная нормализация

Источник: составлено авторами.

Для сопоставления и агрегирования разнотипных показателей в рамках интегральной модели мониторинга применяется нормализация — приведение значений всех показателей к единому шкальному диапазону $[0;1]$. Это необходимо для корректного расчёта индексов блоков и сводного интегрального индикатора устойчивости.

Используются три метода нормализации:

Прямая нормализация — применяется к показателям, где «чем больше — тем лучше» (например, рентабельность):

$$x^{norm} = \min(1, \frac{x}{x_{target}}) \quad (1)$$

Обратная нормализация — применяется, если «чем меньше — тем лучше» (например, скорость платёжных операций):

$$x^{norm} = 1 - \min(1, \frac{x}{x_{threshold}}) \quad (2)$$

Min-Max нормализация — используется, если показатель не имеет фиксированной нормативной границы или зависит от внутренней динамики:

$$x^{norm} = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}} \quad (3)$$

При этом, если показатель нежелателен в высоких значениях, используется обратная форма:

$$X^{\text{norm}} = \frac{x_{\text{max}} - x}{x_{\text{max}} - x_{\text{min}}} \quad (4)$$

Нормализация позволяет учитывать разнонаправленные по смыслу параметры и обеспечить адекватную интеграцию их в комплексную систему оценки.

В целях верификации и демонстрации прикладной применимости предложенной усовершенствованной системы мониторинга финансовой устойчивости была проведена её экспериментальная апробация на основе публичной отчётности ОАО «Барки Точик» за 2018–2023 гг. Методика, как было описано выше, интегрирует пять ключевых блоков оценки (ликвидность, структура капитала, рентабельность, инвестиционная активность и адаптивность к рискам) и использует нормализованные показатели, приведённые к шкале [0;1].

Для каждого года рассчитывались нормализованные блоковые индексы. Далее, на основе простой средней арифметической по каждому году, формировался интегральный индекс финансовой устойчивости (ИФУ).

$$\text{ИФУ} = \frac{I_1 + I_2 + I_3 + I_4 + I_5}{5} \quad (5)$$

Результаты представлены в таблице 7, а на рисунке 1 приводится динамика показателей финансовой устойчивости ОАО «Барки Точик» за 2018-2023 гг.

Таблица 7 - Нормализованные значения показателей по блокам и интегрального индекса финансовой устойчивости ОАО «Барки Точик» за 2018-2023 гг.

Год	Блок 1	Блок 2	Блок 3	Блок 4	Блок 5	ИФУ
2018	0,18	0,10	0,05	0,25	0,20	0,156
2019	0,20	0,12	0,06	0,26	0,21	0,170
2020	0,22	0,10	0,07	0,28	0,23	0,180
2021	0,24	0,08	0,10	0,30	0,26	0,196
2022	0,26	0,08	0,10	0,31	0,28	0,206
2023	0,28	0,07	0,08	0,33	0,30	0,212

Источник: рассчитано авторами

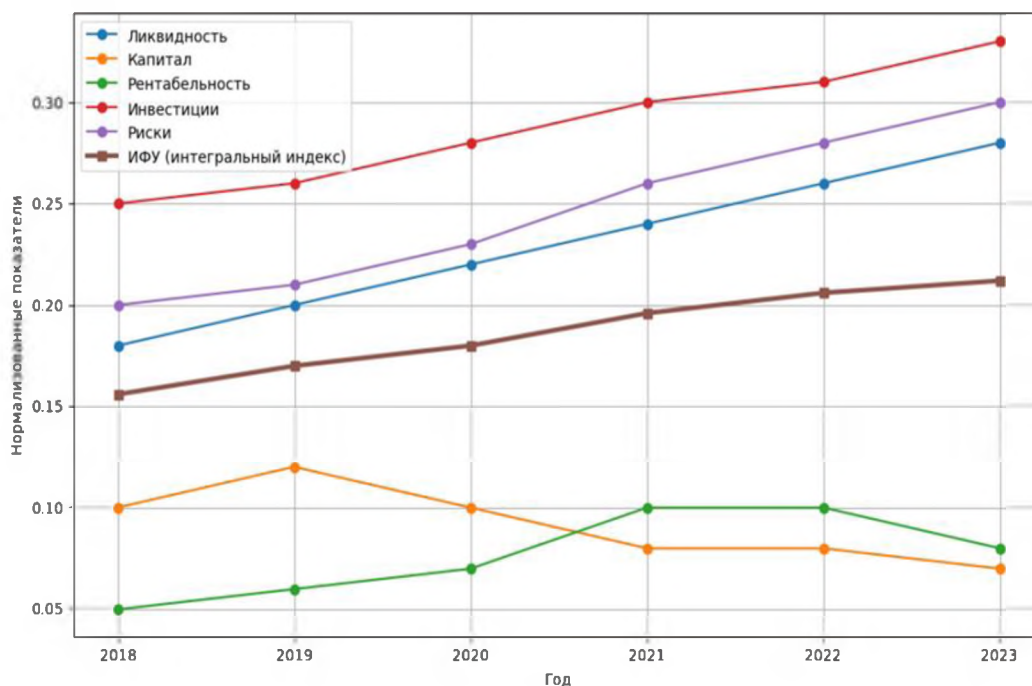

**Рисунок 1 – Динамика показателей финансовой устойчивости
ОАО «Барки Точик» за 2018-2023 гг.**

Источник: составлено авторами.

Полученные значения ИФУ в диапазоне от 0,156 до 0,212 позволяют с уверенностью утверждать, что предприятие находится в зоне низкой финансовой устойчивости. Несмотря на незначительное улучшение отдельных показателей — в частности, связанных с инвестиционной активностью и цифровой зрелостью, — общая картина остаётся неблагоприятной. Причинами этого служат:

- отрицательный собственный капитал;
- накопленные убытки свыше 31,5 млрд сомони к концу 2023 года;
- хроническая убыточность;
- высокое долговое бремя и зависимость от внешнего финансирования.

Особенно критичными остаются значения по блокам 2 (структура капитала) и 3 (рентабельность), где нормализованные индексы не превышают 0,10, что подтверждает системные финансовые дисбалансы.

Для построения прогноза динамики интегрального индекса финансовой устойчивости (ИФУ) на период с 2024 по 2030 год была применена модель временного ряда ARIMA (Autoregressive Integrated Moving Average). Данный метод широко используется для анализа и прогнозирования экономических и финансовых показателей, характеризующихся как трендами, так и колебаниями.

Модель ARIMA сочетает в себе авторегрессию (AR), интегрирование (I) для устранения нестационарности ряда и скользящее среднее (MA), что позволяет

выявлять и учитывать автокорреляционные зависимости, а также адаптироваться к трендам и изменениям уровня данных во времени.

В нашем исследовании использовалась конфигурация модели ARIMA (1,1,0), означающая один лаг авторегрессии, первое дифференцирование для стабилизации ряда и отсутствие компоненты скользящего среднего. Такая модель показала адекватное соответствие историческим данным и позволяет делать обоснованные прогнозы с учетом имеющихся колебаний индекса.

В дополнение к точечному прогнозу рассчитаны 95% интервалы доверия, которые отражают статистическую неопределённость прогноза. Интервал доверия указывает диапазон значений, в котором с вероятностью 95% ожидается реальное значение ИФУ в прогнозируемый период (рис.2).

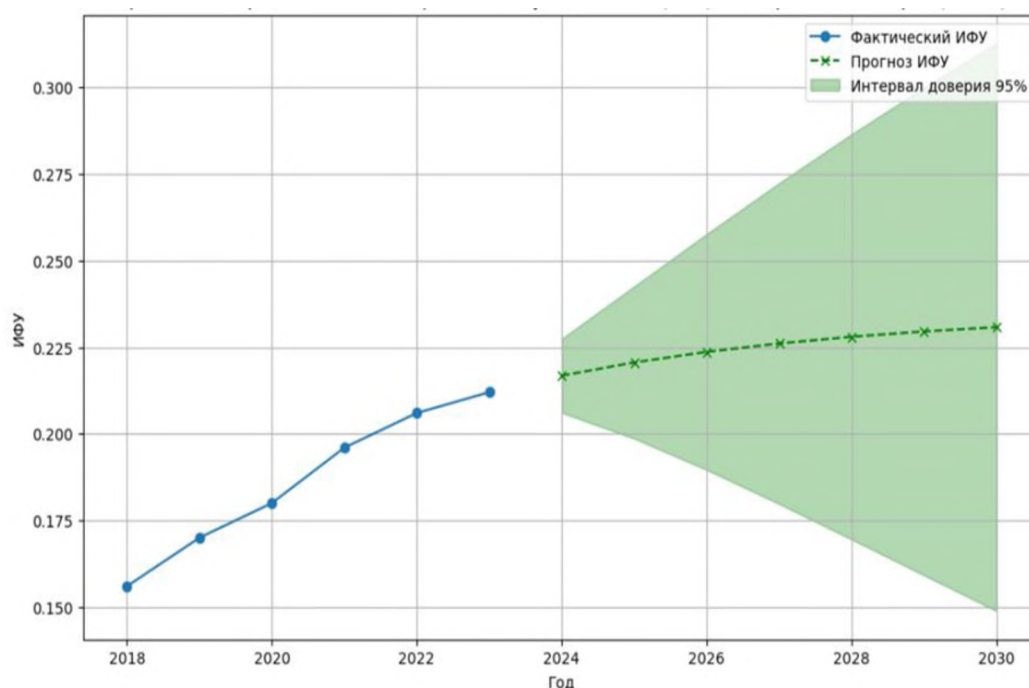

Рисунок 2 – Прогноз интегрального индекса финансовой устойчивости с интервалами доверия (ARIMA)

Источник: составлено авторами.

Ширина интервала демонстрирует степень надёжности и точности прогноза: более узкий интервал свидетельствует о высокой уверенности модели, тогда как широкий — о повышенной неопределённости. Наличие интервала доверия важно для принятия взвешенных решений и оценки возможных рисков, связанных с прогнозируемым финансовым состоянием предприятия.

Таким образом, проведенная апробация предложенной системы мониторинга показала её практическую применимость для оценки финансовой устойчивости ОАО «Барки Точик» на основе открытой отчётности. Использование нормализованных блоков и интегрального индекса обеспечивает достаточную аналитиче-

скую точность даже при ограниченном объёме исходных данных. Благодаря интеграции цифровых метрик и возможности включения инструментов предиктивной аналитики методика может быть успешно адаптирована к задачам стратегического управления, особенно в условиях доступности ERP-систем и накопленных цифровых потоков. Полученные результаты анализа свидетельствуют о низкой финансовой устойчивости ОАО «Барки Точик» в течение всего рассматриваемого периода, что подчёркивает необходимость принятия комплексных мер по стабилизации, оптимизации структуры капитала и пересмотру операционной модели компании.

Литература

1. Ахророва А. Д. Энергетика и проблемы устойчивого развития Таджикистана [Электронный ресурс] / А. Д. Ахророва, Р. М. Аминджанов, К. А. Доронкин // ЭНЕР. – 2003. – №4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/energetika-i-problemy-ustovchivogo-razvitiya-tadzhikistana> (дата обращения: 29.06.2025).
2. Бурханов А. Финансовая устойчивость предприятий: теория и практика [Электронный ресурс] // Архив научных исследований. – 2020. – №1(24-25). – Режим доступа: <https://ejournal.tsue.uz/index.php/archive/article/view/2787> (дата обращения: 29.06.2025).
3. Иост Д. А. Big Data как инструмент обеспечения эффективных управленческих решений организации в области планирования и прогнозирования [Электронный ресурс] / Д. А. Иост, И. В. Ким, С. А. Шевченко, Е. В. Кузьмина // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2024. – №5-1 (111). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/big-data-kak-instrument-obespecheniya-effektivnyh-upravlencheskih-resheniy-organizatsii-v-oblasti-planirovaniya-i-prognirovaniya> (дата обращения: 29.06.2025).
4. Каюмов Н. К. Обратные производственные фонды легкой промышленности Таджикистана и их использование. – Душанбе: Дониш, 1975. – 206 с.
5. Каюмов Н. Рентабельность производства и резервы ее повышения в масложировой промышленности Таджикистана: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.00 / Каюмов Нуриддин; [Тадж. гос. ун-т им. В. И. Ленина]. – Душанбе: [б. и.], 1967. – 27 с.
6. Кошонова М. Р., Сафарзода М. С. Методы анализа финансовой устойчивости малых предприятий в Республике Таджикистан // Финансово-экономический вестник. – 2022. – №3 (32). – С. 29-39.
7. Кротова А. С. Анализ финансовой устойчивости энергетических компаний для целей управления финансовыми рисками [Электронный ресурс] // Вестник Академии знаний. – 2022. – №2 (49). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-finansovoy-ustovchivosti-energeticheskikh-kompaniy-dlya-tseley-upravleniya-finansovymi-riskami> (дата обращения: 21.06.2025).
8. Мирзоалиев А. А. Влияние МСФО на практику финансовой отчетности в Таджикистане // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – Вып. 6. – С. 92-98.
9. Насыбулина В. П. В. Современные показатели анализа финансовой устойчивости предприятия [Электронный ресурс] / В. П. Насыбулина, А. И. Стадник, Д. В. Петров // Теория и практика общественного развития. – 2015. – №9. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-pokazateli-analiza-finansovoy-ustovchivosti-predpriyatiya> (дата обращения: 29.06.2025).
10. Омельченко Е. Ю. Финансовый мониторинг как инструмент финансового контроля в условиях цифровизации // Финансовый мониторинг: теория и практика. – 2024. – №4. – DOI: 10.36871/ek.up.p.r.2024.04.08.006.

11. Павлова И. А. Ограниченность применения существующих методик к мониторингу финансовой устойчивости организации с учетом ее жизненного цикла // Дайджест-финансы. – 2008. – №1. – С.51-54.
12. Сазонова Е.С. Мониторинг финансовой устойчивости как составляющая эффективного управления предприятия [Электронный ресурс] // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2016. – №9 (67). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/monitoring-finansovoy-ustoychivosti-kak-sostavlyayuschaya-effektivnogo-upravleniya-predpriyatiya> (дата обращения: 21.06.2025).
13. Саидмуродов Л.Х. Основные направления улучшения инвестиционного климата в Республике Таджикистан // Экономика Таджикистана. – 2019. – №1. – Душанбе, 2019. – С.17-23.
14. Саидмуродов Л. Х. Экономическая теория открытого хозяйства и проблемы современного Таджикистана. – Душанбе: Ирфон, 2005. – 62 с.
15. ОАО «Барки Точик». Консолидированная финансовая отчетность за 2019, 2021, 2023 гг. – Душанбе, 2020-2024.
16. Омельченко Е.Ю. Финансовый мониторинг как инструмент финансового контроля в условиях цифровизации // Экономика и управление: теория и практика. – 2024. – №4. – С.74-78. – Режим доступа: https://s-lib.com/issues/eiu_2024_04_v8_a6 (дата обращения: 29.06.2025).
17. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А.Г.Грязновой; авт. кол.: А.Г.Грязнова, О.И.Лаврушин, Г.С.Панова [и др.]. – М.: Финансы и статистика, 2002. – 1168с.
18. Шеремет А.Д., Козельцева Е.А. Финансовый анализ: учеб.-метод. пособие. – М.: МГУ им. М.В.Ломоносова, 2020. – 200 с.

APPROACHES TO MONITORING FINANCIAL STABILITY OF THE ENERGY SECTOR

Mukimova Nargis Rustamovna

Doctor of economical sciences,
associate professor of the chair of economics and production management
Tajik technical university of M.S.Osimi
734042, Republic of Tajikistan, Dushanbe, academicians Radabovs ave, 10
Ph.: (+992) 900 25 18 01 (m.)
mnargis@yandex.ru

Sayfudinova Mavzuna Ilyosovna

PhD student of the chair of economics and production management
Tajik technical university of M.S.Osimi
734042, Republic of Tajikistan, Dushanbe, academicians Rajabovs ave, 10
sayfudinovamavzuna@gmail.com

The article deals with approaches to assessing the financial stability of energy enterprises taking into account the specifics of this industry and modern requirements for digitalization of management. It is emphasized that traditional methods based only on coefficients do not always provide a complete picture and do not reflect the complexity of the functioning of capital-intensive and risk-prone enterprises. As an alternative, a comprehensive monitoring system is proposed, including five key areas of analysis: as-

assessment of liquidity, capital structure, profitability, investment activity and the ability of the enterprise to adapt to risks. All indicators are pre-normalized, which allows calculating a consolidated integral index of financial stability (IFS).

To test the effectiveness of this methodology, it was applied to open data of Barqi Tojik OJSC for 2018-2023. A forecast of the IFS until 2030 was made using the ARIMA (1,1,0) time series model, supplemented by 95% confidence intervals. The results obtained indicate a low level of enterprise stability and confirm that the proposed approach can be used for regular analysis and strategic management of financial risks in the energy sector.

Keywords: financial stability; energy; monitoring; integral index; normalization; ARIMA; predictive analytics; digital metrics; Barqi Tojik OJSC.

УСУЛҲОИ МОНИТОРИНГИ УСТУВОРИИ МОЛИЯВӢ ДАР СОҲАИ ЭНЕРГЕТИКА

Мукимова Наргис Рустамовна

Доктори илмҳои иқтисод,
дотсенти кафедраи иқтисодиёт ва идоракунии дар истеҳсолот»
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М.Осимӣ
734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. академик Раҷабовҳо, 10
Тел.: (+992) 900 25 18 01 (м.)
mnargis@yandex.ru

Сайфудинова Мавзуна Илёмовна

Докторанти кафедраи иқтисод ва идоракунии истеҳсолоти
Донишгоҳи техникии Тоҷикистон ба номи академик М.Осимӣ
734042, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Академик Раҷабовҳо, 10
sayfudinovamavzuna@gmail.com

Дар мақола равишҳои барои арзёбии устувории молиявии корхонаҳои энергетикӣ бо назардошти хусусиятҳои ин соҳа ва талаботи муносири рақамсозии идоракунии баррасӣ карда мешаванд. Таъкид карда мешавад, ки усулҳои анъанавӣ, ки танҳо ба зарифҳои асос ёфтаанд, на ҳамеша тасвири пурра медиҳанд ва мураккабии ғайриқаблӣ корхонаҳои сармояталаб ва хавфнокро инъикос намеkunанд. Дар мақола, низомии ҳамаҷонибаи мониторинг пешниҳод карда мешавад, ки панҷ самти асосии таҳлилро, яъне арзёбии пардохтпазирӣ, сохтори сармоя, даромаднокӣ, ғайриқаблӣ сармоягузорӣ ва қобилияти корхона барои мутобик шудан ба ҳарфҳои дар бар мегирад. Ҳамаи нишондиҳандаҳои пешақӣ муқаррар карда мешаванд, ки ба ҳисоб кардани индекси интегралӣ ҷамъбасти устувории молиявӣ имкон медиҳад.

Ин усул барои исботи самаранокии он, ба маълумоти расмӣ ҚСШК "Барқи Тоҷик" барои солҳои 2018-2023 истифода шуда, инчунин пешгӯии Индекси устувории молиявӣ то соли 2030 бо истифода аз модели қаторҳои вақти ARIMA (1,1,0), ки бо фосилаҳои 95%-и эътимоднокӣ, иҷро карда шудааст. Натиҷаҳои бадастомада сатҳи пасти устувории корхонаро нишон медиҳанд ва тасдиқ мекунанд, ки усули пешниҳодшуда метавонад барои таҳлили мунтазам ва идоракунии стратегияи хавфҳои молиявӣ дар бахши энергетика истифода бурда шавад.

Калидвожаҳо: устувории молиявӣ; энергетика; мониторинг; индекси маҷмӯӣ; нормализатсия; ARIMA; таҳлили пешгӯишаванда; метрикаҳои рақамӣ; ҚСШК «Барқи Тоҷик».

УДК 338.22(575.3)

АНАЛИЗ КРОСС-УРОВНЕВОГО МОДЕРАТОРНОГО ЭФФЕКТА ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УНИВЕРСИТЕТАХ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ НАМЕРЕНИЙ СРЕДИ СТУДЕНТОВ

Лю Цзяньвей

Доктор экономических наук
Синьцзянский педагогический университет
Китай, Синьцзян, Синьши, Урумчи, 239 Каши Е Рд
www.xjnu.edu.cn

Основываясь на теории самоэффективности, автор данного исследования посредством построения кросс-уровневой модели анализирует взаимосвязь между предпринимательским энтузиазмом, креативностью и предпринимательскими намерениями студентов, а также медирующую роль предпринимательской самоэффективности и модераторный эффект организационной поддержки предпринимательства. В результате анкетного опроса было установлено, что предпринимательский энтузиазм и креативность оказывают значительное положительное влияние на формирование предпринимательских намерений студентов; предпринимательская самоэффективность играет частичную медирующую роль. Организационная поддержка предпринимательства положительно модифицирует взаимосвязь между предпринимательским энтузиазмом и предпринимательской самоэффективностью, но при этом оказывает негативное модераторное влияние на взаимосвязь между креативностью и предпринимательской самоэффективностью. На основе полученных данных предлагаются меры по повышению уровня предпринимательства среди студентов через развитие креативного мышления, предпринимательского энтузиазма и самоэффективности, а также путем оптимизации и усовершенствования системы поддержки предпринимательства.

Ключевые слова: предпринимательские намерения; предпринимательский энтузиазм; креативность; поддержка предпринимательства; предпринимательская самоэффективность.

1. Контекст исследования

Предпринимательство является движущей силой экономического развития. Будучи носителями передовых научных знаний, студенты обладают высоким уровнем подготовки и сильными инновационными способностями. В связи с этим в университетах разных стран активно внедряются различные меры и стимулы, направленные на развитие студенческого предпринимательства, что привлекает все большее внимание исследователей. Предпринимательство не только придает дополнительный импульс социально-экономическому развитию, но и создает широкие возможности трудоустройства для высококвалифицированных специалистов. Поэтому изучение факторов, влияющих на предпринимательскую

деятельность студенческой аудитории, имеет важное теоретическое и практическое значение.

Предпринимательские намерения являются лучшим предиктором предпринимательского поведения и ключевым аспектом его понимания [6]. Существуют два основных направления исследований в данной области. Первое направление фокусируется на индивидуальных факторах, таких как личностные качества, креативность и предпринимательский энтузиазм. Второе направление концентрируется на организационных факторах, таких как уровень университета, нормативная среда и поддержка предпринимательства. Однако в этих исследованиях есть ряд ограничений:

Во-первых, оба направления развиваются относительно независимо и основаны на изучении главных эффектов. В то же время существует нехватка комплексных исследований, объединяющих индивидуальные и организационные факторы для объяснения формирования предпринимательских намерений. Ученые призывают к углубленному изучению модераторного эффекта организационной поддержки предпринимательства в процессе формирования намерений [10].

Во-вторых, предпринимательский энтузиазм как эмоционально-мотивационный фактор на индивидуальном уровне привлекает все больше внимания в исследованиях предпринимательства. Однако большинство исследований сосредоточено на предпринимателях, тогда как остается неясным, каким образом и в какой степени предпринимательский энтузиазм у непредпринимателей влияет на их намерение заниматься предпринимательством [3].

В-третьих, в существующих исследованиях индивидуальные факторы рассматриваются в изоляции. Влияние когнитивных способностей, компетенций и эмоциональной мотивации на предпринимательские намерения изучается отдельно, а комплексных исследований, объединяющих эти аспекты, крайне мало [9]. Необходимо всестороннее изучение механизма взаимодействия когнитивных, компетентностных и эмоциональных факторов в процессе формирования предпринимательского поведения.

В-четвертых, источники измерения переменных имеют определенные ограничения. В большинстве исследований организационные факторы университетов оцениваются через субъективное восприятие респондентов, что приводит к однотипности данных. Этот подход подвергается критике из-за возможных искажений, таких как социально ожидаемое поведение, эффект одобрения или ретроспективные ошибки [5]. Исследования показали, что существует разница между субъективным восприятием индивида и объективной оценкой со стороны организаторов процесса [2]. Использование многослойных данных из разных источников играет важную роль в повышении качества исследований.

Учитывая указанные ограничения, в данной работе на основе теории самоэффективности предложена интегрированная модель, объединяющая индивидуальные факторы (предпринимательский энтузиазм, креативность, предпринимательская самоэффективность) и организационные факторы (поддержка предпринимательства) для анализа механизмов их влияния.

2. Теоретическая основа и гипотезы

2.1. Теория самоэффективности

А.Бандура разработал теорию самоэффективности, чтобы объяснить причины возникновения поведения в конкретных ситуациях и его влияние на дальнейшие действия. Самоэффективность, как субъективная самооценка индивида, формируется не произвольно, а на основе определенного опыта или информации [1]. В процессе взаимодействия человека с окружающей средой он получает различные типы информации, которая после когнитивной обработки формирует его ощущение самоэффективности.

А.Бандура выделил четыре основных источника формирования самоэффективности:

Личный опыт – восприятие собственных достижений в ходе выполнения реальной деятельности.

Косвенное обучение – наблюдение за опытом и достижениями других людей с последующим сравнением с собой.

Вербальное убеждение – устные наставления и убеждения со стороны окружающих о способности индивида справиться с определенной задачей.

Психологическое и эмоциональное состояние – реакция организма на выполнение определенного задания, включая уровень стресса, тревожности или уверенности.

Самоэффективность формируется под влиянием одного или нескольких из этих факторов и должна быть ориентирована на конкретную область. В сфере предпринимательства Чэнь и др. [4] предложили понятие предпринимательской самоэффективности, определяя его как убежденность личности в своей способности успешно выполнять предпринимательские задачи и роли.

2.2. Влияние предпринимательского энтузиазма на предпринимательские намерения

Предпринимательский энтузиазм представляет собой осознанный, устойчивый, доступный, крайне позитивный и интенсивный эмоциональный опыт. Он служит мотивирующей силой, побуждающей предпринимателей настойчиво и инициативно участвовать в предпринимательской деятельности. Энтузиазм является ключевым фактором в формировании предпринимательских намерений и объяснении механизма их возникновения.

Люди, обладающие предпринимательским энтузиазмом, испытывают яркие положительные эмоции при вовлечении в предпринимательскую деятельность. Это отражает их более высокий уровень приверженности предпринимательским целям и стремление к самореализации. Под воздействием этих эмоций у них формируется сильная мотивация, которая повышает их желание участвовать в предпринимательских активностях. По мере развития когнитивных процессов и появления идей потенциальные предприниматели начинают превращать свои замыслы в конкретные намерения к действию.

Гипотеза 1: Предпринимательский энтузиазм оказывает значительное положительное влияние на предпринимательские намерения.

2.3. Влияние креативности на предпринимательские намерения

Креативность представляет собой способность индивида генерировать новые и полезные идеи. Она тесно связана с предпринимательством и считается ключевым фактором в формировании предпринимательских намерений. Предпринимательская деятельность является результатом влияния креативности, так как она играет решающую роль в процессе выявления рыночных возможностей.

Креативные личности склонны к созданию уникальных и инновационных идей, которые могут оказывать положительное влияние на рынок. Процесс генерации идей представляет собой начальный этап идентификации предпринимательских возможностей, что, в свою очередь, ведет к формированию соответствующих намерений и действий.

Кроме того, способность коммерциализировать оригинальные идеи требует от креативных людей поиска альтернативных путей решения проблем или получения новой информации. Эти процессы сопровождаются возникновением предпринимательских намерений и поведенческих проявлений.

Таким образом, креативность является движущей силой, способствующей генерации инновационных идей. Предыдущие исследования уже установили связь между созданием новых концепций, решением проблем и предпринимательскими намерениями.

Гипотеза 2: Креативность оказывает значительное положительное влияние на предпринимательские намерения.

2.4. Опосредующая роль предпринимательской самооффективности

Предпринимательская самооффективность – это убежденность человека в своей способности успешно выполнять предпринимательские роли и задачи. Согласно теории самооффективности, предпринимательская самооффективность играет опосредующую роль в связи между предпринимательским энтузиазмом, креативностью и предпринимательскими намерениями.

Предпринимательский энтузиазм способствует развитию уверенности в себе в процессе предпринимательской деятельности и связан с высоким уровнем предпринимательской самооффективности. Это влияние проявляется через несколько механизмов: Во-первых, мотивация к настойчивости и активности. Энтузиазм является движущей силой, побуждающей человека упорно преодолевать трудности, активно участвовать в предпринимательских процессах и накапливать практический опыт. Это способствует развитию навыков и, в свою очередь, формирует положительное представление о собственной предпринимательской самооффективности. Во-вторых, обучение на примере успешных предпринимателей. Люди с высоким уровнем предпринимательского энтузиазма активно изучают опыт предпринимателей, что усиливает их уверенность в своих силах. В-третьих, эмоциональная вовлеченность. Энтузиазм – это позитивное эмоциональное состояние, которое усиливает веру человека в свою способность находить и реализовывать предпринимательские возможности.

Креативность также способствует развитию предпринимательской самооффективности следующими способами:

Решение сложных задач. Креативные люди склонны искать нестандартные способы преодоления препятствий в предпринимательской деятельности. Их успехи в решении таких задач способствуют росту уверенности в своих силах.

Обучение через взаимодействие с окружающей средой. Креативные личности не только изучают поведение успешных предпринимателей, но и активно анализируют накопленные знания, выявляя новые способы решения проблем. Это формирует у них более сильную уверенность в своей способности справляться с предпринимательскими вызовами.

Предпринимательская самооффективность представляет собой глубинное когнитивное убеждение, которое влияет на мышление, мотивацию и поведение предпринимателя. Она определяет, насколько человек верит в свою способность достичь предпринимательского успеха. В условиях сложной и нестабильной бизнес-среды сила самооффективности определяет уровень ожиданий успеха, способность анализировать рыночные возможности, оценивать риски и эффективно использовать доступные ресурсы. Чем выше уровень самооффективности, тем выше предпринимательская активность и вероятность реализации предпринимательских намерений.

Таким образом, предпринимательский энтузиазм и креативность, являясь личностными факторами, оказывают влияние на предпринимательскую самооффективность, которая, в свою очередь, воздействует на формирование предпринимательских намерений.

Гипотеза 3: Предпринимательская самооффективность опосредует связь между предпринимательским энтузиазмом и предпринимательскими намерениями.

Гипотеза 4: Предпринимательская самооффективность опосредует связь между креативностью и предпринимательскими намерениями.

2.5. Модерирующий эффект предпринимательской поддержки

Предпринимательская поддержка отражает широту и глубину мер, принимаемых учебными заведениями для содействия студенческому предпринимательству. Она включает предпринимательское образование, лекции, конкурсы, консультации, материальную поддержку и другие инициативы [2]. Данные меры играют важную роль в формировании предпринимательских намерений и поведения студентов.

Поскольку концепция предпринимательской самооффективности основана на взаимодействии индивида с окружающей средой, она зависит не только от мотивации и способностей личности, но и от внешних факторов, особенно организационной среды. Следовательно, предпринимательская поддержка будет влиять на связь между предпринимательским энтузиазмом, креативностью и предпринимательской самооффективностью.

Предпринимательская поддержка усиливает влияние предпринимательского энтузиазма, то есть положительно модерирует связь между предпринимательским энтузиазмом и предпринимательской самооффективностью. Это проявляется в следующих аспектах:

Во-первых, люди, обладающие высоким уровнем предпринимательского энтузиазма, склонны активно и настойчиво участвовать в предпринимательских инициативах. Чем выше уровень предпринимательской поддержки со стороны организации, тем шире их доступ к различным мероприятиям и ресурсам, что способствует накоплению полезного опыта.

Во-вторых, чем выше уровень предпринимательской поддержки, тем больше возможностей для обучения через наблюдение за успешными предпринимателями и их опытом.

В-третьих, предпринимательская поддержка отражает организационные нормы и ценности. Чем выше уровень поддержки, тем благоприятнее предпринимательская среда, что усиливает восприятие и реализацию предпринимательского энтузиазма.

Чем больше возможностей для получения опыта и обучения, тем выше оценка предпринимательской самоэффективности. Напротив, при низком уровне предпринимательской поддержки студенты испытывают меньше позитивных эмоций и возможностей для получения полезной информации, что снижает их предпринимательскую самоэффективность.

Предпринимательская поддержка также усиливает влияние креативности, то есть положительно модулирует связь между креативностью и предпринимательской самоэффективностью. Это проявляется следующим образом:

При высоком уровне предпринимательской поддержки студенты получают больше возможностей для решения проблем, поиска новых идей и развития навыков, что способствует повышению самоэффективности.

Поддержка со стороны организации расширяет возможности для непрямого обучения, что помогает студентам находить нестандартные решения и развивать предпринимательскую интуицию.

Напротив, при низком уровне предпринимательской поддержки студенты получают меньше возможностей для опыта и обучения, что снижает их уверенность в своих предпринимательских способностях.

Гипотеза 5: Предпринимательская поддержка положительно модулирует связь между предпринимательским энтузиазмом и предпринимательской самоэффективностью.

Гипотеза 6: Предпринимательская поддержка положительно модулирует связь между креативностью и предпринимательской самоэффективностью.

3. Дизайн исследования

3.1. Источники данных и сбор информации

Все данные были собраны с помощью анкетирования. Процесс распределения анкет проводился в два этапа: сначала осуществлялась стратификация по университетам и факультетам, затем анкеты рассылались случайным образом. После сбора все анкеты были централизованно внесены в базу данных.

Анкетирование проводилось в шести университетах Китая, охватив 51 факультет. Для каждого факультета были подготовлены две формы анкет: «Анкета для руководства факультетов» и «Анкета для студентов», которые заполнялись в паре.

«Анкета для руководства факультетов»: было подготовлено по 5 анкет на факультет, всего 255 анкет. Из них было возвращено 248, из которых 238 признаны действительными. Уровень возврата составил 97,3%, а уровень действительных ответов 96,0%.

«Анкета для студентов»: заполнялась студентами 3-го и 4-го курсов. Всего было роздано 1800 анкет, из которых 1318 были возвращены, а 1057 признаны действительными. Уровень возврата составил 73,2%, а уровень действительных ответов 80,2%.

Таблица 1 – Описательная статистика распределения выборки

Категория	Статистический показатель	Значение	Доля	Категория	Статистический показатель	Значение	Доля
Пол	мужчины	459	43.4%	Курс	3-й курс	757	71.6%
	женщины	598	56.6%		4-й курс	300	28.4%
Возраст	≤19	51	4.8%	Специальность	Естественный и инженерные науки	264	25.0%
	20	214	20.2%		Экономика и менеджмент	223	21.1%
	21	302	28.6%		Гуманитарный и социальные науки	327	30.9%
	22	279	26.4%		Другие	243	23.0%
	≥23	211	20.0%				

3.2. Измерение переменных

Для обеспечения надежности и валидности измерительных шкал в данном исследовании использованы проверенные шкалы из предыдущих исследований. Все шкалы оценивались по 5-балльной шкале Лайкерта (Likert), где 1 означало «полностью не согласен», а 5 – «полностью согласен».

Предпринимательская страсть измерялась с помощью шкалы Melissa S. Cardon и др. [8], включающей 9 пунктов, коэффициент надежности (Cronbach's α) составил 0,884. Креативность оценивалась по шкале Leonidas A. Zampetakis и др. [11], состоящей из 8 пунктов, Cronbach's $\alpha = 0,887$. Предпринимательская са-

моэффективность измерялась шкалой Ana Lanero и др. [7], содержащей 10 пунктов, Cronbach's $\alpha = 0,925$. Предпринимательская поддержка оценивалась по шкале Sascha G. Walter и др. [2], включающей 5 пунктов, Cronbach's $\alpha = 0,878$. Предпринимательские намерения измерялись по шкале Francisco Linan и др. [12], содержащей 6 пунктов, Cronbach's $\alpha = 0,919$.

Основываясь на предыдущих исследованиях, в данном исследовании учитываются демографические переменные, которые могут оказывать влияние. В качестве контрольных переменных рассматриваются пол, национальность, возраст, курс обучения и специальность.

3.3. Анализ данных и результаты

В данном исследовании для анализа данных использовались SPSS 19.0 и HLM 6.08.

Во-первых, были рассчитаны средние значения (M), стандартные отклонения (SD) и коэффициенты корреляции (отмеченные звездочкой). Затем была проверена дискриминантная валидность между переменными.

Конкретные значения приведены в таблице 2. В данном исследовании квадратный корень AVE (числа в скобках в таблице 2) оказался больше коэффициентов корреляции, что указывает на хорошую дискриминантную валидность между переменными.

Таблица 2 – Средние значения, стандартные отклонения, коэффициенты корреляции и дискриминантная валидность измеряемых переменных

	Предпринимательский энтузиазм	Креативность	Предпринимательская самозффективность	Предпринимательские намерения	Поддержка предпринимательства
Предпринимательский энтузиазм	(0.790)				
Креативность	0.369**	(0.748)			
Предпринимательская самозффективность	0.438**	0.433**	(0.773)		
Предпринимательские намерения	0.545**	0.484**	0.573**	(0.845)	
Поддержка предпринимательства	-	-	-	-	-
Стандартное значение (M)	3.150	3.600	3.191	3.169	3.787
Стандартное отклонение (SD)	0.577	0.568	0.607	0.765	0.396

Примечание: *N = 1057, значения по диагонали – квадратные корни AVE соответствующих переменных, *P < 0.05, **P < 0.01.

Для проверки взаимосвязей между переменными и построения модели был использован метод иерархической пошаговой регрессии для тестирования гипотез.

тез. Сначала методом иерархического регрессионного анализа были проверены гипотезы 1, 2, 3 и 4.

В соответствии с процедурой иерархической регрессии, в регрессионной модели в качестве зависимой переменной сначала использовалась самооффективность предпринимательства, куда последовательно вводились: Контрольные переменные (M1); Независимые переменные (M2). Затем в качестве зависимой переменной использовалось намерение заняться предпринимательством, куда последовательно вводились: Контрольные переменные (M3); Независимые переменные (M4); Независимые переменные и посредническая переменная (M5). Только посредническая переменная (M6). Таблица 3 демонстрирует весь процесс анализа и его результаты.

Таблица 3 – Результаты иерархического регрессионного анализа

	Предпринимательская самооффективность		Предпринимательские намерения			
	M1	M2	M3	M4	M5	M6
Пол	-0.078*	-0.094**	-0.042	0.060*	-0.029	0.003
Возраст	0.009	-0.003	0.029	0.017	0.018	0.024
Национальность	-0.003	0.010	0.026	0.042	0.039	0.028
Курс	-0.026	-0.039	0.001	-0.014	-0.001	0.016
Специальность	-0.036	-0.060*	-0.030	-0.057*	-0.037	-0.010
Предпринимательский энтузиазм		0.326**		0.427**	0.319**	
Креативность		0.319**		0.330**	0.224**	
Предпринимательская самооффективность					0.332**	0.573**
R ²	0.009	0.283	0.004	0.398	0.476	0.330
ΔR ²	0.009	0.283	0.004	0.394	0.078	0.330
F	1.878	20.598**	0.928	33.028**	39.703**	28.726**
ΔF	1.878	69.906**	0.928	114.321**	52.159**	28.726**

Примечание: *N = 1057, значения по диагонали – квадратные корни AVE соответствующих переменных, *P < 0.05, **P < 0.01.

Согласно таблице 3, предпринимательская страсть оказывает значительное положительное влияние на повышение намерения заняться предпринимательством ($\beta=0.427$, $p<0.01$), что подтверждает гипотезу 1. Креативность также оказывает значительное положительное влияние на намерение заняться предпринимательством ($\beta=0.330$, $p<0.01$), что подтверждает гипотезу 2.

Для проверки посреднической роли предпринимательской самооффективности анализ моделей 1, 4 и 5 показал, что предпринимательская самооффективность действительно играет посредническую роль в отношениях между предпринимательской страстью, креативностью и намерением заняться предпринимательством. Однако этот эффект является частичным ($\beta=0.319$, $p<0.01$; $\beta=0.224$,

$p < 0.01$). Таким образом, гипотезы 3 и 4 подтверждаются, а именно, предпринимательская самооффективность частично посредничает в отношениях между предпринимательской страстью, креативностью и намерением заняться предпринимательством.

Для анализа модулирующего эффекта предпринимательской поддержки были сопоставлены выборка студентов и выборка на уровне факультетов. Данные были проанализированы с помощью HLM6.08, а подробные результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Результаты кросс-уровневого модерационного анализа (самооффективность)

Переменная	Коэффициент корреляции	Стандартное отклонение	T- значения
Переменные на индивидуальном уровне			
Пол	-0.101**	0.033	-3.077
Возраст	0.001	0.015	0.052
Национальность	0.019	0.040	0.480
Курс	-0.041	0.040	-1.033
Специальность	-0.030	0.019	-1.581
Предпринимательский энтузиазм	0.347**	0.029	11.843
Креативность	0.339**	0.030	11.384
Переменные на уровне факультета			
Поддержка предпринимательства	0.140*	0.060	2.326
Кросс-уровневые взаимодействия			
Поддержка предпринимательства + предпринимательский энтузиазм	0.313**	0.072	4.338
Поддержка предпринимательства + креативность	-0.198**	0.075	-2.639

Примечание: Level 1 (индивидуальный уровень) $N = 238$, Level 2 (уровень факультета) $N = 1057$, значения по диагонали – квадратные корни AVE соответствующих переменных, * $P < 0.05$, ** $P < 0.01$.

Согласно таблице 4, взаимодействие предпринимательской страсти и предпринимательской поддержки оказывает значительное положительное влияние на предпринимательскую самооффективность ($\beta = 0.313$, $p < 0.01$), что подтверждает гипотезу 5. Однако взаимодействие креативности и предпринимательской под-

держки оказывает значительное отрицательное влияние ($\beta = -0.198$, $p < 0.01$), что означает, что гипотеза 6 не подтверждается.

В соответствии с методом графического анализа модераторного эффекта, предложенным СОНЕН и др. [13], была построена диаграмма модераторного эффекта предпринимательского образования в отношениях между предпринимательской самооффективностью и распознаванием возможностей. График модерации представлен на рисунке 1.

4. Выводы исследования и обсуждение

4.1. Выводы исследования

В данном исследовании объектом анализа стали студенты университетов Китая. Изучено влияние предпринимательской страсти и креативности на предпринимательское намерение, включая медиаторную роль предпринимательской самооффективности и модераторную роль предпринимательской поддержки в отношениях между предпринимательской страстью, креативностью и предпринимательской самооффективностью.

После контроля за такими личностными факторами, как пол, возраст и академическая дисциплина, результаты показали, что: предпринимательская страсть и креативность оказывают значительное положительное влияние на формирование предпринимательского намерения у студентов; предпринимательская самооффективность играет частично медиаторную роль в отношениях между предпринимательской страстью, креативностью и предпринимательским намерением; предпринимательская поддержка положительно модулирует связь между предпринимательской страстью и предпринимательской самооффективностью, но отрицательно влияет на связь между креативностью и предпринимательской самооффективностью.

4.2. Теоретическая значимость

Во-первых, подтверждена роль предпринимательской страсти в формировании предпринимательского намерения у студентов. В существующих исследованиях предпринимательская страсть рассматривается как важная эмоция для предпринимателей. Данное исследование доказало, что даже среди студентов, которые еще не начали собственное дело, предпринимательская страсть способствует формированию предпринимательских намерений. Кроме того, полученные результаты подтверждают предыдущие исследования, согласно которым люди с более высоким уровнем креативности склонны формировать более сильные предпринимательские намерения.

Во-вторых, предпринимательская самооффективность играет частично медиаторную роль в отношениях между предпринимательской страстью, креативностью и предпринимательским намерением. Этот результат согласуется с теорией самооффективности, которая утверждает, что уровень уверенности человека в своих способностях играет ключевую роль в формировании его поведения. Наличие предпринимательской страсти или креативности само по себе не гарантирует формирование предпринимательского намерения – важную роль играет оценка человеком своих предпринимательских способностей.

В-третьих, влияние предпринимательской страсти и креативности на предпринимательскую самооффективность варьируется в зависимости от уровня предпринимательской поддержки. Ранее исследования фокусировались на прямом влиянии предпринимательской поддержки на предпринимательские намерения, но игнорировали ее модераторную роль. Наше исследование расширяет понимание механизмов влияния предпринимательской поддержки, показав, что:

Высокий уровень предпринимательской поддержки способствует развитию предпринимательской самооффективности у людей с сильной предпринимательской страстью. Однако для креативных студентов высокая предпринимательская поддержка может оказаться неэффективной или даже снизить их уверенность в своих силах.

Таким образом, в процессе разработки программ предпринимательской поддержки необходимо учитывать уровень креативности студентов и применять дифференцированный подход: для студентов с высокой креативностью следует минимизировать внешние вмешательства, тогда как для студентов с низкой креативностью предпринимательская поддержка играет важную роль в формировании самооффективности.

4.3. Практическое значение

На основе вышеизложенных выводов образовательные органы управления и высшие учебные заведения при стимулировании предпринимательских намерений студентов должны учитывать различные факторы и разрабатывать соответствующие политические меры.

Во-первых, сосредоточиться на развитии предпринимательской страсти и предпринимательской самооффективности. Поскольку предпринимательская страсть и предпринимательская самооффективность значительно способствуют формированию предпринимательских намерений, государственные органы, университеты и общество в целом должны оптимизировать систему общественных услуг, предоставляя студентам консультации и поддержку в предпринимательской деятельности. Важно активно популяризировать успешные стартапы и предпринимателей, создавать предпринимательскую культуру, повышать идентификацию студентов с ролью предпринимателя, что будет способствовать росту их предпринимательской страсти.

Кроме того, предпринимательское образование тесно связано с самооффективностью. Университетам следует развивать различные образовательные программы, организовывать бизнес-стажировки, учебные курсы и коммерческие практики. Это поможет студентам развить предпринимательские навыки, укрепить уверенность в своих силах и повысить готовность к запуску собственного бизнеса.

Во-вторых, сосредоточиться на развитии креативности студентов. Развитие креативности — это комплексный и системный процесс, в котором ключевую роль играет университет как основная среда формирования творческого мышления у студентов. Поскольку креативность и профессиональные навыки развиваются циклично, университетам следует усиливать инновационное образование за счет: разработки междисциплинарных образовательных программ, внедрения

курсов по инновационному проектированию, организации тренингов по развитию креативных навыков.

Кроме того, необходимо учитывать влияние семьи, школы и общества на развитие креативности, сочетая аудиторные и внеаудиторные занятия для формирования у студентов умения применять знания в предпринимательской деятельности.

В-третьих, университетам следует оптимизировать и совершенствовать систему предпринимательской поддержки. Эффективность предпринимательских программ и мероприятий, организуемых университетами, зависит от их реализации. Поэтому при разработке конкурсов стартапов, бизнес-инкубаторов и других инициатив важно учитывать уровень подготовки студентов и устанавливать адекватную сложность задач. Это поможет максимально эффективно использовать предпринимательскую поддержку, создавая условия для успешного развития предпринимательских навыков у студентов.

4.4. Ограничения и направления будущих исследований

Несмотря на то, что данное исследование в определенной степени восполнило пробелы предыдущих работ, существуют области для дальнейшего улучшения:

Во-первых, использование поперечных данных не позволяет установить причинно-следственные связи между переменными. В будущем необходимо учитывать лонгитюдные исследования и экспериментальные методы для более надежной проверки гипотез.

Во-вторых, предпринимательская поддержка отражает широту и глубину организационной поддержки предпринимательства и является важным источником информации об эффективности через прямой опыт, косвенный опыт и социальное убеждение. Взаимодействие предпринимательской страсти, креативности и самооффективности представляет собой совокупное влияние одного или нескольких источников информации об эффективности.

В этом исследовании предпринимательская поддержка оказывает негативное регулирующее влияние на связь между креативностью и самооффективностью, что означает, что общий эффект предоставляемых мер и мероприятий отрицательный. Аналогично, предпринимательская поддержка оказывает положительное влияние на связь между предпринимательской страстью и самооффективностью, указывая на общий положительный эффект предпринимательских мероприятий и программ.

Хотя Бандура (1997) отмечал, что прямой опыт является основным источником формирования самооффективности, современные исследования показывают, что различные группы людей опираются на разные источники информации об эффективности в разной степени. Поэтому в будущем следует: детализировать типы предпринимательской поддержки, изучить, какие конкретные мероприятия способствуют формированию информации об эффективности, определить, какие виды поддержки оказывают наибольшее влияние на развитие предпринимательской самооффективности.

В-третьих, в данном исследовании рассмотрено взаимодействие предпринимательской поддержки и индивидуальных факторов в контексте формирования предпринимательских намерений. Однако в университетской среде на этот процесс могут также влиять организационные факторы, такие как: университетские нормы и правила, предпринимательская ориентация вуза, развитие сотрудничества между университетами, бизнесом и исследовательскими центрами.

Будущие исследования могут включить анализ дополнительных модераторных эффектов, чтобы более глубоко изучить механизм формирования предпринимательских намерений.

Литература

1. Bandura A. Самоэффективность: к единой теории изменения поведения // *Psychological review*. – 1977. – №84(2). – P.191.
2. Besterfield-Sacre M., Zappe S., Shartrand A. и др. Восприятие содержания курсов по предпринимательству преподавателями и студентами в инженерном образовании // *Advances in engineering education*. – 2016. – №5(1): n1.
3. Biraglia A., Kadile V. Роль предпринимательской страсти и креативности в формировании предпринимательских намерений: выводы из опыта американских пивоваров-любителей // *Journal of small business management*. – 2017. – №55(1). – P.170-188.
4. Chen C.C., Greene P.G., Crick A. Отличает ли предпринимательская самоэффективность предпринимателей от менеджеров? // *Journal of business venturing*. – 1998. – №13(4). – P.295-316.
5. Gregoire D.A., Shepherd D.A., Schurer Lambert L. Измерение убеждений в распознавании возможностей: иллюстрация и валидация экспериментального подхода // *Organizational research methods*. – 2010. – №13(1). – P.114-145.
6. Krueger N.F., Reilly M.D., Carsrud A.L. Конкурирующие модели предпринимательских намерений // *Journal of Business Venturing*. – 2000. – №15(5). – P.411-432.
7. Lanero A., Vázquez J.L., Aza C.L. Социально-когнитивные детерминанты выбора предпринимательской карьеры среди студентов университетов // *International small business journal*.
8. Phipps S.T.A. Вклад в формирование предпринимчивого гендера: изучение влияния креативности на предпринимательские намерения и модерационная роль политических навыков с учетом гендерного фактора // *Academy of entrepreneurship journal*. – 2012. – №18(1). – P.77.
9. Saeed S., Yousafzai S. Y., Yani-De-Soriano M. и др. Роль воспринимаемой университетской поддержки в формировании предпринимательских намерений студентов // *Journal of small business management*. – 2015. – №53(4). – P.1127-1145.
10. Walter S. G., Parboteeah K. P., Walter A. Университетские кафедры и намерения студентов-бизнесменов к самозанятости: кросс-уровневый анализ // *Entrepreneurship: theory and practice*. – 2013. – №37(2). – P.175-200.
11. Zampetakis L.A. Роль креативности и проактивности в восприятии предпринимательской привлекательности // *Thinking skills and creativity*. – 2008. – №3(2). – P.154-162.

ANALYSIS OF CROSS-LEVEL MODERATORY EFFECT OF ENTREPRENEURSHIP SUPPORT IN THE UNIVERSITIES ON THE MECHANISM OF FORMING ENTREPRENEURIAL INTENTION AMONG STUDENTS

Liu Jianwei

Doctor of economical sciences
Xinjiang normal university
China, Xinjiang, Xinshi, Urumqi, Kashi E Rd, 239
www.xjnu.edu.cn

Based on self-efficacy theory, the author of this study analyzes the relationship between entrepreneurial enthusiasm, creativity and entrepreneurial intention of students, as well as the mediating role of entrepreneurial self-efficacy and the moderator effect of organizational support for entrepreneurship through constructing a cross-level model. The questionnaire survey showed that entrepreneurial enthusiasm and creativity have a significant positive effect on the formation of entrepreneurial intention of students; entrepreneurial self-efficacy plays a partial mediating role. Organizational support for entrepreneurship positively modifies the relationship between entrepreneurial enthusiasm and entrepreneurial self-efficacy, but has a negative moderator effect on the relationship between creativity and entrepreneurial self-efficacy. Based on the data obtained, measures are proposed to increase the level of entrepreneurship among students through the development of creative thinking, entrepreneurial enthusiasm and self-efficacy, as well as by optimizing and improving the entrepreneurship support system.

Keywords: entrepreneurial intentions; entrepreneurial enthusiasm; creativity; entrepreneurship support; entrepreneurial self-efficacy.

ТАҲЛИЛИ ТАЪСИРИ МОДЕРАТОРИИ БО САТҲҲОИ МУТАФОВИТИ ДАСТГИРИИ СОҲИБКОРӢ ДАР ДОНИШГОҲҲО БА РАВАНДИ ШАКЛГИРИИ ТАМОЮЛҲОИ СОҲИБКОРӢ ДАР МИЁНИ ДОНИШЧӢЁН

Лю Тсзянвей

Доктори илмҳои иқтисодӣ
Донишгоҳи омӯзгории Синчон
Ҷумҳурии Мардумии Чин, вилояти Синчон, Урумчӣ,
кӯч. Каши Шарқӣ, 239
www.xjnu.edu.cn

Бо таъя ба назарияи худэътимодӣ (самоэффektivность), муаллифи ин таҳқиқ тавассути сохтану татбиқи модели сатҳҳои мухталиф (кросс-уровневой) робитаи байни шавқу рағбати соҳибкорӣ, тафаккури эҷодӣ ва тамоюли соҳибкории донишчӯёнро таҳлил мекунад. Ҳамзамон,

нақши миёнаравии худэтимодии соҳибкорӣ ва таъсири модератории дастгирии ташкилотӣ аз соҳибкорӣ низ мавриди баррасӣ қарор мегиранд.

Дар натиҷаи пурсиши анкетавӣ муайян гардид, ки шавқу рағбати соҳибкорӣ ва креативият (эҷодкорӣ) таъсири мусбати назаррас ба шаклгирии қасдҳои соҳибкории донишҷӯён доранд. Дар ҳамин ҳол, худэтимодии соҳибкорӣ нақши миёнаравии қисман муҳимро мебозад.

Дастгирии ташкилии соҳибкорӣ робитаро миёни шавқи соҳибкорӣ ва худэтимодӣ тақвият мебахшад, вале дар баробари ин таъсири манфии модераторӣ ба робитаи миёни креативият ва худэтимодии соҳибкорӣ мерасонад.

Дар асоси натиҷаҳои таҳқиқ, як қатор чораҳо барои баланд бардоштани сатҳи соҳибкорӣ дар миёни донишҷӯён пешниҳод мегарданд — аз ҷумла: инкишофи тафаккури эҷодӣ, тақвияти шавқи соҳибкорӣ ва худэтимодӣ, инчунин такмил ва беҳсозии низоми дастгирии соҳибкорӣ дар муҳити донишгоҳ.

Калидвожаҳо: тамоюли соҳибкорӣ; шавқи соҳибкорӣ; креативият; дастгирии соҳибкорӣ; худэтимодии соҳибкорӣ.

УДК 331.5:004.9(575.3)

ЗНАЧЕНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОГО РЫНКА ТРУДА

Солиева Лола Фирузовна

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента и маркетинга
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 98 785 55 55 (м.)
lola.solieva@bk.ru

В статье проведён комплексный анализ влияния цифровизации на рынок труда Таджикистана. Рассмотрены глобальные тренды внедрения ИКТ и онлайн-платформ, их роль в повышении мобильности и производительности труда, а также опыт адаптации к пандемическим условиям. Отмечается, что для Таджикистана характерны особые демографические и экономические условия: высокая доля сельского населения, гендерный разрыв и преобладание неформальной занятости. Исследованы структурные параметры рынка труда (уровень участия, безработица, неформальность) и состояние ИКТ-инфраструктуры: доступность интернета, стоимость услуг и уровень цифровой грамотности. Выявлены ключевые барьеры — слабая инфраструктура, дефицит навыков, цифровое неравенство и институциональная неподготовленность. На основе международных практик и национальных стратегий предложены приоритетные меры: расширение доступа к интернету, повышение цифровых компетенций, стимулирование формализации занятости и совершенствование правового регулирования «гиг-экономики».

Ключевые слова: рынок труда; цифровизация; информационно-коммуникационные технологии; неформальная занятость; цифровое неравенство; цифровые навыки; инфраструктура связи.

Цифровизация в последние десятилетия стала ключевым фактором развития рынка труда во всём мире. Современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и онлайн-сервисы способствуют появлению новых форм занятости и способов организации труда, повышают производительность и создают новые рабочие места. Цифровые технологии и широкая подключённость к интернету стимулируют экономический рост, обеспечивая предприятия и работников новыми инструментами для взаимодействия. Так, онлайн-платформы труда и удалённая работа открыли возможности трудоустройства вне зависимости от географии, что особенно важно для стран с ограниченным локальным рынком рабочих мест. В период пандемии COVID-19 роль цифровизации ещё более возросла — во всём мире именно цифровые решения помогли правительствам, бизнесу и работникам адаптироваться к социальному дистанцированию, сохранить бизнес-процессы и перейти на дистанционное обучение. Таким образом, цифро-

вая трансформация выступает неотъемлемым условием развития современного рынка труда, определяя требования к навыкам работников и механизмы поиска работы. Для развивающихся стран цифровизация представляет особую ценность как способ «пропустить» этапы индустриального развития и сразу перейти к инновационной экономике. Она может способствовать более всеобъемлющему и устойчивому росту занятости, если сопровождается развитием необходимых навыков и инфраструктуры. Международные организации отмечают, что цифровые технологии при правильном использовании могут стать драйвером достойного труда, инклюзивности и расширения экономических возможностей [9]. В то же время, цифровизация несёт и новые вызовы – от риска цифрового неравенства до необходимости регуляторных мер по защите прав работников в онлайн-среде. Таким образом, для стран, подобных Таджикистану, важно понимать как потенциал цифровой трансформации рынка труда, так и связанные с ней риски, чтобы сформулировать стратегические направления развития.

Для системного изучения процесса цифровизации рынка труда Таджикистана применён комплексный смешанный метод — сочетание количественных статистических и качественных экспертных подходов.

Таджикистан – страна с быстро растущим и относительно молодым населением (более 10 миллионов человек), причём более 70% жителей проживает в сельской местности. Экономика страны исторически аграрно-ориентирована, что отражается и в структуре занятости: значительная часть рабочей силы занята в сельском хозяйстве. Из общего числа занятых 61,6% заняты в сельском хозяйстве и 29,4% в сфере услуг [3, с.59]. При этом наблюдается гендерный дисбаланс в отраслях: женщины составляют подавляющее большинство занятых в сельском хозяйстве. Это связано, в частности, с тем, что многие трудоспособные мужчины мигрируют на заработки за рубеж, а женщины нередко остаются вести хозяйство в сельской местности. Общий уровень участия населения в рабочей силе относительно невысок: по оценкам МОТ, коэффициент участия в рабочей силе составляет порядка 40% всего населения (56% для мужчин и лишь 22-23% для женщин) [4]. Таким образом, меньше четверти женщин участвуют в экономически активной деятельности, что указывает на значительный гендерный разрыв.

Низкие официальные показатели безработицы не отражают реального положения дел на рынке труда Таджикистана. Официально зарегистрированный уровень безработицы составляет лишь 1,8% [3, с.14], однако столь мизерное значение объясняется методологией учёта – большая часть населения либо занята в неформальном секторе, либо не обращается в службы занятости. Более репрезентативным индикатором является комбинированный коэффициент безработицы и потенциальной рабочей силы, который оценивается почти в 8% [4]. Кроме того, стоит отметить чрезвычайно высокий уровень неактивности среди молодёжи, особенно девушек, значительная часть молодых людей, особенно женщин, выпадает из формального рынка труда. Из общей численности занятых 43,8% составляют женщины в возрасте от 15-24 лет [3, с.270].

Одной из определяющих особенностей таджикского рынка труда является преобладание неформальной занятости. Большинство рабочих мест создаются

вне формального сектора экономики – без трудовых договоров и соцзащиты. По данным обследования рабочей силы, до 64-65% всех занятых работают неформально. Другие оценки указывают, что реальная доля неформальной экономики может достигать 60% и более [2]. Высокая неформальность означает, что многие трудящиеся не охвачены системами социального страхования и официальной статистикой рынка труда. Неформальный сектор сосредоточен в сельском хозяйстве, мелкой торговле, строительстве и услугах. Причины такой ситуации – ограниченное развитие формального частного сектора, избыток рабочей силы и недостаток рабочих мест, а также стремление избежать бюрократии и налоговой нагрузки. Неформальность представляет серьёзный вызов для цифровой трансформации рынка труда: многие неформально занятые не зарегистрированы в государственных системах, что затрудняет их охват цифровыми сервисами занятости и обучением. Правительство осознаёт проблему: в Стратегии социальной защиты населения до 2030 года поставлена задача содействовать переходу от неформальной к формальной экономике и расширять социальную защиту для неформально занятых [5]. Тем не менее, формализация остаётся труднодостижимой без создания достаточного количества продуктивных рабочих мест внутри страны.

Развитие ИКТ-сектора в Таджикистане имеет свои взлёты и спады. В 2000-2015гг. телекоммуникационный сектор был одним из самых динамичных – рост доходов отрасли достигал 15% в год [6]. В те годы, благодаря либеральной политике лицензирования и приходу иностранных операторов, мобильная связь и интернет начали распространяться, несмотря на низкий исходный уровень проникновения. Однако с середины 2010-х рост замедлился: число новых абонентов перестало быстро расти, а доходы сектора даже пошли на спад [6]. В последние годы проблема стала очевидной: Таджикистан отстаёт по уровню доступности интернета и цифровых услуг. Сегодня страна сталкивается с ограниченным доступом и высокими ценами на интернет, особенно в отдалённых сельских районах. По данным Всемирного банка, на 2019 год широкополосный доступ в интернет имели менее 1% домохозяйств (и те преимущественно в городах), а мобильным интернетом пользовались только 35% населения [6]. Для сравнения, в соседних странах Центральной Азии эти показатели значительно выше. Кроме того, лишь немногие предприятия в Таджикистане подключены к широкополосному интернету, и менее 1% компаний предлагают цифровые услуги – то есть подавляющее большинство бизнеса практически не интегрировано в цифровую экономику. Слабое использование интернета тормозило развитие экономики, препятствуя внедрению новых технологий в промышленности и услугах. Ситуацию усугубляют очень высокие тарифы на интернет-трафик: по стоимости интернета относительно доходов населения Таджикистан находится в числе самых дорогих стран мира. Высокие цены и низкая скорость связи – следствие как географических факторов (страна не имеет прямого выхода к мировым интернет-хабам, транзит проходит через соседей), так и рыночной структуры. Регуляторная среда менялась не всегда в пользу конкуренции. Это сдерживало приток инвестиций в инфраструктуру 4G/5G и внедрение новых технологий. В итоге цифровой разрыв

проявлялся как между Таджикистаном и другими странами, так и внутри страны – между городом и селом, между обеспеченными и бедными слоями. Например, в 2021 году мобильный широкополосный интернет имели только 44% таджикских домохозяйств, и лишь около треть населения регулярно пользуется мобильным интернетом [6]. Большинство сельских жителей остаётся офлайн, а девушки и женщины имеют хуже доступ к цифровым технологиям, чем мужчины.

Переход рынка труда Таджикистана на цифровые рельсы сопряжён с рядом серьёзных вызовов. Основные препятствия можно сгруппировать по следующим направлениям:

1. Инфраструктура и подключение. Ограниченная телекоммуникационная инфраструктура – главный барьер для цифровизации. Высокоскоростной интернет ещё недоступен большинству граждан и предприятий страны. Без расширения доступа к качественной связи невозможно внедрение электронных сервисов занятости, дистанционного обучения и других цифровых решений. На данный момент сети 4G/5G покрывают не всю территорию, а уровень развития фиксированного широкополосного доступа крайне низок. Интернет-трафик остаётся дорогим, что делает его малодоступным для населения с невысокими доходами.

2. Электроэнергетическая инфраструктура – ещё один аспект: хотя Таджикистан генерирует много гидроэнергии, в зимний период возможны перебои, что сказывается на стабильности работы цифровых сетей, особенно в регионах. Для цифровой трансформации требуется масштабное вложение средств в модернизацию инфраструктуры: расширение магистральных каналов связи (например, через участие в региональных проектах вроде Digital CASA), строительство вышек сотовой связи в сельской местности, установка оборудования в школах, центрах занятости и т.д. Без решения инфраструктурной проблемы любые цифровые инициативы в сфере труда не смогут охватить широкие слои населения.

3. Дефицит цифровых навыков и человеческого капитала. Значительная часть рабочей силы не обладает базовой цифровой грамотностью, не говоря уже о продвинутых ИКТ-навыках. Поколение старше 40 лет в массе своей слабо владеет компьютером. Молодёжь более продвинута, однако качество школьного и вузовского образования в сфере ИТ оставляет желать лучшего. По сути, существует разрыв между спросом и предложением навыков: работодатели испытывают потребность в кадрах, умеющих работать с компьютером, интернетом, современным оборудованием, но система образования не в полной мере готовит таких специалистов. Для цифровой экономики нужны программисты, сетевые инженеры, аналитики данных, специалисты по цифровому маркетингу и проч., однако их крайне мало. Кроме того, даже для рядовых работников всё чаще требуются средние цифровые навыки – умение пользоваться офисным софтом, приложениями, онлайн-сервисами. Если рабочие их не имеют, они рискуют быть вытесненными с формального рынка труда. В Таджикистане же многие даже простые операции (например, подача резюме онлайн, регистрация на портале) затруднены из-за низкой цифровой грамотности населения, особенно в сельской местности и среди старшего поколения. Этот вызов признан на государственном уровне: в 2024 году утверждён проект Всемирного банка, направленный на по-

вышение цифровых навыков у населения, который обучит основам цифровой грамотности десятки тысяч человек, а 2000 человек пройдут углублённые курсы для повышения шансов на трудоустройство [1]. Однако масштаб проблемы велик, и её решение потребует длительного времени и координации усилий образовательных учреждений, служб занятости и работодателей. Если не устранить дефицит навыков, цифровая трансформация рискует усилить неравенство на рынке труда – выгодополучателями станут лишь узкая группа высококвалифицированных специалистов, в то время как широкие массы останутся в низкопроизводительном секторе.

4. Доступ и цифровое неравенство. Даже при наличии инфраструктуры и базовых навыков, важно обеспечить равный доступ различных групп населения к плодам цифровизации рынка труда. В Таджикистане существует значительное территориальное неравенство: городские жители гораздо лучше подключены к интернету и осведомлены о цифровых возможностях, тогда как сельское население (а это более 70% граждан) отстаёт. Например, жители отдалённых горных районов могут не иметь стабильной связи, компьютеров или даже электроэнергии, необходимой для онлайн-работы. Малый доход многих домохозяйств также ограничивает доступ – у беднейших слоёв нет средств на покупку смартфонов, оплаты интернета и т.п. Таким образом, существует риск, что цифровая трансформация пойдёт неравномерно, усиливая цифровое расслоение.

Вызовом для политики выступает сделать цифровые инструменты рынка труда доступными для уязвимых групп: сельской молодёжи, женщин, людей с инвалидностью, малоимущих. Азиатский банк развития, в частности, рекомендует субсидировать подключение малообеспеченных семей к интернету, проводить гендерно-чувствительные кампании по повышению цифровой грамотности девушек, а также специально нацеливать образовательные ИТ-программы на сельскую молодёжь [6]. Без таких мер цифровая экономика может развиваться сегментировано, охватывая лишь привилегированные группы, что противоречит целям всеобъемлющего роста. Большая часть трудящихся занята неформально – без контрактов, регистрации и часто вне поля зрения государственных служб. Это создаёт серьёзный барьер для внедрения цифровых инструментов на рынке труда. Государственные электронные сервисы занятости обычно рассчитаны на зарегистрированных безработных или на вакансии в формальном секторе. Однако большинство вакансий и найм происходит вне официальных каналов – по личным связям, на базаре, через миграцию. Неформально занятый сельский житель не заинтересован регистрироваться или обращаться к национальному portalу вакансий. Кроме того, многие неформальные работники не платят взносов, не состоят на учёте, а значит, не могут быть охвачены стандартными программами обучения или переквалификации. Отсутствие точных данных о неформальном сегменте осложняет планирование: трудно оценить, какие навыки есть у этой категории работников, в каких отраслях они сконцентрированы, чтобы создать для них цифровые решения. Более того, некоторые работодатели в неформальном секторе могут не быть заинтересованы в цифровой прозрачности (например, это высветит факты незарегистрированного найма). Таким образом, высока вероят-

ность, что цифровизация сначала затронет лишь формальный сегмент рынка труда. Задача – как вовлечь неформальный сектор в цифровую экосистему. Это требует стимулов к легализации (чтобы бизнесы и работники видели выгоду в регистрации – например, доступ к онлайн-рынкам сбыта, к обучающим платформам, микрокредитованию через финтех и т.п.). Также возможно использование массовых каналов (мобильная связь, мессенджеры) для донесения информации о цифровых возможностях даже до тех, кто формально не учтён. В конечном итоге, без решения проблемы масштабной неформальности цифровая трансформация рискует носить фрагментарный характер.

5. Ещё одним вызовом является готовность самой институциональной среды к реформам, сопровождающим цифровизацию. Таджикистану предстоит адаптировать трудовое законодательство к новым формам занятости (фриланс, дистанционная работа, работа на платформах) – чтобы определить статус таких работников, вопросы налогообложения, соцгарантий. Пока Трудовой кодекс не учитывает специфику «гиг-экономики» и удалённой занятости. Регулирование телеком-отрасли и IT-бизнеса также должно стать более гибким и стимулирующим инновации: снижение налоговой нагрузки на ИКТ-компании, упрощение лицензирования, защита конкуренции на рынках связи. В последние годы изменения правил игры (например, рост налогов и сборов в телекоммуникациях, усиление роли госоператора) негативно сказались на развитии сектора. Для успешной цифровой трансформации нужен благоприятный деловой климат: инвесторы должны быть уверены, что могут вкладываться в IT-инфраструктуру, стартапы – что их поддержат, а не задавят проверками. Кроме того, требуются институциональные механизмы координации: цифровая экономика – межсекторная сфера, поэтому важно эффективное взаимодействие различных ведомств, например: Министерства труда, Министерства промышленности и новых технологий, Минобразования, телеком-регулятора, и т.д. Создание единой стратегии цифровой трансформации рынка труда требует институционального лидерства и межведомственного сотрудничества. Политическая воля к развитию цифровой экономики есть: утверждена «Концепция цифровой экономики Республики Таджикистан», а НСР-2030 провозглашает курс на диверсификацию экономики и инновации. Исходя из этого, важно наполнить эти документы конкретными мерами и обеспечить их реализацию. В совокупности перечисленные вызовы очерчивают круг проблем, решать которые необходимо, чтобы цифровизация приносила плоды на рынке труда.

Таджикистан обладает значительным потенциалом для цифровой трансформации рынка труда, но стартовал с низкой базы. Страна имеет молодое население и заинтересованность государства в цифровой экономике, однако сталкивается с серьёзными проблемами: ограниченная интернет-инфраструктура, низкий уровень цифровых навыков у рабочей силы, преобладание неформальной занятости и массовая трудовая миграция. Эти структурные особенности требуют учёта при планировании цифровых инициатив.

Внедрение ИКТ и онлайн-платформ способствует созданию новых рабочих мест и расширению возможностей удалённой работы, что важно для регионов с

ограниченным локальным рынком. Высокая доля сельского и неформального сектора, значительный гендерный разрыв и низкий общий коэффициент участия в рабочей силе требуют целенаправленных мер по формализации занятости и гендерно-чувствительным программам. Необходимы инвестиции в расширение сетей 4G/5G и снижение тарифов. Приоритетом должна стать системная подготовка кадров через образовательные и профессиональные программы и т.д. Для устойчивого и инклюзивного развития цифрового рынка труда Таджикистана необходимо объединить усилия государства, бизнеса и международных организаций: субсидировать доступ к интернету, стимулировать формализацию, развивать цифровое обучение и модернизировать правовую рамку.

Цифровизация рынка труда – комплексный процесс, затрагивающий инфраструктуру, навыки, институты и социальные аспекты. Чтобы цифровые технологии начали приносить пользу, необходимо одновременное движение по нескольким направлениям: развитие телеком-сетей (расширение доступа и снижение цен на интернет); масштабное обучение населения цифровой грамотности; адаптация законодательства под новые формы занятости; интеграция неформального сектора и мигрантов через цифровые сервисы. Односторонние меры (например, лишь создание сайта вакансий) без поддержки другими изменениями не дадут устойчивого эффекта.

Литература

1. Всемирный банк укрепит цифровую общественную инфраструктуру и цифровые навыки в Таджикистане [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2024/12/17/world-bank-to-strengthen-digital-public-infrastructure-and-digital-skills-in-tajikistan#:~:text=The%20project>
2. Краткие сведения о странах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilostat ilo.org/data/country-profiles/#:~:text=TJK%20>
3. Рынок Труда в Республике Таджикистан. Статистический сборник. – Душанбе, 2025. – 59с.
4. Статистика труда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ilostat ilo.org/data/country-profiles/#:~:text=TJK>
5. Стратегия развития социальной защиты населения Республики Таджикистан на период до 2040 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.portali-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=26792
6. Таджикистан нуждается в расширении цифровой связи – АБР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.trend.az/casia/tajikistan/3730843.html>
7. Таджикистан нуждается в расширении цифровой связи – АБР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://en.trend.az/casia/tajikistan/3730843.html>
8. Таджикистан: Цифровое будущее как альтернатива безработице или миграции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/opinion/2021/03/01/in-tajiki-stan-a-digital-future-as-an-alternative-to-unemployment-or-migration>
9. Цифровизация – Всемирная конфедерация занятости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wecglobal.org/topics-global/digitalisation/>

THE IMPORTANCE OF DIGITALIZATION FOR THE MODERN LABOR MARKET

Solieva Lola Firuzovna

Candidate of economical sciences,
associate professor of the chair of management and marketing
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 98 785 55 55 (m.)
lola.solieva@bk.ru

In the article a comprehensive analysis of the impact of digitalization on the labor market of Tajikistan is made. Global trends in the implementation of ICT and online platforms, their role in increasing labor mobility and productivity are examined, as well as the experience of adaptation to pandemic conditions. It is noted that Tajikistan is characterized by special demographic and economic conditions: a high proportion of the rural population, a gender gap and the prevalence of informal employment. The structural parameters of the labor market (participation rate, unemployment, informality) and the state of the ICT infrastructure: Internet accessibility, cost of services and level of digital literacy are studied. Key barriers are identified - weak infrastructure, skills deficit, digital inequality and institutional unpreparedness. Based on international practices and national strategies, priority measures are proposed: expanding access to the Internet, increasing digital competencies, stimulating the formalization of employment and improving the legal regulation of the "gig economy".

Keywords: labor market; digitalization; information and communication technologies; informal employment; digital inequality; digital skills; communications infrastructure.

АҲАМИЯТИ РАҚАМИКУНОӢ БАРОИ БОЗОРИ МЕҲНАТИ МУОСИР

Солиева Лола Фирузовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
дотсенти кафедраи молия ва қарз
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 98 785 55 55 (м.)
lola.solieva@bk.ru

Дар мақола таҳлили ҳамаҷонибаи таъсири рақамикуноӣ ба бозори меҳнати Тоҷикистон пешниҳод шудааст. Равандҳои глобалии ҷорӣ намудани технологияҳои иттилоотӣ-коммуникатсионӣ ва платформаҳои онлайн баррасӣ гардида, нақши онҳо дар баланд бардоштани қобилияти ҳаракат ва самаранокии меҳнат, инчунин таҷрибаи мутобикшавӣ бо шароити пандемия таҳлил шудааст.

Зикр мегардад, ки Тоҷикистон дорои хусусиятҳои демографӣ ва иқтисодии хоси худ мебошад: ҳиссаи баландии аҳолии деҳот, фарқияти ҷинсӣ ва мавҷудияти шуғли ғайрирасмӣ. Параметрҳои сохтории бозори меҳнат, аз ҷумла сатҳи иштирок, бекорӣ ва ғайрирасмият, ҳамчунин вазъи зерсохтори технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ – дастрасӣ ба интернет, арзиши хизматрасониҳо ва сатҳи саводнокии рақамӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд.

Монеаҳои асосӣ ба мисли инфрасохтори заифи рақамӣ, камбудии малакаҳо, нобаробарии рақамӣ ва омодагии ночизи институтсионалӣ муайян шуданд. Бо истифода аз таҷрибаи байналмилалӣ ва стратегияи миллӣ тадбирҳои афзалиятнок пешниҳод мешаванд, ки дар бар мегиранд: густариши дастрасӣ ба интернет, баланд бардоштани малакаҳои рақамӣ, таҳрик додани расмиятбахшии шуғл ва тақмили низоми танзими ҳукуқии иқтисоди "гига".

Калидвожаҳо: бозори меҳнат; рақамикунонӣ; технологияҳои иттилоотӣ ва коммуникатсионӣ; шуғли ғайрирасмӣ; нобаробарии рақамӣ; малакаҳои рақамӣ; инфрасохтори алоқа.

УДК 339.9(~)

ГИДРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АФГАНИСТАНА И ВОПРОСЫ ИХ ОСВОЕНИЯ

Раджабеков Гуломсафдар Джомиевич

Кандидат экономических наук

Международный университет туризма и предпринимательства Таджикистана

734055, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Борбад, 48/5

Тел. (+992) 93570 30 30 (м.)

safdarrajabek@gmail.com

В статье представлены основные гидрографические районы Афганистана, указываются их гидроэнергетические запасы, возможности их освоения и дальнейшего использования для развития экономики страны. Поскольку гидроэнергетические ресурсы страны имеют двойное назначение – как основные источники орошения земель и как средство обеспечения электроэнергией нужд отдельных регионов – их использование рассматривается именно через призму взаимной выгоды для экономики страны. Отмечается, что гидроэнергетические ресурсы относительно равномерно размещены по территории Афганистана в отличие от других энергетических ресурсов, в связи с чем могут быть использованы эффективно как для орошения, так и для энергоснабжения. Показано, что хотя северный ирригационный район обладает наибольшими ресурсами с большим экономическим эффектом, тем не менее, рост гидроэнергетики в стране всецело зависит от энергопотребности этих районов, в силу чего именно центральный район Афганистана получил наибольшее развитие на данном этапе. Сделан вывод, что данная тенденция развития гидроэнергетики, возможно, сохранится в ближайшем будущем, однако в более отдаленной перспективе будет меняться в пользу наиболее энергообеспеченного Северного региона.

Ключевые слова: гидрографический район; гидроресурсы; Афганистан; энергетический потенциал; ирригация; энергообеспечение; экономика.

Среди всех энергетических ресурсов Афганистана именно гидроэнергетические размещены относительно более равномерно по территории страны, благодаря чему их можно эффективнее использовать для роста и развития народного хозяйства. Они представлены сточными водами, озерами и ледниками, пополняя свои запасы за счет годовых осадков, количество которых сильно различается по территории страны в зависимости от рельефа и уровня испаряемости.

Поскольку количество осадков в стране из-за горного рельефа прямо противоположно уровню испаряемости, основные её водные ресурсы сосредоточены в горных частях Афганистана — горной цепи Гиндукуша и горной системе Памира. Горный рельеф, составляющий 4/5 территории страны, способствует развитой системе естественной гидрографии Афганистана, в пределах которой количество годовых осадков колеблется от 32 до 1212 мм в год [9, с.91-92]. Среднегодовое

количество осадков составляет 250 мм [2, с.39]. Из этого объема основная часть скапливается в виде снежного покрова и грунтовых вод, образуя гидрографическую систему Афганистана. Высоты гор Гиндукуша и прилегающих к ним с восточной и западной части горных систем Памир, Парапамиз и Сафедкох способствовали возникновению основных речных артерий Афганистана, берущих начало в этих горных хребтах, разделяющих водные ресурсы на три основных бассейна:

- а) Северный;
- б) Кабул, или река Инд;
- в) Систан, или Бессточный.

В связи с тем, что самые высокогорные районы страны расположены в северо-восточной части Афганистана, основные запасы водных ресурсов так же сосредоточены в этом регионе.

Относительной особенностью водных потоков северо-восточной части страны является огромная разница между истоком и устьем рек, что создает широкие перспективы для их использования в гидроэнергетических целях, но в то же время приводит к усилению эрозии почв и огромному смыву существующих почв. Самой высокогорной рекой страны считается Пяндж с притоком — рекой Памир, которая берет начало на Ваханском плато на высоте 4125 м над уровнем моря [9, с.45; 1, с.164]. При общей длине реки 918 км, в месте слияния с рекой Вахш она проходит на высоте 315,9 м над уровнем моря [1, с.164], теряя 3809,1 м, или в среднем теряя высоту 4,15 м на каждый пройденный километр. Такой огромный перепад высот создает благоприятные условия для ее использования в энергетических целях, где выявлено несколько перспективных районов для строительства крупных ГЭС совместно с Республикой Таджикистан.

При изучении гидрографии Афганистана некоторые афганские специалисты, помимо трех упомянутых гидрографических районов, выделяют также четвертый, разделяя Северный на два района — Северо-Восточный и Гератский, или Северо-Западный [11, с.4]. В то же время афганский географ Г.Дж.Ораз использует название главных рек этих регионов и соответственно называет их как [9, с.44];

- а) бассейн реки Амударья,
- б) бассейн реки Харируд,
- в) бассейн реки Кабул и Инд
- г) бассейн реки Гильменд.

Такое разделение, как подчеркивает сам автор, способствует существующим требованиям водопользования в стране. Вероятность такого разделения возможна и потому, что водные ресурсы провинции Герат, прежде чем достичь реки Амударья или других водных артерий региона, испаряются в пустынях Средней Азии, создавая еще одну ветвь бессточного бассейна на севере страны.

Принимая во внимание этот факт, мы анализируем гидроэнергетические ресурсы Афганистана по четырем отдельным гидрографическим районам: Герат или Северо-Запад, Северо-Восток, Кабул или Восток и Кандагар или Юг и Юго-Запад.

1. Гератский гидрографический район. Этот район охватывает всю северо-западную часть страны, которая административно примыкает к провинциям Герат, Бадгис, Гор и западной части Фарьяба. По данным Г.Дж.Ораза, этот бассейн охватывает только бассейн реки Харируд или часть провинции Герат и Гор на площади 39,3 тыс. км² от истока этой реки на высоте почти 3900-4000 м над уровнем моря от слияния хребтов Гисар, Баба и Банди Баян на протяжении 750 км до границы с Ираном [9, с.51]. При таком распределении Г.Дж.Ораз принял хребет Сафедкух в качестве основного водораздела между Северным и Гератским районами, хотя западный отрог этого хребта простирается до самой границы Ирана и занимает северную часть Северо-Западного района.

По нашему мнению, такое деление не отражает северо-восточную часть, которая также примыкает к бассейну рек Кушка, Кошон и Мургаб, отнесенных Г. Дж. Оразом к Северному региону. Граница между этими двумя регионами проходит по водораздельной части хребта Банди-Туркестан, разделяющего две реки Кайсор, на два региона. С гидрографической точки зрения регион имеет много речных стоков, часть из которых носит сезонный характер и не представляет интереса для гидроэнергетических целей. В этом плане наиболее перспективными реками региона являются реки Герируд, Кушк, Кошон, Мургаб с притоками Гульчиндара, Джованд, Харбед и Кайсор. Все эти реки берут начало в хребтах Сафедкух (Фирузкух) и Банди-Туркестан и пригодны для использования в энергетических целях, на которых возможно строительство маломощных гидроэлектростанций в горных частях – как для автономного использования горных районов этого региона, так и для ее передачи в центры провинций.

В первой половине XX века, когда в стране еще ощущался дефицит электроэнергии и необходимо было удовлетворять растущие потребности региона, планировалось создание энергетической базы на основе имеющихся гидроэнергетических ресурсов, хотя было ясно, что Гератский регион имеет гораздо меньший потенциал по отношению к другим регионам. В 1936 году на канале Али-Джан, отведенном от реки Харкод, была построена первая и единственная в этом регионе гидроэлектростанция мощностью 80 кВт, известная как Чалворча [8, с.276]. С ростом импорта дизельного топлива и приобретением дизель-генераторов потребность региона Герат в электроэнергии удовлетворялась за счет дизельных электростанций, установка которых была значительно дешевле по сравнению с двумя другими типами станций в Афганистане, поэтому их количество в провинции быстро увеличивалось.

По оценкам экспертов, общий гидроэнергетический потенциал региона Герат равен 2,2 млрд кВт, из которых только 0,6 млрд кВт приходится на экономически эффективный гидроэнергетический потенциал. Интересно, что, несмотря на большой бассейн и объем воды, на главную реку региона — Герируд приходится всего 17% этого объема, или всего 100 млн кВт, а остальные 500 млн кВт приходится на реку Мургаб, что связано с рельефом этих рек [10, с.42]. Поэтому дальнейшее использование гидроэнергетических ресурсов данного региона будет связано с рекой Мургаб.

Этот гидрографический регион по своей площади охватывает 12% территории Афганистана и располагает лишь 0,8% гидроэнергетического потенциала страны.

2. *Северо-Восточный гидрографический регион (бассейн реки Амударья).* Этот регион занимает всю северную и северо-восточную часть Афганистана от Фарьяба на западе до восточной окраины Бадахшана на границе с Китаем. На этой огромной территории расположены основные левобережные притоки рек Амударья и Пяндж. Главной особенностью этого гидрографического региона является то, что здесь сосредоточены самые большие земельные площади и, в основном, орошаемые земли Афганистана, в связи с чем любое использование водных ресурсов должно быть связано с вопросами обеспечения орошения и улучшения мелиоративного состояния земель. Северо-восточный регион является основным сельскохозяйственным регионом страны, где также расположены крупные пастбищные площади страны. Поэтому при рассмотрении вопросов развития и составления дальнейших планов в области энергетики необходимо учитывать вопросы восстановления и строительства каналов, сложных сооружений с установкой малых гидроэлектростанций, что также должно способствовать развитию сельского хозяйства.

Освоение гидроэнергетических ресурсов в этом регионе началось в годы Второй мировой войны, когда в 1941 году на реке Пули-Хумри была построена первая электростанция общей мощностью 4500 кВт [12, с.92], на тот момент ставшая крупнейшей станцией в стране, мощность которой впоследствии была увеличена еще на 300 кВт.

Более полное освоение ресурсов этого региона началось в 60-е гг., когда были построены три электростанции — одна на реке Кундуз, вторая на реке Ханабад в районе одноименного города и последняя в районе Пули-Хумри для удовлетворения электрических потребностей существующих предприятий в этих городах, освещения городов и прилегающих к ним населенных пунктов.

Дальнейшее освоение этих ресурсов продолжалось в 70-х и 80-х годах, в течение которых в регионе было построено еще 5 электростанций — по одной в Бамиане, Ханабаде и Бахараке и две в Файзабаде. Важно подчеркнуть, что станции провинции Бадахшан были достаточно маломощными и предназначались для освещения города Файзабад и поселка Бахарак [4, с.9].

Следует сказать, что гидроэнергетические ресурсы этого региона значительно превышали установленные генерирующие мощности, которые, по официальным данным, составляют 55% от всего экономически эффективного гидроэнергетического потенциала Афганистана, который не используется из-за удаленности этих ресурсов и сложности их передачи в другие регионы и провинции страны.

Главная артерия страны — Амударья, известная с древних времен под названием Оксус в многочисленных географических и исторических источниках, использовалась в основном для орошения. Такое использование наблюдалось и на правом берегу этой реки, в Республике Таджикистан, где развивалась современная командная экономика с характерным для нее социалистическим размещени-

ем производительных сил. Для других целей использовались ее основные притоки, на которых, как уже указывалось, повсеместно устанавливались водяные мельницы для помола зерна, круп и бобовых культур

Общая длина реки Амударья составляет 1440 км, из них 921 км приходится на реку Пяндж. Река Пяндж берет начало на границе с Китаем, где берет начало приток реки Вахандаря — Вахджир. Эта река присоединяется к другой небольшой реке, текущей в юго-восточном направлении примерно в 2-3 км к западу от поселка Базайгумбад, образуя реку Вахандарью. Другой приток реки Пяндж — Памир — начинается в районе озера Зоркуль, в который затем вливается множество небольших рек с Ваханского хребта. В районе таджикского кишлака Гиссара реки Вахандаря и Памир соединяются и образуют знаменитую реку Пяндж, которая на всем своем протяжении протекает как пограничная река между Афганистаном и Таджикистаном.

Сегодня в литературе существует множество предположений о названии этой реки — Пяндж, и зачастую ученые исходят из того, что это название произошло от таджикского слова *panj* — пять, что означает слияние пяти рек вместе. Однако после слияния этих двух рек следующая относительно крупная река — Гунд сливается с рекой Пяндж на расстоянии 226 км от этого участка, четвертая река — Бартанг на расстоянии 280 км и река Язгулям на расстоянии 356 км от слияния этих двух рек, что усложняет эту точку зрения. По нашему мнению, река Пяндж получила свое название от одноименной крепости Панджа, которая находится на расстоянии около 30 км от слияния рек Памир и Вахандаря с афганской стороны, играя в то время важную роль форпоста в этой местности.

Река Амударья — самая длинная река Средней Азии, длина которой составляет 2540 км при общем объеме воды $78,5 \text{ км}^3$. Река в основном формируется за счет стока рек Пяндж и Вахш ($59,45 \text{ км}^3$), из которых 60% водности или $35,67 \text{ км}^3$ приходится на реку Пяндж и 40% или $23,78 \text{ км}^3$ — на реку Вахш [5, с.57].

Общая гидроэнергетическая мощность этой реки оценивается в 30,8 млрд. кВт, что составляет более 41% от общего экономически эффективного гидропотенциала Афганистана, который пока не нашел и, возможно, еще долго не найдет применения для обеспечения экономики страны [7, с.12]. Остальные реки этого региона по существу все являются притоками этой знаменитой реки, которая при слиянии с таджикской рекой Вахш образует реку Амударья, протекающую вдоль границы Афганистана с Таджикистаном, Узбекистаном и отчасти Туркменистаном до места Мукри, где граница резко поворачивает на юго-запад, а река Амударья продолжает свой путь в северо-западном направлении. К этим рекам относятся сравнительно крупные реки Кокча и Кундуз, достигшие этой реки, а также реки Балх, Саманган, Дарья-Сафед и Ширинтагао, которые целиком используются для орошения в провинциях Саманган, Балх и Джузджан. Кроме того, имеются многочисленные притоки этих рек и отдельные мелкие притоки реки Пяндж, такие как Арахт, Шива, Равинджаб и др.

Таблица 1 – Гидроэлектростанции северной области Афганистана

№	Название станции	Провинция	Мощность (кВт)	Год строительства	Река или канал
1	Пули-Хумри-I	Баглан	4800*	1941	Пули-Хумри
2	Кундуз	Кундуз	1400	1960	Кундуз
3	Ханабад	Кундуз	1400	1960	Ханабад
4	Пули-Хумри-II	Баглан	9000	1962	Пули-Хумри
5	Бамиан	Бамиан	2800	1972	Бамиан
6	Файзабад	Бадахшан	125	1975	Кокча
7	Ханабад	Кундуз	6000	1978	Ханабад
8	Файзабад	Бадахшан	250	1984	Кокча
9	Бахарак	Бадахшан	170	1986	Вардудж
	Итого:		25945		

* Мощность станций указана с учетом их последующего увеличения.

Источник: составлено автором на основе [4; 5; 6; 8].

Среди основных притоков реки Амударья только Кокча и Кундуз обладают относительно большими ресурсами для энергетических целей - 3,6 млрд. кВт (2,6 млрд. кВт и 1 млрд. кВт соответственно), остальные четыре реки имеют мощность всего до 500 млн. кВт, из которых 200 млн. кВт приходится на реки Балх и Саманган и 100 млн. кВт - на реки Дарья, Сафед и Ширинтагао [7, с.15].

Одной из существенных особенностей реки Амударья и ее основного притока Пяндж является то, что их экономически эффективный гидропотенциал почти равен их общему гидропотенциалу, который составляет для реки Пяндж 92,8%, а для Амударьи – 100%. По этому показателю реки Амударья и Пяндж превосходят все существующие реки страны.

3. *Кабульский гидрографический регион.* В этот регион входят такие реки, как Кабул с притоками Кунар, Логар, Панджшер, Гурбанд, Сурхаб, а также Куррам, Кейту, Гумал и другие. Реки этого региона в наибольшей степени используются в энергетических целях и этот регион является одним из важнейших районов, где гидроэнергетика может быть развита с большой выгодой. Общий энергетический потенциал только реки Кабул составляет 31,8 млрд. кВт, что на 10 млрд. кВт больше запасов реки Гильменд с ее главным притоком Аргандаб [10, прил. 17]. Основные гидроэлектростанции региона Кабула перечислены в таблице 2.

Таблица 2 – Гидроэлектростанции Кабульской области Афганистана

№	Название станции	Провинция	Мощность (кВт)	Год строительства	Река или канал
1	Джабаль-ус Сирадж	Кабул	2560*	1919	Пагман
2	Пагман	Кабул	18	1924	Пагман
3	Чак-Вардак	Вардак	3360	1940	Логар
4	Суруби	Кабул	22000	1957	Кабул
5	Гульбахар	Парван	2800	1961	Панджшир
6	Дарунта	Нанграхар	11520	1964	Кабул
7	Наглу	Кабул	100000*	1967	Кабул
8	Махипар	Кабул	66000	1968	Кабул
9	Чарикар	Парван	2200*	1968	Горбанд
10	Парван	Парван	2400	1976	Горбанд
11	Чардехи-Горбанд	Парван	600	1976	Горбанд
12	Асадабад	Кунар	700	1987	Кунар
	Итого:		214158		

* Мощность станций указана с учетом их последующего увеличения.

Источник: составлено автором на основе [5; 6; 8].

Следует отметить, что правительство страны на протяжении всей истории было заинтересовано в развитии гидроэнергетики в этом гидрографическом районе, поскольку здесь сосредоточены основные промышленные объекты центра страны. Роль этого региона может возрасти в ближайшем будущем в связи с тем, что здесь так же планируется строительство новых и потенциальных станций, однако этот факт может привести лишь к широкому использованию гидропотенциала реки Кабул, оставив другие реки далеко позади. Указанная тенденция освоения и эксплуатации гидроэнергетических ресурсов показывает, что Афганистан стремится использовать свои внутренние и в то же время близлежащие гидроэнергетические ресурсы, которые могут обеспечить центральные районы страны необходимой электроэнергией. Использование гидроэнергетических ресурсов северных районов и особенно рек Пяндж и Амударья зависит от совместных усилий и договоренностей с северными соседями, с которыми эти ресурсы необходимо разделить.

Важно подчеркнуть, что при делении гидрографических районов афганский специалист Н.Рустоки включает в этот район и главную реку страны — Амударью, что, на наш взгляд, не верно, так как бассейн реки Амударья охватывает не

только реки Кокча, Шива, Равинджаб, но и такие северные реки, как Кундуз, Саманган, Балх, Дарья, Сафед и другие, которые он отнес к северному району. Такое гидрографическое деление было проведено исследователем, возможно, по той простой причине, что вышеупомянутые реки, за исключением Кундуза, не доходят до реки Амударья из-за их использования в ирригационных целях, но в этом случае реку Кундуз следовало бы отнести к бассейну реки Амударья, чего по каким-то причинам сделано не было.

Кабульский гидрографический район по площади аналогичен Гератскому району – 12% территории страны, который по своему гидроэнергетическому потенциалу уступает только Северо-Восточному району, занимая почетное второе место с почти 35% экономически эффективного гидроэнергетического потенциала Афганистана.

4. Регион Кандагар. Этот регион в основном занимает бассейн реки Гильменд. В этот регион также входят сезонные реки западной и южной частей Афганистана. Перспективы развития гидроэнергетики в этом регионе велики в масштабах страны, заключаясь в основном в потенциале реки Гильменд с ее главным притоком Аргандабом. Общий гидроэнергетический потенциал реки Гильменд вместе с Аргандабом равен 21,5 млрд. кВт.ч., из них категория экономически эффективной мощности составляет 10,7 млрд. кВт.ч. в год [10, с.43].

Характерной особенностью строительства гидроэлектростанций в этом регионе является то, что они должны иметь плотинный характер как для регулирования уровня стока воды, так и для последующего использования их водных ресурсов в сельскохозяйственных целях. Этот регион может обеспечить основные центры юга страны электроэнергией, при достаточно эффективном использовании имеющихся водных ресурсов, высококачественной сельскохозяйственной продукцией.

Среди всех действующих электростанций региона самой мощной является ГЭС Каджаки мощностью 33 МВт, построенная с помощью американских специалистов в середине 70-х годов, план строительства которой был заложен еще в конце 40-х годов XX века, когда американцы совместно с афганскими властями планировали проект освоения долины Гильменд. Этот проект был рассчитан на 4 года и в силу разных обстоятельств просуществовал более четверти века, так и не принеся задуманного результата. Основные электростанции региона были построены в 50-60-е годы прошлого века, и перечислены в таблице 3.

Наибольшую площадь занимает гидрографический район Кандагара — более 52%, хотя по своему гидроэнергетическому потенциалу он значительно уступает не только Северному району, но и Кабулу, который превосходит последний в 2,4 раза, приведенные в таблице 5. Характерной особенностью этого района является то, что его главный источник — река Гильменд используется как Афганистаном, так и Ираном, в связи с чем у иранской стороны часто возникают претензии к сокращению объема воды Афганистана. Особенно эти претензии усилились после завершения строительства электростанции и плотины Камал Хан в округе Чахар Бурджак провинции Нимруз, примерно в 95 км от провинциального центра Зарандж. Эта электростанция имеет мощность 9 МВт и обеспечивает водой более

175 тыс. га земель. Её строительство было запланировано в 70-е гг. прошлого века американскими специалистами, но после апрельского переворота американские специалисты отказались от станции и плотины. Строительство на этой станции возобновилось только во втором десятилетии нового тысячелетия и было завершено в марте 2021 года. Водохранилище этой станции способно аккумулировать более 52 млн м³ пресной воды, что, естественно, снизило уровень водоснабжения Ирана.

Таблица 3 – Гидроэлектростанции Кандагарской области Афганистана

№	Название станции	Провинция	Мощность (кВт)	Год строительства	Река или канал
1	Патаб	Кандагар	500	1935	Канал Патаб
2	Баба-Вали	Кандагар	380	1936	Аргандаб
3	Гиришк	Гильменд	3600	1959	Гильменд
4	Кандагар	Кандагар	640	1959	Аргандаб
5	Гиришк	Гильменд	2400	1961	Гильменд
6	Филькух	Кандагар	800	1963	Аргандаб
7	Каджаки	Гильменд	33000	1976	Гильменд
	Итого:		41320		

Источник: составлено автором на основе [4; 5; 6; 8].

Следует отметить, что все основные электростанции, построенные в Афганистане, имеют плотинный характер, что также способствует орошению близлежащих земель. Концентрация промышленности и электроэнергетики в центре страны, наблюдавшаяся в прошлом веке, вероятно, сохранится и в ближайшем будущем по той простой причине, что процесс восстановления начнется именно с центра страны — с региона Кабула. Сам факт строительства действующих электростанций показывает, что более 90% генерирующих мощностей сосредоточено в Кабульском и Кандагарском регионах, при этом их суммарный экономически эффективный гидропотенциал уступает Северному региону, который может быть использован только по мере развития экономики страны и совместного освоения энергоресурсов с северными соседями, которые также заинтересованы в развитии гидроэнергетики реки Амударья с ее основным притоком – рекой Пяндж.

Вопрос освоения гидроэнергетических ресурсов рек Амударья и Пяндж рассматривался специальным соглашением между Советским Союзом и Афганистаном от 19 июля 1964 года под названием «О совместном изучении возможностей комплексного использования гидроэнергетических ресурсов рек Пяндж и Амударья на границе СССР и Афганистана». После заключения этого соглашения

правительство СССР поручило Среднеазиатскому управлению ГИДРОПРОЕКТА изучить возможность строительства электростанций на этих реках. Документ готовился в течение четырех лет и был завершен в феврале 1968 года. ГИДРОПРОЕКТ предложил строительство 17 участков на обеих реках, из которых 13 намечалось на реке Пяндж и 4 на реке Амударья. Гидроэнергетический потенциал реки Пяндж был определен в 119 млрд. кВт.ч., а ее бассейн превышал 150 млрд. кВт.ч., по запасам которых река Пяндж занимала третье место в Советском Союзе после таких крупных рек, как Енисей (158 млрд. кВт.ч.) и Лена (144 млрд. кВт.ч.) [3, с.113]. Следует отметить, что по соглашению 1946 года между этими странами Афганистан имел право использовать 9 км³ воды, из которых фактически использовалось только 2 км³ [5, с.63].

По расчетам САО «ГИДРОПРОЕКТ», указанные 17 электростанций способны вырабатывать в общей сложности до 92 млрд. кВт.ч. электроэнергии, в том числе экономически эффективной для практического производства в те годы — до 37 млрд. кВт.ч. [3, с.115], что существенно увеличивается сегодня с использованием новых возможностей современной техники и оборудования. На основании полученных данных в таблице 4 приведен перечень 13 электростанций, предусмотренных ГАО «ГИДРОПРОЕКТ» еще в 1970-х годах на реке Пяндж, с указанием их мощности и выработки электроэнергии.

Таблица 4 – Планируемые гидроэлектростанции на реке Пяндж

№	Наименование гидроэлектростанций	Среднегодовой расход реки м ³ /сек	Объем водохранилища, км ³		Установленная мощность млн. кВт	Выработка электроэнергии в млрд. кВт.ч
			полный	полезный		
1	Баршорская	250	2.2	1.25	0.3	1.6
2	Андеробская	250	1.4	0.1	0.6	3.3
3	Пишская	250	0.2	0.03	0.3	1.7
4	Хорогская	250	0.1	0.1	0.2	1.3
5	Рушанская	529	5.5	4.1	3.0	14.6
6	Язгулямская	604	0.4	0.02	0.8	4.2
7	Гранитные ворота	659	1.3	0.03	2.1	10.5
8	Ширговатская	707	1.9	0.04	1.9	9.0
9	Хоставская	721	1.2	0.04	1.2	6.1
10	Дашгиджумская	767	17.6	10.2	4.3	16.0
11	Джумарская	796	2.3	1.3	2.0	8.2
12	Московская	800	0.8	0.04	0.8	4.0
13	Кокчинская	1100	1.2	0.2	0.3	1.5
Итого:					17.8	82.0

Источник: [2, с.128-129; 4, с.180]

Данная особенность подчеркивает, что Афганистану в ближайшее время следует рассмотреть вопрос совместного использования гидроэнергетических

ресурсов реки Амударья с Пянджем с Таджикистаном и начать постепенное освоение гидроэнергетического потенциала этой реки, где на первый план выходит Даштиджумская ГЭС общей мощностью 4 тыс. МВт, из которых, согласно общепринятой площади водосбора реки, около 15% будет принадлежать именно Афганистану, что составит более 600 МВт потенциальной мощности, или же примерно выработки более 2,4 млрд. кВт.ч. электроэнергии ежегодно, что превышает мощность и выработку крупнейших электростанций, построенных в стране. В то же время можно предположить, что строительство столь мощной электростанции будет способствовать освоению значительных земельных участков для орошения и подъему экономики региона в целом, создавая в этой местности своеобразный энергетический хаб, который в перспективе может существенно расшириться после развития в этой местности других указанных станций.

Суммарный гидроэнергетический потенциал рек страны с учетом их экономически эффективного гидроэнергетического потенциала приведен в таблице 5 по указанным четырем гидрографическим регионам Афганистана.

Таблица 5 – Гидроэнергетический потенциал регионов и существующая мощность гидроэлектростанций Афганистана

№ п/п	Название областей	Гидроэнергетический потенциал, в млрд. кВт.ч	Экономически эффективный гидроэнергетический потенциал, в млрд.кВт.ч	Процент экономически эффективный гидроэнергетический потенциал к общему гидроэнергетическому потенциалу	Количество электростанций	Существующая мощность (кВт)	%
1	Гератская	2.2	0.6	27.3	1	110	0.04
2	Кабульская	49.2	26.0	52.8	12	214,158	76.07
3	Кандагарская	23.6	10.9	46.2	7	41,320	14.68
4	Северная	59.3	37.5	63.2	9	25,945	9.22
	Итого:	134.3	75	55.8	29	281,533	100

Источник: составлено автором на основе [4; 5; 6; 8].

Таблица наглядно показывает, что дальнейшее развитие гидроэнергетики Афганистана в основном связано с Кабульским и Северным гидрографическими районами, которые составляют почти 85% экономически эффективного гидроэнергетического потенциала страны.

Таким образом, анализ гидрографических районов Афганистана показывает, что он обладает достаточно богатым гидроэнергетическими ресурсами, способными удовлетворить энергетические потребности национальной экономики, из которых, по оценкам местных специалистов, используется лишь менее 10% [12, с.90]. Именно поэтому одной из важнейших особенностей данной отрасли является то, что в отличие от многих других развивающихся и развитых стран Афганистан имеет огромный потенциал для дальнейшего развития гидроэнергетики. Хотя развитие гидроэнергетики, в свою очередь, в определенной мере усилит однобокость электроэнергетического сектора отрасли Афганистана, базирующегося, в основном, только на гидроэлектростанциях, требующих больших капиталовложений и значительных сроков строительства по отношению к другим типам станций, тем не менее, они являются наиболее быстро окупаемыми типами станций, которые также способствуют решению ирригационных проблем страны и приводят к значительному росту основной отрасли экономики Афганистана – сельского хозяйства, где работает более 80% имеющейся рабочей силы.

Литература

1. Абдуллаева Ф.С., Баканин Г.В. и др. Гидроэнергетические ресурсы Таджикской ССР. – Л., 1965. – 657с.
2. Азими М. Географические основы экономики Афганистана. – Кабул, 2011. – 381 с. (на яз. дари)
3. Бахтияров Р.И. Развитие экономики Афганистана / Р.И.Бахтияров, А.А.Бостанжогло, А.А.Пятигорский и др. – Ташкент, 1970. – 197с.
4. Ежов Г.П. Экономическая география Афганистана. – М., 1990. – 160с.
5. Зонн И.С. Водная политика Афганистана в Центральной Азии / И.С.Зонн, С.С.Жильцов, А.В.Семенов, А.Г.Костяной // Вестник Московского университета имени С.Ю.Витте. Серия 1. Экономика и управление. – 2018. – №3(26). – С.54-66.
6. Мухаббатов Х. Ресурсы горного Таджикистана. – М., 1999. – 335с.
7. Нури А. Роль электроэнергии в национальной экономике страны. – Кабул, 1983. – 65с. (на яз. дари)
8. Окимбеков У. Экономика Афганистана (производственная инфраструктура). – М., 2016. – 447с.
9. Ораз Г.Дж. Физическая география Афганистана. – Кабул, 1981. – 181с. (на яз. дари)
10. Раджабеков Г.Д. Энергетические проблемы послевоенного восстановления и развития энергетики Афганистана: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.14 / Раджабеков Гуломсафдар Джомиевич. – М., 2002. – С.198с.
11. Рустоки Н. Распределение осадков на территории Афганистана. – Кабул, 1985. – 56с. (на яз. дари)
12. Танивал М.З. Амин Х. Экономическая география Афганистана. – Кабул, 2003. – 211 с. (на яз. дари)

HYDROENERGY RESOURCES OF AFGHANISTAN AND THEIR DEVELOPMENT ISSUES

Rajabekov Gulomsafdar Jomievich

Candidate of economical sciences

International university of tourism and entrepreneurship of Tajikistan

734055, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Borbad ave., 48/5

Ph. (+992) 93 570 30 30 (m.)

safdarrajabek@gmail.com

In the article the main hydrographic regions of Afghanistan are presented, their hydropower resources, the current state of their development and the possibility of further use of their energy potential for the development of the country's economy are indicated. Since the country's hydropower resources have a dual purpose – as the main sources of land irrigation and as a means of providing electricity to the needs of the national economy of individual regions, their use is considered through the prism of mutual benefit for the country's economy. It is noted that hydropower resources are relatively evenly distributed across the territory of Afghanistan in relation to other energy resources, and therefore can be used effectively for both irrigation and energy supply. The potential for using the country's existing hydropower resources is substantiated, which contribute to its economic growth both through energy supply and the development of irrigation in the country as a whole and hydrographic region separately. It is shown that although the northern irrigation region has the largest resources with a greater economic effect, the growth of hydropower in the country entirely depends on the energy needs of these regions, due to which it is the central region of Afghanistan that has received the greatest development at this stage. It is concluded that this trend in the development of hydropower may continue in the near future, but in the more distant future it will change in favor of the best-supplied Northern region.

Keywords: hydrographic region; hydro resources; Afghanistan; energy potential; irrigation; energy supply; economy.

ЗАХИРАХОИ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИИ АФГОНИСТОН ВА МАСЪАЛАХОИ ИСТИФОДАИ ОНҲО

Рачабеков Гуломсафдар Ҷомиевич

Номзади илмҳои иқтисодӣ,

Донишгоҳи байналмилалӣ сайёҳӣ ва соҳибкорӣ Тоҷикистон

734055, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Борбад, 48/5

Тел. (+992) 93570 30 30 (м.)

safdarrajabek@gmail.com

Дар мақола ноҳияҳои асосии гидрографии Афғонистон нишон дода шуда, захираҳои гидроэнергетикии онҳо, вазъияти ҳозираи тараққиёти онҳо ва имкониятҳои истифодаи минбаъдаи онҳо

тидори энергетикии онҳо барои тараққиёти иқтисодиёти мамлакат нишон дода шудааст. Азбаски захираҳои гидроэнергетикии ҷумҳурӣ ҳадафи дугона — ҳамчун манбаи асосии обёрӣ замин ва ҳамчун воситаи таъмини эҳтиёҷоти ҳочагии халқи ноҳияҳои алоҳида бо қувваи барқ мебошад, истифодаи онҳо аз призмаи нафъи тарафайн барои иқтисодиёти кишвар дида мешавад. Қайд карда мешавад, ки захираҳои гидроэнергетикӣ дар қаламрави Афғонистон нисбат ба дигар захираҳои энергетикӣ нисбатан баробар тақсим шудаанд ва аз ин рӯ, метавонанд ҳам барои обёрӣ ва ҳам барои таъмини қувваи барқ самаранок истифода шаванд. Имкониятҳои истифодаи захираҳои мавҷудай гидроэнергетикии кишвар, ки ба рушди иқтисодии он ҳам аз ҳисоби таъмини нерӯи барқ ва ҳам рушди ирригатсионӣ дар маҷмӯъ дар ҷумҳурӣ ва минтақаҳои алоҳидаи гидрографӣ мусоидат мекунанд, асоснок карда шудаанд. Нишон дода шудааст, ки гарчанде минтақаи ирригационии шимолӣ дорой захираҳои калонтарини иқтисодӣ мебошад, афзоиши гидроэнергетика дар кишвар комилан ба эҳтиёҷоти энергетикӣ ин минтақаҳо вобаста аст, ки аз ин рӯ маҳз минтақаи марказии Афғонистон дар марҳилаи мазкур аз ҳама бештар рушд кардааст. Хулоса, ин тамоюли рушди гидроэнергетика метавонад дар ояндаи наздик идома ёбад, аммо дар ояндаи дуртар он ба нафъи минтақаи аз ҳама бештар аз нерӯи барқ таъминшудаи Шимол тағйир хоҳад ёфт.

Калидвожаҳо: минтақаи гидрографӣ; захираҳои обӣ; Афғонистон; иқтидори энергетикӣ; обёрӣ; таъмини қувваи барқ; иқтисодиёт.

УДК 330.88+336.018

РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО КРЕДИТОВАНИЯ В КИТАЕ

Исмаилова Шахноз Шавкатовна

Кандидат экономических наук,
заместитель директора Департамента кредитования
ГУП «Сберегательный банк Таджикистана «Амонатбанк»
734001, Республика Таджикистан, Душанбе, проспект Рудаки, 105
Тел.: (+ 992 37) 221 70 81; (+992) 44 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

В статье рассматривается эволюция государственной политики кредитования сельского хозяйства в Китае, начиная с 1978 года и вплоть до современных форм, включающих льготные процентные ставки, комплексную систему субсидий, инновационные методы оценки залога и механизмы обеспечения возврата кредитов. Освещаются вопросы иностранного участия в кредитном секторе, структура собственности кредитных кооперативов, а также динамика долей (паёв) в них с 1980-х годов и до настоящего времени. Рассматриваются конкретные результаты для аграрного сектора Китая и возможности адаптации данного опыта к условиям Таджикистана.

Ключевые слова. Китай; сельское хозяйство; кредитование; государственная политика; залог; субсидии; кооперативы; инновации; иностранные инвестиции; пай; сельская экономика; Таджикистан.

Сельское хозяйство традиционно играет ключевую роль в экономическом развитии многих стран Азии, в частности Китая и государств Центральной Азии (включая Таджикистан). Обеспечение сельхозпроизводителей доступными источниками финансирования, а также эффективная политика в сфере агрокредитования являются важнейшими факторами, позволяющими достичь продовольственной безопасности, повысить конкурентоспособность отрасли и улучшить условия жизни значительной части населения, занятого в сельской местности [1, с.15; 2, с.11].

История реформ в Китае с 1978 года во многом отражает то, как государство может целенаправленно влиять на развитие сельского хозяйства. В первые годы реформ основой стратегии стала политика децентрализации и постепенного открытия рынка, при одновременном сохранении ведущей роли государства в перераспределении ресурсов. Позднее Китай сформировал многоуровневую систему финансовых институтов, включая специализированные банки, сельские кредитные кооперативы, механизмы микрофинансирования и инструменты государственной поддержки в форме субсидий и льготных ставок [2, с.21; 3, с.44].

Современный этап, начиная с 2010-х годов, характеризуется широким внедрением финансовых технологий (FinTech), усилением иностранных инвестиций, появлением продвинутых методов оценки залога и страхования рисков, а также развитием механизмов цифрового оформления кредитов. С точки зрения структуры собственности кредитных организаций, Китай изначально полагался на коллективные формы (кооперативы) и государственные банки, однако к настоящему времени существенно расширилось участие частного и иностранного капитала, особенно в высокотехнологичных проектах [1, с.18].

Опыт Китая чрезвычайно ценен для Таджикистана, где сельское хозяйство выступает стратегически важным сектором и даёт работу значительной части населения. В условиях ограниченности финансовых ресурсов и отсутствия обширного внутреннего рынка задача привлечения доступных кредитов становится особенно актуальной [2, с.23]. Перенимая китайские наработки – в том числе меры господдержки кредитных организаций, внедрение современных технологий оценки залога и пр., – возможно ускорить модернизацию агросектора в Таджикистане и других соседних странах.

Задача исследования состоит в том, чтобы проанализировать эволюцию кредитной политики Китая применительно к сельскому хозяйству, уделить особое внимание деталям (залог, оценке имущества, системе возврата кредитов, структуре собственности кредитных организаций и роли иностранных инвестиций), а также сформулировать практические рекомендации по применению этого опыта в условиях Таджикистана.

Этап 1. Начальный этап реформы сельскохозяйственного кредитования в Китае (1978-1984 гг.) связан с внедрением семейного подряда на земельные участки и формированием кооперативного финансирования. Политика «реформ и открытости», озвученная руководством КНР в 1978 году, знаменовала резкий поворот от жёстко плановой экономики к более гибридной модели, сочетающей рыночные механизмы и государственное регулирование. Для сельского хозяйства ключевой мерой стало введение «системы семейного подряда» (household responsibility system), когда коллективные коммуны были заменены распределением земельных участков в аренду семьям [2, с.26].

В сфере кредитования это привело к потребности в индивидуальных займах для мелких хозяйств, что стимулировало развитие сельских кредитных кооперативов (RCCs). Первоначально RCCs формировались на базе бывших коммун, но постепенно обрели самостоятельность и получили государственную лицензию на выдачу кредитов в рамках утверждённых лимитов [5, с.73].

В первые годы реформ (1980–1990-е) RCCs были сформированы как полугосударственные структуры, где:

- фермеры (часто насчитывающие десятки или сотни членов) вносили паи, в зависимости от своего дохода или размера обрабатываемой площади. Чаще всего это были небольшие суммы. Суммарно доля фермеров могла достигать 60–70 % от всех паёв [5, с.80];
- органы местной администрации в некоторых случаях напрямую вносили капитал, чтобы увеличить уставный фонд;

- государственные банки выступали кураторами RCCs, предоставляли рефинансирование и имели право контроля над кредитной политикой.

По сути, RCCs не были полностью независимыми коммерческими структурами: их уставная деятельность регулировалась многочисленными постановлениями, а их руководители отчасти назначались администрацией [2, с.60].

В этот период кредитование сельского хозяйства характеризовалось следующими условиями:

- ставки по кредитам составляли в среднем 3-4 % годовых при условии, что заём выдавался на закупку семян, удобрений и сельхозинвентаря для основных продовольственных культур (рис, пшеница, кукуруза). Общий уровень инфляции был достаточно умеренным, поэтому данные ставки считались относительно льготными;

- система залога в качестве обеспечения возврата кредита ещё не была отработана. Основной формой обеспечения задолженности часто являлась коллективная ответственность нескольких членов кооператива. Залогом могли выступать личные вещи, животные, будущий урожай, но нормы оценки залога находились на стадии формирования и сильно зависели от региональных особенностей [6, с. 19];

- обеспечение возврата кредита зачастую сводилось к «социальному давлению» внутри кооперативов, где члены общины несли репутационную ответственность друг перед другом. Государство иногда покрывало убытки RCCs через прямые дотации, но это не было формализовано [2, с.29].

Важной чертой этого этапа стало интенсивное участие государства в становлении кооперативов. Местные власти могли предоставлять гранты или бесплатные помещения под офисы, а также выделять символические суммы на формирование уставных фондов. В результате, к середине 1980-х годов сельские кредитные кооперативы стали одним из основных источников финансирования для аграриев в КНР.

Этап 2. Следующий этап развития сельскохозяйственного кредитования в Китае характеризуется созданием специализированных банков и формированием законодательной базы (1984-1990 гг.). С 1984 года Народный банк Китая (НБК) начал выполнять функции центрального банка, а само банковское дело в КНР вступило в стадию поэтапной коммерциализации [3, с.47]. В этот же период государство запустило механизмы целевого субсидирования процентов для банков, работающих с агросектором.

В практике кредитования сельского хозяйства Китая произошли следующие ключевые изменения:

- 1) были учреждены специализированные банки. Кроме существовавших государственных банков, сформировались отдельные институты, ориентированные на конкретные отрасли. Часть из них впоследствии была преобразована в государственные коммерческие банки, а часть – в банки развития [6, с.20].

- 2) усилилась роль сельских кредитных кооперативов. На уровне провинций начали создаваться союзы кредитных кооперативов, которым делегировались некоторые функции по рефинансированию и контролю. Это позволило централи-

зованно привлекать средства и распределять их среди локальных кооперативов [2, с.31].

3) была создана новая нормативная правовая база кредитования. В 1986 г. были изданы первые постановления Госсовета КНР, регулирующие порядок выдачи льготных кредитов сельскому хозяйству и устанавливающие принципы оценки платёжеспособности фермера. В частности, закреплялось понятие «государственной гарантии» по некоторым особо важным кредитам в зерновом секторе [1, с.19].

Система залога начала развиваться более активно: банки и кооперативы стали требовать документального подтверждения права аренды земли или её фактического использования. Однако юридические механизмы залога земли были ограничены, так как земля оставалась государственной. Часто в качестве залога использовались имущественные права на будущий урожай, технику, скот или товары, принадлежащие фермеру.

Оценка залога осуществлялась уполномоченными лицами кооперативов (иногда без формальной сертификации), опираясь на местные цены и урожайность за предыдущие годы. В условиях недостаточной прозрачности этих методов оценки залога это нередко приводило к рискам завышения либо занижения стоимости залога. Тем не менее государство продолжало поддерживать систему, считая приоритетной задачу обеспечения продовольственной безопасности [2, с.33].

Этап 3. Следующий этап развития кредитования сельского хозяйства в Китае (1994–2000 гг.) связан с образованием Банка развития сельского хозяйства Китая (Agricultural Development Bank of China, ADBC) и масштабным субсидированием. В 1994 году китайское правительство создало ADBC, которому были делегированы задачи по финансированию крупных инфраструктурных проектов и закупок сельскохозяйственной продукции в государственные резервы [7, с.11].

В качестве основных функций ADBC определены:

- кредитование государственных закупок зерна, хлопка, масличных культур с целью формирования резервов по фиксированным или гарантированным ценам;
- предоставление долгосрочных займов на строительство ирригационных систем, складских комплексов, транспортных узлов;
- субсидирование ставок: государство через ADBC компенсировало часть процентной ставки коммерческим банкам и RCCs, если они выдавали кредиты фермерским хозяйствам под приоритетные для страны культуры [2, с. 35].

В это время правительством был принят ряд программ, в частности:

- программа «Государственные резервы зерна» (1994-2005 гг.), в рамках которой ADBC выделял льготные кредиты (4-6 % годовых) компаниям-переработчикам и закупочным конторам, которые, в свою очередь, обеспечивали гарантированные закупки зерна у фермеров [1, с.20];
- развитие хлопководства, которая предусматривала предоставление отдельных субсидий регионам, специализирующимся на выращивании хлопка, что позволяло удерживать низкие ставки (3-4 % для сезонных займов) [6, с.21].

Сельские кредитные кооперативы в этот период начали активно рефинансироваться от ADBC, получая ресурсы по ставке 2-3 % годовых, а затем выдавая кредиты фермерам уже под 4-6 % (при рыночном уровне 7-8 %). Это обеспечивало кредитным кооперативам некоторую маржу, но взамен они обязаны были поддерживать высокий процент «аграрных» кредитов в своём портфеле (до 70-80 %) [2, с.37].

В конце 1990-х – начале 2000-х годов крупные кооперативы в экономически развитых районах (в частности, в дельте реки Янцзы, прибрежных зонах) стали преобразовываться в Rural Commercial Banks. Это означало, что:

- уставный капитал мог формироваться за счёт выпуска акций. Фермеры-участники RCCs получали эквивалент своих паёв в виде акций, но при этом появлялись и новые акционеры – частные компании, госбанки и в меньшей степени иностранные инвесторы;

- государственный контроль в большинстве случаев сохранил значительную долю (от 30 до 50 %), чтобы гарантировать, что банк продолжит активно кредитовать аграрный сектор;

- участие иностранных инвесторов было регламентировано квотами (часто не более 20 %), однако в реальности доля иностранного капитала редко превышала 10-15% [1, с.32].

В результате преобразований доля фермерских паёв в кредитных организациях постепенно снизилась (в среднем до 30-40 %). Это отчасти обусловлено тем, что мелкие фермеры не могли вносить дополнительные средства для увеличения капитала, в то время как государственные и частные структуры были готовы инвестировать больше.

В конце 1990-х годов капитал сельских кредитных кооперативов включал:

- в среднем 60-70 % долей (паёв) принадлежало мелким сельским домашним хозяйствам (в каждом кооперативе могло состоять от 100 до 1000 пайщиков);

- оставшиеся доли капитала кооперативов (30-40 %) часто контролировали местные администрации и/или государственные банки, внося свой капитал для формирования уставных фондов;

- иностранного капитала в RCCs практически не было, за исключением пилотных проектов в южных прибрежных регионах (Гуандун, Фуцзянь), где некоторые гонконгские инвесторы участвовали в субпроектах [4, с.29].

Этап 4. Развитие сельскохозяйственного кредитования в Китае в 2000-2010 гг. характеризуется расширением рыночных реформ, диверсификацией и появлением сельских коммерческих банков.

После вступления Китая во Всемирную торговую организацию (2001 г.) в стране ускорились рыночные реформы. Это коснулось и агрокредитования, которое стало более открытым для коммерческих и, в определённой мере, иностранных инвестиций.

Как отмечается, в этот период произошли следующие ключевые процессы:

- а) появление сельских коммерческих банков (Rural Commercial Banks – RCBs). Многие крупные RCCs были преобразованы в RCBs, получив лицензию на более широкую банковскую деятельность. Несмотря на это, государство про-

должало требовать, чтобы значительная доля их кредитного портфеля (не менее 50 %) было направлено в сельское хозяйство [6, с.22].

б) расширение форм залога: в этот период банки стали активнее использовать залог земли, хотя формально земля оставалась государственной. Фермеры могли закладывать право аренды (в некоторых провинциях на 30-50 лет), а специализированные оценочные бюро, формируемые при RCBs, проводили оценку стоимости этого права с учётом текущей рыночной конъюнктуры [2, с.39];

в) обеспечение возврата кредитов совершенствовалось за счёт:

- внедрения систем страхования урожая (которое обеспечивало частичное покрытие убытков фермеров при неблагоприятных погодных условиях);

- привлечения страховых компаний, которые предоставляли банкам гарантийное покрытие;

- усиления нормативов по резервам под проблемные кредиты [1, с.24].

г) иностранные инвестиции стали проникать в агрокредитование через совместные предприятия. Например, некоторые европейские и азиатские банки заключали договора партнёрства с RCBs, создавая пилотные программы микрофинансирования. В целом доля иностранного капитала в сельском кредитном секторе оставалась небольшой (менее 5% в большинстве регионов), однако в прибрежных провинциях (Чжэцзян, Гуандун) она могла достигать 10-15% [9, с.130].

В этот же период государство расширило систему субсидий и грантов на покупку современной техники: от тракторов и комбайнов до оборудования для капельного орошения. Фермер, оформляя кредит под 6-7 % годовых, мог получить компенсацию до 2 п.п. (процентных пунктов), если приобретал технику отечественного производства, и до 1 п.п. – если импортную [5, с.74].

Также несколько изменилась динамика формирования капитала в кооперативах и коммерческих банках: если в 1980-х – начале 1990-х годов основными пайщиками RCCs были сами фермеры и местные администрации, то к 2000-м годам наблюдалось перераспределение: доля мелких пайщиков несколько сократилась (в среднем до 50-60 %), при этом увеличилась доля государственных банков и в некоторых случаях частных инвесторов, заинтересованных в преобразовании RCCs в RCBs. Иностранные банки в ряде пилотных проектов могли владеть 5-10 % акций (паёв), но законодательство зачастую ограничивало их право голоса и требовало совместного управления с китайскими органами [2, с.40; 9, с.131].

Этап 5. Современный этап развития сельскохозяйственного кредитования в Китае (с 2010-х годов) характеризуется расширенным применением цифровизации, использованием инноваций и активизацией иностранного капитала.

На сегодняшний день агрокредитный сектор Китая представлен:

1) Банком развития сельского хозяйства Китая (ADBC) – госучреждением, занимающимся крупными проектами и закупками для государственных резервов. 100 % долей его капитала принадлежат государству [6, с.24];

2) коммерческими банками (включая бывшие RCCs и вновь образованные RCBs), в капитале которых участвуют:

- государственные структуры (с долей 25-50 %);

- частные инвесторы (как китайские, так и иностранные) (с долей в совокупности 30-40 %);

- мелкие акционеры-фермеры (с долей до 30 %, а иногда и меньше);

3) классическими RCCs (сохранившимися в ряде менее развитых районов), где доля фермерских паёв всё ещё может достигать 50-70 %. Они работают по кооперативному принципу, но находятся под жёстким государственным надзором [2, с.62];

4) микрофинансовыми и FinTech-компаниями, где собственники представляют смесь IT-корпораций, частных фондов и, в некоторых случаях, зарубежных партнёров. Их доля в общем объёме агрокредитов пока относительно невелика, но растёт быстрыми темпами [8, с.47].

Таким образом, с конца 1980-х и до наших дней структура паёв (долей) в капитале кредитных организациях эволюционировала от преобладания мелких фермерских долей и государственного участия к более диверсифицированной модели, в которой усилилось присутствие частного, корпоративного и даже иностранного капитала.

До начала 1990-х годов иностранный капитал практически не допускался в сельское хозяйство и финансовый сектор Китая. Постепенно, вместе с общим открытием экономики, появились различные формы иностранного участия:

- совместные предприятия (Joint Ventures) с китайскими банками или кооперативами;

- прямое акционирование в некоторых коммерческих банках, особенно в прибрежных экономически развитых зонах;

- кредитные линии от зарубежных финансовых институтов (например, от Японского агентства международного сотрудничества (JICA) или фондов IFC), которые выдавались под гарантии государства [9, с.131].

Либерализация банковского сектора после вступления Китая в ВТО (2001 г.) упростила доступ к рынку. Однако во избежание резких потрясений Пекин по-прежнему сохранял ограничения на максимальные доли иностранной собственности (не более 20-25 % в одном банке) и на отдельные виды деятельности.

В настоящее время в кредитовании сельского хозяйства Китая применяются современные формы иностранного участия:

стратегические партнёрства: иностранные банки и IT-компании могут предлагать технологические решения (онлайн-платформы, скоринг, блокчейн) китайским сельским банкам, получая взамен некоторую Собственность (капитал) кредитных организаций на современном этапе получила существенную диверсификацию:

- государство (центральное или провинциальное) нередко владеет контрольным пакетом ADBC и ряда коммерческих банков, специализирующихся на сельском хозяйстве;

- частные инвесторы, включая сельхозпредприятия и перерабатывающие компании, могут владеть крупными пакетами акций RCBs в регионах, где они ведут бизнес;

• иностранные участники всё ещё сталкиваются с законодательными барьерами, но их присутствие растёт в форме совместных предприятий, лизинговых компаний и консультационных сервисов [2, с.46].

В сумме все эти факторы формируют комплексную, многоуровневую и относительно устойчивую систему агрокредитования в Китае.

◦ долю в капитале или комиссионную плату;

◦ привлечение «зелёных» инвестиций: для экологических проектов в сельской местности (органическое земледелие, предотвращение эрозии) многие зарубежные «зелёные фонды» предлагают льготные кредиты или гранты, нередко работая совместно с местными банками [8, с.48];

◦ покупка облигаций ADBC или других агросубъектов (этот механизм более косвенный, но существенный для привлечения иностранного капитала).

Присутствие иностранных инвестиций в сельском кредитном секторе Китая способствует: расширению доступа к новейшим технологиям (системы анализа данных, *scoring*, *risk-management*); увеличению ресурсной базы банков, что позволяет выдавать больше кредитов фермерам; повышению уровня прозрачности и внедрению международных стандартов учёта и аудита.

Однако сохраняются риски, связанные с возможным оттоком капитала при смене рыночной конъюнктуры или политических ограничений [2, с.64].

Серьёзным образом изменились в современных условиях условия сельскохозяйственного кредитования, включая процентные ставки, субсидии и механизмы возврата. Процентные ставки для агросектора в Китае обычно ниже, чем в промышленности или торговле, благодаря следующим видам господдержки: при базовой рыночной кредитной ставке 5-7 % льготные кредиты фермерам могут выдаваться под 3-5 % годовых при условии субсидирования 1-2 п.п. из госбюджета (центрального или провинциального) [2, с.48]; для «зелёных» проектов (экологически чистое производство, органическое земледелие) кредитная ставка для фермеров может быть ещё ниже – 2-3 %, поскольку государство поощряет переход к экологически устойчивым методам хозяйствования [4, с.35].

В процессе сельскохозяйственного кредитования используется широкий набор механизмов обеспечения возврата, в том числе:

1) система страхования: многие банки требуют, чтобы фермеры застраховали урожай. При неблагоприятных погодных условиях или эпидемиях (например, африканская чума свиней) страховая компания покрывает большую часть убытков, что позволяет фермеру не допустить банкротства;

2) гарантийные фонды при министерствах сельского хозяйства или при ADBC. Если фермер не может вернуть кредит, фонд возмещает до 70-80 % задолженности банку [2, с.50];

3) система «социального кредита» (*Social Credit System*). В отдельных регионах учитывается репутационный рейтинг фермеров (наличие просрочек, прошлые долги), что влияет на доступ к новым займам [1, с.28].

Одновременно развивается система залогов. Залог как инструмент обеспечения возврата кредитов одновременно является одним из важнейших инструментов минимизации рисков.

В Китае применяются разные формы залога, включая:

- право аренды земли (в случае долгосрочной аренды от 30 лет и более), подтверждённое договором или сертификатом.
- техника, инфраструктура (хозпостройки, склады), которая может быть оценена специалистами банка.
- будущий урожай (сгор lien). При этом банки используют данные о средней урожайности, ценах на культуру, страховые полисы.

поручительство групп фермеров или кооператива, при котором ответственность за невозврат делится на несколько хозяйств [3, с.52].

В Китае земля формально принадлежит государству или коллективам, а фермеры имеют право долгосрочной аренды. В 1980-1990-х годах это серьёзно осложняло процедуру залога, поскольку земля не могла выступать полноценным объектом ипотеки.

Для залогового обеспечения возврата кредитов кредитные организации используют:

1) право аренды (land use right). Закрепление долгосрочного (30–50 лет) права аренды у фермера даёт возможность банку расценивать это право как актив. Однако при возникновении дефолта банк должен иметь юридическую возможность передать аренду иному лицу. В практической плоскости это требует согласия местных властей [2, с.56];

2) ресурс будущего урожая. Часто используется механизм сгор lien, при котором в договоре прописывается, что урожай будет направлен на погашение долга в случае неплатежей. При этом банк стремится застраховать урожай и установить мониторинг (иногда даже с применением дронов и спутниковых данных) [7, с.14].

Для оценки залога (будь то техника, скот, складские помещения или право аренды) банки всё чаще прибегают к услугам независимых оценочных агентств либо формируют собственные экспертные подразделения. С появлением рыночной экономики в сельской местности стали формироваться стандарты оценки, учитывающие:

- рыночные цены на технику, взятые с учётом износа;
- рыночную стоимость земли (точнее, прав аренды) в данной провинции;
- текущую и прогнозируемую стоимость сельхозпродукции на момент сбора урожая [8, с.46].

При этом вмешательство государственных органов не исчезло: в некоторых случаях местные администрации могут рекомендовать «завышать» или «занижать» оценку в интересах стабилизации сельских территорий. Тем не менее общая тенденция – к большей прозрачности и рыночному подходу в оценке залога.

Кроме этого, используются иные инструменты обеспечения возврата кредитов. В частности, ключевым инструментом снижения кредитных рисков выступает страхование. В Китае действуют как крупные государственные страховые компании (например, PICC), так и частные. При оформлении агрокредита в сельском банке фермер зачастую обязан купить полис страхования урожая, скота или техники [3, с.64].

Поручительства (особенно групповые) широко применяются в сельских кредитных кооперативах. Группа из нескольких фермеров может солидарно нести ответственность: если один не платит, другие должны внести недостающую сумму. Это повышает дисциплину внутри общин, хотя требует высокого уровня доверия [2, с.58].

В целом, для снижения рисков кредитования:

- банки и кооперативы могут использовать данные спутникового мониторинга для оценки реального состояния посевов, что уменьшает риск завышения/занижения залоговой стоимости будущего урожая;
- расширены возможности оформления гарантийных фондов при министерствах сельского хозяйства провинций. При этом часть кредитного риска берёт на себя правительство, что стимулирует банки к кредитованию мелких хозяйств [2, с.44];
- иностранные кредиторы всё чаще предлагают средства под залог экспортной выручки (в отношении фермеров, работающих на внешний рынок) или под поручительство локальных банков, что уменьшает риск неплатежей [9, с.132].

В Китае реализуется государственная программа субсидирования покупки сельхозтехники, предусматривающая:

- компенсацию 20-40 % стоимости трактора, комбайна или специализированного оборудования (размер субсидии зависит от приоритетов региона и локализации производства техники);
- лизинговые программы, позволяющие фермерам брать технику в долгосрочную аренду с последующим выкупом по льготной ставке 3-5 %. При этом первоначальный взнос может быть снижен вплоть до 10 % [5, с.82].

Пример: В провинции Хэбэй, с 2010 по 2015 год, доля механизированной уборки зерновых выросла с 65% до 90%, во многом благодаря доступным кредитам на технику и локальным субсидиям. Это позволило сократить сроки уборки и потери урожая [1, с.34].

В 2010-х годах Китай вошёл в фазу «цифрового рывка», что повлияло и на сферу агрокредитования. Множество операций по оформлению и обслуживанию кредитов переместились в онлайн-пространство [1, с.25].

Активное внедрение современных технологий, включая механизацию, системы точного земледелия, дроны и ИТ-инфраструктуру стало одним из результатов масштабного кредитования сельского хозяйства Китая [9, с.132].

В результате фермеры в отдалённых районах, ранее имевшие затруднённый доступ к банковским услугам, получили возможность оформлять займы через мобильные приложения, предоставляя цифровые данные о посевах, хозяйстве и гарантиях.

Финансовые технологии (FinTech) стали средством привлечения и иностранных инвестиций: зарубежные фонды и ИТ-компании нередко входят в совместные предприятия с китайскими банками, предлагая автоматизированные системы скоринга клиентов, анализа спутниковых снимков полей и т.д. [7, с.14; 8, с.45].

В последние годы Китай стал одним из мировых лидеров в области мобильных платёжных систем и онлайн-банкинга. Это отражается и на сельском секторе:

- онлайн-кредитование через мобильные приложения (например, WeBank, Alipay) с упрощённой процедурой скоринга. Фермер может подать заявку, загрузив фотографии полей, документов, страховых полисов и получить ответ в течение нескольких часов [8, с.49];
- электронная коммерция (e-commerce). Оформляя кредит, фермеры могут параллельно подключаться к платформам продажи продукции (Taobao, JD.com). Банки иногда предоставляют скидки по ставкам тем, кто подключён к таким платформам, учитывая стабильную выручку [7, с.15];
- использование Big Data и искусственного интеллекта для прогнозирования урожайности и цен. Это снижает неопределённость и риски для кредиторов [2, с.65].

Таким образом, технологическая модернизация в Китае идёт рука об руку с развитием финансовых сервисов, причём государство активно поощряет такие процессы через льготные схемы.

В результате, благодаря предпринятым комплексным мерам, объём сельскохозяйственных кредитов в Китае за последние четыре десятилетия существенно возрос. Ниже приведены обобщённые данные (табл. 1).

Таблица 1 – Динамика объёмов агрокредитования в Китае

Период	Суммарный объём кредитов в АПК (млрд долл. США)	Средняя ставка, %	Доля льготных кредитов, %
1980–1985 гг.	10–15	3–5	60–70
1990–1995 гг.	40–50	4–6	50–60
2000–2005 гг.	150–200	4–5	40–50
2010–2015 гг.	500–700	3–5	30–40
2016–2020 гг.	800–1200	2–5	25–35

Источник: [1, с.30; 2, с.52; 3, с.59; 4, с.36; 5, с.76; 6, с.22].

Хотя доля льготных кредитов в общем объёме со временем несколько снизилась (из-за общего роста рынка и активизации коммерческих кредитов), абсолютные показатели сельскохозяйственного финансирования (в млрд долл.) растут.

В следствие всестороннего использования государственной поддержки кредитования сельского хозяйства Китая, в этом секторе экономики достигнуты впечатляющие результаты. Китай продемонстрировал, что стабильная государственная поддержка аграрного сектора через систему льготных кредитов, субсидий и гарантий способна создать мощную основу для сельскохозяйственного роста.

За несколько десятилетий страна реформ страна добилась следующего:

- валовая продукция АПК Китая увеличилась в десятки раз: с 60 млрд долл. США в 1980 г. до более чем 1 трлн долл. в наши дни [3, с.60]. Значительно увеличились объемы производства основных сельхозкультур (зерно, хлопок, масличные, фрукты, овощи) [2, с.66];

- снизился уровень бедности населения в сельской местности и повысился уровень жизни крестьян;

- улучшилась инфраструктура (построены дороги, склады, элеваторы, логистические центры, способствующие снижению потерь и повышению экспортного потенциала);

- произведен вывод на мировой рынок конкурентоспособной продукции и произошел рост экспорта: КНР, будучи нетто-экспортёром некоторых продовольственных товаров (овощи, фрукты, рыба, морепродукты и продуктов их глубокой переработки), активно занимает лидирующие позиции на региональных и мировых рынках [2, с.54];

- осуществлены широкая механизация и внедрение инноваций, обновление техники, позволяющих повысить эффективность и снизить себестоимость продукции: по данным Министерства сельского хозяйства Китая, доля механизированных процессов (в частности, механическая обработка почвы, уборка урожая) превысила 70-80 % в большинстве крупных регионов [5, с.79].

Одновременно с указанными результатами Китай столкнулся и с некоторыми проблемами:

- ✓ значительная долговая нагрузка на часть фермеров и RCCs, которые иногда переоценивали свои возможности [3, с.65];

- ✓ региональные диспропорции: в развитых прибрежных провинциях система кредитования более совершенна, чем во внутренних и западных регионах [5, с.83];

- ✓ риск «перегрева» в отдельных сегментах агробизнеса, где массово открывались новые производства при поддержке дешёвых кредитов (например, в свиноводстве) [1, с.36].

При этом в целом китайская модель агрокредитования остаётся одним из наиболее успешных примеров интеграции госрегулирования и рыночных методов финансирования.

Опыт сельскохозяйственного кредитования в Китае представляет уникальную модель, сложившуюся на стыке рыночной экономики и государственного управления. За более чем сорок лет (с 1978 года) в Китае:

- создана многоуровневая банковская система, где действуют государственные специализированные институты (ADBC), коммерческие банки, сельские кооперативы, микрофинансовые организации и FinTech-платформы;

- формализованы механизмы залога, несмотря на государственную собственность на землю; в качестве залога активно используются права аренды, будущий урожай, поручительство кооперативов;

- сформированы схемы субсидирования и страхования рисков, позволяющие удерживать доступные процентные ставки на уровне 2-5%;

- произошла технологическая модернизация сельского хозяйства (механизация, точное земледелие, онлайн-кредитование), во многом финансируемая за счёт льготных займов и иностранных вложений;

- существенно изменились структура собственности и пайщики кредитных организаций: от преимущественно кооперативной формы к сочетанию государственного, частного и иностранного капитала с разными долями;

В результате этих мер Китай добился впечатляющих темпов роста агропромышленного сектора, что выражается в повышении урожайности, экспорте сельхозпродукции, улучшении уровня жизни сельских жителей и укреплении продовольственной безопасности [2, с.72].

Таджикистан, где сельское хозяйство обеспечивает значительную часть занятости и валового продукта, может адаптировать некоторые аспекты китайского опыта:

- 1) создание и укрепление сети кооперативов: аналогично китайским RCCs, целесообразно сформировать в Таджикистане кооперативные объединения фермеров с функцией накопления паёв и предоставления мелких кредитов [5, с.85];

- 2) государственное субсидирование процентных ставок. При ограниченных ресурсах госбюджета можно использовать средства международных доноров (ВБ, АБР) для компенсации части процентных ставок, чтобы снизить стоимость кредитов до 4-6 % годовых [2, с.68];

- 3) гарантийные фонды и страхование. Создание гарантийных фондов при министерствах и обязательное внедрение страхования урожая для крупных заёмщиков снизят банковские риски и стимулируют рост агрокредитования [1, с.38];

- 4) цифровизация: в условиях сложной географии Таджикистана (горная местность, труднодоступные районы) использование мобильных приложений для подачи заявок, электронных платёжных систем и дистанционного мониторинга существенно облегчит доступ фермеров к финансовым услугам [8, с.51];

- 5) льготные программы на покупку техники: как показал опыт Китая, субсидии на механизацию быстро окупаются за счёт повышения урожайности и снижения потерь. Предложение лизинговых схем под 5-7 % может быть реализовано совместно с иностранными инвесторами, заинтересованными в развитии АПК региона [9, с.135];

- 6) регулирование иностранного участия: привлечение иностранного капитала в сельские банки и кооперативы возможно, но следует закрепить законодательные ограничения и механизмы контроля, чтобы не допустить вывода активов и спекулятивных операций [2, с.70].

Важным условием успеха является не только финансирование, но и формирование благоприятного институционального климата, включая защиту прав аренды земли, наличие прозрачного рынка техники и товаров, доступность квалифицированных кадров.

Для Таджикистана главным направлением модернизации государственной политики в сфере сельскохозяйственного кредитования может стать необходи-

мость постепенного построения комплексной системы агрокредитования, в которой:

- присутствует чёткое государственное видение и поддержка (субсидирование процентов, страхование, гарантирование);
- активно развиваются кооперативы, снижающие барьер для мелких фермеров;
- внедряются инновационные технологии (IT-платформы, дроны, точное земледелие), способствующие повышению эффективности;
- регулируется иностранный капитал, при этом привлечение внешних инвесторов рассматривается как источник знаний, технологий и финансов.

Опираясь на китайский опыт, в сотрудничестве с международными партнёрами (ВБ, АБР и др.), Таджикистан может сформировать устойчивую модель финансирования АПК, адаптированную к специфике горной страны и доступным ресурсам.

Литература

1. Азиатский банк развития (АБР). Основные показатели для Азии и Тихоокеанского региона (Key Indicators for Asia and the Pacific) / пер. с англ. – М.: Изд-во АБР, 2019. – 321 с.
2. Всемирный банк. Исследование сельского финансирования в Китае (China – Rural Finance Study) / пер. с англ. – М.: Изд-во ВБ, 2013. – 164 с.
3. Национальное статистическое бюро Китая. Китайский статистический ежегодник (China Statistical Yearbook) / пер. с кит. – Пекин: China Statistics Press, 2020. – 937 с.
4. Син Л. Цифровые решения в сельском хозяйстве Китая: эффективность и государственная поддержка // Journal of Rural Studies. – 2021. – Т.68. – С. 28-40.
5. Цзян Х. Аграрные кредитные кооперативы в Китае: институциональные изменения и влияние на фермерские хозяйства // Journal of Rural Studies. – 2019. – Т.65. – С.70-85.
6. Чжоу Г. Политика государственной поддержки ADBC и роль Банка развития сельского хозяйства в обеспечении продовольственной безопасности Китая // Экономические исследования Китая. – 2021. – №4. – С.18-29.
7. Agricultural Development Bank of China (ADBC). Annual Report 2020. – Beijing: ADBC, 2021. – 112 p.
8. Xu H. FinTech Adoption in Rural China: A Pathway to Inclusive Finance // Economic Research Journal. – 2020. – Vol. 8(4). – pp. 35–48.
9. Wang S. E-commerce and Rural Development in China: Finance, Logistics and Policy Implications. – Beijing: Publishing House of Economy, 2019. – 254 p.
10. Fan S. Innovations in Agricultural Finance in China // IFPRI Discussion Paper. – Washington DC: IFPRI, 2020. – 146 p.

DEVELOPMENT OF AGRICULTURAL CREDIT IN CHINA

Ismailova Shahnoz Shavkatovna

Candidate of economic sciences,
deputy director of the lending department
State unitary enterprise "Savings Bank of Tajikistan "Amonatbank"
734001, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave., 105
Ph.: (+ 992 37) 221 70 81; (+992) 44 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

The article deals with the evolution of state policy on agricultural lending in China, starting from 1978 and up to modern forms, including preferential interest rates, a comprehensive system of subsidies, innovative methods for assessing collateral and mechanisms for ensuring the repayment of loans. The article covers issues of foreign participation in the credit sector, the ownership structure of credit cooperatives, as well as the dynamics of shares (units) in them from the 1980s to the present. Specific results for the agricultural sector of China and the possibilities of adapting this experience to the conditions of Tajikistan are considered.

Keywords. China; agriculture; lending; public policy; collateral; subsidies; cooperatives; innovation; foreign investment; share; rural economy; Tajikistan.

ИНКИШОФИ ҚАРЗДИҲИИ ХОЧАГИИ ҚИШЛОҚ ДАР ХИТОЙ

Исмоилова Шахноз Шавкатовна

Номзади илмҳои иқтисодӣ,
ҷонишини директори шӯъбаи қарздиҳии
Корхонаи воҳиди давлатии «Бонки амонатгузори Тоҷикистон «Амонатбанк»
734001, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 105
Тел.: (+ 992 37) 221 70 81; (+992) 44 600 90 19
shahnoz@amonatbank.tj

Дар мақола таҳаввулоти сиёсати давлатӣ оид ба қарздиҳии кишоварзӣ дар Чин аз соли 1978 то замони муосир, аз ҷумла меъёрҳои ғоизии имтиёзнок, низоми ҳамаҷонибаи субсидияҳо, усулҳои инноватсионии баҳодиҳии гарав ва механизмҳои таъмини баргардонидани қарзҳо баррасӣ шудааст. Дар мақола масъалаҳои иштироки хориҷӣ дар сектори кредитӣ, структураи молияи кооперативҳои кредитӣ, инчунин динамикаи саҳми (саҳмияҳои) онҳо аз солҳои 80-ум то ба имруз баррасӣ гардидаанд. Натиҷаҳои мушаххаси баҳши кишоварзии Чин ва имконоти мутобикосозии ин таҷриба ба шароити Тоҷикистон баррасӣ шудааст.

Калидвожаҳо: Чин; кишоварзӣ; қарз додан; сиёсати давлатӣ; гарав; субсидияҳо; кооперативҳо; навоарӣ; сармоягузори хориҷӣ; захира; иқтисодиёти деҳот; Тоҷикистон.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1:37.091.3

**А.В.СУХОВО-КОБЫЛИН: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ
«ИЗБЫТОК ЭЛЕКТРИЧЕСТВА»
(О ПРОЕКТЕ «СЛОВАРЬ ЯЗЫКА А.В.СУХОВО-КОБЫЛИНА»)**

Елистратов Владимир Станиславович

Доктор культурологии, профессор
Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова
119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1
Тел.: +7 (916) 935 13 66 (м.)
vse.slova@mail.ru

Ковтун Марина Борисовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
Государственный университет просвещения
105005, Россия, Москва, ул. Радио, д.10а
Тел.: +7 (926) 185 45 68 (м.)
kovtunmb@rambler.ru

Творчество А.В.Сухова-Кобылина занимает особое место в истории литературы. Много исследований посвящено творческому наследию, его поэтике и личной судьбе философа-драматурга. Исследовательский интерес не ослабевает и в настоящее время. Есть еще неведомые стороны лингвистического и литературоведческого познания художественного мира драматургического творчества писателя. По мнению авторов статьи, языку пьес драматурга пока посвящено не так много работ.

Автор трилогии «Картины прошедшего» лингвоцентричен и «стилецентричен». Стержень, онтологическая квинтэссенция драматургического творчества А.В.Сухова-Кобылина – язык и стиль.

Стиль драматурга можно охарактеризовать как экзистенциально-экспрессивный. Путь к пониманию экзистенциально-экспрессивной онтологии (подлинной герменевтики) творчества А.В.Сухова-Кобылина лежит через изучение его языковой стороны.

Необходимый шаг в этом направлении – лексикографическое описание текстов драматурга в жанре лингвокультурологического глоссария. То есть в словарь включаются: авторские неологизмы, историзмы, архаизмы, диалектизмы, авторские варианты фразеологизмов и фразеологических выражений, просторечные слова и выражения, общепотребительные слова, которые приобрели в контексте пьес специфические значения, а также – смешанные варианты этих языковых

единиц. Культурно маркированные языковые единицы драматурга декодируются, объясняются посредством толкования.

В данный момент осуществляется проект «Словарь языка А.В.Сухова-Кобылина». Материалом для словаря послужили тексты трех пьес «Картин прошедшего». Такой словарь, с одной стороны, поможет современному читателю лучше понять тексты А.В.Сухова-Кобылина, написанные более полутора веков назад, и, с другой стороны, – глубже осознать экспрессивно-экзистенциальный подтекст этих пьес.

Ключевые слова: творчество А.В.Сухова-Кобылина; лингвоцентризм; стилецентризм; экзистенциально-экспрессивный стиль (подтекст); «деформированный язык»; словарь языка А.В.Сухова-Кобылина; лингвокультурологический глоссарий.

Александр Васильевич Сухово-Кобылин занимает особое место в русской литературе. Подобрать термин или эпитет для определения этого места нелегко. С.Б.Рассадин в своей книге-биографии метафорически уподобил «густоту явлений в свет великих творцов литературы (Гоголь, Белинский, Герцен, Гончаров, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Некрасов, Островский, Шедрин...) «шумящему лесу» с его разнородностью и неповторимостью, отмечая, что Александр Васильевич «казался отдельным, одиноким деревом, и лесу словно бы и не принадлежащим» [5, с.17]. И при такой обособленности творца непроходящий до сегодняшних дней успех его творений! Какое-то оксюморонное, абсурдное сочетание жизненно-творческих реалий.

Ни на какую филологическую «полочку» творчество этого драматурга не укладывается. Любая попытка окончательно и бесповоротно «прописать» его в истории литературы, думается, обречена на провал. «Сухово-Кобылин по-прежнему остается, <...> невидимой величиной, некоторым иксом (П.Д.Боборыкин), хотя наследие драматурга привлекало внимание крупных литературоведов и театроведов XX в.» [2, с.8].

Дело не в какой-то «загадочности» или «мистичности» фигуры А.В.Сухова-Кобылина (хотя этого в его жизни и творчестве предостаточно). Дело в том, что драматург, будучи еще и философом, исповедовал диалектику в самом широком смысле этого слова. Хорошо известны цитаты из Гегеля, которые он в комедии «Смерть Тарелкина» (1869) погрузил в, так сказать, трактирно-просторечный дискурс. Заметим, что цитирование Гегеля языком кабака есть не что иное, как та самая интертекстуальность, о которой так много пишется и говорится в последние десятилетия. Получается, что А.В.Сухово-Кобылин, помимо всего прочего, еще и невольный предтеча модернизма-постмодернизма XX века.

Так или иначе одна из ключевых характеристик его текстов, в том числе и его стиля, – диалектичность. Подобно тому, как в одну реку нельзя войти дважды, невозможно дать однозначно-устойчивую характеристику его творчества, которая стала бы некой методологической столбовой дорогой, позволяющей последовательно проводить комплексное исследование наследия драматурга.

Диалектика и амбивалентность – вот творческий метод А.В.Сухова-Кобылина. Он принципиально текуч, «протеичен». Это своего рода динамичный оксюморон. Выражаясь языком философии, творческий метод драматурга – не

устоявшийся эргон (законченный продукт), а вечно изменяющаяся энергейя (непрерывная деятельность). Подтверждая данный тезис, приведем высказывания Е.Н.Пенской. Исследователь, реконструируя художественную логику в трилогии А.В.Сухова-Кобылина, выделяет его «параллельное мышление», под которым подразумевает «одновременное осуществление двух типов практики в разных системах координат, наличие взаимной «проверки» мысли философской и мыслью художественной, принципиального их сближении и отмены границ. Такое переключение из одной сферы в другую, переход жанра абстрактного философского рассуждения к живой речи персонажа. Логика фарса перелицовывает философию, содействуя переводу ее на театральный язык, гротескно интерпретирующий диалектику Гегеля» [3, с.123]. Драматург сознательно преступает границы и «смешивает все карты» [там же, с.121]. Фарс, сатира, реализм, сарказм, натурализм, гротеск и т.д. – все это как-то уживается в его текстах.

Одна из испытанных рабочих технологий филологов – «нащупывание» места писателя (поэта, драматурга) в литературном процессе через его сравнение с другими писателями. При этом заметим, что все сопоставления А.В.Сухова-Кобылина с его коллегами по цеху, которые проводятся исследователями его творчества, совершенно верны. Здесь трудно что-либо выразить.

Конечно, «методологическая генеалогия» драматурга восходит к «Ябеде» В.В.Капниста и к «Ревизору» Н.В.Гоголя (А.М.Ранчин). Один из исследователей отмечает: «В трилогии существует пласт цитат и интертекстуальных элементов, который мы можем определить как «гоголевский текст» А.В.Сухова-Кобылина. С одной стороны, они способствуют подчеркиванию типичности изображаемых ситуаций российской действительности. С другой стороны, они, очевидно, нужны были самому автору – гоголевское наследие было твердой опорой литератору, который в своем творчестве мстил бюрократическому коррупционному режиму, оперируя литературной традицией, совмещающей в себе и высокое гражданственное изобличение зла, и фантазмагорическое описание действительности» [1, с.72]. Таким образом, философ-драматург А.В.Сухова-Кобылин, изъясняясь каламбурно, самовыражается где-то между Гегелем, («стохастические процессы гегелевской философии <...> зеркально отражаются в «Картинах прошедшего» [4, с.170]), и Гоголем.

Разумеется, напрашивается сама собой параллель с А.Н.Островским. Только у А.Н.Островского «хорошие купцы», а у А.В.Сухова-Кобылина – «поместные дворяне». Но это было бы интересно для вульгарных социологов. Общность творческой онтологии этих авторов очевидна.

Если попытаться найти очередную аналогию чисто текстуально-количественно (количественно), то в данном случае на ум приходит, конечно, А.С.Грибоедов. И «Горе от ума», и трилогия «Картины прошедшего», говоря современным языком, выполнены в «формате микронаследия». Оба написали «мало», но «сильно». Так сказать, мал золотник, да дорог.

Необходимо отметить, нам не приходилось встречать сравнения А.В.Сухова-Кобылина с П.-О.Е.Бомарше, хотя оно могло бы быть весьма продуктивным с точки зрения сравнительного литературоведения и шире – сравнительной куль-

турологии. Начинается все со «Свадьбы Кречинского» и «Женитьбы Фигаро», а заканчивается «Смертью Тарелкина» и «почти» смертью Тарара в либретто к опере А.Сальери (конец в опере в целом счастливый, но суровый барочно-ампирный колорит совсем не такой, как в «Женитьбе Фигаро»). Была еще «Преступная мать, или Второй Тартюф», завершающая трилогию о Фигаро. Грустная мелодрама, не имевшая успеха, как и завершающая трилогии русского драматурга «Смерть Тарелкина».

Сарказм, зловещая гротесковость «Смерти Тарелкина» сродни духу сатиры М.Е.Салтыкова-Щедрина. Но в пьесе А.В.Сухова-Кобылина «избыток электричества» (его собственное выражение), пожалуй, даже превосходит «электричество» автора «Истории одного города». Тут русский драматург приближается к гиперсарказму Дж.Свифта, автора знаменитого «Скромного предложения», которое многие исследователи считают, образно выражаясь, «Эверестом» сарказма в мировой литературе.

Никакое литературоведческое «масштабирование» А.В.Сухова-Кобылина тоже, что называется «не берет». Все эти «писатель первого ряда», «писатель второго ряда» и т.д., на наш взгляд, никак не могут охарактеризовать А.В.Сухова-Кобылина. Мы никак не можем согласиться с Д.П.Святополком-Мирским, который включил А.В.Сухова-Кобылина в ряд «малых драматургов» (наряду с А.Ф.Писемским и др.) [6, с.425]. Подобный литературный «иерархический ландшафт», как нам кажется, более чем условен.

В этом смысле творчество А.В.Сухова-Кобылина типологически сопоставимо, например, с творчеством Н.С.Лескова. Конечно, наследию Н.С.Лескова повезло несколько больше: его «реабилитировал» в XX веке Максим Горький, причем не с содержательной стороны, а с языковой, стилистической. Н.С.Лесков – мастер слова, виртуоз стиля и т.д. Еще он «пронзил собой всю Русь», т.е. отразил в своем творчестве быт и нравы самых разных сословий. Но главное – он «кудесник» слова. В результате он даже попал в школьную программу. А вот А.В.Сухова-Кобылина никто из крупных литературных авторитетов так и не «повысил в звании» в литературной Табели о рангах. В школьную программу он не попал. Вместе с тем нельзя сказать, что А.В.Сухова-Кобылин незаслуженно не востребовавшийся драматург. «Свадьба Кречинского» имела огромный успех еще при жизни драматурга.

В 1917 году В.Э.Мейерхольд поставил на сцене только трилогию автора («Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина»). В XX-XXI веках А.В.Сухова-Кобылин успешно идет во многих театрах СССР и РФ. Его пьесы успешно экранизируются. Причем в экранизациях задействованы ведущие актеры страны. В «Свадьбе Кречинского» (режиссер В.Е.Воробьев, 1974) играют В.Тихонов, В.Костецкий и др. В «Деле» (режиссер Л.А.Пчелкин, 1991) – О.Басилашвили, И.Смоктунский, М.Ульянов и др.

Характерно, что текст драматурга совершенно не воспринимается как архаичный, несмотря на то что в нем нет достаточно много устаревших слов и выражений. Здесь мы сталкиваемся с определенным парадоксом, часто отличаемым лингвистами: письменный архаичный текст определенным образом осовремени-

вается при озвучивании. Этот факт можно отнести к неразгаданным тайнам классических литературных произведений.

Не только собственно пьесы, но и биография драматурга становится объектом кинематографического осмысления и интерпретации (в киноленте Л.А.Пчёлкина «Дело Сухово-Кобылина» (1991) задействован «элитный» актерский состав: Ю.Беляев, А.Абдулов, А.Колягин, С.Юрский, И.Смоктунский, Л.Чурсина и др.). Словом, А.В.Сухово-Кобылина никак нельзя назвать «забытым», «недостаточно востребованным», «незаслуженно обойденным» и т.п. И все же какая-то существенная недоговоренность, какая-то стержневая лакуна по отношению к этому автору явно присутствует.

Мы уже упоминали, в частности, об «открытии» творчества Н.С.Лескова М.Горьким в советскую эпоху. С одной стороны, преподнесение его литературного наследия в первую очередь как лингвостилистического феномена было своего рода уловкой, попыткой (и вполне удачной) обойти идеологическую цензуру, потому что социально-идеологический «облик» Н.С.Лескова для советской цензуры был совершенно неприемлем (антинигилизм и т.д.). Вместе с тем, такой подход сущностно был абсолютно справедлив. Действительно, по нашему глубокому убеждению, «лингвоцентризм», «стилецентризм» Н.С.Лескова очевиден. Изъясняясь радикально, для современного читателя Н.С.Лесков – это прежде всего «Левша», а не «На ножах» или «Некуда». Согласимся с тем, что история литературы и современная востребованность литературы прошлого – далеко не одно и то же.

Все это говорит к тому, что, по нашему мнению, ключ к пьесам А.В.Сухово-Кобылина – это прежде всего их язык. Автор трилогии «Картины прошедшего» тоже лингвоцентричен и «стилецентричен». Язык, стиль – онтологическая квинтэссенция творчества драматурга.

Языку пьес драматурга пока посвящено не так много работ. Надо отметить, что встречаются достаточно меткие формулировки, дающие глубокую характеристику стиля писателя. Так, например, исследуя уже упомянутый в данной статье гегелевский подтекст в «трактирном дискурсе» «Смерти Тарелкина» автор одной из работ называет его (подтекст) «крапленой речевой картой» (Е.Н.Пенская). Достаточно «сочное» определение.

Но, повторимся, комплексное исследование языка драматурга – дело будущего. Для правильного прочтения, понимания идейно-художественного содержания текстов пьес есть лингвистический путь их познания – «путь разыскания значений: слов, оборотов, ударений, ритмов и тому подобных языковых элементов, путь создания словаря, или, точнее, инвентаря выразительных средств русского литературного языка» [9, с.27]. Семантический и стилистический анализ лексики – путь углубленного понимания текстов.

Что же характерно для стиля А.В.Сухово-Кобылина в целом? На наш взгляд, можно, используя термины, очень часто применяемые к литературе, искусству и философии XX века, выделить две доминанты его языковой поэтики – экспрессионизм и экзистенциализм. Экспрессионизм языка пьес очевиден. Приведем лишь несколько примеров языковой эксцентрики драматурга:

КАК ВЕРОМ ОБДАЛО – о сильном впечатлении, потрясении.

КАК КУРИЦУ ЗАДУШИТЬ – наказать, извести.

КУЛАКОМ ИЗ СТОЛА ВЫШИБИТЬ – добыть денег во что бы то не стало.

БРЕВНОМ ПРИВАЛИТЬ – довести до крайности.

ДО ФУНДАМЕНТУ РЕХНУТЬСЯ – обезуметь, с ума сойти.

НАКАЧАТЬ ГОРУ ЗОЛОТА – разбогатеть.

ПОДКОВЫ ГНУТЬ – иметь способность «проворачивать» любые, даже самые сложные дела.

РТУТЬ – деловой, предприимчивый человек.

ВЫХЛЕСТНУТЬ ГЛАЗА – победить, одолеть.

ВОЛК-СЫРОМАХ – взяточник в суде.

ОЧАМИ В ПАЗУХУ ЗАЗИРАТЬ – попытаться взять взятку.

НЕОКЕНТАВРИЙ – взяточник, претворяющийся честным человеком.

ТОЧНО ГВОЗДЕМ ПРИШИТЬ – сказать что-либо кратко, но метко.

СПУСТИТЬ НА ВШИВОМ РЫНКЕ – обмануть, обобрать.

ВОРОНОГАЯ КУПЧИХА В ДВА ОБХВАТА МЕТРОМ – иронично о типичной купчихе.

ПИЯВКООБРАЗНЫЙ, КРОКОДИЛООБРАЗНЫЙ – саркастическая характеристика персонажей.

ЗУБЫ ПОЧИСТИТЬ – наказать, избить.

УПЫРЬ и МЦЫРЬ, БЫЧЬЕ РЫЛО – бранные слова.

ЗМЕИНАЯ УТРОБА – жадина.

Как видим, все слова и выражения – экспрессивно маркированные. Образность – гиперболически-гротесковая с натуралистическим оттенком. Общий семантический фон – саркастический. В лучшем случае – ироничный на грани сарказма. Сам драматург определял понятие авторства или творчества как «способность развить в себе напряженность, переполненность, избыток электричества, заряд; этот заряд превратить в представление или мысль; мысль излить на бумагу <...> и такой общественный акт духа сдать в кассу Человечества» [8, с.181]. То есть «анонсированный» самим драматургом «избыток электричества» в его языковой поэтике несомненен.

Лингвистическая, стилистическая ткань пьес является, говоря языком семиотики, означающей. Означающее – сюжетно-событийная канва. У А.В.Сухова-Кобылина, в отличие, например, от А.Н.Островского – мастера драматургической экспрессии, практически нет сюжетных «затиший», «ситуаций эмоциональной релаксации». Герои постоянно находятся в сюжетно-психологическом напряжении, в той самой «пограничной ситуации» («пограничном состоянии»), о которой говорят экзистенциалисты.

В рабочем порядке можно назвать творческий метод А.В.Сухова-Кобылина отрицательным экзистенциализмом, поскольку его центральные герои – отрицательные персонажи. «Отрицательный» тут, конечно, более чем условный термин. Драматург изучает то, что можно обозначить как экзистенцию подлеца (пройдохи, шулера, взяточники и т.д.).

В этом отношении возможна еще одна типологическая аналогия («бывают странные сближенья»): А.В.Сухово-Кобылин и Ф.М.Достоевский. В общем-то эпиграфом ко всем трем пьесам «Картин прошедшего» могла бы стать ключевая фраза из текстов Ф.М.Достоевского: «Если Бога нет, то все дозволено». Эту же цитату предложил в качестве основополагающей для экзистенциализма как философии Ж.-П.Сартр.

Главный объект творческого исследования А.В.Сухово-Кобылина – антиэкзистенция безбожника, убежденного, что ему «все дозволено». Необходимо отметить, что и судьбы двух писателей в чем-то схожи. Ф.М.Достоевский пережил абсолютно экзистенциальное по своей природе ожидание смертной казни, а А.В.Сухово-Кобылин – ожидание приговора по ложному обвинению в убийстве. Такая вот экзистенциальная перекличка.

Итак, путь к пониманию экзистенциально-экспрессивной онтологии (подлинной герменевтики) творчества А.В.Сухово-Кобылина лежит через изучение его языковой стороны («означающее»). В драматургической трилогии «Картины прошедшего» А.В.Сухово-Кобылина «деформированный» язык далек от привычного. Деформация языка выражается через неологизмы, фразы с неожиданными оборотами, иронию или парадоксальные высказывания; пьесы включают в себя различные стилистические регистры: от высокопоэтического до разговорного и даже жесткого; фрагментарность и размытость художественной речи и др. Функционал «непривычного» языка пьес также разнообразен: отображение внутренних конфликтов, кризисов и экзистенциальных исканий персонажей; создание атмосферы абсурда; нарушение традиционных способов коммуникации и понимания. И главное, что соответствует доминирующей стилевой доминанте жанровой природе пьес, – искажение смыслов и выражений для сатирического обличения социальных порядков, норм, ценностей, что является существенной частью художественного замысла Сухово-Кобылина.

Деформированный язык пьес А.В.Сухово-Кобылина можно рассматривать как некий компрессионный механизм, усиливающий эмоциональную нагрузку, раскрывающий внутренние конфликты и создающий атмосферу реально-нереальной жизни, современником которой являлся автор.

Необходимый шаг в этом направлении – лексикографическое (словарное) описание его текстов в рамках авторской лексикографии (составление словарей языка писателей). В данный момент нами осуществляется проект «Словарь языка А.В.Сухово-Кобылина», куда в качестве материала включаются тексты трех пьес «Картин прошедшего» [7].

Составление «сплошного» словарного описания этих текстов, то есть включение в словарь всех слов и выражений, в том числе общеупотребительных, не представляется нам целесообразным. Необходим прежде всего некий лингвокультурологический глоссарий. То есть в словарь включаются: авторские неологизмы, историзмы, архаизмы, диалектизмы, авторские варианты фразеологизмов и фразеологических выражений, просторечные слова и выражения, общеупотребительные слова, которые приобрели в контексте пьес специфические значения, а также – смешанные варианты этих языковых единиц. Культурно маркирован-

ные языковые единицы драматурга декодируются, объясняются посредством толкования.

Такой словарь, с одной стороны, помогает современному читателю лучше понять тексты А.В.Сухова-Кобылина, написанные более полутора веков назад, и, с другой стороны, – глубже осознать экспрессивно-экзистенциальный подтекст этих пьес, о котором шла речь выше.

Словарная статья содержит: грамматическую помету, стилистическую помету, сочетаемые параметры, собственно толкование, иллюстрацию (контекстуальную цитату), при необходимости – лингвокультурологический комментарий.

В заключении приведем примеры словарных статей. Надеемся, словарь займет свое скромное место в том, что А.В.Сухова-Кобылин называл в одном исполнении – «Всемиром», в другом – «кассой Человечества».

ГЛИСТ, ~а, м. Тщедушный, хилый, больной, невзрачный, ничтожный человек. *А ныне что за чиновники? Глисты какие-то; худые да больные; скривит, да кашляет, да весь протух; руку ему пожмешь, так точно мокрую плоть какую («Дело»)* // Встречается в том же зн. и в совр. речи. Др. вар. «глиста» (в зн. очень худой человек, напр. у Д.Н.Мамина-Сибиряка).

ГОЛЬЁ: ~ём, шитые, мишурою крытые *кто*. Ирон. о бедных людях, лишившихся хорошей работы, вынужденных зарабатывать гроши. *Ну пойдем... пойдем опять по миру, гольём шитые, мишурою крытые, отхватывать наш чиновничий пяс.* («Дело») // Ср., напр., у В.Даля: «остаться в голях, на голях – ни причем, в убытке».

ГО́НЧИЙ: ~ая собака, а чутья нет у *кого*. Пренебр.-неодобр. о том, кто много суется, предпринимает большие усилия для достижения результатов, но не имеет подлинного понимания дела. *Гончая ты собака, Расплюев, а чутья у тебя нет... Эхх ты!* («Свадьба Кречинского»).

ИЗУТЬ: ~ штиблётые от ног своих. Шутл.: покончить со старым, окончательно порвать с прошлым, начать новую жизнь (здесь: о слуге).

«Тишка, и он познал величия предел! После такой передраги спорол галуны ливрейские, изул штиблеты от ног своих и с внутренним сдержанным удовольствием возвратился к серому сюртуку и тихим холстинным панталонам» («Дело», «Действующие лица»).

[Аллюзия к евангельскому «отряхнуть (отрясти) прах от (с) ног своих»].

КАРАМБОЛЬ: ~ под носом шишка, синяк, ссадина. *«Чтоб все было отлично, чинно, в услуге без суматохи и без карамблей под носами»* («Свадьба Кречинского») // «Карамболь» – разновидность удара в бильярде (шар отскакивает от другого и рикошетом попадает в третий); разновидность игры с такими ударами. У многих авторов встречается в переносных зн.: злая шутка, неприятный инци-

дент, что-л. неприятное, неожиданное (И.С.Тургенев), скандал, инцидент, потасовка (П.Д. Боборыкин: «Только бы без карамболей»). От фр. «carambole».

МУШКАТЁР, ~а, м. Рядовой полицейский. *Эй, мушкатёры, тащи его* («Смерть Тарелкина») // См. комментарий автора в перечислении действующих лиц: «Мушкатерами назывались прежде полицейские солдаты». Устар. Др. вар., напр., «мускетер». Из фр.

ПЕРЕДЕЛ, -а, м. 1. Переделка, крайне опасное, неприятное, затруднительное положение, ситуация, передрыга.

«Р а с п л ю е в. А уж какая силища! Ннну!.. Бывал я в переделах – ну этакой трепки, могу сказать, не ожидал. Бывало, и сам сдачи дашь и сам вкатишь в рыло, – потому – рыло есть вещь первая!.. Ну, нет, вчера не то... нет, не то!» («Свадьба Кречинского»). 2. Перебор, что-л. Лишнее, превышающее пределы необходимого.

«К р е ч и н с к и й. Получи вещь и принеси аккуратнейшим образом. (*Прозит ему.*) Об этом пари можешь и сам приврать что-нибудь.

Р а с п л ю е в. Я привру, Михайло Васильич, я охотно привру.

К р е ч и н с к и й. Или нет, не ври: у тебя во вранье всегда передел бывает. Беги; а получа вещь – лети!» («Свадьба Кречинского»).

ПЕХТУРОЙ, нареч. Пешком (с неодобр.-ирон. оттенком зн.).

«А т у е в а. <...> ... и какая с ней вышла перемена, так я и понять не могу. Просьб никаких подавать не хочет; об деле говорить не хочет – и вы, смотрите, ей ни слова; будто его и нет. Знакомых бросила, за отцом сама ходит, и до него не допускает никого!! В церковь – так пешком. Ну, уж это я вам скажу, просто блажь; – потому – хоть и в горе, а утешения тут нет, чтобы пехтурой в церковь тащиться...» («Дело»).

[То же, напр., у В.Даля. У него же: «пехото́ю», «пёсью», «пеходрáлом», «пешехо́дом», «пехондрáсом», «пешедра́лом» (то же у В.Гиляровского), «пехту́ром», «пешью»; у И. Тургенева: «пешечко́м», «пешкуро́й»; у В.Шукшина: «пешака́ давать». Ср. «пехту́ра» – «пешие люди» (Д.Ушаков), «пехота́» – «пешее хождение» (В.Даль)].

ПРАЗДНЫЙ: ~ маятник. Сердце, здесь: о сердце, бьющемся в безвыходной, критической ситуации, ситуации безнадежности, отчаяния. «Сердце пустое – зачем ты бьешься?! Что от тебя толку, праздный маятник? — колотишься ты без пользы, без цели?» («Свадьба Кречинского»).

РАЗВОЖАТЬ, -áю, áешь; сов., кого, иносказ. Распустить, позволить не виноваться, не соблюдать нравственные нормы поведения (о жёнах).

«И в а н С и д о р о в <...>. Развозжали вы, сударь, ваших баб – вот оно у вас врозь и поехало; разъезжают по балам да по ассамблеям – плечи голые, груди го-

лые, студ позабывают да мужскую похоть распаляют; а у похоти очи красные, безумные. Ну, суди ты сам: чего тут от света ждать? Если жена этакое сокровенное, да всем на площади показывает, стало студа-то у нее и нет; – а жена бесстудная чья посуда – сам знаешь...» («Дело»).

[Ср. с прямым зн. «отвязать возжи».]

СИВОЛАПЫЙ, ~ое стадо. *Ирон.-пренебр.* Крестьяне. *Жил я в Москве, приходят ко мне из моего симбирского имения мужики. Батюшка, говорят, барин, купите нам девок. – Где ж, мол, я вам сиволапое стадо, девок куплю?* («Смерть Тарелкина») // «Сиволапый» – неловкий, неуклюжий, невоспитанный, грубый. «Сивый» + «лапа». «Сивый» – от «пёс» («псивый») или от «свивать» («свивый»). См. подробнее М.Фасмера и др. Ср., напр., «сиволапые мужики» (Ф.М.Достоевский).

СКОМАНДОВАТЬ: ~ по нижегородской доро́ге *кого*. Сослать в Сибирь, на каторгу, в острог.

«Р а с п л ю е в. <...> Ведь сейчас полиция придет, сейчас хватятся! Как старик вернется, так и хватятся. Кто, скажут, приезжал? Скажут, приезжал Иван Антоныч. Ну, скажут, его, мошенника, сюда и подавай. Барин большой, богатый; вот меня этак... (*берет себя за ворот*) на буксир, да к генерал-губернатору, да в суд, да и скомандуют по нижегородской дороге! Ох, ох, ох, ох, ох! (*Садится на чемодан и плачет*). Федорушка! Разве тебе радость какая и добыча будет, если меня в непутном-то месте отстегают...» («Свадьба Кречинского»).

[Имеется, по всей видимости, в виду Владимирка, большая Владимирская дорога, по которой сгоняли каторжан в места заключения].

СОРО́КА: ~ой одéть *кого*. Одеть пестро, безвкусно. *Дом мой поставили вверх дном; моего казака Петрушку – мальчик хороший был – сорокой одели* («Свадьба Кречинский») // Возм., связано с «сорока» – старинный русский головной убор замужних женщин.

ТАРАНТА́, -ы́, *ж.* Вздор, чушь, пустые разговоры, болтовня.

«М у р о м с к и й. Да Лидочка за него не пойдет.

А т у е в а. Не пойдет, так не отдадим, а если пойдет – что вы скажете?

М у р о м с к и й. Кто? я?

А т у е в а. Да

М у р о м с к и й. Скажу я... (*посмотря на нее и скоро*) таранта!

А т у е в а. Что ж это такое таранта?

М у р о м с к и й. Бестолковщина, вздор, сударыня!» («Свадьба Кречинского»).

[Чаще всего в зн. «тот, кто тарантит, бубнит» (Д.Ушаков), балабол, пустомеля, болтун, тараторка. В этом зн., напр., у Н.Лескова, М.Салтыкова-Шchedрина, А.Островского и др. От «тарантить» – говорить бойко, резко, скоро, торопливо;

«тараторить» (В.Даль). Звукоподр. Др. варианты «та́рандаты», «ты́рандаты», «ту-райдаты» (М.Фасмер). См., напр., «тараторить».]

Литература

1. Захаров К.М. Нескрытые цитаты. Гоголевские аллюзии в комедиях А.В.Сухово-Кобылина // Известия Саратовского университета. – 2012. – Т.12. Сер. Филология. Журналистика, вып. 2. – С.69-73.
2. Невидимая величина. А.В.Сухово-Кобылин: театр, литература, жизнь / сост. Е.Н.Пенская, О.Н.Купцова; отв. ред. Т.В.Соколова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. – 472 с.
3. Пенская Е.Н. Синтез жанров в драматической трилогии А.В.Сухово-Кобылина «Картины прошедшего» // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2016. – №6 (44). – С.112-127.
4. Пенская Е.Н. Хлебников и Сухово-Кобылин. К проблеме текстологии русского космизма // Имагология и компаративистика. – 2019. – №12. – С.158-180.
5. Рассадин С.Б. Гений и злодейство, или Дело Сухово-Кобылина / Рассадин, Станислав Борисович; вступ. статья Н.Я.Эйдельмана. – М.: Книга, 1989. – 351 с.
6. Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р.Зерновой. – Новосибирск: Изд-во «Свиный и сыновья», 2005. – 964с.
7. Сухово-Кобылин А.В. Картины прошедшего. – М.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. (Литературные памятники).
8. Цит. по кн.: Рудницкий К.Л. А.В.Сухово-Кобылин: очерк жизни и творчества. – М.: Искусство, 1957. – 335 с.
9. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / под ред. М.И.Матусевич. – М.: Изд-во «Юрайт», 2025. – 192 с. (Антология мысли). [Электронный ресурс] // Образовательная платформа Юрайт. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/564581> (дата обращения: 28.03.2025).

A.V.SUKHOVO-KOBYLIN: STYLISTIC «EXCESS OF ELECTRICITY» (PROJECT INFORMATION «DICTIONARY OF SUKHOVO-KOBYLIN LANGUAGE»)

Elistratov Vladimir Stanislavovich

Doctor of cultural studies, professor
Moscow state university of Lomonosov
119991, Russia, Moscow, Leninskie Gory, 1
Ph.: +7 (916) 935 13 66 (м.)
vse.slova@mail.ru

Kovtun Marina Borisovna

Candidate of philological sciences,
associate professor of the chair of Russian as foreign language
State university of education
105005, Russia, Moscow, Radio, 10a
Ph.: +7 (926) 185 45 68 (m.)
kovtunmb@rambler.ru

The work of A.V.Sukhovo-Kobylin take a special place in the history of literature. A lot of research is devoted to the creative legacy of his poetry and his personal life as a philosopher-playwright. Researchers are still interested in his works even at present time. There are still unknown aspects of linguistic and literary knowledge of the writer's artistic world and his works as a playwright.

According to the authors of the article the language that the playwright uses in his plays has not been widely explored so far. The author of the trilogy «Pictures of the Past» is linguocentric and «stylocentric».

The core, the ontological quintessence of A.V.Sukhovo-Kobylin's dramatic work is language and style. The playwright's style can be described as existentially expressive.

The way to understand the existential-expressive ontology (genuine hermeneutics) of A.V.Sukhovo-Kobylin's work lies through the study of his linguistic side in his works.

A necessary step in this direction is the lexicographical description of the playwright's texts in the genre of a linguistic and cultural glossary. In this regard the dictionary includes: author's neologisms, historicisms, archaisms, dialectisms, author's variants of phraseological units and phraseological expressions, colloquial words and expressions, commonly used words that have acquired specific meanings in the context of plays, as well as mixed versions of these linguistic units.

Culturally marked linguistic units of the playwright are decoded and explained through interpretation. The A.V.Sukhovo-Kobylin Language Dictionary project is currently underway. The texts of three plays of «Pictures of the Past» provided material for the dictionary. Such a dictionary, on the one hand, will help the modern reader to better understand the texts of A.V.Sukhovo-Kobylin, written more than a century and a half ago, and, on the other hand, to better understand the expressive and existential implications of these plays.

Keywords: creativity of A.V.Sukhovo-Kobylin; linguocentrism; stylocentrism; existentially expressive style (subtext); «deformed language»; dictionary of the language of A.V.Sukhovo-Kobylin; linguistic and cultural glossary.

УДК [81'23](#)

**ИДЕИ ЭТНОНАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В «ТАДЖИКНАМЕ»
(ТОМ 3 ТРИЛОГИИ) И «ПРАВДЕ О ТАДЖИКАХ» И.К.УСМОНОВА**

Хасанова Тахмина Гаюровна

Доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики
Филиала Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
734003, Республика Таджикистан, ул. Бохтар, 35/1
Тел.: (+992) 935 10 11 16 (м.)
azamat99996@mail.ru

Статья посвящена вопросу популяризации и пропаганды национальной идентичности через работы, написанные в исторической канве информационно-медийными личностями. К этой категории работ и плеяде персоналий автор относит И.К.Усмонова и два его труда – «Правда о таджиках» (2006) и третий том трилогии «Таджикнаме» (2018), где ученый ставит перед собой цель идентифицировать место таджикского народа в Средней Азии и среди ираноязычных народов. Сегодня патриотизм и идеи этнонациональной идентичности наполняются новым смыслом и содержанием. Наличие профильных государственных программ и соответствующих законов позволило в значительной мере компенсировать возникшие на заре государственного суверенитета антипатриотические настроения. Однако практика показывает, что позитивные тенденции в области патриотического воспитания граждан не могут считаться достаточным и действенным инструментом развития патриотизма, гражданственности и формирования патриотической культуры в молодежной среде. Магистральной линией в данной плоскости должно стать приобщение молодого поколения к чтению специальной литературы научно публицистического характера, в которой объективно и научно аргументированно освещена история (в нашем случае) таджикской государственности. Констатируется, что все рубрики «Таджикнаме» и «Правды о таджиках» отличаются аргументированной источниковедческой базой, в них прослеживается научная интерпретация анализируемых явлений и событий, что позволяет обозначить исторические закономерности. Предлагается включить эти два сочинения в блок обязательных профильных дисциплин на всех направлениях подготовки в вузах Таджикистана. Это позволит глубоко интегрировать патриотический компонент в образовательный процесс и обозначить дополнительные грани патриотического сознания населения республики.

Ключевые слова: этнонациональная идентичность; патриотизм; таджики; Таджикнаме; образование; молодое поколение; история; вуз.

С момента подписания Всеобщего соглашения о мире и национальном соглашении (1997 г.) в Республике Таджикистан фиксируется планомерный рост внимания государства к вопросам формирования патриотизма и развития патриотической культуры населения страны. Сегодня мы можем констатировать, что профильные государственные программы и соответствующие законы, в том числе в сфере образования, позволили в значительной мере компенсировать воз-

никшие на заре государственного суверенитета антипатриотические настроения. Несмотря на то, что в 90-е гг. XX века патриотизм как понятие и социальное явление отличался крайне негативной эмоциональной окраской, сейчас наблюдается изменение этой тенденции. Более того, последние 30 лет патриотическое воспитание входит в приоритетные сферы внутренней политики государства и становится «осознанной потребностью общества в консолидации вокруг национальной идеи и национальных интересов».

В настоящий момент в Республике Таджикистан сферу патриотического воспитания регулирует одноименный закон – Закон Республики Таджикистан «О патриотическом воспитании граждан» от 24 декабря 2022 года, который обеспечивает «государственную поддержку субъектов патриотического воспитания через меры образовательного, информационного, финансово-экономического, правового и иного характера, направленных на создание благоприятных условий для патриотической работы». Этот же закон определяет систему патриотического воспитания граждан – «совокупность субъектов патриотического воспитания, нормативно-правовой и духовно-нравственной базы воспитательной, образовательной и массовой просветительской деятельности, а также комплекс мероприятий по формированию патриотических чувств и сознания граждан». Субъектами патриотического воспитания, помимо целого ряда организаций, признаны образовательные учреждения и средства массовой информации.

Однако наблюдения показывают неоднородность гражданско-патриотических воззрений среднестатистических граждан. В этой плоскости мы наблюдаем различные позиции граждан относительно их патриотических убеждений; итак, есть а) безусловные патриоты, б) деятельностные патриоты (работают во благо страны), в) не относящие себя к патриотам, г) не проявляющие открыто патриотические чувства (не поют гимн своей страны, не защищают государство в спорах и дискуссиях, не носят одежду с патриотической символикой), д) предпочитающие уехать из страны при благоприятной возможности.

Обеспокоенность вызывает сам факт наличия этого разнообразия, которое обладает потенциалом перерасти в классификацию с объемным описанием и фактическими примерами. Приоритетной задачей видится направление усилий на сокращение этих признаков до первых двух – а) безусловные патриоты, б) деятельностные патриоты (работают во благо страны). Возникает вопрос: «Как этого добиться?»

О значимости популяризации и пропаганды национальной идентичности через работы, написанные в исторической канве информационно-медийными личностями, говорят многие ученые и общественные деятели. Исследователи солидарны во мнении, что национальная идея должна объединять граждан вокруг общих ценностей, учитывать исторический и культурный контекст, быть гибкой, чтобы адаптироваться к вызовам современности.

Национальная идентичность выступает в качестве многомерного понятия, включающего историческую, политическую идентичность, политическую культуру, гражданство, патриотизм. Она подобна «зеркалу», в котором общество узнает себя, или «матрице», которую «сканируют» и размножают в копиях [7].

Сегодня патриотизм и идеи этнонациональной идентичности наполняются новым смыслом и содержанием.

Историк М.Кром указывает на эволюционный характер патриотизма (читай – национальной идентичности – Х.Т.), в котором заложена идея консолидации общества [5].

Г.Я.Солганик полагает, что патриотическая/национальная риторика часто упрощает сложные социальные процессы до бинарных оппозиций («свои vs. чужие»).

При этом В.Мединский отмечает, что «очень мало народов, которые живут веками и тысячелетиями. <...> Знание истории – это гарантия того, что вы как народ будете жить и дальше. Самостоятельность возможна, только если ты знаешь и любишь собственную страну и свою историю» [3].

В.И.Винокуров видит в национальной идее инструмент исторического оптимизма нации, обретения обществом национальной идентичности и превращения населения страны в гражданскую нацию [2].

В панораме современных научных подходов национальная идея не воспринимается как струны народной души или культурный код, здесь она трактуется сквозь призму конструктивизма, то есть как искусственный конструкт для реализации политических целей. Например, Б.Андерсон, политолог и социолог, анализирует феномен национальной идеи, или национальной идентичности, или этнонациональной идентичности, или патриотизма (отметим, что в контексте нашего исследования эти понятия равнозначны) в противоположных плоскостях, используя понятие «национализм». Однако ученый отнюдь не определяет его как расизм, патологию, страх или ненависть по отношению к другому и пр. Он склонен интерпретировать национализм как привлекательную идеологию, которая формируется через высокие культурные продукты – поэзию, художественную прозу, музыку, пластические искусства; национализм – один из базовых элементов солидарности (например, в еде, одежде, шутках и т. д.) и факторов морали. Несколько парадоксально, но аргументированно Б.Андерсон говорит о том, что только националисты могут испытывать стыд за свою страну [1].

Мощнейшим инструментом формирования этнонациональной идентичности и патриотизма В.П.Нерознак считает топонимы и символы (гербы, флаги), которые связывают людей с территорией и историей.

Между тем приходится признать, что никакая патриотическая и национальноориентированная риторика не сможет найти полноценной и полновесной объективации без системы образования и СМИ как главных «строителей» национальной идеи, как, собственно, и самой нации.

Э.О.Эбелинг отмечает два центральных вектора в медиа по вопросам патриотизма и этнонациональной идентичности: первый – доминирование темы патриотизма как памяти, внимания к людям, ответственности, гордости за свой народ и Отечество (проправительственные издания); второй – дискредитация и ирония по отношению к патриотическим ценностям (независимые издания) [13]. Здесь же следует подчеркнуть, что идеи национальной идентичности и патриотизма невозможно формировать без их пропаганды, разъяснения и освещения.

В.И.Останков и В.И.Лутовинов говорят о необходимости повышения значения патриотического воспитания молодежи, стимулирования соперничества СМИ за патриотическую информационную нишу и подготовки к изданию и распространения соответствующих материалов [8].

Практика показывает, что позитивные тенденции в области патриотического воспитания граждан не могут считаться достаточным и действенным инструментом развития патриотизма, гражданственности и формирования патриотической культуры в молодежной среде. Ситуацию усугубляет переориентация современной молодежи на виртуальный мир и (полный) отказ от традиционных СМИ в пользу социальных сетей и популярных мессенджеров. В этой связи крайне важным представляется включение отдельных информационных и специальных литературных ресурсов, направленных на консолидацию общества, сохранение своей истории, воспитание у молодого поколения чувства патриотизма, в государственные образовательные стандарты.

Магистральной линией в данной проекции должно стать приобщение молодого поколения к чтению специальной литературы научно публицистического характера, в которой объективно и научно аргументированно освещена история (в нашем случае) таджикской государственности, рассказано о серьезных испытаниях на пути к национальному единству, показана внутренняя логика и механизмы принятия решений в ответ на внутренние и внешние вызовы, утверждается необходимость сохранения и приумножения национальных традиций и культуры, определяется, кто наши герои, чтобы воспитывать на их примерах новые поколения таджиков и таджикистанцев. К одному из таких сочинений относятся книги известного таджикского журналиста, публициста, в прошлом успешного политического деятеля, ученого Ибрагима Кенджаевича Усмонова. Закономерен вопрос: «Почему И.К.Усмонов?». Во-первых, его биография – это в определенном смысле история таджикской журналистики и хроника таджикского миротворчества. По заголовкам его статей и трудов можно проследить историю советского и независимого Таджикистана, а по их содержанию узнать больше, чем показывают СМИ.

Контент его текстовой деятельности проявляется в следующих плоскостях: а) узкопрофильной (учебные и учебно-методические пособия по журналистике), б) общественно-политической и в) исторической. В 1995 году профессор И.К.Усмонов обращается к жанру политической публицистики, в контексте которой, в том числе, издается книга «Правда о таджиках» (2006) и трилогия «То-чикнома» («Таджикнаме») (2018), где автор ставит перед собой цель идентифицировать место таджикского народа в Средней Азии и среди ираноязычных народов. И.К.Усмонов весьма убедителен в своих суждениях, выступая в роли историка, аналитика, публициста, полновесно и активно влияющего как на массовую, так и на профессиональную аудиторию. Думается, что его обращение к истории таджиков не спонтанно, это обдуманное решение, нацеленное на отсе-чение всяких околону-научных или псевдонаучных теорий об этногенезе таджикской нации (начиная с собственно названия нации и заканчивая ее унифицированными характеристиками).

Гражданско-патриотический контекст в книгах «Вся правда о таджиках» и «Таджикнаме» (Том 3 трилогии) считается с самих названий этих сочинений, где прослеживается бережное отношение к идейности повествования: *«История каждой земли принадлежит тем народам и нациям, которые первые появились там, эволюция которых отражает историю этих земель. Такой является история Мавераннахра. <...> эта земля принадлежала и будет принадлежать таджикам. Которые в пролом назвались согдийцами или бактрийцами, хорезмийцами или ферганцами, или саками»* [9, с. 24];

«...персидская классическая литература начинается с имени Рудаки, который родился и вырос на территории современного Таджикистана, что персоязычная наука в своем становлении и развитии благодарна Авиценне и Бируни, которые писали не только на арабском, но и на своем родном – таджикском языке, что персидская литература появилась не на территории современных исламских государств Афганистан и Иран, а на территории, где проживали таджики Средней Азии – в Бухаре» [9, с. 9];

«Пока есть Бухара, Самарканд, Фергана, Наманган, Ташкент, Нурато, Шахрисабз, Китаб, Сурхандарья, будут в Узбекистане и таджики» [9, с.12].

Высокой оценки заслуживает качество доказательной базы исследования – математическая статистика и масштабность генеральной выборки. Например: *«Венгерский путешественник Г.Вамбери <...> подтверждает, в Кокандском ханстве таджики занимают по численности второе место»* (Вамбери Г. Путешествие по Средней Азии. СПб, 1873. С.188) [9, с.15].

В «Правде о таджиках» на страницах 15-17, 39 и др. И.К. Усмонов приводит подробную статистику о численности таджиков, проживавших на территории Средней Азии, со ссылкой на исследования А. Шишова («Таджики», Ташкент, 1910), Е.К. Мейендорфа (Путешествие из Оренбурга в Бухару, 1975), Г.Вамбери (История Бохары или Трансоксании с древнейших времен до настоящего. Т.1, 2. СПб, 1873).

Читая строки, написанные И.К.Усмоновым, слышишь его голос. Речь и тексты автора никогда не содержали ничего лишнего и личного, а олицетворяли глубокое и точное изложение исторических фактов с обоснованием авторского подхода к их оптимальной интерпретации. Так, например, он приводит в качестве аргумента результаты исследований авторов средневековья и ряда российских и европейских ученых, подтверждавших *«невоинствующий, а наоборот, миролюбивый характер таджиков»*, что *«они занимались ремесленничеством, искусством, литературой, земледелием»* [9, с.46], или то, что *«политика, подобно войне, мало занимает таджиков»* (А.Д.Гребенкин Таджики // Русский Туркестан. М. 1872. Вып.2. С.37) [9, с.46], *«до арабского нашествия Мавераннахр населяли арийцы, то есть ираноязычные народности, и лишь таджики являются их потомками»* [9, с.67]. Интересно и многозначно высказывание Рафаэля дю Мана о таджиках (персах), которое приводит профессор И.К.Усмонов: *«Если все народы Востока признать слепыми, то персов можно будет признать одноглазыми»* [10, с.82].

О высоком чувстве национальной идентичности И.Усмонова свидетельствует его внимание к титульному языку; он был первым, кто начал медиариторику о придании таджикскому языку статуса государственного. Личный вклад в национальный вопрос исследователь внес в свою бытность деканом филологического факультета Таджикского государственного университета. «После принятия Закона «О языке» он не стал дожидаться постановления правительства и претворил повсеместное изучение таджикского языка в университете» [6]: *«Таджик, который не любит и не уважает Иран, не таджик. И в то же время, если таджик не любит Таджикистан, он вообще не человек»* [6].

Гармоничная личность И.К.Усмонова может служить для молодых поколений учёных образцом, достойным подражания. Он способен мгновенно схватывать самые ключевые точки в большом объёме научного материала, «сращивать» свои теоретические, диагностические и методические наработки, сочетать творческие замыслы с возможностью их успешного практического воплощения в сложных условиях реальности. В рассматриваемых работах автора особое место отводится династии Саманидов: *«Государство Саманидов – первое государство среднеазиатского Ирана, которое воистину воскресило таджикский народ, его язык и литературу. <...> Основоположники таджикской (дари, персидской) литературы – Рудаки, Дакики, Робияи Балхи – родились на территории Мовараннахра и Хорасана, колыбели нашего языка, культуры, литературы, родине народа, предки которого еще в тридцатом веке до нашей эры имели свое государство»* [9, с.75].

Главное в работах И.К.Усмонова, в частности в двух рассматриваемых сочинениях, – это глубина и оригинальность научной идеи, обрамленная тщательно теоретически и эмпирически выверенным и логически структурированным концептуальным аппаратом, в который входят такие концепты, как «таджики», «таджикский язык», «мир» (состояние без войны), «нация», «национальная идентичность», «патриотизм», «независимость».

И.К.Усмонов ратует за сохранение исторической памяти, знание истории страны, гордость за ее победы и героев: *«Международное значение создания Таджикской республики не отрицалось и буржуазной печатью Запада. <...> «Таймс» писала, что лица, призванные заботиться о сохранении своего влияния в Индии, должны внимательно следить за событиями в Средней Азии, и в первую очередь в Таджикистане, <...> на таджикском говорят многие народы Востока. Создание Таджикской ССР повлияет и на зарубежный Восток и, воздействуя на национальные чувства, может вызвать симпатию к Советской власти у персидских народов, проживающих не в Советском Союзе»* («Правда», 6 декабря 1929 г.) [10, с.77-78]; *«...в начале 30-х годов печать (в Таджикской ССР. – Х.Т.) получает бурное развитие. <...> появляются газеты и журналы <...> молодежные, пионерские, журналы для женщин, малограмотных и других. Только за годы первой пятилетки число газет выросло с 3 до 29»* [10, с.78]; *«...в Душанбе из других городов Средней Азии, в том числе из Самарканда, Бухары, Ташкента, Ферганы и Ходжента, приехали лучшие представители творческой ин-*

теллегенции таджикского народа, чтобы общими усилиями содействовать развитию культуры своей республики» [10, с.19].

Значимое место в трудах И.К.Усмонова отводится Б.Гафурову, чей труд «Таджики» вернул нам историю и стал паспортом таджикского народа. И.К.Усмонов констатирует, что академик Б.Гафуров в «Таджиках» подверг тщательному анализу *«1600 научных работ и источников. Использовал труды всех среднеазиатских, в том числе узбекских, ученых, виднейших исследователей Советского Союза. Использовано 249 работ европейских авторов современности, 17 европейских источников, изданных до XX века, исследования русских востоковедов XVIII-XIX вв., более 90 источников и научных трудов средневековых авторов Центральной Азии и мусульманского мира» [9, с.116].*

Очень аккуратен и вместе с тем убедителен И.К.Усмонов в вопросах теологии и светскости современной таджикской государственности: *«В этом году (2006. – Х.Т.)», празднуя Год арийской цивилизации, мы отдаем дань именно этой странице своей истории. <...> тогда возникла первая религия, признающая единобожие – Зороастризм. Наш праздник не направлен против какого-нибудь народа, а наоборот, является признаком того, что мы – за единую мирную жизнь, единое мирное сосуществование представителей всех религий и цивилизаций. Таким узнал и признал нас ученый мир планеты» [10, с.80].*

Фундаментальность подхода И.К.Усмонова к интерпретации исторических фактов и факторов прослеживается в одной из частей третьего тома «Таджикнаме» – «Листки далекой и близкой истории таджикского народа». Автор обращается к вопросу национально-территориального размежевания Средней Азии в 1924 году, когда *«таджики потеряли всю территорию, в которой осталась основная масса их историко-культурных и политических центров» [10, с.174].* Профессор ссылается на тезисы В.Ленина, доклад И.Сталина о национальном вопросе, статью министра иностранных дел Советской России, позже – СССР Г.В.Чичерина «Против тезисов тов. Сталина», доклад одного из руководителей БНР А.Мухитдинова «Современное значение Бухары в перспективе современного революционного движения на Востоке» и других участников этого политического вопроса [10, с.174-185].

В целом, можно констатировать, что все рубрики «Таджикнаме» и «Правды о таджиках» отличаются аргументированной источниковедческой базой, в них присутствует научная интерпретация анализируемых явлений и событий, что позволяет вывести исторические закономерности. В этом и состоит глубина продуманности идей И.К.Усмонова и их фундаментальная сила.

Говоря о потенциале «Таджикнаме» и «Правды о таджиках» в формировании и развитии идеи этнонациональной идентичности, важно отметить, что эти труды, несомненно, могут консолидировать и синхронизировать усилия государства в данном направлении. «Таджикнаме» и «Правда о таджиках» органично дополнят современную методическую и методологическую базу патриотического воспитания студенческой молодежи, способствуя ее системности, и станут качественным ресурсом, который не будет зависеть от поколенческих особенностей и условий быстро меняющейся информационной среды.

В связи с вышеизложенным представляется целесообразным включить эти два сочинения в блок обязательных профильных дисциплин на всех направлениях подготовки и специальностях в вузах Таджикистана. Это позволит глубинно интегрировать патриотический компонент в образовательный процесс и обозначить дополнительные грани патриотического сознания населения республики.

Представляется, что при всей устойчивости в системе патриотического воспитания студенческой молодежи фиксируется и ряд сложностей ввиду его надотраслевого характера и отсутствия единой ценностно-исторической вертикали. Например, думается, что не так много историографических ресурсов, которые могут «оживить» разговор 34-летнего Б.Гафурова с Иосифом Сталиным, с Георгием Маленковым, соратником Сталина, председателем Совета министров СССР или с ближайшим помощником Лаврентия Берии, который задал будущей звезде востоковедения следующий вопрос: *«Почему, товарищ Гафуров, в списке врагов народа почти нет таджиков? У вас в республике, наверное, органы безопасности плохо работают, а Вы их не контролируете»*. На что Б. Гафуров ответил: *«Среди таджиков нет ‘врагов народа’, они все ‘друзья народа’»* [10, с.212].

Не во всех учебниках прочтешь о том, что Б. Гафуров, во время своих докладов – «тронных речей» – так востоковеды называли его выступления, всегда был одет в черный костюм и надевал таджикскую тюбетейку. Даже в Париже в 1973 году на Конгрессе, где некоторые участники ратовали за ликвидацию востоковедения, прежде чем начать речь, *«он, не торопясь, достал из кармана таджикскую тюбетейку, с достоинством водрузил ее на голову <...> Закончил же Бободжан Гафурович свое выступление известным двуступишем из шедевра Фирдоуси ‘Шахнамэ’»* [10, с.212].

Широкая общественность, особенно студенческая молодежь, должна знать о санкциях в отношении самого С. Айни и его творчества; он несколько раз подвергался преследованию как защитник таджикской культуры накануне Октябрьской революции, как тот, кто хочет восстановить эмирскую власть в Средней Азии (1920 гг.), как буржуазный националист (1930 гг.), как атеист, «кафир» (1980-е гг.), как пропагандист исламских идей (2000-2010 гг.) [9, с.193-194]. Об этом пишет И.Усмонов – С.Айни посвящен отдельный раздел в «Таджикнаме» [10, с.192-196], в рамках которого автор выступает с предложением *перевести лучшие произведения Айни на все мировые языки; создать центр по изучению литературно-научного наследия С.Айни, который даст импульс новому направлению науки – айниеведению, ввести во все профили подготовки дисциплину «Айниеведение» и изучать творчество Айни по всем направлениям – истории, философии, языкознанию, литературоведению, географии, социологии, религиоведению и др.* [10, с.196]

Все выше представленное со ссылками и опорой лишь на два труда профессора И.К.Усмонова из широчайшего диапазона его произведений позволяет вести речь о том, что воспитание патриотов и идеи этнонациональной идентичности строятся и на гражданском просвещении, и на гордости за победы – научные, образовательные, спортивные, политические, культурные, литературные – про-

шлого, на сохранении исторической памяти, знании истории страны, гордости за ее героев.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г.Николаева; вступ. ст. С.П.Баньковской. –М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 416 с.
2. Винокуров В.И. На пути к национальной идее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/gpolit/2021-03-25/13_1134_russia.html (дата обращения: 25.04.2025).
3. Владимир Мединский: знание истории является гарантией сохранения и развития народа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvio.histrf.ru/activities/news/vladimir-medinskii-znanie-istorii-vavlyaetsya-garantiei-soxraneniya-i-razvitiya-naroda> Дата обращения: 20.04.2025.
4. Закон Республики Таджикистан «О патриотическом воспитании граждан» от 24 декабря 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.spininform.ru/show_doc_fw?rgn=146712
5. Как правильно Родину любить? // Санкт-Петербургские ведомости. – 2020. – №166 (6764). – 16 сент.
6. Курбанова М. Миротворец // Азия-Плюс. –2008. – №38(452), 17 сент.
7. Национальная идентичность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.umo.msu.ru/russia_xxi_new/book/section0212.html (дата обращения: 28.03.2025)
8. Останков В.И., Лутовинов В.И. Место и роль СМИ в формировании духовности и патриотизма в российском обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flot.com/publications/books/shelf/safetv/19.htm> (дата обращения: 26.04.2025)
9. Усмонов И.К. Правда о таджиках (размышления по поводу книг Г.Хидоятова «Крушение Саманидов» и Л.Левитина «Узбекистан на историческом повороте»). – Душанбе, 2006. – 156с.
10. Усмонов И.К. Таджикнаме (Книга 3). –Душанбе: Матбуот, 2018. – 254 с.
11. Хасанова Т.Г. СМИ и национальная идентичность: концепт и основополагающая категория стратегической политики Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – №1. – С.219-225.
12. Хасанова Т.Г. Экстралингвистический анализ функциональных особенностей концепта «патриотизм» в аспекте современных концептуальных сдвигов (на примере Республики Таджикистан) // Вестник педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2021. – №5 (94). – С.115-119.
13. Эбеллинг Э.О. Роль современных сми в формировании патриотизма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.asu.ru/smw/article/view/7809/6341> (дата обращения: 16.03.2025)

IDEAS OF ETHNO-NATIONAL IDENTITY IN "TAJIKNAMA" (Volume 3 of the trilogy) AND "THE TRUTH ABOUT THE TAJIKS" BY I.K.USMONOV

Khasanova Takhmina Gurovna

Doctor of philology, associate professor of the linguistics department
Lomonosov Moscow state university in Dushanbe
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Bokhtar str., 35/1
Ph.: (+992) 935 10 11 16 (м.)
azamat99996@mail.ru

The article is devoted to the issue of popularization and propaganda of national identity through works written in the historical framework by information and media personalities. In this category of works and constellation of personalities, the author includes I.K. Usmonov and his two works "The Truth about the Tajiks" (2006) and the third volume of the trilogy "Tojiknoma" ("Tajikname") (2018), where the scientist sets himself the goal of identifying the place of the Tajik people in Central Asia and among the Iranian-speaking peoples.

Today, patriotism and ideas of ethno-national identity are filled with new meaning and content. It is noted that the existence of specialized state programs and relevant laws made it possible to compensate to a large extent for the anti-patriotic sentiments that arose at the dawn of state sovereignty. However, practice shows that positive trends in the field of patriotic education of citizens cannot be considered a sufficient and effective tool for the development of patriotism, citizenship and the formation of patriotic culture among young people. The main line in this area should be introducing the younger generation to reading specialized literature of a scientific and journalistic nature, which objectively and scientifically substantiatedly covers the history (in our case) of Tajik statehood. It is stated that all the sections of "Tajikname" and "Truth about Tajiks" are distinguished by a reasoned source study base, everywhere there is a scientific interpretation of the analyzed phenomena and events, which allows us to deduce historical patterns. It is proposed to include these two works in the block of mandatory specialized disciplines in all areas of training and specialties in universities of Tajikistan. This will allow for a deep integration of the patriotic component into the educational process and to identify additional facets of the patriotic consciousness of the republic's population.

Keywords: ethnonational identity; patriotism; Tajiks; Tajikname; education; young generation; values; history; university.

**ИДЕЯХОИ ҲУВВИЯТИ ЭТНО-МИЛЛӢ ДАР «ТОЧИКНОМА»
(чилди 3-и трилогия) ВА «ҲАҚИҚАТ ДАР БОРАИ ТОЧИКОН»-и
И.К.УСМОНОВ**

Хасанова Тахмина Гаюровна

Доктори илми филология, дотсенти кафедраи забоншиносӣ
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В.Ломоносов
дар шаҳри Душанбе

734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Бохтар, 35/1

Тел.: (+992) 935 10 11 16 (м.)

azamat99996@mail.ru

Мақола ба масъалаи таълиф ва тарғиби ҳувияти миллӣ тавассути осори дар заминаи таърихӣ навиштаи шахсиятҳои иттилоотӣ ва расонаӣ бахшида шудааст. Дар ин категорияи асарҳо ва бурҷҳои шахсиятҳо муаллиф И.Усмонов ва ду асари ӯ «Ҳақиқат дар бораи тоҷикон» (2006) ва чилди сеюми трилогияи «Тоҷикнома» («Тоҷикнома») (2018), ки олим дар назди худ ҳадафи муайян кардани мавқеи мардуми тоҷикро дар Осиёи Марказӣ ва миёни мардумони эронизабон гузоштааст.

Имрӯз ватандӯстӣ ва ақидаҳои ҳувияти этномиллӣ бо мазмуну мазмуни тоза фаро гирифта шудааст. Қайд карда мешавад, ки мавҷудияти барномаҳои махсуси давлатӣ ва қонунҳои дахлдор имкон дод, ки эҳсосоти зиддиватандӯстие, ки дар оғози соҳибхитории давлат ба вучуд омада

буданд, ба таври назаррас ҷуброн карда шавад. Аммо таҷриба нишон медиҳад, ки тамоюлҳои мусбати тарбияи ватандӯстии шаҳрвандонро наметавон воситаи кофӣ ва муассири рушди ватандӯстӣ, шаҳрвандӣ ва ташаккули фарҳанги ватандӯстии ҷавонон донист. Дар ин самт бояд насли наврас ба мутолиаи адабиёти махсуси дорон хусусияти илмӣ ва оқилона равшан намояд, бояд хати асосӣ бошад. Гуфта мешавад, ки наъмаи бахшҳои «Тоҷикнома» ва «Ҳақиқат дар бораи тоҷикон» бо заминаи асосноки сарчашмаиносӣ фарқ мекунанд; дар ҳама ҷо тафсири илмӣ ходисаю ходисаҳои таҳлилшуда мушоҳида карда мешавад, ки ин ба мо имкон медиҳад, ки қонунҳои таърихро фаҳмем. Пешниҳод шудааст, ки ин ду иншо ба блоки ҷанҳои таҳассусӣ ҳатмӣ дар тамоми самтҳои таълим ва ихтисосҳои донишгоҳҳои Тоҷикистон ворид карда шаванд. Ин имкон медиҳад, ки ҷузъи ватандӯстӣ ба раванди таълим амиқ ворид карда шуда, паҳлӯҳои иловагии шури ватандӯстии аҳолии ҷумҳурӣ муайян карда шавад.

Қалидвожаҳо: ҳувияти миллӣ; ватандӯстӣ; тоҷикон; Тоҷикнома; маориф; насли ҷавон; арзишҳо; таърих; донишгоҳ.

УДК 81 255:796.012

ПЕРЕВОД СПОРТИВНОГО ДИСКУРСА НА ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК: ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ

Икромзода Хайём Икром

Кандидат филологических наук, доцент,
декан факультета русской филологии
Таджикский национальный университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, пр. Рудаки, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

В статье исследуются специфика и проблемы перевода спортивного дискурса на таджикский язык. Спортивный дискурс рассматривается как особый поджанр медиадискурса со своим набором жанров (новостной репортаж, комментарий, интервью, аналитическая статья и др.) и характеристик. Выявлены ключевые лексико-стилистические черты спортивного языка – обилие терминологии, клише, метафор и экспрессивной лексики – а также синтаксические особенности (динамичный ритм, инверсия, неполные фразы), прагматические установки (апелляция к эмоциям аудитории, создание эффекта присутствия) и культурно-маркированные элементы. На основе сопоставления оригинальных русских (и английских) спортивных текстов и их переводов на таджикский язык проанализированы основные трудности перевода: отсутствие эквивалентной терминологии, несоответствие образных средств, различия в синтаксисе и стилистике, национально-культурные лакуны. Описаны стратегии и приемы, применяемые переводчиками для адаптации спортивного дискурса – от заимствования и калькирования до описательных трансформаций и пояснительной адаптации. Проведен сравнительный анализ конкретных примеров переводов, показывающий случаи эквивалентных решений и необходимых трансформаций. В заключение определяются наиболее эффективные стратегии перевода спортивных текстов на таджикский язык с учетом лингвокультурной специфики, подчеркивается важность унификации терминологии и креативного подхода для достижения адекватности и экспрессивности перевода.

Ключевые слова: спортивный дискурс; медиадискурс; перевод на таджикский; спортивная терминология; переводческие стратегии; лингвокультурная адаптация.

Спорт в современном мире выступает важным средством международной коммуникации, а спортивные события широко освещаются медиа на разных языках. Для Таджикистана, где государственным языком является таджикский, задача перевода спортивного контента с русского и английского языков для локальной аудитории, особенно актуальна. Качество такого перевода напрямую влияет на доступность информации о мировом спорте для таджикских болельщиков, на развитие спортивной терминологии в таджикском языке и на популяризацию спорта. Вместе с тем, перевод спортивного дискурса представляет собой слож-

ную задачу, требующую учета особых жанровых, лексико-стилистических и культурных характеристик спортивных текстов.

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающей потребностью в профессиональном переводе спортивных новостей, трансляций и статей на таджикский язык в условиях глобализации спортивной коммуникации. Спортивный дискурс отличают уникальные языковые черты и широкое использование терминологии, клише и эмоционально окрашенных выражений, что порождает ряд проблем при переводе. Кроме того, как показывают сравнительные исследования, различия в метафорике и стилистике разных языков (например, английского и русского) приводят к появлению *метафорических лакун* – образных выражений, не имеющих прямых аналогов в другом языке [1, с.146]. Все это требует разработки эффективных стратегий перевода с учётом лингвокультурной специфики таджикского языка.

В лингвистике спортивный дискурс рассматривается как разновидность институционального дискурса, связанная со сферой физической культуры и спорта [6, с.186]. Его коммуникативное пространство определяется целевой установкой – информировать и развлекать аудиторию посредством освещения спортивных событий. Характерная черта спортивного дискурса – синтез информационной и эмоциональной функций: спорт – это не только факты (голы, очки, секунды), но и зрелище, вызывающее у публики сильные эмоции. Б.А.Зильберт отмечает, что «спорт представляет собой огромную сферу человеческой деятельности, включающую социально-экономические, политические, психологические аспекты, а потому спортивная коммуникация пересекается с дискурсами других областей жизни» [5, с.55]. В современном обществе спортивный дискурс в значительной мере опосредован СМИ – телевидением, прессой, интернет-платформами – и фактически сливается с медийным дискурсом. Таким образом, под спортивным дискурсом понимается «совокупность текстов и устных выступлений на спортивную тематику, реализованных преимущественно в медиапространстве (теле-репортажи, радиокомментарии, газетные статьи, интернет-новости и др.), объединённых институтом спорта и характерными языковыми чертами» [5, с.48].

Спортивный дискурс не однороден; внутри него выделяется ряд жанров, каждый со своими особенностями. Во время крупных соревнований в СМИ преобладают новостные репортажи – краткие сообщения об исходе матчей и соревнований, содержащие фактическую информацию (счёт, авторы голов, рекорды) в хронологическом порядке [4, с.33]. Такие тексты стремятся к нейтрально-информативному стилю, но даже в них часто присутствуют устойчивые обороты и оценочная лексика, подчеркивающая значимость события (например, «одержал уверенную победу», «добился блестящего результата»). Комментаторский репортаж (прямая трансляция спортивного события) представляет другой жанр: речь комментатора характеризуется спонтанностью, высоким темпом, эмоциональностью, использованием неполных фраз и восклицаний, стремлением создать эффект присутствия. Интервью в спортивном дискурсе – жанр диалогический; это беседы журналистов со спортсменами или тренерами. Язык интервью сочетает элементы разговорной речи и профессионального лексикона; часто ис-

пользуются клише в ответах спортсменов (благодарности команде, комментарии о ходе игры). Аналитические статьи и обзоры представляют собой развернутые тексты, посвященные анализу игр, тактики, форм спортсменов, либо обсуждению спортивных тенденций. Стил ь аналитики более строгий и аргументированный, однако и в нём нередко встречаются метафоры и культурные отсылки для яркости изложения. Помимо указанных, существуют и другие жанровые формы: пресс-релизы и официальные отчеты (формальный стиль, фиксация протокольных данных о соревновании), очерки о спортсменах (биографические, с элементами художественного описания), фанатские заметки и блоги (неофициальный стиль, сленг). Жанровое разнообразие усложняет задачу переводчика: необходимо учитывать жанр исходного текста и соответствующим образом выбирать стиль перевода. Например, перевод комментария требует сохранения эмоционального накала и разговорных интонаций, тогда как перевод официального отчета – сдержанности и точности формулировок.

Строение фраз в спортивных текстах часто подчинено задаче передачи динамики происходящего. Для новостных заметок характерны простые или неполные предложения, сообщающие ключевые факты: *«На 78-й минуте нападающий забил решающий гол»*. В комментариях преобладают короткие фразы, иногда односоставные: *«Удар... Гол! 2:1. Команда выходит вперед.»* Такая телеграфность повышает драматический эффект и удобна для устного восприятия. Вместе с тем в аналитических материалах могут встречаться сложные синтаксические конструкции – длинные предложения, перечисляющие статистику или описывающие развитие событий. Интересно, что при переводе с английского языка на русский или таджикский зачастую приходится изменять синтаксическую структуру. Английский язык позволяет более компактно выражать мысль в одном сложном предложении, тогда как при переводе на русский такое предложение выглядит громоздко. Переводчики прибегают к разделению длинного предложения на несколько более коротких для облегчения восприятия [2]. Тот же прием актуален и для таджикского перевода: слишком длинные предложения не характерны для таджикского стиля новостей, поэтому целесообразно разбивать сложное высказывание. Обратная ситуация – объединение предложений – встречается реже, но тоже возможна, если требуется связать разрозненные короткие фразы в более связный текст. Например, две русские фразы: *«Команда одержала победу. Это третья победа подряд.»* – в таджикском можно слить в одну с придаточным: *«Даста галаба ба даст овард, ки ин аллакай сеюмин тирӯзӣ пайиҳами онҳост.»* Таким образом, синтаксические трансформации – естественная часть работы переводчика спортивных текстов.

Еще одна синтаксическая особенность – частое использование парцелляции и инверсии для эмфазы. Парцелляция (намеренное расчленение фразы на несколько частей) присуща жанру репортажа: *«И... гол! Потрясающий по красоте удар»**. В переводе сохранить парцелляцию можно, если она уместна стилистически. В таджикском языке, как и в русском, возможна парцелляция, хотя она используется реже; переводчик должен чувствовать меру, чтобы текст не выглядел неестественно. Инверсия (непрямой порядок слов) может применяться для

выделения важного компонента: русское «*На первое место вышла команда X*» эквивалентно нейтральному «*Команда X вышла на первое место*», но инверсия акцентирует сам факт лидерства. В таджикском фиксированный порядок слов менее строгий, поэтому инверсия может быть передана через интонацию или перестройку фразы с вводным словом. К примеру, «*Маҳз дастаи X ба ҷои аввал баромад*» – вводное «*маҳз*» («именно») придает нужную эмфазу.

Под прагматическими особенностями имеется в виду влияние коммуникативной ситуации и целей участников на выбор языковых средств. Спортивный дискурс всегда ориентирован на адресата – массового зрителя или читателя, причем адресат зачастую эмоционально вовлечен (болельщик своей команды). Поэтому тексты стремятся не только информировать, но и *воздействовать*: вдохновлять, поддерживать интерес, иногда утешать (в случае поражения). В спортивных медиа нередко риторические приемы, формирующие у аудитории определенное отношение: вопросительные предложения («*Сумеет ли сборная Таджикистана сотворить сенсацию?*»), обращения к аудитории («*Представьте себе: финальная минута...*»), подразумеваемое *мы*-единство (когда комментатор говорит «*наши*» о национальной команде, включая себя и зрителей в единую группу). В таджикском языке аналогично могут использоваться вопросы и обращения. Однако переводчику важно учитывать культурный контекст: например, в русском тексте журналист может критично шутить о проигравшей команде, тогда как в таджикской спортивной журналистике принята более сдержанная, уважительная тональность в адрес национальных спортсменов. Прагматический аспект также проявляется в степени официальности речи. В интервью после матча спортсмен может использовать сленг или простой язык; переводчик на таджикский должен решить, сохранять ли разговорный тон или слегка поднять регистр. Как правило, стремятся к максимальной аутентичности: если спортсмен сказал: «*Мы классно отыграли – просто супер!*», по-таджикски это может прозвучать как «*Мо хеле олӣ бозӣ кардем – воқеан ҳам супер!*». Здесь сохранены и неформальное «*супер*», и эмоциональный тон.

К спортивному дискурсу относятся не только универсальные спортивные термины, но и отсылки к национальным реалиям, истории, культуре. Например, в российских спортивных статьях могут встретиться фразы типа «*это вам не ланги плести*» (о тяжести достижения), упоминания легендарных советских спортсменов, цитаты из известного комментария (как Виктор Гусев: «*Кто вы, мистер Квинси?*»). Для таджикского читателя часть таких отсылок может быть непонятна. Переводчик должен распознать *фоновые знания*, на которые опирается оригинал, и решить, как поступить: сохранить, объяснить или заменить. Если русский текст упоминает, к примеру, «*Сборная мечты*» (намек на прозвище легендарной команды США по баскетболу 1992 г.), в таджикском переводе можно добавить пояснение («*афсонаи Dream Team*») или заменить описательно («*суперзвёздная дастаи орзуҳо*» – команда-мечта). Иногда культурно-маркированными являются сами виды спорта: в Таджикистане популярны борьба, бокс, футбол, тогда как, скажем, крикет почти неизвестен – текст о крикете потребует введения некоторых объяснений. Национальные виды спорта, напротив, могут требовать

пояснений при переводе на другие языки, но в нашем случае мы рассматриваем перевод *на таджикский*. Здесь переводчик скорее сталкивается с необходимостью адаптировать реалии мирового спорта для таджикской аудитории. Например, названия европейских кубков (*Кубок Англии*, *Лига чемпионов*) переводятся калькой или транслитерацией с учетом таджикской морфологии: *Чоми Англия*, *Лигаи қаҳрамонҳо*. Уже упоминавшаяся унификация терминов в 2018 г. преследовала цель как раз выработать единые таджикские наименования для международных спортивных реалий [10]. Таким образом, культурно окрашенные элементы требуют от переводчика особого внимания: важно обеспечить, чтобы таджикский читатель правильно понял смысл, заложенный в оригинале, и при этом текст не утратил своей колоритности.

Опираясь на рассмотренные особенности, можно выделить несколько групп переводческих проблем. Во-первых, лексические трудности, связанные с передачей спортивной терминологии и клише. Не всегда в таджикском языке находится готовый эквивалент специализированному термину [12, с.7]. Как отмечают А.В. и В.И.Бедарева, наибольшую сложность при переводе спортивных новостей составляет их лексическая наполненность: обилие специальных терминов, имен спортсменов, топонимов, аббревиатур, а также устойчивых выражений и фразеологизмов [2]. Переводчик сталкивается с выбором: заимствовать термин (транслитерировать) или искать описание. К счастью, многие общеизвестные термины международного спорта уже освоены таджикским языком – например, олимпиада (Olympic games), медал (medal), федерация (federation). Но встречаются и новые понятия, особенно в молодых или редких видах спорта. Здесь возможны разные стратегии: транслитерация с пояснением при первом упоминании; подбор ближайшего таджикского аналога; калькирование модели источника. Пример: английский термин *snowboarding halfpipe* – в русском хэфпайп, а по-таджикски можно либо транслитеровать (хавфпайп), либо описательно: майдони нимдоира барои сноубординг. В официальных переводах предпочтут второй вариант, хотя он громоздок, зато понятен читателю [там же].

Во-вторых, фразеологические трудности – перевод идиом, метафор, образных клише. Как показано выше, метафоры зачастую не совпадают между языками [1, с.146]. Переводчик должен либо найти эквивалентную метафору в таджикском, либо преобразовать образ оригинала. Например, русское «*пропустить гол в раздевалку*» (то есть в концовке тайма, когда команда как бы мыслями уже в раздевалке) не имеет прямого соответствия. Переводчик может передать смысл: «*гол дар охириҳои бозӣ*» (гол в конце игры), потеряв игру слов, либо придумать аналог по смыслу (хотя общеупотребимого фразеологизма нет). Ещё пример – английское *underdog* (аутсайдер, «темная лошадка»): прямой перевод на таджикский «*бозингари қафомонда*» не несет коннотаций симпатии к слабому, поэтому лучше заменить на нейтральное «*аутсайдер*» или добавить пояснение типа «*дастаи қобилияти пешбинияшон мушкил*». Каждый такой случай требует творческого подхода, чтобы итоговый текст звучал плавно и естественно.

В-третьих, синтаксические и грамматические трудности. Русский и таджикский – языки разных систем (славянский и иранский соответственно), поэтому

при переводе неизбежны структурные преобразования. Таджикское предложение склонно к порядку SOV (подлежащее–дополнение–сказуемое), тогда как в русском – SVO. Переводчик с русского часто должен перестраивать порядок слов под особенности таджикского синтаксиса. Например, фразу «Команда завершила турнир без единого поражения» грамматически целесообразно перевести как «Даста турниро бе ягон бохт ба анҷом расонд», поменяв местами части. Кроме того, в русском тексте могут быть причастные или деепричастные обороты, которыми таджикский не располагает в равной мере. Эти обороты приходится разворачивать в придаточные предложения. Скажем, «заняв первое место, команда вышла в финал» – перевод: «даста, ки ҷои аввалро гирифт, ба финал роҳ ёфт». Грамматические трансформации включают также изменение частей речи (например, перевод русского отглагольного существительного глаголом или прилагательным). В спорте часто встречаются существительные типа «взятие ворот», «потеря мяча» – по-таджикски лучше выразить глаголами: «гол зад» (забил гол), «тубро аз даст дод» (потерял мяч). Таким образом, стремление к естественности таджикского текста диктует отказ от прямого калькирования русской грамматики в пользу более типичных для таджикского конструкций.

Наконец, стилистические и жанровые трудности. Переводчику нужно учитывать жанр источника: новость, репортаж или интервью. Каждый жанр требует своего подхода. Например, в прямой речи спортсмена важно сохранить разговорные интонации. Если хоккеист после матча говорит по-русски: «Игра была тяжелая, но мы выстояли, молодцы ребята», на таджикском это можно передать почти дословно: «Бозӣ вазнин буд, лекин мо тоб овардем – афарин ба баҷаҳо», включая разговорное «афарин» (молодцы). А вот перевод газетного обзора, насыщенного статистикой и фактами, потребует более строгого стиля и точности терминов. При переводе телевизионного комментария, который делается в синхроне, возникают технические трудности: необходимость синхронизировать речь с видеорядом, ограниченность времени на перевод фразы. Иногда переводчик (например, в случае синхронного устного перевода спортивных трансляций на таджикский) вынужден жертвовать деталями: опускать менее важные факты или сокращать числа. Это тоже часть переводческой адаптации – *компрессия текста* ради соответствия темпу оригинала.

Суммируя, основные проблемы перевода спортивного дискурса на таджикский язык связаны с: 1) терминологической эквивалентностью, 2) передачей образных и клишированных выражений, 3) различиями в синтаксисе и грамматике, 4) жанрово-стилистическими нюансами и культурным фоном. В следующих разделах рассмотрим, какие стратегии помогают успешно преодолевать эти трудности.

Для решения обозначенных проблем переводчики применяют широкий спектр стратегий, комбинируя различные *переводческие трансформации*. Ниже систематизируем основные методы адаптации спортивных текстов при переводе на таджикский язык.

Лексические стратегии: заимствование, калькирование, поиск эквивалента. Когда таджикскому языку не хватает собственного термина, самым простым пу-

тем является транслитерация заимствования из языка оригинала. Например, термин «*фристайл*» (в лыжном спорте) не имеет таджикского аналога и обычно передается как *фристайл*. Подобные заимствования следует оформлять в соответствии с таджикской графикой и орфографией. Однако по возможности предпочтительнее использовать уже принятые таджикские термины или кальки. Калькирование – перевод путем поморфемного копирования структуры – часто применяется для названий организаций и соревнований. Так, *International Olympic Committee* переводится как *Кумитаи Байналмилалии Олимпӣ* (полная калька названия). Названия позиций могут калькироваться: *left winger* – *қаноти чап* (левый крайний). Калька хороша тем, что сохраняет мотивацию термина, но понятна лишь если аналогичная модель есть в языке. Подбор существующего эквивалента – идеальный вариант, когда он имеется: например, английскому *champion* соответствуют таджикские *қаҳрамон* (в значении чемпион) или *ғолиб* (победитель) в зависимости от контекста. Переводчики должны знать официально утвержденную терминологию. Как отмечалось, в 2018 г. был унифицирован ряд терминов [10] – их следует использовать последовательно. Например, термин «*penalty kick*» в футболе официально рекомендуется переводить как «*зарбаи ҷаримаӣ*», хотя в разговорной речи встречается транслитерованное «*пеналтӣ*». В письменном переводе, особенно в официальных текстах и статьях, предпочтение отдается нормативному варианту.

Лексико-фразеологические трансформации: сюда относят разнообразные приемы изменения лексики при сохранении смысла. Один из них – конкретизация: замена слова более узким по значению. Например, русское «*игрок*» в некотором контексте можно перевести как «*ҳимоятгар*» (если явно имеется в виду защитник) вместо обобщающего «*бозингар*». Обратный прием – генерализация, когда узкое понятие заменяется более общим, – применяется реже, но может выручить при отсутствии точного соответствия. Скажем, «*тачдаун*» в американском футболе – специфический термин, неизвестный широкой таджикской публике; его переводят общим описанием: «*гол дар америкаанский футбол*», фактически объясняя термин через родовое понятие. Модуляция – передача того же значения другим образом, например, с изменением образа. Если в оригинале было «*спартанская защита*» (метафора, отсылающая к спартамцам), переводчик мог бы заменить на «*қалъаи мудоғиға*» («крепость обороны»), сохранив идею стойкой защиты, но изменив образ. Такие приемы требуют творческого подбора соответствий, учитывающего культурный фон таджикского читателя.

Грамматические стратегии: перестройка предложений. Переводчики широко используют синтаксические перестановки: меняют порядок слов, преобразуют сложные предложения. Как мы отмечали, разбивка длинных предложений оригинала на несколько более коротких – распространенная практика [2]. Обратное объединение тоже применимо при переводе кратких новостных заметок, чтобы текст на таджикском не выглядел рубленным. Грамматические замены включают смену части речи или типа конструкции. К примеру, русское отглагольное прилагательное «*атаковавшая сторона*» естественнее перевести описательным оборотом: «*дастае, ки ҳамла кард*» (команда, которая атаковала). В целом, перевод-

чик должен владеть всем арсеналом грамматических трансформаций, описанных в теории перевода, и уметь применять их ситуационно. Сюда же относится антонимический перевод – замена утверждения отрицанием противоположного или наоборот. В спортивных текстах он используется для лаконичности или стилистического эффекта. Например, вместо прямого перевода «не забил ни одного гола» можно сказать «*бозиро бе гол анҷом дод*» («завершил игру без гола») [3]. Оба варианта сходны, но выбор может зависеть от стилистики предложения. Антонимический перевод зачастую облегчает восприятие [2].

Описательная экспликация. Когда термин или фразеологизм не имеет лаконичного эквивалента, прибегают к описательному переводу. Экспликация позволяет прояснить смысл для читателя, но увеличивает объем текста. Её применяют для передач культурных реалий или малоизвестных понятий. Например, «*бейсбольная подача*» для непросвещенного читателя в Таджикистане может быть переведена как «*партофти тӯб аз ҷониби титчер дар бейсбол*», то есть с объяснением, кто такой питчер. Конечно, описательный перевод утяжеляет фразу, поэтому нежелателен в заголовках и других контекстах, требующих краткости. Переводчик ищет баланс: иногда лучше дать сноску или примечание (если формат допускает), чтобы не перегружать основной текст. В печатных и интернет-статьях примечания встречаются редко, поэтому все пояснения обычно интегрируются в текст перевода.

Культурная адаптация. Этот метод выходит за рамки чисто языковых трансформаций и предполагает локализацию – приспособление содержания к культурным ожиданиям аудитории. В спортивном переводе локализация проявляется, например, в том, какие единицы измерения используются (ярды превращаются в метры, фунты – в килограммы), как передаются даты и названия (можно добавить по-старому или новому стилю для календаря соревнований по хиджре, если это релевантно). В таджикском контексте значимой может быть адаптация примеров или сравнений: если российская статья для образности сравнивает что-то с хоккеем на Красной площади, таджикскому читателю ближе будет отсылка к, скажем, Наврузу или другому знакомому событию. Однако такие существенные подмены встречаются редко в строгом переводе; чаще ограничиваются *микроадаптациями* – поясняют должности (например, «*капитан команды*» можно перевести как «*капитани даста (сардори даста)*», добавив понятное пояснение «руководитель команды»). Цель культурной адаптации – сделать перевод прозрачным для читателя, чтобы восприятие текста на таджикском было максимально близким к восприятию оригинала носителем русского/английского языка.

Важно подчеркнуть, что опытный переводчик спортивного дискурса комбинирует перечисленные стратегии. В одном абзаце перевода могут одновременно присутствовать: транслитерированные имена собственные, калькированные термины, описательный перевод идиомы и грамматические перестройки. Каждый из этих приемов служит общей задаче – обеспечить *адекватность* перевода, то есть сохранение смысла и функционально-стилистических особенностей оригинала. Как заключают исследователи, для качественного перевода спортивных новостей переводчик должен помимо языковой точности донести до читателя все эмоцио-

нальные элементы, заложенные автором оригинала. Это достигается путем грамотного анализа текста оригинала и применения разнообразных лексических и грамматических трансформаций [2].

Для иллюстрации рассмотрим некоторые примеры переводческих решений при передаче спортивного дискурса с русского языка на таджикский. Эти примеры демонстрируют, как одни фрагменты переводятся эквивалентно, тогда как другие требуют трансформаций.

Пример 1 – Терминология (эквивалентный перевод). Русский текст: «*Матч завершился со счетом 3:0.*» Возможный перевод: «*Бозӣ бо ҳисоби 3:0 анҷом ёфт.*» Здесь ключевые слова «*матч*» и «*счет*» имеют прямые соответствия в таджикском («*бозӣ*», «*ҳисоб*»), числовое значение передается идентично, порядок слов сохранен. Данный случай – пример полной эквивалентности: ни смысл, ни стиль не требуют изменений, перевод возможно выполнить дословно без ущерба для понимания.

Пример 2 – Терминология (трансформация). Русский: «*Полузащитник оформил дубль.*» Буквальный перевод на таджикский был бы затруднителен, так как слово «*оформил*» в данном значении и термин «*дубль*» малоизвестны вне контекста. Оптимальный перевод: «*Нимҳимоятгар ду гол зад.*» Здесь применена лексическая замена: «*оформил дубль*» трансформировано в «*забил два гола*». Смысл сохранен – игрок забил два мяча. Термин «*дубль*» заменен описанием, более понятным широкой аудитории. Данный пример демонстрирует *конкретизацию* (указано конкретное число голов) вместо идиоматичного «*оформил дубль*». Стиль остается нейтрально-информативным, как и в оригинале.

Пример 3 – Фразеологизм. Русский: «*Команда упустила победу на последних секундах.*» Прямая калька дала бы трудную для восприятия конструкцию. Переводчик может использовать близкое по смыслу выражение: «*Даста тирӯзиро дар сонияҳои охири аз даст дод.*» Здесь русское фразеологическое сочетание «*упустить победу*» (утратить уже почти достигнутую победу) передано сочетанием «*тирӯзиро аз даст дод*» – буквально «упустила победу», что и по-таджикски является естественным оборотом [3]. Выражение «*на последних секундах*» переведено эквивалентно («*дар сонияҳои охири*»). В данном случае перевод вполне дословен, потому что в таджикском языке существует аналогичная конструкция с глаголом «*аз даст додан*». Это пример удачного совпадения фразеологии, позволяющего эквивалентный перевод.

Пример 4 – Метафора (трансформация). Русский: «*Игрок забил гол, сняв паутину с девятки ворот.*» Эта метафора (удар точно в угол ворот, где обычно паутина) в таджикском непонятна без пояснения. Возможный перевод: «*Бозингар тӯбро ба кунҷи болои дарвозаи равона кард.*» Мы опустили образ «*снять паутину*», переведя только значение – «*послал мяч в верхний угол ворот*». Хотя красочность оригинала потеряна, перевод передает фактический результат – мяч в девятке. Альтернативно, можно добавить пояснение: «*...равона кард, гӯе ки торро аз гӯшаи дарвозаи тоза кард*», тем самым сохранив образ паутины. Но такой дословный образ может показаться неестественным таджикскому читателю. В данном примере переводчик выбирает между точностью образа и естественно-

стью; решение зависит от жанра (в новостном отчете достаточно нейтрального описания, а в художественном очерке можно попробовать сохранить метафору).

Пример 5 – Синтаксис. Английский оригинал: «*After a hard-fought game, the team that was trailing 0-2 made a spectacular comeback and clinched a 3-2 victory.*» Возможный русский перевод: «*После упорной борьбы команда, проигрывавшая 0:2, сумела совершить впечатляющий камбэк и вырвала победу со счетом 3:2.*» При переводе на таджикский это сложносочиненное предложение целесообразно разбить на две фразы: «*Даста, ки бо ҳисоби 0:2 қафо буд, тавонист ба бозӣ баргардад. Онҳо тирӯзиро бо ҳисоби 3:2 ба даст оварданд.*» Здесь мы видим несколько трансформаций: длинное придаточное разделено точкой; английский термин «камбэк» переведен описательно («ба бозӣ баргардад» – вернуться в игру); глагольная связка «*clinched victory*» (добыла победу) заменена стандартным «победу одержали» («ба даст оварданд» – получили). В итоге получилось два предложения, ясно передающих последовательность событий. Данный пример показывает, как комбинируются грамматические и лексические приемы ради ясности перевода [9, с. 42].

Пример 6 – Культурная реалия. Русский: «*Этот гол сравнивают с легендарным «прыжком тигра» в исполнении Блохина.*» Если таджикскому читателю неизвестен контекст (Олег Блохин и его гол), прямой перевод будет малоинформативен. Возможное решение – частичная экспликация: «*Ин голро бо ҷаҳиши афсонавӣ, ки Блохин зад, муқоиса мекунанд.*» Мы пояснили, что речь о прыжке Блохина, убрав метафору «тигр» как потенциально непонятную. Также добавлено слово «афсонавӣ» (легендарный) для передачи пафоса. В результате перевод передает факт сравнения с известным в прошлом голом, но делает это в понятных терминах. Альтернативно, можно было бы вовсе опустить это сравнение, если оно несущественно, однако это уже опущение – крайняя мера, к которой прибегают, когда сохранение вызовет больше вреда пониманию. В научно-популярных и фанатских текстах переводчики стараются максимально сохранить все отсылки, снабжая их пояснениями в тексте или сносках.

Анализ примеров подтверждает, что при переводе спортивного дискурса часть единиц удастся передать прямыми соответствиями (термины, многие клише и даже некоторые метафоры), тогда как другая часть требует разного рода трансформаций. Эквивалентный перевод возможен тогда, когда языки и культуры имеют общий фонд понятий или заимствований – например, цифровые обозначения счета, международные спортивные термины, универсальные выражения типа «*одержать победу*» / «*галабаро ба даст овардан*». В таких случаях перевод на таджикский сохраняет и содержание, и стилистический тон оригинала практически без изменений. С другой стороны, уникальные идиомы, синтаксические конструкции и культурные отсылки чаще всего не имеют готовых эквивалентов и заставляют переводчика прибегать к адаптации – будь то перефразирование, добавление пояснений или замена другим образом. Критерием успешности здесь служит восприятие перевода: он не должен казаться искусственным или непонятным носителю таджикского языка, при этом желательно, чтобы эмоциональное воздействие и информативность были сопоставимы с оригиналом.

Отметим, что специфика спортивного дискурса – в его относительной устойчивости: спортивные тексты полны шаблонных фраз, которые при регулярном переводе вырабатываются как стандартные соответствия. Опытный переводчик имеет в своем «багаже» типовые решения: например, «*man of the match*» – «*бехтарин бозингари бозӣ*» (лучший игрок матча), «*прессинговать*» – «*фишор овардан*», «*на последних минутах*» – «*дар дақиқаҳои охир*» и т.д. Наличие согласованных глоссариев и терминологических словарей существенно облегчает работу. В СССР уже в 1980-е гг. выпускались русско-таджикские словари по различным видам спорта, и сегодня эта традиция продолжается в виде терминологических бюллетеней. Тем не менее творческая составляющая остается: язык спорта живой, постоянно появляются новые выражения (например, «*паненка*» – особый вид удара пенальти, или интернет-мемы от болельщиков), и переводчику приходится оперативно находить им эквиваленты [9, с.11].

Таким образом, перевод спортивного дискурса на таджикский язык – это поиск равновесия между терминологической точностью и стилистической энергией. Наибольшие трудности вызывает отсутствие единых терминов, образная фразеология и структурные различия языков. Практика показывает, что оптимальны комбинированные стратегии: стандартизация словаря (глоссарии и официальные эквиваленты), транслитерация с кратким пояснением, описательный перевод идиом, грамматические перестройки и культурная адаптация.

Переводчик должен одновременно гарантировать фактическую точность (счёт, статистика, имена) и передавать эмоциональный накал, используя выразительные средства таджикского языка без нарушения норм. Для дальнейшего совершенствования необходимы: систематическое пополнение терминологии совместно со спортивными организациями, выпуск двуязычных справочников, профильное обучение переводчиков и различный подход к устным и письменным формам.

Последовательное применение этих мер сделает спортивные события мира ближе таджикской аудитории и будет способствовать развитию национального спортивного медиадискурса.

Литература

1. Авандеева С.С. Влияние английских заимствований на лексику русского языка / С.С.Авандеева, О.Ю.Сурженко. [Электронный ресурс] // Юный ученый. – 2015. – № 1 (1). – С.146-147. – Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/1/56/> (дата обращения: 24.05.2025).
2. Бедарева А.В., Бедарева В.И. Особенности перевода медиатекстов на примере спортивных новостей [Электронный ресурс] // Филологический аспект. – 2023. – №10 (102). – Режим доступа: <https://scipress.ru/51/philology/articles/osobennosti-perevoda-mediatekstov-na-primere-sportivnykh-novostej.html> (дата обращения: 22.05.2025).
3. Варзиш ТВ. Официальный сайт спортивного телеканала Таджикистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://varzish.tv/tj/> (дата обращения: 22.05.2025).
4. Долженко Н.Г., Сулхаева А.А. Спортивный дискурс в СМИ: особенности семантики и функционирования (на материале терминологии биатлона) // Russian linguistic bulletin. – 2021. – №2 (26). – С.32-35.

5. Зильберт Б.А. Спортивный дискурс: базовые понятия и категории; исследовательские задачи // Язык. Сознание. Коммуникация. – М., 2001. – Вып. 17. – С.45-55.
6. Карасик В.И. Характеристики институционального дискурса // Лингвистическая антропология. – Волгоград: Перемена, 2002. – С.184-198.
7. Кондрашкина Е.В. О спортивной терминологии (на материале английского языка) // Методические записки Ин-та физкультуры. – М., 1974. – Вып. 4. – С.18-24.
8. Мирзоев З Спортивная терминология в таджикском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мирзоев Зайналобуди. – Душанбе, 2005. – 202 с.
9. Футбол: дастан «Бавария» бори шашум Чоми Лигаи чемпионхоро сохиб гардид [Электронный ресурс] // Национальное информационное агентство Таджикистана «Ховар». – 2020. – Режим доступа: <https://khovar.tj/2020/08/futbol-dastai-bavariva-bori-shashum-omi-ligai-champion-oro-so-ib-gardid/> (дата обращения: 24.05.2025).
10. Шафоатов А.Н. Таджикская спортивная терминология: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.22 / Шафоатов Азал Нусратович. – Душанбе, 2009. – 209 с.

TRANSLATION OF SPORTS DISCOURSE INTO TAJIK: PROBLEMS AND STRATEGIES

Ikromzoda Khaiyom Ikrom

Candidate of philological sciences, associate professor,
dean of the faculty of Russian philology

Tajik national university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Rudaki ave. 17

Ph.: (+992) 93 719 80 30 (м.)

dalerti@mail.ru

The article explores the specific features and challenges of translating sports discourse into the Tajik language. Sports discourse is examined as a distinct subgenre of media discourse, characterized by its own set of genres (news reports, commentary, interviews, analytical articles, etc.) and stylistic features. The key lexico-stylistic traits of sports language are identified, including the abundance of terminology, clichés, metaphors, and expressive vocabulary, as well as syntactic peculiarities such as a dynamic rhythm, inversion, and elliptical sentences.

Based on a comparative analysis of original Russian (and English) sports texts and their translations into Tajik, the main translation difficulties are discussed: the lack of equivalent terminology, mismatches in figurative language, syntactic and stylistic discrepancies, and national-cultural lacunae. The article describes the strategies and techniques employed by translators to adapt sports discourse—ranging from borrowing and calquing to descriptive transformations and explanatory adaptation. A comparative analysis of specific translation examples is provided, highlighting both equivalent solutions and necessary transformations.

In conclusion, the article outlines the most effective strategies for translating sports texts into Tajik, taking into account the linguocultural specificity of the target language. It emphasizes the importance of terminology unification and a creative approach in achieving both adequacy and expressiveness in translation.

Keywords: sports discourse; media discourse; translation into Tajik; sports terminology; translation strategies; linguocultural adaptation.

ТАРЧУМАИ ДИСКУРСИ ВАРЗИШӢ БА ЗАБОНИ ТОЧИКӢ: МУШКИЛОТ ВА ДУРНАМО

Икромзода Хайём Икром

Номзади илмҳои филология, дотсент,
декани факултети филологияи русӣ
Донишгоҳи миллии Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, хиёб. Рӯдакӣ, 17
Тел.: (+992) 93 719 80 30 (м.)
dalerti@mail.ru

Дар мақола хусусият ва мушкилоти тарҷумани дискурси варзишӣ ба забони тоҷикӣ таҳқиқ мегардад. Дискурси варзишӣ ҳамчун зержанри вижаи медиадискурс, ки маҷмӯи жанрҳои худ (гузориши хабарӣ, шарҳ, мусоҳиба, мақолаи таҳлилӣ ва ғ.) ва хусусиятҳои муайян дорад, баррасӣ мешавад. Хусусиятҳои калидии лексико-услубии забони варзишӣ муайян шудаанд – фаровонии истилоҳот, қолабҳо, метафораҳо ва луғати эҳсосӣ – инчунин хусусиятҳои синтаксисӣ (ритми динамики, инверсия, ибораҳои нопурра), танзими прагматики (мурочиат ба эҳсосоти шунаванда) ва унсурҳои дорои тамғаи фарҳангӣ.

Бо таъки ба муқоисаи матнҳои аслии варзишии русӣ (ва англисӣ) ва тарҷумаҳои онҳо ба забони тоҷикӣ, душвориҳои асосии тарҷума таҳлил шудаанд: набудани истилоҳоти муодил, номувофиқати воситаҳои тасвирӣ, тафовут дар сохти синтаксис ва услуб, ҳолигиҳои фарҳанги миллии.

Таҳлили муқоисавии мисолҳои мушаххаси тарҷума нишон медиҳад, ки дар баъзе ҳолатҳо метавон қарорҳои муодил пайдо кард, дар ҳолатҳои дигар бошад, тағйироти зарурӣ лозим аст.

Дар анҷом, стратегияҳои самарабахши тарҷумани матнҳои варзишӣ ба забони тоҷикӣ бо дарназардошти хусусиятҳои лингвокултурӣ муайян мегарданд ва зарурати муттаҳидсозии истилоҳот ва муносибати эҷодкорона барои ба даст овардани мувофиқати маъноӣ ва эҳсосӣ таъкид карда мешавад.

Калидвожаҳо: дискурси варзишӣ; медиадискурс; тарҷума ба тоҷикӣ; истилоҳоти варзишӣ; стратегияҳои тарҷума; муттаҳидсозии лингвокултурӣ.

УДК 8111 374

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ЛЕКСИКУ
ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА
(на примере имен пяти столбов традиционного памирского дома)**

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник отдела памирских языков
Институт гуманитарных наук имени Б. Искандарова
Национальной академии наук Таджикистана
736000, Республика Таджикистан, Хорог, ул. У. Холдорова, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

Статья посвящена лингвокультурологическому анализу названий пяти столбов, являющихся важным символическим элементом традиционного памирского дома. В работе исследуются их названия, связанные с культурными кодами и ритуалами, отражающими мировоззрение и духовные ценности памирских народов, также дается этимология лексем. Особое внимание уделено их роли в повседневной жизни и обрядовых практиках, а также символическому значению имен столбов как носителей исторической и культурной памяти. Автор подчеркивает, что эти элементы интерпретируются как выражение взаимодействия человека с окружающей средой, сакральным пространством и традициями предков. Внимание также уделяется деконструкции символики этих архитектурных элементов и ее связи с космологическими представлениями, социальными структурами и ритуальными практиками того времени. Лексико-семантический анализ имен пяти столбов традиционного жилища народов Западного Памира выявляет многогранность культурного кода, отражающего как сакральные аспекты мировоззрения, связанные с верованиями и космологическими представлениями, так и повседневную жизнь, бытовые практики и социальные отношения. Они являются своеобразными маркерами культурной идентичности, позволяющими сохранять традиции и преемственность поколений в условиях социальных изменений и глобализации.

Ключевые слова: лексико-семантический анализ; пять столбов; традиция; памирский дом; обряд; шугнано-рушанская группа языков.

Традиционное жилище является ключевым компонентом этнокультурной идентичности народа, представляя собой комплексную модель символов, отражающих мировоззрение, ценности и традиции носителей культуры. Все составляющие данную модель архитектурные формы и конструкции, приобретая свои названия, находят свое отражение посредством языка. Слова, используемые для обозначения архитектурных элементов, несут огромную нагрузку в сохранении и в закреплении культурной памяти традиционного опыта.

Лингвокультурологический анализ лексем, архитектурных компонентов жилого сооружения обнаруживает основополагающие взаимосвязи между языком, культурой и архитектурой, которые охватывают уникальные для каждой традиции исторические реалии, этнические представления и символику, отраженные в семантике названий.

Цель данной статьи – исследовать роль языковых единиц в репрезентации архитектурных элементов на примере названий пяти столбов традиционного дома горных таджиков через призму лингвокультурологического подхода. Особое внимание уделяется тому, как эти названия отражают культурные ценности, исторические традиции и этническую идентичность их создателей. Таким образом, исследование основывается на анализе этимологии названий пяти столбов, а также на изучении их семантического и символического содержания.

Актуальность исследуемой нами темы вытекает из нарастающего интереса к сохранению культурного наследия народов в контексте стремительной глобализации. Лингвистическое измерение архитектурного наследия не только углубляет наше понимание традиций, но и способствует сохранению языковой и культурной идентичности. Поэтому, исследование языковых единиц в контексте архитектуры традиционного жилого помещения представляет собой важный шаг на пути к осмыслению богатства мирового культурного наследия.

Методологической составляющей исследования является междисциплинарный подход к изучению наименований пяти столбов традиционного жилища народов Западного Памира. С привлечением методов лингвистики, культурологии и этнографии предлагается оригинальная интерпретация имен пяти столбов памирского дома, их глубокой символической и культурной значимости, проводится углубленный анализ семантических связей между названиями столбов, космологическими представлениями памирцев и их социальными практиками.

В качестве одного из ключевых языковых репрезентантов концепта «дом» в изучаемых памирских языках выступает синтаксическая конструкция шугнано-рушанской группы языков (далее шугн.-руш.) *pīnz sitan* «пять столбов», которая функционирует как собирательное наименование для пяти несущих конструкций, поддерживающих кровлю традиционного жилища горных таджиков.

Традиционная архитектура памирского дома, который в языках шугн.-руш. группы обозначается лексемой *čīd* «дом», демонстрирует значительную фонетическую вариативность в зависимости от конкретного идиома данной языковой группы. Конструктивная основа данного жилища базируется на пяти опорных столбах, выполняющих не только функцию несущих элементов, поддерживающих потолочную конструкцию, но и играющих ключевую роль в обеспечении сейсмической устойчивости сооружения, что является критически важным в условиях высокогорной сейсмоактивной зоны.

Пространственная организация данных опорных элементов и их фиксированное количество определяются не только техническими и инженерными аспектами строительства, но и глубоко укоренёнными в традиционном мировоззрении верованиями, символическими представлениями и сакральными концепциями, присущими культурной системе народов Западного

Памира. Эти столбы, помимо своей утилитарной функции, обладают выраженной семиотической значимостью, будучи структурными маркерами, воплощающими фундаментальные космологические, ритуальные и социальные представления.

Различные историко-этнографические, архитектурные и фольклорные источники содержат детальное описание как конструктивных особенностей, так и символического наполнения традиционного памирского дома, позволяя проследить его эволюцию, культурную обусловленность и устойчивость традиций, передаваемых из поколения в поколение [2, с.420-445; 5]. Ряд источников, посвящённых изучению данного уникального архитектурного феномена, допускает терминологическую неточность, распространяя лексику *čīd* на все примыкающие к традиционному бадахшанскому жилищу хозяйственные и вспомогательные постройки [12; 3, с.172]. Однако такая трактовка не вполне соответствует традиционному пониманию данной категории в рамках культурно-архитектурной системы народов Западного Памира. Особо хочется подчеркнуть, что в оригинальном значении *čīd* обозначает центральное жилое пространство дома, обладающее не только функциональной, но и сакральной значимостью. Хозяйственные пристройки, такие как помещения для содержания скота, кладовые и иные вспомогательные сооружения, хотя и являются неотъемлемыми элементами жилого комплекса, в традиционной терминологии имеют собственные номинации и не включаются в семантическое поле данной лексики.

Ошибочное расширение значения данного термина может быть обусловлено либо экстраполяцией внешних классификационных принципов на традиционную архитектуру памирцев, либо недостаточным учётом специфики локальной терминологии. Подобные лексические заимствования и их адаптация в современных исследованиях требуют более точного анализа с учётом семантической структуры памирских языков и культурных традиций народов региона.

Некоторые источники также допускают неточность в интерпретации семантики лексики *čīd*, утверждая, что «в переводе с шугнанского языка это слово означает «большой дом»» [6, с.65]. Оно подобное толкование не соответствует лексико-семантическим особенностям данного термина в системе шугнано-рушанских языков. Следует особо подчеркнуть, что в своём базовом значении лексема *čīd* обозначает «дом» без дополнительной смысловой нагрузки, связанной с размерными характеристиками или статусной дифференциацией жилища. Лишь в составе сложного слова с атрибутивным компонентом *kata*- т.е. *kata-čīd*, характерным для шугн.-руш. языковой группы, это слово приобретает значение «большой дом» [13]. При этом в метафорическом или переносном употреблении данное словосочетание также может обозначать «дом предков», что отражает его значимость в контексте традиционной культуры и системы родовых ценностей памирских народов. Поэтому корректное понимание семантической структуры указанной лексики требует учёта её употребления в различных синтаксических и

морфологических контекстах, а также опоры на внутренние механизмы словообразования и семантической деривации в рамках шугн.-руш. языковой традиции.

Пять опорных столбов традиционного дома горных таджиков, именуемые в шугн.-руш. языковой группе термином *sitan* // *s(bi)tan*, отражают глубокую связь между их языком, культурой и религией. Этимологически слово шугн.-руш. *sitan* восходит к перс.-тадж. *sutun*, которое, согласно проанализированным нами словарям, является многозначной лексемой. Интересующими нас значениями в этих словарях являются: 1. толстая, длинная древесина, которая вертикально вставлена для поддержания кровли жилища, опора; столб, колонна. ... 3. перен. защитник, покровитель, защита; средство устойчивости чего-либо (перевод НШС) [10]. В онлайн-словаре Д.Карамшоева наряду с приведенными значениями данного слова обнаруживаются сложный глагол шугн. *sitan* *đi* – «жить вечно»: *pi dunyo ʔal yi ċāy sitan na-đodj* – «никто еще в этом мире не жил вечно», а также диминутивная форма *sitan-ak* «стойка самопрялки» [13]. В шугн.-руш. группе памирских языков компонент *sitan* выступает составной частью ряда сложных терминов, глаголов и синтаксических конструкций, используемых для обозначения разновидностей столбов традиционного жилища, а также обрядовых и строительных процессов. К числу таких терминов относятся следующие лексемы: *sitan-dor* «имеющий столб», *pīnz sitan* «пять столбов», *časpak-sitan* «столб, вплотную примыкающий к стене», «косяк», *rīzak-sitan/čirīzak-sitan* «столб у нар за дверью», *juftak-sitan* «столб вдоль стены», *bār-sitan/bār-nēx-sitan* «столб главных нар», *ḡā-sitan* «главный столб», *voḡznēx-sitan* «столб удлиненных нар», *poḡḡā-sitan* «столб при входе в дом с левой стороны», *kicor-sitan/kampīr-sitan* «столб очага». Обнаружены также сложный глагол *čor sitan čīdow* букв. «вставить четыре столба», однако используемый для обозначения процесса вставления пяти столбов в конструкции традиционного жилища.

Формулировка шугн.-руш. *čīd buzurg joy* «дом – святое место» отражает сакральность традиционного жилища горных таджиков, что обусловлено наличием в его архитектуре пяти столбов, очага и других элементов, обладающих обрядово-религиозной символикой. В традиционной практике бревна, изготовленные как конструкционные элементы для столбов, первоначально выступают в качестве обычных строительных материалов. Однако после их установки на предназначенные места они обретают особое символическое значение, трансформируясь из простых бревен в знаки – символы, выступающие покровителями благополучия и покоя, чистоты и святости как самого жилищного пространства, так и проживающих в нем людей. Символика памирского дома представляет собой уникальный синтез религиозных верований и семейных ценностей шугнано-рушанской этнической группы. Пять опорных столбов, составляющих основу жилища, несут в себе глубокий сакральный смысл.

Следует отметить, что все слова для обозначения пяти столбов являются сложными лексемами, составляющие компоненты которых в одних случаях указывают на внешние признаки столбов, а в других – на их местонахождение. Слово *ḡāsitan* - *ḡā* к перс.-тадж. *šah* «царь», *sitan* «столб», букв. «царь-столб» используется для именованья центрального столба традиционного дома, персонифици-

рующего пророка Мухаммада и символизирующего не только религиозное почитание, но и патриархальные устои семьи. В его образе концентрируются такие понятия, как отец, дед и свёкр, что подчеркивает его роль как главы рода и защитника дома в целом. Выражения типа *tama dod tama xāsitan* «ваш отец – ваш царь-столб» и *wef xā-sitan az miyen sut, wef-ard taš muḫkil sūd* букв. «их глава семьи скончался, теперь им будет трудно (жить)» демонстрируют, как язык формирует и передает социальные отношения, связывая физическое пространство дома с социальной иерархией. Языковая идентификация главы семьи с центральным столбом *xāsitan* отражает глубоко укорененные в культуре исследуемых этнических групп представления о семейной структуре.

Термин *voḡznēxsitan* является сложной лексемой, первый компонент которой исконное слово *voḡz*, прилагательное ж.р., указывающее на удлинённость этих нар, *nēx* – «нарь», *sitan* «столб». Столб *voḡznēxsitan* олицетворяя одну из четырех стихий – воздух, символизирует Али ибн Аби Талиба, в доисламский период ассоциировалось с божеством ветра Мехром. В образе Али концентрируются многообразные родственные связи: он предстает как отец, зять, муж, брат и племянник.

Столб *kicōrsitan*, ассоциируемый с водой, олицетворяет Фатиму, дочь Пророка, чье имя в доисламский период связывалось с богиней воды Ардвисурой Анахитой. Фатима предстает как хранительница домашнего очага, мать и жена.

Poygāsitan и *bārnēxsitan*, связанные соответственно с землей и огнем, символизируют сыновей Али и Фатимы, Хасана и Хусейна, чьи имена в доисламский период ассоциировались с божествами земли и огня Замядом и Озаром [11, с.128-137]. Таким образом, каждый из четырех столбов, помимо своей связи с элементами, несет в себе определенный набор родственных отношений, что подчеркивает тесную взаимосвязь религиозных верований и семейных ценностей в памирской культуре. Следовательно, система пяти столбов в памирском доме служит не только архитектурной опорой, но и носителем сложной системы кодов, отражающей мировоззрение народов Западного Памира. Сопоставление религиозных и семейных концептов создает многоуровневую символику, где дом предстает как микрокосм, отражающий структуру Вселенной и социальные отношения.

Такая интерпретация свидетельствует о древних корнях памирской культуры и ее взаимодействия с более поздними религиозными системами. Позднее сформировавшееся метафорическое изафетное выражение *panj tani-i pok* «пять святых», которое в культурной традиции носителей сохраняется до настоящего времени для обозначения пяти опорных столбов традиционного жилища, отражает процесс трансформации древних ассоциаций в их исламскую интерпретацию. Данное понятие, свидетельствующее о том, что в современный период исламский символизм практически вытеснил из сознания носителей культуры исходное значение столбов, символически соотносится с пятью ключевыми фигурами шиитского ислама (Пророком Мухаммадом (с), имамом Али (а), Фатимой (а), Хасаном (а) и Хусейном (а)). В семантике выражения *panj tani-i pok* обнаруживается глубокое уважение носителей шугнано-рушанской культуры и восприятие

ими этих столбов в качестве одушевленных существей. Кроме того, соблюдение всех элементов традиционной обрядности, ассоциированной с каждым из столбов, акцентирует их значимость в повседневной жизни местного населения. Таким образом, в традиционном доме народов Западного Памира происходит уникальный синтез духовного и материального. С одной стороны, пять столбов символизируют святую семью ислама, создавая ощущение их ментального присутствия в жилище. С другой стороны, они же служат опорой для физического дома, где обитает реальная семья. Это двойное значение столбов удваивает значимость концептов *ġīd* «дом» и *jamāt* «семья» в языковой картине мира исследуемых этнических групп, подчеркивая их неразрывную связь и символическую глубину.

Столбы традиционного памирского дома символизируют чистоту и святость, следовательно, их существование и символическое значение наделяют жилище статусом храма. Исторически народы Западного Памира не строили отдельные храмы или мечети для молитвы, предпочитая исповедовать свою религию в стенах собственного дома, основанного на пяти столбах, воплощающих в себе все аспекты религиозных верований этих этнических групп. В исследованиях Мэри Бойс обнаруживается, что подобное отношение к дому как к сакральному пространству находит параллели в раннем зороастризме. Автор пишет: «Вероятно, так же как и во времена язычества, обряды совершались обычно в доме жреца или в доме человека, который просил об этом. Ранний зороастризм не нуждался ни в священных зданиях, ни в постоянных алтарях и не оставил никаких следов археологам» [4, с.60].

Анализ наименований пяти столбов показывает, что лексемы для их обозначения формируются в соответствии с их функциональным назначением или местоположением в конструкции жилища, и характеризуются культурной маркированностью. Посредством их семантического анализа выявляются культурные значения в языковом сознании носителей данной культуры. Исследование языковых выражений, ритуалов и обрядов, связанных с пятью столбами, свидетельствует о глубокой интеграции этих понятий в систему верований изучаемой культуры. Пять столбов ассоциируются с живыми существами, наделенными сверхъестественными способностями. Характерным примером служит обычай приветствия даже при входе в пустой дом, который может интерпретироваться как акт коммуникации со столбами, с невидимыми силами, обитающими в жилище.

Как уже отмечалось, лексема шуг., руш., хуф., бр., рош. *ḫā-sitan* («главный столб», где *ḫā* означает «царь», а *sitan* – «столб», букв. «царь-столб») используется для обозначения центрального столба из пяти, который в исламский период ассоциируется с пророком Мухаммадом (с), а в доисламской традиции – с ангелом Сурушем. Идентифицированные языковые единицы, отражающие обряды и поверья, связанные с данным столбом, представляют его как уникальный символический статный столб. А.Шохуморов называет данный столб *miyend-vūsc-in* «подпоясанный» и интерпретирует его как олицетворение ангела Суруша, подчеркивая его роль хранителя творения. Термин «подпоясанный» отсылает к описанию Суруша в текстах Заратустры, где он предстает в образе божества, готово-

го к активным действиям. Таким образом, столб становится не просто архитектурным элементом, а символом божественной защиты и порядка [11, с.129-130].

Анализ семантики сложного глагола *ḫāsitan vīstow*, букв. «завязать царь-столб», экспрессивной конструкции *Mustākam vi!* «Будь устойчивым (крепким)!», формулировки *ḫāsitan bīrand ḫēvdow wazmin* – «спать около главного столба тяжело», *kūdak ḫāsitan xez-and ar yūk wed-en* «младенца (в первый раз) кладут в колыбель около царь-столба», а также экспрессивное обращение к столбу *Tut xu pano-yand nigā na-čūd!* // «Ты не защитил!» в шугн.-руш. группе памирских языков позволяет сделать вывод, что носители языка воспринимают столб как одушевленный объект. Это проявляется в использовании глаголов и выражений, характерных для описания живых существ, и является элементом антропоморфизации неживых предметов в данном языковом сознании. Сложный глагол *ḫāsitan vīstow* указывает на обряд завязывания главного столба веревкой, который некогда являлся частью традиционного жертвоприношения – закалывания барана в праздник Курбан. Главный столб в данной культуре наделяется свойствами, способными негативно влиять на сон человека. В контексте шугнано-рушанской культуры данное действие приобретает особое значение, являясь отражением специфических культурных представлений и ценностей. Оно служит ярким примером того, как исторические традиции продолжают оказывать влияние на современную жизнь, обеспечивая преемственность поколений. Однако выражение *kūdak ḫāsitan xez-and ar yūk wed-en* «младенца (в первый раз) кладут в колыбель около царь-столба», в сопоставление с предыдущим сложным глаголом, репрезентирует бинарное отношение носителей культуры к столбу. Как видим, с одной стороны, столб ассоциируется с благоприятной зоной для новорожденного, символизируя, вероятно, защиту, силу и продолжение рода. С другой стороны, предыдущая формулировка говорит о неблагоприятности зоны для взрослых и связана с негативными ощущениями. На наш взгляд, учитывая, что младенец в картине мира носителей исследуемых языков воспринимается как шугн.-руш. *fīrīxtā* «ангел» – чистое, незапятнанное существо, такое бинарное отношение к главному столбу указывает на сакральный характер объекта, доступ к которому ограничен возрастными и социальными рамками.

Данный столб традиционно осмысливается как сакральное пространство, благоприятное для проведения ряда свадебных ритуалов. В частности, здесь осуществляются обряды *sartarošūn*, букв. «бритье головы», символизирующие инициацию жениха, а также ритуальное обведение одежды новобрачных вокруг центрального столба, что, вероятно, отражает архаичные представления о цикличности жизни и обновлении. Лингвистический анализ лексических компонентов термина *sartarošūn* позволяет выявить глубокую связь между физическим актом стрижки и символическим переходом молодого человека в новый социальный статус.

Эта зона традиционно ассоциируется с проведением обряда шугн.-руш. *sartarošūn*, имеющего глубокие культурные корни. Этимологически данный термин восходит к таджикским корням *sar* «голова» и *taroš* «брить», что в буквальном переводе означает «бритье головы». Однако в контексте свадебного

ритуала данное действие символизирует не физическое бритье головы, а обряд одевания жениха во время свадьбы, вероятно символизируя его переход к новой жизненной стадии. Выражение *niwenc (x̣ūnci) luq x̣āsitan garginūx̄ā neɣdow* «трижды обведение одежды невесты (жениха) вокруг главного столба» описывает ритуальное действие, имеющее глубокие архаические корни. Обведение трижды заранее положенного свадебного наряда невесты или жениха вокруг центрального столба символизирует как ритуальное очищение от негативных сил, так и обращение к самому столбу за благословением. Центральный столб в данном контексте, наделяя молодоженов защитой и благополучием, выступает в роли патрона и благодетеля всего процесса свадебной церемонии. Таким образом, данный обряд можно рассматривать как акт инициации в новую социальную роль, сопровождающийся ритуальным очищением и получением благословения.

В шугнанском языке термин *voʕzn̄xsitan* обозначает столб, установленный в конце удлинённых нар шугн. *voʕzn̄x*. Аналогичные термины в родственных языках: руш., хуф. – *lošn̄xsitan*, бр. – *lōšn̄xsitan*; соответствующие названия нар: руш., хуф. *lošn̄x*, бр. *lōšn̄x*. Эти слова образованы от корней шугн. *voʕz* «продолговатый», руш. и хуф. *loš*, бр. *lōš* «голый»; шугн. *n̄x*, руш., хуф. *n̄x*, бр. *n̄x* «нары», с добавлением компонента *sitan* «столб». В доисламский период этот столб символизировал божество Митру, покровителя правды и верности в союзах, почитаемого в древнеиндийской и древнеиранской традициях. После принятия ислама его значение трансформировалось, и он стал ассоциироваться с первым имамом шиитов-исмаилитов – Али (а). Во время свадебной церемонии, когда жених вводит невесту в дом, их усаживают рядом с этим столбом, что символизирует надежду на мир, любовь и верность в их союзе на протяжении всей совместной жизни [11, с.131-132].

Термин *či-kaš* представляет собой сложное слово, образованное от префикса *či-* и корня *kaš* «горячий», букв. «(подносить) горячим». Это слово обозначает ритуал кормления жениха и невесты обрядовым угощением после их усаживания рядом со столбом *voʕzn̄xsitan*. Перед началом кормления ритуальное блюдо трижды обносят вокруг данного столба, что символизирует благословение и укрепление союза молодых. Обряды, совершаемые вокруг данного столба, представляют собой выражение коллективного пожелания благополучия и процветания новой семье.

В шугн.-руш. группе языков для обозначения двух столбов, расположенных по обеим сторонам входа в дом и символизирующих, согласно исламской интерпретации, сыновей Имама Али (а) – Хасана (а) и Хусейна (а), используются термины шугн. *poɣāsitan*, руш., бр., рош. *paygasitan*, хуф. *pōgāsitan* и шугн. *bārñxsitan*. Морфологический анализ показывает, что первые компоненты этих слов – шугн. *poɣa*, руш., бр., рош. *payga*, хуф. *pōgā* и шугн. *bārñx* – указывают на архитектурные элементы традиционного дома.

В доисламский период столб *poɣāsitan* был связан с культом божества земли Замйада, а *bārñxsitan* олицетворял божество огня Озар. Эта символика частично сохраняется в современном значении. В частности, связь с землей

отчетливо прослеживается в семантике лексемы *poygāsitan*, где шугн. *poygā* обозначает «центр, основание традиционного дома», подтверждая сакральную функцию столба, связанного с земным началом и Замйадам. Однако для остальных четырех столбов традиционного дома такая связь отсутствует, так как они устанавливаются внутри нар, покрываясь балками, размещенными по краям платформы (шугн.-руш. *sānj*), что исключает их прямое взаимодействие с землей [11, с.135-137].

Столб, именуемый шугн. *bārnēxsitan*, руш. *bārnoxsitan*, в культуре памирских народов наделен символическим значением, ассоциируемым с теплом и огнем. Он занимает сакральное место в пространственной организации традиционного дома, а расположение рядом с ним считается почетным. Вблизи этого столба традиционно размещают гостей, однако непосредственное место у самого столба зарезервировано для религиозного лидера шугн.-руш. *pīr*, символизируя его особый статус. Даже в отсутствие духовного лица это место остается пустым как знак уважения.

Особое ритуальное значение *bārnēxsitan* сохраняется и в современной обрядовой практике. В некоторых местах распространения языков шугн.-руш. группы, чаще на траурной церемонии, наблюдается традиция при входе в дом прикоснуться пальцами обеих рук к столбу, затем целовать пальцы и прикладывать их ко лбу. Этот обряд демонстрирует уважение и почитание, направленное как на сакральное пространство дома, так и на символическую функцию столба. Данный обряд взаимодействия с *bārnēxsitan* отсылает к архетипическим представлениям о столбе как символе огня, корнящимся в доисламском периоде. Восприятие столба как воплощения покровителя огня указывает на присутствие элементов культа огня в ментальной картине мира носителей шугнано-рушанской культуры, отражая глубокую связь материальной и духовной составляющих традиционного пространства.

Пространство между столбами *poygāsitan* и *bārnēxsitan* в традиционном жилище шугнандцев обладает особой сакральной значимостью. Формула *jumāndīrum arwogūn zoxt xu yatum* «в пятницу я взял духа предков и пришел» функционирует как языковой код, активизирующий представления о предках и их покровительстве. Высказывая эту формулу, индивид позиционирует себя как часть родового сообщества и апеллирует к коллективной памяти. Формула *yuyi mi dupečā anjūvd, nay lūvdowum wīrd navarōdod* – «он стоял около двух столбов, и я не смог ему отказать» (где *dupečā* – пространство от входа в дом до двух столбов) демонстрирует, как пространственные представления связаны с когнитивными моделями мира у народов Западного Памира. Пространство *dupečā* выступает в качестве когнитивной метафоры, отражающей представления о социальном порядке и иерархии. Выбор этого пространства для просьбы подчеркивает его роль в организации социальных взаимодействий. Пространство между двумя столбами, в контексте приведенного примера, может быть интерпретировано как сакральное пространство, своеобразная "арка небес". Сочетание пространственной организации и языковых формул наделяет это место особой силой, делая отказ от просьбы практически невозможным в рамках

культурных норм носителей шугн.-руш. группы языков. Таким образом, пространство между столбами становится местом осуществления ритуала прошения, где языковой код и пространственная организация взаимодействуют для создания особого коммуникативного поля.

Лексическая единица шугн. *bučkiŷŷj*, руш., хуф. *biškawoj*, бр., рош. *bučkawōj*, обозначающая горизонтальный брус, соединяющий два столба при входе в жилище, представляет собой производное образование, отражающее историческую функцию данного предмета. Корень *buč-* соотносится с лексемой *bučāk* «козел» и указывает на первоначальное назначение бруса в качестве приспособления для подвешивания туши животного при забое. Компонент *kiŷ-* осн. нас. вр. *kaŷ-* к инфинитиву *kiŷtow* «резать», «закалывать животное» семантически связан с процессом убоя скота. Суффикс *-ŷj* (*-ōj*, *-oj*, *-ōj*) в исследуемых языках является продуктивным средством образования существительных, обозначающих действие или орудие действия. Таким образом, семантика рассматриваемого слова мотивирована совокупностью значений его морфем и отражает эволюцию культурных практик, связанных с домашним хозяйством и убоем скота у носителей данной культуры. Анализируемый горизонтальный брус несет на себе солярную символику, выраженную в изображении солнца (шуг. *xīr*, руш. *xur*, барт., рош. *xōr*), традиционно ассоциируемого с такими понятиями, как свет, тепло, благополучие и добро. Дополнительно, данный элемент архитектуры служил местом для размещения рогов архара (шуг.-руш. *naxčīr xoŷ*), животного, наделенного в традиционных верованиях памирцев сакральным статусом. Архар, обитающий в труднодоступных горных районах, символизирует чистоту и непорочность и, согласно местным поверьям, является источником пищи для мифологических существ – пери (шуг.-руш. *pari*). Солярный образ и атрибуты архара, размещенные на брус, образуют сложный комплекс символов, отражающий космогонические представления памирцев и их веру во взаимосвязь человека, природы и потустороннего мира. Ряд исследований [3, с.171] ошибочно связывают этимологию лексемы *bučkiŷŷj* с практикой подвешивания рогов архара на данном брус, а также предполагают использование этого бруса для подвешивания козьей шкуры с целью утепления жилища. Однако, на наш взгляд, эти гипотезы не находят достаточного подтверждения в совокупности доступных данных. Более того, широко распространенная на Западном Памире практика хранения рогов архара в специально отведенных местах, именуемых шугн.-руш. *ostūm* «святые места», свидетельствует о том, что сакральное значение придавалось не столько месту хранения рогов, сколько самим рога как атрибуту священного животного. В ходе полевых исследований в поселке Бартанг был зафиксирован интересный этнографический факт: на традиционном брус *bučkiŷŷj* одного из старейших домов обнаружен фрагмент кости животного. Информанты, включая старожилы села, не смогли предоставить точных данных о происхождении данного артефакта, времени и причинах его помещения на брус. Тем не менее, современные обитатели дома уверены в его амулетной функции, связывая кость с защитой от сглаза и порчи. С учетом распространенности сакрального значения архара в традиционных верованиях

памирцев, можно предположить, что данный костный фрагмент, вероятнее всего, принадлежит именно этому виду животных [2, с.445-449]. Анализ лексической структуры и семантики терминов, обозначающих столбы и соединяющий их брус при входе в традиционное жилище горных таджиков, позволяет выявить глубокие культурные пласты, отражающие как доисламские верования и представления, так и особенности архитектурных традиций данного региона.

Лексические единицы шуг. *kicor-sitan* (*kicor* «очаг»), руш. *arδōn-sitan* (*arδōn* «очаг») и шугн., руш. *kampīrsitan* (*kampīr* «старуха», букв. старуха-столб) используются для обозначения столба, расположенного справа от входа в жилище и связанного с пространством очага. Семантика этих терминов отражает глубокие культурные пласты. Так, в термине *kicor-sitan* доминирует локативный компонент, указывающий на непосредственную близость к очагу. Термин *arδōn-sitan* связывается с образом Фатимы, дочери пророка Мухаммеда, что свидетельствует об исламизации сознания носителей языка. Однако в доисламский период данный столб, вероятно, ассоциировался с богиней плодородия Анахитой, что указывает на более древние корни данной символики [11, с.132-134].

Ахура-Мазда, согласно Авесте, сотворил богиню Анахиту, олицетворяющую чистоту и непорочность, с целью обеспечения благополучия и защиты всего сущего. В 5 Яште содержится хвалебный гимн этой богине, подчеркивающий ее роль в космогонии и значение для процветания мира. Созданная для охраны и защиты, Анахита выступает как космическая сила, способствующая благополучию людей и охраняющая границы их обитания:

Создал ее я, Мазда
Для процветания дома,
Селенья и округа.
Создал для их защиты,
Опоры и охраны,
Создал для спасенья
Округи и страны [1, с.184].

Функция столба как хранителя очага и покровителя женщин, символизирующего чистоту и благочестие, подчеркивает его сакральное значение в традиционной культуре. Пространство, ассоциируемое с *kicōrsitan*, традиционно является женской сферой, где женщины занимаются приготовлением пищи, ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Ритуальное значение этого пространства проявляется в свадебных обрядах: именно здесь происходит облачение невесты (шугн. *šay cīdow*), и она занимает почетное место во время свадебной церемонии. Лингвокультурный анализ термина *kicorsitan* позволяет выявить его глубокую семантику, связанную с понятиями домашнего очага, тепла, света и благополучия. Сравнение с образом древнеиранской богини Анахиты указывает на архетипичность этих представлений. Ритуал облачения невесты у *kicorsitan*, выраженный в утверждении, что *niwenc ta kicorsitan xezand šay kinen* «невесту облачают около *kicorsitan*», подчеркивает сакральную роль этого объекта в свадебном обряде и его связь с женским началом. Поэтому, *kicōrsitan* выступает не только функциональным элементом жилища, но и носителем глубоких культур-

ных и символических значений, связанных с женским началом и семейными ценностями.

Таким образом, имена столбов в традиционном жилище Западного Памира представляют собой значимые элементы культурного кода, отражающие как сакральные аспекты мировоззрения, так и повседневную жизнь. Они служат своего рода маркерами культурной идентичности, позволяющими сохранять традиции в условиях социальных изменений. Анализ семантики и структуры этих имен свидетельствует о том, что они выполняют функцию передачи культурной памяти и сакрального знания от поколения к поколению. Синкретизм религиозных верований, отраженный в именах столбов, подчеркивает многослойность культурных кодов и адаптивность традиционных представлений к новым историческим условиям. Анализ ономастики столбов в традиционном жилище горных таджиков выявляет сложный симбиоз исламских и доисламских верований. Связь имен столбов с пятью ключевыми фигурами шиитского ислама свидетельствует об исламизации сознания, однако реликты доисламских культов, в частности, почитание божеств плодородия, указывают на многоуровневый характер культурных кодов. Сопутствующие столбам ритуалы подчеркивают их сакральную функцию в поддержании гармонии и благополучия семьи, а также отражают коллективные представления о чистоте и моральных ценностях.

Пять столбов функционируют не только как архитектурные элементы дома, но и как символические опоры социальной и духовной жизни его обитателей. Их символическое значение подчеркивает важность дома как центра социальной жизни, в котором ритуалы и традиции обеспечивают связь поколений и устойчивость культурных ценностей.

Литература

1. Авеста. Яшт 5-ый. Гимн Ардви-Суре / пер. И.И.Стеблина-Каменского. – М., 1993. – 207 с.
2. Андреев М.С. Таджики долины Хуф / переизд.; под ред. Э.Кочумкуловой. – Бишкек: Джем Кей Джи, ИИАЭ УЦА, 2020. – Вып. II. – 794 с.
3. Антонова Н.А. Современный памирский дом и календарно-астрономические представления памирцев / Н.А.Антонова, Н.А.Дубова, М.Н.Наврузбеков, М.Г.Никифоров // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2023. – №3 (62). – С.170-181.
4. Бойс Мэри. Зороастрийцы. Верования и обычаи. – СПб., 1994. – 288 с.
5. Васильцов К.С. «Алам-и сагир»: к вопросу о символике традиционного памирского жилища [Электронный ресурс] / Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. – Режим доступа: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_03/978-5-884314-159-6/
6. Ладыгина О.В. Отражение философии традиционного дома таджиков Памира в его архитектурном пространстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – Томск, 2023. – №52. – С.63-73.
7. Мамадназаров М., Якубов Ю. Конструктивные и функциональные особенности Горно-Бадахшанского ступенчатого потолка чорхона // Памироведение. – Душанбе: Дониш, 1985. – Вып.2. – С.34-57.
8. Садуллоева М.С. Традиционный дом таджиков Памира как пространство символов и смыслов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ethnomuseum.ru/> (дата обращения: 19.11.2024)

9. Тиллоев С.С. Особенности символики памирского дома // Бюллетень науки и практики. Исторические науки. – М.: АН РФ, 2017. – №1. – С.234-239.
10. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Ҷ. II / под ред. С.Назарзода. – Душанбе, 2008. – 945 с.
11. Шохуморов А. Памир – страна ариев. – Душанбе, 1997. – 152 с.
12. <https://www.molbulak.ru/news/chavkhana/pamirskiy-dom-pamvatnik-drevnikh-traditsiy> (дата обращения: 17.11.2024)
13. <https://www.pamiri.online/dict>

**A LINGUOCULTURAL PERSPECTIVE ON THE LEXICON OF A
TRADITIONAL DWELLING
(on the example of the names of the five pillars of the traditional Pamiri house)**

Nekushoeva Shahlo Saidnuriddinovna

Candidate of philology sciences,
senior researcher at the department of Pamiri languages,
Institute of humanities named after B. Iskandarov,
National Academy of sciences of Tajikistan
736000, Republic of Tajikistan, Khorog, U. Kholdorov str., 4
Ph.: (+992) 93 597 11 76 (m.)
nekushoevash@gmail.com

The article focuses on the ethnolinguistic analysis of the five pillars, which are a significant symbolic element of the traditional Pamir house. The study explores their names, linked to cultural codes and rituals reflecting the worldview and spiritual values of the Pamir peoples and the etymology of lexemes is also given. Special attention is given to their role in daily life and ceremonial practices, as well as the symbolic significance of the pillars' names as carriers of historical and cultural memory. The author emphasizes that these elements are interpreted as an expression of the interaction between humans, the surrounding environment, sacred space, and ancestral traditions. Attention is also paid to deconstructing the symbolism of these architectural elements and its relationship to the cosmological ideas, social structures and ritual practices of the time. Lexical-semantic analysis of the names of the five pillars in the traditional dwelling of the peoples of Western Pamir reveals the multifaceted nature of the cultural code, reflecting both the sacred aspects of the worldview, associated with beliefs and cosmological ideas, as well as everyday life, domestic practices, and social relations. They are a kind of marker of cultural identity, allowing the preservation of traditions and continuity of generations in conditions of social change and globalization.

Keywords: lexical-semantic analysis; five pillars; tradition; Pamirian house; ritual; Shughni-Rushani language group.

**ТАҲЛИЛИ ЛИНГВОФАРҲАНГИИ ЛЕКСИКАИ МАРБУТ
БА ХОНАИ СУННАТӢ
(дар асоси намунаи номҳои панҷ сутуни хонаи анъанавии помирӣ)**

Некушоева Шахло Саиднуриддиновна

Номзади илмҳои филологӣ,
ходими калони илмии шуъбаи забонҳои помирӣ,
Институти илмҳои гуманитарии ба номи Б.Искандаров,
Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон
736000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Хоруғ, кӯч. У.Холдоров, 4
Тел.: (+992) 93 597 11 76 (м.)
nekushoevash@gmail.com

Мақола ба таҳлили лингвофарҳангии лексемаҳои ифодакунандаи панҷ сутуни хонаи суннатии тоҷикони Бадахшон, ки инъикоскунандаи унсурҳои рамзии муҳим мебошанд, бахшида шудааст. Таҳлилҳо хусусияти лексикӣ-семантикӣ, этимологӣ, лингвофарҳангӣ ва арзишҳои маънавии марбут ба лексемаҳои баррасишударо дар бар мегиранд. Диққати махсус ба нақши онҳо дар ҳаёти ғузумарра ва маросимҳои анъанавӣ дода шуда, маънои рамзии номҳои сутунҳо ҳамчун инъикоскунандагони омилҳои таърихӣ ва фарҳангӣ баррасӣ мегарданд. Муаллиф таъкид мекунад, ки ин унсурҳо ҳамчун ченаки ҳамбастагии инсон бо муҳити атроф, фазои муқаддас ва бо анъанаҳои ниёгон тафсир карда мешаванд. Ҳамчунин, ба деконструксияи рамзии ин унсурҳои меъморӣ ва иртиботи он бо тасаввуроти космологӣ, сохторҳои иҷтимоӣ ва расму русуми роиҷ дар фарҳанги ин мардум диққат дода шудааст. Таҳлили лексикӣ-семантикии номҳои панҷ сутуни хонаи суннатии мардуми Помири Ғарбӣ гуногунҷабхагии рамзӣ ва фарҳангиро ошкор менамояд, ки ҳам паҳлуҳои муқаддаси ҷаҳонбинӣ, вобаста ба боварҳо ва тасаввуроти космологӣ, ва ҳам ҳаёти ғузумарра, амалияҳои маишӣ ва муносибатҳои иҷтимоиро дар бар мегирад. Ин лексемаҳо ҳамчун нишонаҳои ҳоси ҳувияти фарҳангӣ хизмат мекунанд, ки дар шароити тағйироти иҷтимоӣ ва ҷаҳонишавӣ нигоҳ доштани анъанаҳо ва пайванди наслҳоро таъмин менамоянд.

Вожаҳои калидӣ: таҳлили лексикӣ-семантикӣ; панҷ сутун; расму оин; хонаи помирӣ; маросим; ғузумарраи забонҳои шуғнонӣ-ғушунӣ.

УДК 821.222.8 (092)

ПАРАДИГМА ТРАДИЦИОННЫХ ТАДЖИКСКИХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Н.МАМАДЖОНОВОЙ

Муллоева Камила Ньматуллоевна

Преподаватель кафедры мировой литературы
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 111 12 53 46 (м.)
kmulloeva2016@gmail.com

Статья посвящена проблеме выражения женской идентичности, ограниченной патриархальным укладом семейной жизни, в творческой интерпретации современной таджикской писательницы Н.Мамаджоновой. В своих повестях автор делает акцент на негативном влиянии традиционных предрассудков на положение женщины в семье, что приводит к деформации семейных отношений, а главное – к разрыву её социальных и личных связей, к чувству безысходности, которое нередко приводит к трагическим последствиям. В интерпретации Н.Мамаджоновой все системы, входящие в семейную парадигму («муж – жена – ребенок», «ребенок – родители», «женщина – родственники»), становятся несостоятельными из-за установки на разрешение насилия и абьюза в семье. Отсюда у персонажей Н.Мамаджоновой происходит разрыв социальных и личных связей, возникает чувство отчужденности от окружающего мира. Писательница выступает против существующих консервативных взглядов на положение женщин в семье, используя свои произведения как трибуну, с которой она провозглашает необходимость просвещения молодых женщин, их осознанного участия в общественной жизни страны.

Ключевые слова: женская проза; Н.Мамаджонова; парадигма; семейные отношения; сетература; современная таджикская литература

В современном Таджикистане наблюдается процесс трансформации традиционных консервативных норм, регулирующих семейно-брачные отношения. Указанные изменения находят отражение в различных социальных сферах. О.Хушкадамова, анализируя особенности семейно-брачных отношений в современном Таджикистане, говорит о тенденции к сепарации¹ семей от старшего поколения и отказа от консервативных обычаев, связанных с широким распространением семей расширенного типа². В настоящее время под влиянием западных стран предпочтение отдается нуклеарной семье, состоящей из двух поколений

¹ Сепарация – это процесс отделения ребенка от родителей, когда он постепенно становится самостоятельным и независимым человеком

² Расширенная семья – это семья, в которой совместно проживают представители нескольких поколений, включая родителей, детей, а также других родственников.

(родители и дети). Особенно эта ситуация распространяется в послевоенные годы, когда происходит миграция населения из деревень в город [6].

В настоящее время, благодаря обретению Республикой Таджикистан государственной независимости, наблюдается тенденция к повышению статуса женщины в обществе. Благодаря активной поддержке Лидера Нации, Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона, таджикские женщины принимают активное участие в общественной деятельности и вносят свой вклад в движение страны к прогрессу. Издан ряд постановлений Правительства Республики Таджикистан, а также государственных программ по повышению статуса женщины в таджикском социуме [2]. Важным является вопрос о предоставлении равных прав и свобод как для мужчин, так и для женщин. Однако данный тезис понимают далеко не все члены современного социума, поскольку по-прежнему остается актуальной проблема домашнего насилия над женщинами, проблема материальной зависимости женщины от родственников и мужа и другие.

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на попытки устранения гендерного неравенства в таджикском обществе, данная проблема стоит очень остро и поднимается не только в работах исследователей, но и в литературных текстах, написанных женщинами.

Тема семьи остается одной из самых актуальных на страницах «женской прозы», однако, на наш взгляд, меняется фокус с изображения семьи как единого целого на модель, где каждый партнер существует изолированно. В таджикской «женской прозе» данная трансформация особенно заметна: под влиянием консервативных взглядов искажается концепция семьи в целом. Брак воспринимается не как союз мужчины и женщины, а как система, где женщина оказывается в позиции угнетенной жертвы, а мужчина проживает свою собственную жизнь. Таким образом, происходит распад в системе семейных отношений, и данная тенденция находит отражение в текстах современных писательниц. И.Г.Зумбулидзе пишет: «Новая проблематика и поэтика обусловили создание произведений, где женщина выступила главным действующим лицом, а не только выразителем авторской идеи» [3, с.21]. В данном аспекте «женская проза», действительно, становится пространством для критического осмысления гендерных ролей в контексте национальной литературы.

Значимым в этом вопросе является творчество таджикской писательницы Н.Мамаджоновой, которая начинает свой творческий путь через литературный блог в Facebook. Именно там появляются первые фрагменты произведений автора. Известно, что сетература¹ в настоящее время набирает большую популярность как среди авторов, так и среди читателей. Подтверждение данного тезиса мы находим в статье С.А.Субхонкуловой, где исследователь пишет: «Для таджикских писательниц-блогеров сетевая литература стала способом творческого продвижения, значительно сократившим путь к популярности. Блог стал для них удобной возможностью получить от читателя мгновенную обратную реакцию на

¹ Сетература – сетевая литература, существующая на просторах Интернета.

высказывание, говорить на различные темы, актуальные в современном обществе» [8, с.242].

Очевидно, что данная тенденция придает женскому творчеству в сети большую публицистичность. Литературный блог можно назвать своеобразной формой дневника, где автор откровенно говорит о проблемах, которые игнорируются в реальной жизни, но активно обсуждаются на просторах Интернета.

В своем сетевом блоге Н.Мамаджонова выступает против существующих консервативных взглядов на положение женщины в семье, используя свои произведения как трибуну, с которой она провозглашает необходимость пересмотра и трансформации данных общественных установок. С.А.Субхонкулова пишет: «Мотив зависимости от традиций является центральным в творчестве Нигины Мамаджоновой, которая в каждой своей книге рассказывает историю, в которой присутствует боль, насилие, покорность и унижение [7, с.103]. Проза Н.Мамаджоновой обращена не только к женской половине общества, но и ко всему обществу, автор готова оказать моральную поддержку женщине в решении личностных проблем...» [7, с.114].

Несмотря на стремление к обретению свободы и равноправия, женщины все равно испытывают определенный гнёт и давление со стороны мужчин, однако данная проблема существует не столько на уровне общественных взаимоотношений, сколько на уровне семейных. Домашнее насилие, абьюз¹, унижение, газлайтинг² становятся частым явлением в традиционных семьях.

Многие истории для своих произведений писательница берет из реальной жизни простых женщин. В связи с этим все произведения Н.Мамаджоновой имеют злободневную проблематику, суть которой состоит в том, что в таджикском обществе произошла лишь формальная отмена традиционных устоев и никаких значительных сдвигов в области равноправия полов и более светского отношения к женщине не произошло [6, с.6].

Таким образом, современная таджикская женщина по-прежнему остается в позиции угнетенной жертвы, лишенной права голоса, а мужчина, априори имея больше прав в традиционной парадигме семейных отношений, пользуется своей доминантной позицией, оказывая давление на представительниц слабого пола.

По словам С.Субхонкуловой, женщина зачастую становится заложницей тех предрассудков, которые были установлены традиционными канонами таджикского общества. Героини Нигины Мамаджоновой – обычные женщины, погруженные в быт. Автор словно специально выбирает невезучих, малозаметных, обделенных персонажей, чтобы их глазами показать действительную житейскую ситуацию, и медленно, терпеливо ведет их к тому, чтобы героини романа нашли в себе волю к реализации своей личности, стали стремиться приобрести своё «Я» [6, с.6].

¹ Абьюз – отношения, в которых партнёр нарушает личные границы другого человека, унижает, допускает жестокость в общении и действиях с целью подавления воли жертвы.

² Газлайтинг – это манипуляция, цель которой – заставить жертву сомневаться в адекватном восприятии реальности, своих чувствах, эмоциях, воспоминаниях.

В прозе Н.Мамаджоновой можно выделить особый образ-мотив¹, который условно можно назвать «чужой ребенок». Он характеризуется своей отчужденностью от остальных членов семьи и предельным одиночеством. Он становится ненужным в семейном контексте. Зачастую, «чужим» ребенок становится с потерей матери. Мать – это обязательное звено в семейной парадигме, которое сдерживает давление со стороны и принимает его на себя. В ситуациях, когда семья теряет женщину, удар на себя принимает «чужой ребенок». «Чужим ребенком» является Нидо из одноименной повести Н.Мамаджоновой, Нигина из повести «Ты моя ошибка!», Рания из произведения «Не сказка о Золушке» и другие героини.

В произведении «Нидо» проблема семейных отношений изображена через взаимоотношения главной героини с разными мужчинами, которых она встречала на своем жизненном пути. Проблема полового воспитания в традиционной таджикской семье поднимается с первых страниц повести. Отсутствие такового приводит девушек к незнанию женской физиологии и своего тела. Результатом этому становится психологическая уязвимость девушек и неспособность постоять за себя. Так, например, Рустам, возлюбленный Нидо, манипулирует чувствами девушки, говоря о том, что она уже стала женщиной. Раннее он задавал девушке вопросы о ее сексуальном опыте, пытаясь понять, насколько далеко он может зайти в своих действиях. Он убеждает героиню в том, что она уже не девственница, хотя отношения с девушкой строились лишь на поцелуях и объятиях. Под воздействием манипуляций со стороны мужчины Нидо несколько месяцев проводит в душевных терзаниях и утешает себя мыслями о том, что девственности она лишилась в детстве, катаясь на велосипеде. Тем временем мужчина изображает из себя благодетеля, готового принять порочную девушку и проявить милость к ней.

Следует сказать, что эта тема является табуированной во многих таджикских семьях даже в современном мире. Традиционно любая связь с мужчиной до замужества порицалась старшим поколением и обществом. Девушки узнают о близости с мужчиной со слов подруг или старших сестер. Н.Мамаджонова с осуждением упоминает старую традицию, существовавшую в далекие времена, связанную с демонстрацией крови, пролитой во время первой брачной ночи. Даже самую близость с мужчиной писательница передает грубым словом «ЭТО»: «И вот тут произошло «ЭТО»².

Крайне остро Н.Мамаджонова осуждает отношение людей к девушке в патриархальной таджикской семье. Важно отметить, что Н.Мамаджонова акцентирует внимание не только на проблемах главной героини повести, но и на второстепенных персонажах. Её волнует судьба каждой девушки, появляющейся на страницах её повестей. Это помогает писательнице дать полное представление о традиционной картине мира, царящей в таджикском обществе. В частности, чи-

¹ Образ-мотив – устойчивый литературный образ, который появляется в разных произведениях одного и того же автора.

² Мамаджонова Н. Нидо. Голос Нидо. Душанбе: Адиб, 2019. С.8.

тателю рассказывается история Амины, которая стала жертвой интриг свекрови. Не сепарированная от сына женщина не давала молодым людям жизни, всячески ущемляя и очерняя невестку. Муж Амины остро реагирует на жалобы жены и защищает позицию матери. В семье девушки начинаются скандалы. Так разрушается семья.

Жестокое отношение родителей к дочери мы видим на примере судьбы Ситоры (жены Али). Девушка, не выдержав обстановки в новой семье и скандального поведения мужа, возвращается домой. Однако отец прогоняет дочь из дома. Таким образом, девушка была вынуждена самостоятельно переживать сложившуюся ситуацию. Исходя из этого, мы понимаем, что даже в критической ситуации девушка зачастую остается без моральной и психологической поддержки близких.

Традиционно, считалось неправильным рушить семью и выходить из нее. Для старшего поколения важным было сохранить мнимую видимость семьи, даже при отсутствии духовной и эмоциональной близости супругов. Поступок родителей Ситоры порицается автором. Н.Мамаджонова покажет это через карьерный взлет и самореализацию девушки, которая прошла через все трудности жизни самостоятельно и выработала в себе стойкость характера и независимость от других людей.

В повести Н.Мамаджоновой «Ты моя ошибка» в очередной раз главной становится тема семейных отношений. И снова в центре конфликта – «чужой ребенок». В данном произведении автор детально вникает в приметы реальной семейной жизни, обремененной множеством предрассудков, поддерживаемых в традиционных семьях. Кроме того, Н. Мамаджонова на примере своих героев показывает, как традиции оказывают влияние на сознание героев.

В повести мы видим череду традиционных клише, которые порицаются автором и показывают абсурдность ситуаций, в которые попадают женщины. В завязке произведения мы знакомимся с Махфират, женщиной, которая не может зачать ребенка. Это становится важной проблемой для героини, поскольку семья мужа винит в этом её. Причина же крылась в самом мужчине, который оказался бесплодным. Несмотря на результаты обследования, бабушка Абубакра винит во всем Махфират, склоняя внука к разводу. Такая ситуация зачастую встречается в традиционных семьях.

«Что ты заладил, врач, врач! Врач не Бог! Все в руках Аллаха! Запомни мои слова! Будут у тебя дети!»¹ – причитает бабушка. В её словах мы видим четкую установку на отказ от истины: она не хочет принимать подтвержденную медицинской правду, ей намного легче обвинить Махфират и заставить внука развестись с ней. Важно отметить, что обращение героини к Богу и религиозным установкам никак не коррелирует с поведением религиозного человека. Уповая на Господа, женщина обижает Махфират и призывает внука бросить жену.

Героиня Н.Мамаджоновой – постоянная жертва, притесненная окружением. Уйдя от мужа, Махфират попадает к себе домой, где она снова не может найти

¹ Мамаджонова Н. Фабрика грез (сборник повестей). Душанбе: Истеъдод, 2021. С.200.

себе места, поскольку её выживают из дома невестки. Неумение женщины постоять за себя дает возможность окружению Махфират руководить её жизнью и интересами.

Разрушение второго брака девушки так же связано с ребенком. Однако в данном случае ребенок был нежелательным для мужа Махфират. Беременность женщины приводит к тому, что их отношения начинают рушиться и семья вновь распадается. Важно отметить, что, характеризуя мужа главной героини, Н.Мамаджонова в тексте обращается к мифологическому сюжету о юноше Нарциссе. Писательница намеренно не дает имени этому герою. Он является неким обобщением мужчин, ставящих свою личность выше интересов других людей. По характеристике данного персонажа мы видим разрушающую силу его самолюбия. Голубые глаза и завораживающая улыбка, которыми наделила Н.Мамаджонова данного героя, символизируют далеко не чистоту и праведность. Эти черты больше напоминают читателю маску: обворожительного героя, за внешностью которого стоит порочная душа.

Несмотря на протест мужа, Махфират рождает девочку и называет её Нигина. Важно отметить особую символичность данного имени. Оно имеет значение «драгоценность» или «драгоценный камень». Действительно, ребенок стал путеводной звездой в жизни Махфират. Жизнь женщины преобразуется: «Махфират порхала вокруг дочери, сдувая с нее пылинки. Никому не позволяла даже дышать на нее. Так она ей была дорога. Нигина – самое драгоценное, что у нее было. Была счастлива. Уставшая, измотанная от бессонных ночей, но счастлива»¹.

Трагически проживает отсутствие отца в семье сама Нигина. В душе девочки постоянно теплится надежда на то, что отец вернется в семью. Особенно драматично писательница передает момент, когда девочка узнала отца по фотографии на улице и ожидала того, что он примет её. Однако мужчина лишь оттолкнул ребенка, дав ложную надежду на свое возвращение: «Приду, приду, он незаметно оттолкнул Нигину и, вернувшись к машине, сказал: «Обозналась видать. Бедная девочка». Коллеги переглянулись и еще раз посмотрели на девочку, которая стояла с улыбкой и со слезами на щеках. Она не отрывала своих голубых глаз от мужчины. Невооруженным глазом было видно их сходство. Она была маленькой копией своего отца»².

На примере воспитания Нигины видно, как покорность и равнодушие к себе закладываются в ребенка семьей с самого раннего детства. Жертвенность, словно заболевание, передается женщинам из поколения в поколение: от бабушки к Махфират, от Махфират к Нигине. Причиной этому является установка на послушание и смирение с обстоятельствами: «Бабушка и мама старались дать ей хорошее воспитание, учили манерам и традициям, которыми они сами были пропитаны до костей. Такие выражения, как «старших нужно слушаться» «не перечить взрослым и делать то, что тебе говорят», были переданы ей с грудным мо-

¹ Мамаджонова Н. Фабрика грез (сборник повестей). Душанбе: Истеъдод, 2021. С.209.

² Там же. С.214

локом. Вежливость, покорность и послушание – основные показатели хорошего воспитания. Так было принято в их семье»¹.

Таким образом, мы видим, что традиционная модель воспитания не меняется, несмотря на её недостатки и издержки. Характер слабой и безвольной женщины передается от матери к дочери через воспитание. В произведении неоднократно упоминается то, как была несчастлива мать Махфират, ущемленная сыновьями и их женами, как страдала сама Махфират, и к такой же трагичной судьбе женщины готовят и Нигину.

Важно отметить, что, когда Нигина подрастает, её духовная связь с матерью значительно ослабевает. Девушка чувствует себя одинокой в этом мире, чувствует острую нехватку любви. Эту любовь она находит за пределами дома с мальчиком Одылом. Отношения молодых людей выливаются в страшную трагедию: один из взрослых друзей Одыла насилует Нигину, а после шантажирует и притесняет.

Н.Мамаджонова детально прописывает страх девочки и её боль: «Нигина лежала под одеялом и тряслась от страха и боли. Рана кровоточила и сильно болела. Она очень боялась, что мама узнает и выгонит ее из дома, как ей сказал тот противный дядя. Он предупредил, что ей будет очень плохо, если она кому-нибудь об этом расскажет»².

Становится ясно, что между девочкой и мамой не было тесных доверительных отношений, в связи с этим девочка была вынуждена проживать эту травму самостоятельно. Лишь после второго насилия над Нигиной Махфират узнает о случившейся ситуации. Вопреки ожиданиям читателей, женщина реагирует на это крайне негативно: «Ты меня опозорила», – были первые ее слова. Какой позор! Какой позор, – кричала она. Побежала на кухню и вернулась со шваброй в руках. С размаху ударила дочь так, что Нигина отлетела и упала на пол. – Ты проститутка, такая же как твой покойный отец! Это его кровь! У нас в семье таких нет! Ты вся в него! Это его грязная кровь! Ты не моя дочь! Ты отродье шайтана, – Махфират кричала, как сумасшедшая. От боли, от одного за другим следовавших ударов Нигина кричала и умоляла мать остановиться...»³.

Мы видим, что Махфират беспокоит не психологическое состояние её ребенка, а то, что подумает о Нигине общество. Её обценная лексика⁴ и обвинения показывают, что героиня винит в происшедшем свою дочь. Реплики героини показывают и её внутреннюю обиду на покойного мужа. Таким образом, семейные отношения в цепочке «мать-дочь» также являются незрелыми и несостоятельными. Н.Мамаджонова намеренно создает перед Махфират ситуацию выбора: дочь или общественное мнение. Воспитанная в традиционной семье женщина выбирает общественное мнение и проклиная родную дочь: «Только ты виновата! Будь

¹ Мамаджонова Н. Фабрика грез (сборник повестей). Душанбе: Истеъдод, 2021. С.219.

² Там же. С.223

³ Там же. С.228.

⁴ Обценная лексика – ругань.

проклят тот день, когда я решила тебя родить. Я проклинаю тебя! Ты моя ошибка! Моя большая ошибка!»¹. Отсюда появляется и заглавие повести.

Случившаяся ситуация подводит подростка к мысли о суициде. Однако внутренний стержень Нигины заставил девушку вернуться к обычной жизни и заняться собой. Ощущая и осознавая свою порочность, девушка становится «жрицей любви». Данный виток в жизни девушки возникает исключительно за счёт того, что Нигина не нашла поддержки в матери (в семье) и подсознательно признала свою греховность. Данный путь девушки был отчасти вынужденным, однако Нигина сумела выбраться из этого и начать новую жизнь.

В повести мы видим оппозицию родина-чужбина в парадоксальной, непривычной интерпретации. В антиномии «Восток-Запад» восток интерпретируется как плохой, а запад как хороший. Это также связано с традиционными предрассудками в обществе. Данная оппозиция в сознании героини возникает за счёт того, что запад для девушки связан с образом свободы, где все традиционные предрассудки теряют свою силу: «Они гуляли по чужому городу, держась за руки, где никто никого не осуждал, а напротив, при виде красивой пары улыбались и желали счастья и любви. Нигина была переполнена чувствами, которые помогали ей перебороть страх и ужас, ненависть и злобу, которые превратили ее ранимое сердце в кусок камня, хотя и драгоценного»². Именно на чужбине Нигина находит в себе чувства, которые заставили её вновь вернуться к жизни.

Необходимо подчеркнуть, что автор неоднократно показывает, как парадигма семейных отношений сказывается на поведении детей. Это было отмечено Н.Мамаджоновой еще ранее, при изображении модели воспитания в семье Махфират. Писательница также показывает, как поведение взрослого родителя проецируется ребенком. Это выявляется через сына Нигины Азиза, который подражает поведенческой стратегии отца и с самого детства ведет себя, как агрессор: «Постепенно, из ласкового и доброго малыша Азиз превращался в маленького агрессора. Любая мелочь выводила его из себя, он начинал кидаться игрушками и ломать их. Нигине и бабушке становилось тяжело справляться с его капризами и истериками. В саду тоже начали жаловаться на его поведение. Было очевидно, что ребенок стал повторять своего отца»³.

Таким образом, мы видим, что в данной повести автор порицает те предрассудки, которые установились в традиционных таджикских семьях, поскольку они не просто угнетают женщин и детей, но и разрушают человеческую личность.

В произведении «Не сказка о Золушке» Н.Мамаджонова так же акцентирует внимание на недостатках и предрассудках в традиционной семейной парадигме. В центре повествования судьба глухонемой девушки Пари. Несмотря на её особенность, на ней женится солдат. Однако спустя время жизнь молодых людей отягощается плохим отношением мужчины к Пари. Девушка, воспитанная в тра-

¹ Мамаджонова Н. Фабрика грез (сборник повестей). Душанбе: «Истеъдод», 2021. С.228.

² Там же. С.231.

³ Там же. С.239.

диционной патриархальной семье, терпела насилие над собой, поскольку так было принято.

Интересно, что автор приводит интерпретацию данной проблемы через призму отношения к ней женщин старшего поколения, считающих, что современные женщины мало терпят по сравнению с ними: «Да, не та нынче молодежь! Стоит дунуть в их сторону, они уже у мамы. Белоручки избалованные! Мы же вытерпели! И били нас и топтали, не умерли же!»¹.

Установка на то, чтобы терпеть унижительное отношение к себе, идет именно из семьи. Женщины своими же руками делают себя безвольными рабынями своего положения. Н.Мамаджонова возмущена данным высказыванием. За ним следует небольшое лирическое отступление, где автор высказывает свое негодование: «Неужели, чтобы дошло до человека, что никто не имеет права унижать другого, будь то морально или физически, обязательно, чтобы кто-то умер?! Неужели только смерть может заставить человека задуматься. Хотя, если бы это было так, то этот вопрос уже давно бы перестал быть актуальным. Сколько девушек и молодых женщин принесли себя в жертву, предпочитав смерть постоянным унижениям со стороны мужа или родственников. Видимо даже смерть не в силах изменить людей»². Автор порицает эту бессмысленную женскую жертвенность.

Терпение и покорность приводит Пари к смерти. Её дочь Рания унаследовала от матери умение подчиняться людям и обстоятельствам. Девочка, оставшись сиротой, постоянно испытывает гнёт со стороны родственников. Проблема «чужого ребенка» находит отражение и здесь.

Поощрение насилия в традиционных семьях негативно сказывается на психике детей. Рания, видевшая насилие с раннего детства, готова терпеть его и во взрослой жизни: «И то, что он иногда поднимал на нее руку, совсем ее не огорчало. Наоборот! Она воспринимала это как должное, как поведение почти родного ей человека. Еще в утробе у своей матери, которая прикрывала живот от ударов, ей было все это знакомо. Знакомо до костей. Знакомо до крови. До крови, которая текла у нее на глазах, когда ей было всего семь месяцев»³.

Таким образом, мы видим, что агрессия и насилие становятся частью нормы для таджикского общества. Угнетенная женщина не знает выхода из такой ситуации, рискуя своей жизнью и жизнью своих детей. Свою жизненную позицию Н.Мамаджонова излагает в послесловии к данному произведению. В нем писательница говорит о том, что женщины всё еще могут увидеть свою жизненную ситуацию и изменить её. Автор в послесловии создает психологический портрет каждого персонажа, поясняя особенности его поведения. В «Не сказке о Золушке» Мамаджонова выступает в роли психолога, который стремится донести до женщин весь ужас того положения, в которое они себя ставят.

¹ Мамаджонова Н. Фабрика грез (сборник повестей). Душанбе: Истеъдод, 2021. С. 252.

² Там же. С.252.

³ Там же. С.271.

Анализ повестей Н.Мамаджоновой показал, что писательница через судьбы главных героинь показывает разрушительную силу традиционных клише, которые до сих пор являются жизненным кредо для многих таджикских семей. Героиня Мамаджоновой – это жертва, которая не может прожить свою жизнь счастливо из-за предрассудков, царящих в семье и в обществе. Именно через трагические судьбы женщин автор стремится открыть глаза на произвол, который творится за закрытыми дверями. Формат здоровой, цельной семьи рушится из-за неправильных представлений о браке. В интерпретации автора все системы, входящие в семейную парадигму («муж-жена-ребенок», «ребенок-родители», «женщина-родственники»), являются несостоятельными из-за традиционной установки на разрешение насилия и абьюза в семье. Новаторство прозы Н.Мамаджоновой заключается в том, писательница стремится использовать свою прозу, как трибуну, с которой провозглашается необходимость просвещения молодых женщин. Значимое место в её произведениях занимает концепт «семья», выступающий как примета времени, неоднозначных реалий таджикского социума и как форма передачи психологического состояния женщин, её несостоятельности в силу гендерных предрассудков, культивирующихся в семейной жизни.

Литература

1. Абдулназаров А.А. Новое отношение к жизни в литературе XXI века: «женский вопрос» в литературе XXI века как обобщающий символ возрождения души и духовной смерти // Известия Академии наук РТ. Отделение общественных наук. – Душанбе, 2020. – С. 250-255.
2. Гарибова Ф.М. Гендерное равноправие в Таджикистане [Электронный ресурс] // Женщина в российском обществе. – 2022. – №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernoe-ravnopravie-v-tadzhikistane> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Зумбулидзе И.Г. «Женская проза» в контексте современной литературы // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Уфа, апрель 2011 г.). – Уфа: Лето, 2011. – С. 21-23.
4. Касимова М.Н. Тема семьи в современной женской прозе // International journal of Multidisciplinary Research (Международный журнал междисциплинарных исследований). – 2021. – №7. – С.278-280.
5. Сарин Л. Блоголитература как новая литературная форма и издательская стратегия // Преподаватель XXI век. – 2017. – №2-2. – С.369-376.
6. Субхонкулова С.А. Сетевая литература как подсистема современной таджикской литературы: основные тенденции развития женской прозы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Субхонкулова Сурайё Акбаралиевна. – Душанбе, 2022. – 190 с.
7. Субхонкулова С.А. Сетевая литература как подсистема современной таджикской литературы: основные тенденции развития женской прозы. – Душанбе: ДДОТ, 2024. – 136с.
8. Субхокулова С.А. Литературный блог как основное средство развития «женской прозы» в таджикской литературе // Вестник Педагогического университета. – Душанбе: ТГПУ им. С.Айни, 2021. – № 4 (93). – С.239-245.
9. Хушгадамова Х. Семейно-брачные отношения в Таджикистане [Электронный ресурс] // Россия и мусульманский мир. – 2010. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semevno-brachnye-otnosheniya-v-tadzhikistane> (дата обращения: 23.01.2025).

**PARADIGM OF TRADITIONAL TAJIK FAMILY RELATIONS
IN THE INTERPRETATION OF N. MAMADJONOVA**

Mulloeva Kamila Nematulloevna

Lecturer of the chair of world literature
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 111 12 53 46 (m.)
kmulloeva2016@gmail.com

The article is devoted to the problem of expressing female identity, limited by the patriarchal way of family life in the creative interpretation of the modern Tajik writer N.Mamadjonova. In her stories, the author focuses on the negative impact of traditional prejudices on the position of women in the family, which leads to the deformation of family relations, and most importantly – to the rupture of her social and personal ties, to a sense of hopelessness, which often leads to tragic consequences. According to N.Mamadjonova, all systems included in the family paradigm («husband-wife-child», «child-parents», «woman-relatives») become untenable due to the attitude towards resolving violence and abuse in the family. Hence, N.Mamadonova's characters experience a breakdown in social and personal ties, and a feeling of alienation from the outside world arises. The writer opposes existing conservative views on the position of women in the family, using her works as a platform from which she proclaims the need to educate young women, their conscious participation in the public life of the country.

Keywords: women's prose; N.Mamadjonova; paradigm; family relations; modern Tajik literature.

**ПАРАДИГМАИ МУНОСИБАТҲОИ АНЪАНАВИИ ОИЛАВӢ
ТОҶИК ДАР ТАФСИРИ Н.МАМАЧОНОВА**

Муллоева Камила Неъматуллоевна

Муаллими кафедраи адабиёти ҷаҳонии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 111 12 53 46 (м.)
kmulloeva2016@gmail.com

Ин мақола ба масъалаи ифодаи шахсияти зан, ки бо сохтори патриархалии ҳаёти оилавӣ маҳдуд аст, дар тафсири эҷодии нависандаи муосири тоҷик Н.Мамадҷонова бахшида шудааст. Муаллиф дар достони худ таъсири манфии таассуботи анъанавиро ба мавқеи зан дар оила, ки боиси деформатсияи муносибатҳои оилавӣ ва аз ҳама муҳимтараш – ба қанда шудани риштаҳои иҷтимоӣ ва шахсии ӯ, ба эҳсоси ноумедӣ оварда мерасонад, ки аксаран боиси оқибатҳои фожиавӣ мегардад, таъкид кардааст. Дар тафсири Н.Мамадҷонова тамоми низомҳое, ки ба парадигмаи оила дохил мешаванд («шахвар-зан-фарзанд», «фарзанд-падару модар», «зан-хешовандон») бинобар муносибат ба ҳалли зӯрварӣ ва зӯрварӣ дар оила ғайри қобили қабул мешаванд. Аз ин

чост, ки дар персонажҳои Н.Мамадҷонова робитаҳои иҷтимоӣ ва шахсӣ қанда шуда, ҳисси бегонагӣ аз олами беруна ба вуҷуд меояд. Нависанда ба ақидаҳои мавҷудии консервативӣ нисбат ба мавқеи зан дар оила муқобил баромада, асарҳои худро ҳамчун минбаре истифода бурда, аз он зарурати тарбияи духтарони ҷавон, иштироки бошуурунаи онҳоро дар ҳаёти ҷамъиятии мамлакат эълон мекунад.

Калидвожаҳо: насри занона; Н.Мамаҷонова; парадигма; муносибатҳои оилавӣ; сетадатура; адабиёти муосири тоҷик.

УДК 811.221.32:784.94

**РЕАЛИЗАЦИЯ КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКИХ МЕТАФОР
В ФОЛЬКЛОРНЫХ ТЕКСТАХ ШУГНАНО-РУШАНСКОЙ
ГРУППЫ ЯЗЫКОВ**

Файзулоева Рухшона Хусейновна

Соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 501 82 50 80
rukhshonafaizulaeva@gmail.com

Легенды и сказки памирского народа являются кладезью культурных ценностей, моральных устоев и наглядным примером описания жизненных ситуаций, качеств людей, их взаимоотношений как друг с другом, так и с природой. В статье рассматривается роль метафор как компонента фольклорного дискурса, в котором транслируются культурные особенности народов, говорящих на языках шугнано-рушанской группы. Особое внимание уделяется вопросу отражения духовных ценностей, особенностей мировоззрения и социальной структуры общества. Метафоры играют важную роль в языке, позволяя перенести абстрактные смыслы на близкие к нашему восприятию понятия.

Исследуются различные типы метафор, связанные с природой, религиозными представлениями, бытом, а также их функционирование в сказаниях, сказках и легендах. Учитывается важность культурных и языковых особенностей при исследовании метафор, что позволяет в полной мере ознакомиться с фольклором как средством передачи исконных ценностей народа и его культурных традиций. Отмечается, что месторасположение региона оказывает непосредственное влияние на языковую картину и быт этноса, формируя лексикон и представляя ментальность жителей Бадахшана.

Ключевые слова: шугнано-рушанская группа языков; метафора; ценности и традиции; культурно-специфические метафоры; семейные ценности; лингвокультура.

Известно, что памирские языки являются бесписьменными языками, в связи с чем изучение фольклорных и прецедентных текстов носителей этих языков является актуальным, так как в них содержатся ценности и этноспецифические особенности их культуры, традиции и народная психология.

Д.М.Искандарова, рассматривая проблему этноконтактных зон в мультилингвальной среде, выделяет Бадахшан как особую зону [6, с.329]. Исследователь отмечает, что при изучении разнообразия языков Таджикистана необходимо особо остановиться на малых языках, поскольку носители этих языков, как правило, и являются многоязычными (хотя в этноконтактных зонах с преобладающим узбекским или кыргызским населением (не относятся к малым языкам) также распространено многоязычие с включением русского или другого контактно-

го языка) [6, с.329]. Автор отмечает, что «...к малым языкам Таджикистана относятся, прежде всего, памирские, входящие в юго-восточную подгруппу иранской группы [6, с.329].

Среди российских учёных, внесших свой вклад в исследовании памирских языков, следует отметить Н.Д.Андреева, Т.Н.Пахалину, Дж.И.Эдельман, А.Е.Кибрик, И.М.Стеблина-Каменского. Этнолингвистическими и лингвокультурными вопросами исследования памирских языков занимались и отечественные лингвисты, такие как Б.Б.Лашкарбеков, З.О.Назарова, Ш.С.Некушоева, Х.Дж.Шамбезода, М.Б.Давлатмирова.

Истоки интереса к метафоре связывают с именем Аристотеля. В своем труде «Поэтика» [1] он описал метафору как способ переосмысления значения слова на основании сходства. Философ считал, что метафора предоставляет возможность и право называть предмет «не принадлежащим ему именем» через элемент сходства. Аристотелю принадлежит одна из первых классификаций метафор, которая считается актуальной и по сей день: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [1].

Г.Н.Склярёвская отмечает, что если раньше можно было выделить 4 направления исследования языковой метафоры (номинативно-предметное, формально-логическое, психологическое, лингвистическое), то теперь таких направлений стало намного больше:

1. Семасиологическое направление – изучает семную структуру языковых метафор;
2. Ономасиологическое направление, которое подходит к рассмотрению метафоры с точки зрения ее предметной отнесенности, с точки зрения соотношения языковых единиц с внеязыковыми объектами;
3. Гносеологическое направление – проявление познавательных функций языковых метафор путем их участия в членении мира и в репрезентации действительности;
4. Логическое направление, которое занимается изучением языковых метафор в аспекте теории референции;
5. Собственно лингвистическое направление, которое выявляет и классифицирует языковые свойства метафоры (морфологические, словообразовательные, синтаксические);
6. Лингво-стилистическое направление;
7. Психолингвистическое направление, занимающееся изучением языковых метафор в аспекте теории речеобразования и восприятия речи;
8. Экспрессиологическое направление, изучающее языковые метафоры путем описания их экспрессивных свойств [9, с.6-8].

Н.Д.Арутюнова считает, что метафора выполняет в предложении характеризующую функцию и ориентирована преимущественно на позицию предиката. Характеризующая функция осуществляется через значение слова [2, с.56].

По мнению известного отечественного исследователя М.Б.Давлатмировой, «одной из самых актуальных проблем современного общества является столкновение разных культур, переоценка ценностей и их изменение. Ценностные домини-

нанты, нормы поведения и различные аксиологические установки являются объектом изучения как социальных, так и гуманитарных наук, в частности лингвистических направлений, таких как лингвоаксиология, этнолингвистика, лингвокультурология, психолингвистика и социоллингвистика» [4, с.254].

Обращают на себя внимание исследования М.Б.Давлатмировой ценностной символики. «Ценностная символика, - пишет она, - отражает глубинную семантику естественного человеческого языка и показывает особенности духовной культуры народа. Элементы духовной культуры народа – это семейные традиции, обряды, религия, нормы поведения, ценности, которые сопровождаются и отражаются разными символами» [5, с. 149].

Наша статья посвящена вопросу метафорического отражения особенностей мировосприятия духовных ценностей, культуры и традиций носителей, культуры и традиций носителей языков шугнано-рушанской группы.

Материалом для исследования послужили такие источники, как «Волшебные сказки Бадахшана» [7], «Афсонаҳои сеҳромези Бадахшон» [8], «Сказки народов Памира» [3].

Рассматривая метафоры в фольклорных текстах шугнано-рушанской группы языков, мы посчитали целесообразным разделить их на тематические группы: метафоры, отражающие семейные ценности, метафоры, отражающие отношения человека с природой, метафоры жизни и смерти и другие.

Например, метафора «Murd modari oxiratat xo(h)ari qiyumat sud» (шугн.) – досл. «(она) будет мне матерью до (Дня) Конца Света и сестрой до Судного дня», - мужская клятва верности по отношению к женщине, которую нельзя нарушить ни при каких условиях.

Этнолингвокультурный аспект метафоры «Murd modari oxiratat xo(h)ari qiyumat sud» можно представить следующим образом: это выражение отражает такие традиционные ценности памирского общества, как *уважение к женщине, святость клятвы и прочность семейных уз*. Используется как мужская клятва абсолютной верности женщине, с которой устанавливаются глубокие, но не обязательно романтические отношения.

Ключевые элементы метафоры: Murd modar («мать до Конца Света»): символ заботы, поддержки, безусловной привязанности и Xo(h)ar qiyumat («сестра до Судного дня»): символ родственных, но не интимных отношений, подчеркивающий чистоту намерений, отражение oxiratat (Конец Света) и qiyumat (Судный день) акцентирует внимание на вечности и нерушимости данных обязательств.

В основе данной метафоры лежат традиционные ценности *семья, вечность и святость*. Мужчина выражает готовность относиться к женщине с той же степенью ответственности и уважения, что и к своей матери и сестре, устанавливая нерушимые моральные обязательства.

Философские и религиозные временные константы и категории «*Конец Света*», «*Судный день*» переносятся на отношения между людьми, что усиливает значимость клятвы.

Рассматривая структуру данной метафоры, следует отметить тот факт, что выражение *qiyumat* и *oxiratat* являются заимствованными с арабского языка и от-

ражают исламскую картину мира. Она выражает ценности и нормы, священность родственных уз, неукоснительность исполнения данных обещаний. Этический кодекс, основанный на взаимоуважении и честности, моральная ответственность: *Конец Света и Судный день* – символы, указывающие на абсолютную неизменность.

Образы «*мать*» и «*сестра*» метафорически обозначают: Мать – источник жизни, защитница, наставница. Сестра – близкая, но сдержанная форма любви, исключая романтический аспект. Использование вечных религиозных категорий делает клятву не только социальной, но и духовной.

Лингвокультурное значение данной метафоры соединяет элементы языка и мировоззрения, служит примером трансляции духовных идеалов через язык. Выражение «*Murd modari oxiratat xo(h)ari qiyūmat siḍ*» символизирует высшую степень уважения к женщине, подкрепленную вечной клятвой. Она демонстрирует связь между этическими нормами общества, религиозными представлениями о времени и семейных отношениях, что делает эту метафору мощным культурным символом.

Рассмотрим еще одну метафору: «*...tar ta xīz zindagoni taleptow yat ...*» (барт.), досл. «...пришли к тебе просить жизнь», – это обрядовая идиоматическая формула, используемая у шугнанцев, рушанцев и бартангцев при сватовстве. Под словом «жизнь» подразумевалась невеста, которая будет давать новую жизнь, рожая детей, тем самым способствуя продолжению рода мужа.

В рамках тематической группы «*Природные метафоры*» в качестве примера может быть приведена прецедентная метафора «*Kuhi Kof*» — мифологическая гора, упоминаемая в фольклорных и сказочных нарративах, высота которой составляет 500 фарсангов (фарсанг — мера длины, приблизительно равная 6 км). Согласно мифологическим представлениям, данная гора расположена посреди водного пространства и окружает весь мир, символизируя пределы обитаемой вселенной.

Следует отметить, что «*Кухи Қоф*» как мифологический топоним в памирских сказках является сложной метафорой, в которой отражаются идеи преодоления, спасения и доступа к сакральному миру. Она говорит о связи между материальным и духовным мирами.

В истории мифологии «*Кухи Қоф*» описывается как самая гигантская гора, окружённой водой. Гора и Вода символизируют границу между известным миром и потусторонним. В памирских сказках «*Кухи Қоф*» отражает местонахождение сверхъестественной силы, чудеса. Это место для испытаний героев, которые стремятся проявить смелость и веру. Все, что находится и растёт на этой горе, обладает магической силой. Основной знак – это преодоление, последний шанс для героев как философский аспект отражения данной метафоры. Гора окружена водой, символизирующей и начало, и конец мира. Это подчеркивает её значение в контексте поиска истины и борьбы с трудностями.

При отборе метафор из памирских фольклорных текстов была обнаружена метафора образа птицы «*Simurḡ*». «*Simurḡ*» (тадж.) – мифологическая, сказочная птица; мифическое существо в иранской мифологии, царь всех птиц. По легенде

Симург трижды пережила конец света. Мудрость Симург неисчерпаема. Считается, что Симург способна очистить землю и воду и даровать плодородие. Симург вьет гнездо на Древе жизни, которое стоит посреди Мирового моря. На этом дереве зреют семена всех целебных растений, с помощью которых люди исцеляются от всех болезней. Симург отдыхает, склонив голову на плечо будущих правителей, отмечая их как посланников Бога на Земле. Считается, что Симург существо, которое прилетает на помощь людям и приносит победу, а также дарует исцеление и мудрость.

Еще один пример метафоры, относящейся к тематической группе религиозных обрядов, – «*Cirowpidid*» (шугн.) и «*Caroy rawxan*» (шугн., рушан., вахан.). Обе метафоры переводятся дословно как «возжигание лампы» и подразумевают траурный обряд, совершаемый на третий день в доме покойного, главным элементом которого является возжигание светильника, лампы. Считается, что зажжённая свеча или лампа освещает покойному путь в потусторонний мир.

Памирские легенды и сказки совмещают в себе самые различные образы того, что нас окружает. Немаловажную роль играет и месторасположение региона, будучи в тесной связи с природой, сказки полны метафор, отражающих связь человека с природой.

В сказке «Тошбек и Гулькурбан» встречается метафора «дахти мусаттā» – «бесконечная пустыня»:

«Дам дāхт-анд йи муйсафеди нўрўни подхо-йард дучор йодд ху ас ди пехст: э пуц, тут мам дахти мусаттā-йанд ас кā-ай9ч-ат», тар кā-йат раўн» [10, с.166] – «В этой пустыне встретился падишаху благообразных старик и спросил: сынок, откуда ты прибыл в эту бесконечную пустыню и куда направляешься».

В данном случае «пустыня» создает образ испытаний и трудностей, которые необходимо преодолеть человеку на пути к желаемому. Считается, что пустыня – место, где человек обретает мудрость, очищается от грехов через страдания, а также слышит свой внутренний голос и высшие силы. В этой сказке главной целью героя было обзавестись детьми, невзирая на голод, жажду и усталость, он шел к своей цели и получил помощь от Ходжаи Хизра.

В сказке «Шахзаде Сухраб» метафора «дарйойи Шўр» – «река Шур» так же символизирует испытания героя и опасность, угрожающую его жизни. Река может выступать символом разграничения миров, а также переходом из одного состояния в другое.

«Ат му чон дарйойи Шўр индер, агар сут-ат нигинā та-чо ца вавд айос кин аз ум нигинā тар дарйо. Охирон ғуллā мойи нихтезд Гоммойи ум ном...» – «А душа моя находится в реке Шур, если у тебя есть кольцо, отнеси это кольцо к реке. Последняя большая рыба, которая покажется, – форель» [8, с. 218].

В данном случае «нигинā» и «Гоммойи» являются объектами обитания реки Шўр.

В сказке «Могульдухтар» встречается метафора «воронье крыло»:

Могульдухтар в этом саду.

Два её локона – воронье крыло,

Араббача страдает из-за неё,

Приди, нежный друг Могуль! [3, с.305]

Здесь метафора используется для описания и более зримого представления героини, т.к. цвет вороньего крыла – глубокий черный.

Данная метафора имеет несколько коннотаций, однако все они несут отрицательную, негативную окраску. Например, птица-ворон является обитателем загробного мира и символизирует войну и беды. Ворон также является предвестником опасности и угрозы. Его крыло может быть рассмотрено как завеса, прикрывающая злой умысел. Эта птица ассоциируется с трауром, потерями, одиночеством и печалью.

В сказке «Золимшо» особый интерес представляют такие метафоры, как «волшебное яблоко» и «вековой чинар»:

- Возвращайтесь домой и съешьте это волшебное яблоко. Красную половину пусть съест старушка, белую – старик. Через три-четыре года появился у них ребёнок... [3, с.22]

Необходимо учесть тот факт, что высокогорье имеет не особо благоприятные условия для жизни. Фрукты, в том числе и яблоко, являются символом плодородия, изобилия и достатка. Волшебное яблоко помогает героям в различных обстоятельствах, таких как появление детей, богатство в доме и способствование плодородию земли. Оно может исцелять, омолаживать и обеспечить долгую и благополучную жизнь. Обычно яблоко является даром от высших сил за оказанное добро или как помощь человеку в трудной ситуации. Отрицательной коннотацией метафоры «волшебное яблоко» является «заколдованное яблоко». Оно, в свою очередь, внешне представляя собой нечто прекрасное, желанное, на самом деле оказывается опасным, несущим зло. Оно также символизирует выбор, который в итоге приводит к негативным последствиям.

Проанализируем следующую метафору – «вековой чинар»:

- Пусть моего мужа обмоют слезами глаз моих. Принесли ей два ведра, поставили под вековой чинар, подошла к ним царица и заплакала... [7, с.77]

Чинар в этом случае является хранителем тайн, символом мудрости предков. Считается, что духи и мудрецы обитают под чинарами и помогают героям. Чинар является символом убежища, процветания. Герои находят отдых под чинаром, воду, укрытие. Так, чинар может выступать маркером на пути к цели, а если он находится у источника воды, то служит переходом между миром людей и духов.

«Шахзаде Сухраб и сын визиря Ёразиз пошли на прогулку и гуляли долго, что не успели вернуться, как настали сумерки. Тогда они устроились под чинаром, Шахзаде Сухраб уснул, а тем временем из Перистана спустилась к нему пери» [7, с. 61].

В памирских сказках очень часто встречаются метафоры с элементом “вода” – “оби хаёт”. Метафора “оби хаёт” в сказках “Шахзаде Лаъл”, “Шахзаде Сухраб”, “Шахзаде и Пери”, “Царица с волосами в 40 гязов”, “Загадки Бобо Сароиля” обладает следующими чудодейственными свойствами:

1. Оживлять умерших, например:

Кампир ба бародари хурдӣ чомеро дод. Чавон пурсид:

- Чом чӣ хосият дорад?
- Кампир гуфт:
- Агар касе вафот кунад, ҳатто агар дар сари қабр аз ҳамин чом ба даҳони вай об резанд вай зинда мешавад [8, с.140]

2.Избавлять людей от недугов:

«Кампир чашмони шоҳзодаро бо нил кӯр кард ва ӯ гирёну нолон баромада рафт. ... Чавон ба даруни чашма даромада, оббозӣ кард ва ончунон чонаш роҳат намуд, ки хобаш бурд, ногоҳ аз хоб бедор шуда, чашм кушод ва дунёи равшанро дида, Худоро шукр гуфт» [8, с.141].

3.Вода может выступать также в качестве защитника и помощника:

«Шоҳзода моҳӣ мегирифт ва яке дар шасти ӯ сандуке дар монд. Шоҳзода сандукро ба соҳил бароварда калидашро гирифтунро кушод. Дар даруни сандук як паричеҳраи нестандарчаҳон меҳобид...» [8, с.139] – «Шаҳзаде ловил рыбу как вдруг попался ему сундук. Шахзаде вынес сундук на сушу и открыл его. В сундуке спала неопиcуемой красоты девушка...».

В сказке «Чёрный раб» отражается представление людей в древние времена о том, что солнце и луна находятся в воде:

«Ман фақат туро ба ин ҷо бароварда мондам, ҳамаи кори дигарро худат кардӣ, – худат ба ҷои баромади моҳу офтоб расида, бо онҳо ба кӯл даромада оббозӣ кардан гирифтӣ, ту оби ҳаёти бахтро нӯшида паҳлавони тавоно шудӣ» [8, с.142] – «Я только привела тебя сюда, все остальное ты сделал сам, ты достиг места, где восходит луна и солнце, вошел с ними в озеро и искупался, ты напился живой воды и стал сильным богатырем».

Вода, как и человек, имеет двойственную природу. Если рассматривать положительные коннотации, она воплощает человеческие мечты в реальность, исцеляет и творит настоящие чудеса. В свою очередь, вода может наносить вред, уничтожать и быть пристанищем для темных сил, как, например, Алмасти и дэвы.

Следует отметить, что Бадахшан славится своими целебными родниками. Существует легенда, что родник Биби Фотимаи Захро, который находится в Иш-кошиме, имеет удивительное свойство. Женщины, которые не могут обзавестись детьми, приходят туда и, загадывая желание, купаются в нем. Если им в руки попадает камешек или травинка, они понимают, что их молитвы и желания были услышаны.

Следующая метафора «Лаъли Бадахшон» нередко встречается в легендах и сказках. Это связано с тем, что в Бадахшане добывали драгоценные камни – рубины. Эта метафора описывает прекрасное, чистое и что-либо очень ценное. Её можно применить в описании любимого человека, явления, предмета, и она является выражением высшей степени ценности. Рассмотрим на примере сказок «Лали Шах и Лали Райхон»:

«Жена падишаха нашла у источника рубин и положила его на полку. Чуть позже на полке вместо драгоценного камня лежал красивый ребенок...»

«И вот родился у них сын. Если другие дети росли год за годом, то он рос день за днем. Ребёнок, был настолько красив, что кормилица не спускала его с рук».

Метафорические модели, отражающие связь человека с природой нередко обусловлены климатическими условиями и месторасположением Бадахшана, которые напрямую влияют на быт, языковую картину народа. Всё это в совокупности репрезентирует ментальность лексикона жителей региона. С древних времен такие природные явления, как землетрясения, наводнения и др., находят своё отражение в легендах и сказках Памира, причем некоторые из них имеют историческую основу.

Таким образом, метафора играет важную роль в языке, предоставляя возможность перенести абстрактные понятия на более конкретные и близкие нашему пониманию. С их помощью мы группируем объекты на основе их общих черт, а также создаём образы для их более эффективного восприятия читателем или слушателем.

Литература

1. Аристотель. Поэтика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://philosophy.ru/aristotle/poem.html> (дата обращения 20.04.2025)
2. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс. Сборник / пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; вступ. ст. и сост. Н.Д.Арутюновой; общ. ред. Н.Д.Арутюновой и М.А.Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – 512с.
3. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Сказки народов Памира. – М.: Наука, 1976. – 536с.
4. Давлатмирова М.Б. Этнолингвокультурные особенности ценностных ориентаций в языковом сознании полилингвов (носителей памирских языков на материале анкетирования) // Русин. – 2024. – №78. – С.254-255.
5. Давлатмирова М. Б. Ценностная символика как отражение культурного кода таджикского народа // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №4 (82). – С.149-150.
6. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин. – 2023. – №74. – С.319-338.
7. Ризвоншоева Г. Волшебные сказки Бадахшана // Г.Ризвоншоева, Ш.Некушоева, Н.Ризвоншоева, М.Ардабаева; Университет Центральной Азии; Институт гуманитарных наук НАНТ. – Бишкек, 2023. – 440 с.
8. Ризвоншоева Г.Н. Афсонаҳои сеҳромези Бадахшон (таҳқиқи ғоя ва образ). – Душанбе: До-ниш, 2011. – 256 с.
9. Складская Г.Н. Метафора в системе языка. – М: Наука, 1993 – 150с.

**THE REALIZATION OF CULTURALLY SPECIFIC METAPHORS
IN FOLKLORE TEXTS OF THE SHUGHNAN-RUSHAN GROUP
OF LANGUAGES**

Fayzuloeva Rukhshona Khuseynovna

Applicant of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 501 82 50 80 (m.)
rukshonafaizulaeva@gmail.com

The legends and fairy tales of the Pamir people are a storehouse of cultural values, morality and a clear example for describing life situations, human qualities, their relationships with each other and with nature. The article examines the role of metaphors as a component of folklore discourse, which translates the cultural characteristics of the peoples speaking the languages of the Shughnan-Rushan group. Special attention is paid to the issue of reflecting spiritual values, the peculiarities of the worldview and the social structure of society. Metaphors play an important role in language, allowing us to transfer abstract meanings to concepts that are close to our perception.

Various types of metaphors related to nature, religious beliefs, and everyday life are explored, as well as their functioning in legends, fairy tales, and legends. The importance of cultural and linguistic features is taken into account in the study of metaphors, which makes it possible to fully familiarize oneself with folklore as a means of conveying the ancestral values of the people and their cultural traditions. It is noted that the location of the region has a direct impact on the linguistic view and the way of life of the people, forming the vocabulary and representing the mentality of the inhabitants of Badakhshan.

Keywords: Shughnan-Rushan language group; metaphor; values and traditions; culturally specific metaphors; family values; linguistic culture.

**ИНЪИКОСИ МАҶОЗҶОИ ХОСИ ФАРҶАНГӢ ДАР МАТНҶОИ
ФОЛКЛОРИИ ГУРӢҶИ ШУҶНОНИВУ РУШОНИ**

Файзулоева Рухшона Хусейновна

Довталаби кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 501 82 50 80 (м.)
rukshonafaizulaeva@gmail.com

Ривояту дostonҳои мардуми Помир хазинаи арзишҳои фарҳангӣ, меъёрҳои ахлоқӣ ва намунаи равшани тасвири вазъи зиндагӣ, хислатҳои одамон, муносибати байни инсонҳо ва табиат мебошанд. Дар мақолаи зерин нақши истиораҳо ҳамчун ҷузъи дискурси фолклорӣ, ки хусусияти фарҳангии бошандагони забонҳои гурӯҳи шуғнониву рушониرو ифода мекунад,

баррасӣ шудааст. Ба масъалаи инъикоси арзишҳои маънавӣ, хусусиятҳои ҷаҳонбинӣ ва соҳти иҷтимоии ҷомеа диққати махсус дода мешавад. Маҷоз ва истиора дар забон нақши муҳимро ишғол мекунанд ва имкон медиҳанд, ки маъноҳои абстракцио, ки ба дарку фаҳмиши мо наздик ҳастанд, интиқол диҳанд. Намудҳои гуногуни истиораҳои марбут ба табиат, эътиқоди динӣ, зиндагии рӯзмарра, инчунин инъикоси онҳо дар ҳикояҳо, афсонаҳо ва ривоятҳо омӯхта мешаванд. Аҳамияти вижагӣҳои фарҳангӣ ва забонӣ хангоми таҳқиқи ташбеҳ ба назар гирифта шудааст, ки имкон медиҳад бо фольклор ҳамчун воситаи интиқоли арзишҳои аслии мардум ва анъанаҳои фарҳангии онҳо ба таври комил шинос шавад. Қайд карда мешавад, ки ҷойгиршавии минтақа ба тасвири забонӣ ва рӯзгори мардум таъсири мустақим дошта, луғат ва ифодакунандаи тафаккури сокинони Бадахшонро ташкил медиҳад.

Калидвожаҳо: забонҳои гуруҳи шуғнониву рушонӣ; маҷоз (истиораҳо); арзишҳо ва анъанаҳо; маҷозҳои хоси фарҳангӣ; арзишҳои оилавӣ; фарҳанги забонӣ.

**МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН»**

УДК 81:004.9(575.3)

**ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ:
ЦИФРОВИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

Доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикского (Славянского) университета
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

В таджикской лингвистике начала XXI века кроме традиционных исследований грамматики, структуры и семантики таджикского языка в синхронном, диахроническом и, нередко, в сравнительно-сопоставительном аспектах появились труды в области когнитивной лингвистики и этнопсихоллингвистики, а также лингвокультурологии, позже компьютерной и корпусной лингвистики и некоторых других направлений, что свидетельствует об интересе таджикских языковедов к проблемам изучения языка в рамках антропоцентрической парадигмы, характерной для современной мировой лингвистики. Становление новой антропоцентрической парадигмы в языкознании привело к тому, что в Таджикистане стали появляться новые исследования в различных областях теоретической и прикладной лингвистики, которые можно охарактеризовать как междисциплинарные и полипарадигмальные. Флагманом подобных современных исследований в таджикской науке является научная школа «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан», функционирующая при Российско-Таджикском (Славянском) университете. В статье рассматриваются векторы развития таджикского языкознания, проводимые главным образом, учеными данной школы, от начала (поскольку вектор имеет начальную точку и направление) до перспективы будущих исследований. Соответственно, проанализировано становление и развитие новых лингвистических направлений до современного момента, а также намечены перспективы дальнейших исследований, а именно цифровизация науки и образования, дальнейшие направления развития корпусной лингвистики и совершенствование Национального корпуса таджикского языка, использование цифровых инструментов и новых достижений на основе искусственного интеллекта.

Ключевые слова: таджикская лингвистика; антропоцентрическая парадигма; история становления; когнитивная лингвистика; лингвокультурология; корпусная лингвистика; перспективы развития; цифровизация научных исследований; совершенствование национального корпуса; цифровые инструменты.

В последние годы XX века произошло заметное изменение в языкознании, в основе которого лежит идея, что язык — это не просто система разноуровневых

взаимосвязанных единиц, но и важная составляющая истории, культуры, традиций и духа народа. Вопрос о соотношении языка с культурой и человеком стал ключевым в современном языкознании. Междисциплинарность выступает одним из ключевых понятий при проведении лингвистических исследований в рамках антропоцентрической парадигмы. Становление и развитие прикладной лингвистики в Таджикистане, как пример подобной междисциплинарности и антропоцентрического принципа, связано с трудами ученых кафедры теоретического и прикладного языкознания и научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан».

В одной из своих статей 2011 г. «Актуальные проблемы языкознания в РТ: состояние, задачи, перспективы» мы выделили наиболее актуальные, на наш взгляд, направления прикладной лингвистики в Республике Таджикистан:

- Этнолингвистика (различные аспекты, связанные с когнитивистикой, психолингвистикой и пр.);
- Психоллингвистика (в частности, проблемы детской речи и лингвистической афазиологии);
- Юрислингвистика (в первую очередь, лингвистическая дискриминация, лингвоконфликтология, лингвоэкология и др.);
- Когнитивная лингвистика и лингвокультурология (исследование национальной языковой, категориальной и аксиологической картин мира посредством исследования концептов);
- Компьютерная лингвистика (автоматизация лингвистических исследований);
- Корпусная лингвистика (создание Национального корпуса таджикского языка) [8, с. 9-10].

Таким образом мы задали вектор исследований и все последующие годы (как показывает опыт) планомерно работали над развитием данных направлений.

Становление междисциплинарных исследований в таджикском языкознании

В своих статьях мы отмечали, что предпосылкой для становления новых областей прикладного языкознания в рамках антропоцентрической парадигмы послужили труды отечественных лингвистов в сфере изучения лексико-семантических и функционально-семантических полей, в частности, профессоров М.Н.Касымовой и Д.М.Искандаровой и представителей их научных школ [10; 12]. В таджикском языкознании первые исследования в области когнитивной лингвистики, а затем и лингвокультурологии были начаты в 2004-2005 гг. учеными, которые с 2009 г. объединили свои усилия на кафедре теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ). В поле интереса ученых – базовые концепты, лингвокультурные типы, языковая картина мира носителей таджикского языка, стереотипы, ментальность, языковая личность, ценностные доминанты, изучение метафор и метафоризации, информационных аспектов речевой деятельности, ментального лексикона и др. [10; 12].

Изучались и продолжают изучаться различные концепты – «красота», «ум», «глупость», «судьба», «время», «пространство», «семья», «женщина», «еда», «вежливость», «страх», «гнев», «мигрант», «праздник», «служение» и мн. др. на материале разноструктурных языков (таджикского, русского, арабского, китайского, французского, английского, польского) в сопоставительном плане.

Немаловажно, что актуальность подобного рода исследований обусловлена, в первую очередь современной тенденцией к интеграции различных областей лингвистических исследований, необходимостью использования данных о когнитивных процессах в изучении различных аспектов дискурсивной деятельности [10, с.59; 12, с.1235].

Следует подчеркнуть, что в лингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях наших ученых осуществляются практически «все виды языковой объективации на материале этимологических, толковых, фразеологических, паремиологических и др. словарей и языковых корпусов, на основе исследования словообразовательной парадигмы как одного из средств объективации концепта, иначе говоря, исследователи описывают этимологическую, культурную, когнитивную память слова» [12, с.1242].

Одним из ярких примеров исследований в области когнитивной лингвистики является статья, посвященная отражению национально значимых элементов макроконцепта «Судьба» в таджикской и памирской лингвокультурах, которая базировалась на результатах анкетирования среди студентов некоторых регионов Таджикистана [3].

Среди работ, в которых объективация концепта рассматривается на материале паремиологического фонда, являющегося ценнейшим источником информации для понимания и представления национальной идентичности, можно назвать исследование концепта «Богатство» Ш.К.Фазиловой. на основе сопоставительного анализа концепта «Богатство» в таджикской, русской и английской лингвокультурах автор обосновывает, что восприятие паремиологического фонда как первоосновы лингвокультуры дает веские основания утверждать, что концепт и паремии «имеют не только точки соприкосновения, они кардинально пересекаются у самого основания» [26, с.6].

В работах ряда ученых описывается метафоризация названных концептов, а также исследуется аксиологическая картина мира наряду с языковой. Этому аспекту придается большое значение, в частности, статьи М.Б.Давлатмировой посвящены анализу ценностных доминант в метафорах [4], а также ценностной символики как отражения культурного кода таджикского народа [6]. Ценностным характеристикам лингвокультурного типажа «зан/жена» посвящено исследование О.Л.Козловой [16].

Ученые нашей Школы также проводили исследования, связанные с различными аспектами социо-, этно- и полевой лингвистики. 21 февраля 2017 года в Международный день родного языка кафедрой теоретического и прикладного языкознания РТСУ совместно с Центром лингвистических исследований при Отделе языка Института языка и литературы им. А.Рудаки и

Международным институтом прикладных лингвистических исследований был проведен круглый стол «Многоязычие в РТ: единство и разнообразие».

В работе круглого стола принимали участие специалисты в области теоретического и прикладного языкознания, типологии, сопоставительной лингвистики. Целью проведения круглого стола явилось привлечение научного сообщества к обсуждению наиболее актуальных проблем исчезающих и бесписьменных языков, сохранения русского языка на постсоветском пространстве и пропаганды литературного таджикского языка в Республике Таджикистан.

Следуя логике наших исследований, в 2019 г. мы создали при кафедре научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ) по междисциплинарным прикладным исследованиям, которая является одним из действенных способов продвижения академической науки в нашем университете. Позже в 2023 г. НИЛ вошла в качестве структурной единицы во вновь созданный научно-исследовательский институт (НИИ) РТСУ, что расширило ее научно-исследовательский потенциал. В рамках НИЛ наши ученые имеют возможность заниматься научной работой в области актуальных прикладных исследований языка с целью создания благоприятных условий для научного роста молодых ученых, т.е. создания своего рода «лингво-инкубатора» (научного инкубатора) и продвижения отечественной науки. Проведение подобного рода исследований содействует формированию целых научных направлений. Как результат, на основе междисциплинарных исследований языка и речи была создана научная школа «Прикладная лингвистика в РТ». Направления исследований междисциплинарного характера в данной лаборатории и научной школе представлены этнопсихолингвокогнитивными, лингвокультурологическими, социолингвистическими работами, а также трудами в области компьютерной и корпусной лингвистики.

В 2023 году мы работали над проектом «Создание психолингвистических нормативных баз данных по таджикскому языку и таджикско-русскому билингвизму» в рамках сетевого проекта «Выявление динамики когнитивных структур в условиях виртуальной мультязыковой информационно-коммуникативной среды» лаборатории лингвистической антропологии Томского госуниверситета. Данный сетевой проект открыл новую страницу в совместных таджикско-российских исследованиях. Дан старт новым психолингвокогнитивным исследованиям билингвизма. некоторые результаты и выводы исследований отражены в статье, посвященной анализу языковой ситуации в Таджикистане, явлениям билингвизма и мультилингвизма в этноконтактных зонах, а также проблемам самоидентификации билингвов [11, с.319-328].

Экспериментальные исследования: ассоциативный эксперимент

Широко ведутся нашими учеными и экспериментальные междисциплинарные исследования. Ассоциативный эксперимент как метод изучения языкового сознания впервые был применен нами в рамках проекта «Когнитивное и этнопсихолингвистическое исследование проблем толерантности и межэтнических взаимодействий (2015 г.). Результаты исследования частично нашли свое отра-

жение в коллективной монографии по анализу уровня терпимости молодежи на основе проведенного в вузах Таджикистана ассоциативного эксперимента [13].

Данное исследование дало понимание того, что ассоциативный эксперимент может и должен широко использоваться не только в лингвокогнитивных, лингвокультурологических и этнопсихолингвистических исследованиях. Мы очертили круг исследований в данной области, актуальных для отечественной лингвистики, в который включили такие проблемы, как:

Гендерная толерантность – гендерная лингвистика, политкорректность;

Дискурс толерантности (по отношению к лицам с ограниченными возможностями);

Религиозная терпимость и расовая/этническая толерантность;

Речевые стратегии вежливости, речевая агрессия, риторика (язык) вражды;

Речевое воздействие, манипулирование сознанием;

Вежливость как способ избежания конфликта;

Разрушение стереотипов и некоторые другие.

Ассоциативный эксперимент как один из основных элементов объективации концептов, ценностных ориентаций, лингвокультурных типажей достаточно широко используется сейчас в работах таджикских ученых, среди статей назовем лишь некоторые [3; 7; 17, 18; 26; 28] и мн. др. Отметим также коллективную монографию «Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана» [14].

На основе ассоциативного эксперимента проводятся также исследования в области фоносемантики нашим молодым ученым А.Ш.Олимовой в рамках диссертационной работы «Фоносемантическая структура текста: экспериментальное исследование в типологической перспективе». Вышло в свет несколько ее статей в данной области, среди них стоит отметить экспериментальное фоносемантическое исследование таджикских звуков [21]. Как справедливо отмечает их автор, «экспериментальные исследования представляют собой перспективную область изучения фоносемантики в таджикском языкознании, поскольку позволяют открыть новые аспекты изучения фоносемантической системы родного языка» [22, с.308].

Результаты ассоциативного эксперимента используются не только в психолингвокогнитивных и лингвокультурологических исследованиях, но и послужили основой изучения проблем национальной идентичности нашей молодежи.

Так, социолингвокультурным аспектам формирования национальной идентичности посвящено междисциплинарное исследование ученых – лингвистов, философов, культурологов, журналистов Д.М.Искандаровой, О.В.Ладыгиной, Х.Д.Шамбезода, Н.Н.Салихова и др. [29].

Интересны также исследования в области лингвистической дискриминации группы ученых – лингвистов, философов и юристов [30]. Таким образом, интегративный подход обеспечивает более полную картину взаимодействий исследуемых явлений, расширяет горизонты исследований, создает новаторские подходы к анализу, выходящие за пределы традиционных границ дисциплин.

Автоматизация лингвистических исследований

Проблемы, связанные с автоматизацией лингвистических исследований и цифровизацией, рассматривались нами, начиная с 2011 г., когда был проведен первый круглый стол «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований», ставший впоследствии традиционным.

С 2011 г. по 2022 г. темами обсуждения на круглых столах явились проблемы компьютерной лингвистики, автоматизации лингвистических исследований, этнолингвистики, психолингвистики, лингвотолерантологии, юрислингвистики, когнитивной лингвистики, компьютерной компаративистики, корпусной лингвистики, Интернет-лингвистики и др.

На первом круглом столе были обсуждены проблемы становления и развития компьютерной лингвистики в стране. К участию в работе круглого стола были приглашены известные специалисты в области IT-технологий академик НАН Таджикистана, профессор, д.ф.-м.н З.Д.Усманов и его ученики. Мы намеревались объединенными усилиями начать исследования в области компьютерной лингвистики, однако, как оказалось, на тот момент научная школа «Компьютерная лингвистика» в Таджикистане функционировала уже десять лет с 2001 г. Поскольку проблемы, связанные с автоматизацией таджикского языка, проводились специалистами в области информационных технологий, мы, лингвисты, оказались незнакомы с данными разработками. В связи с этим по результатам круглого стола было принято решение объединить наши усилия и привлекать друг друга к подобного рода междисциплинарным исследованиям.

Справедливости ради необходимо отметить, что сотрудничество с академиком З.Д.Усмановым началось еще раньше в результате создания молодыми разработчиками Л.А.Гращенко и А.Ю.Фоминим программы «Таджикско-персидского конвертера графических систем письма», целью которой явилось «повышение уровня таджикско-персидского межкультурного взаимодействия за счет внедрения эффективных средств конверсии текстов, а также создание предпосылок для разработки систем персо-таджикско-русских систем машинного перевода» [www.tajpers.narod.ru].

Поскольку лингвистическое и информационное обеспечение осуществлял А.Ю.Фомин, темой его научной диссертации стала «Структурная типология лексико-морфологической системы таджикского языка», успешно защищенная им в 2010 г. [27].

В следующем 2012 г. темой нашего круглого стола стала «Автоматизация лингвистических исследований», и мы вновь обсудили насущные проблемы компьютерной лингвистики и автоматизации исследований. Направление компьютерной лингвистики, представленное научной школой под руководством академика З.Д.Усманова проводило свои разработки по практическому внедрению в виде программных продуктов обработки информации на таджикском языке, которые касаются не только проблематики внутриязыковых преобразований таджикских текстов, но и межъязыковой коммуникации и взаимодействия.

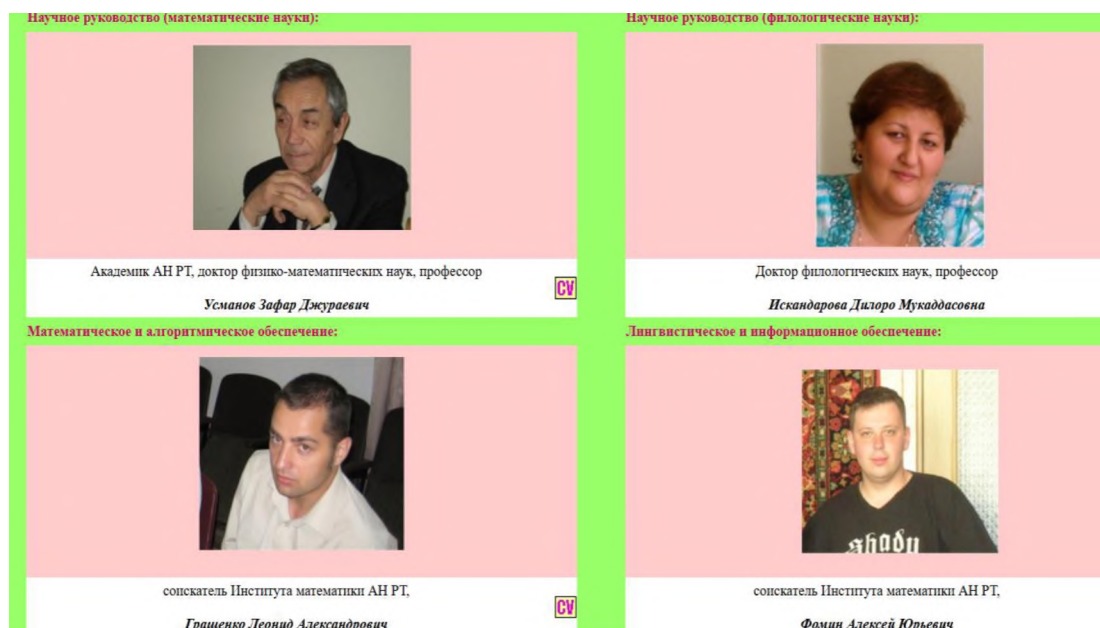

Рис.1 – Скриншот с сайта о разработчиках и научных руководителях
[\[www.tajpers.narod.ru\]](http://www.tajpers.narod.ru)

В разные годы мы возвращались к проблемам цифровизации лингвистических исследований и актуализировали проблемы компьютерной компаративистики (2019), корпусной лингвистики (2020), Интернет-лингвистики (2021).

В 2019 г. на круглом столе в докладе «Компьютерная компаративистика в РТ: задачи и перспективы» речь шла о задачах и перспективах компьютерной компаративистики в РТ, были затронуты вопросы, связанные с базами данных WALS, «Языки мира», «Вавилонская башня», а также рассмотрены теоретические и прикладные перспективы использования лингвистических БД.

В докладе М.Б.Давлатмировой «Использование компьютерных программ для создания корпуса языка» были приведены характеристики корпуса арабского языка, а также дано описание функционирования специальной программы для полевых исследований ELAN – программа для аннотации аудио- или видеозаписей (корпус устной речи).

В своем докладе «Интернет-лингвистика: проблемы и перспективы. Сетевая лингвистика и языковой корпус» мы отметили, что «в эпоху Интернета изменения языка, текста и даже слова происходят буквально на наших глазах – тексты постепенно накапливаются в виртуальном пространстве, и их анализ с помощью поисковых систем, словарей или электронных энциклопедий, с помощью корпусов текстов и т.д., не в последнюю очередь, все яснее и яснее показывает путь этих изменений. И с момента создания таджикского сегмента Интернета, появления таджикских новостных сайтов, Википедии на таджикском языке и особенно с

появлением Национального корпуса таджикского языка данные аспекты так же должны стать объектом нашего изучения» [9].

Компьютерная лингвистика – междисциплинарна по своей сути, к тому же названа среди приоритетных направлений исследований в Республике Таджикистан [24]. Соответственно ученые, работающие в междисциплинарном аспекте, сотрудничают со специалистами в области информационно-коммуникационных технологий и других смежных областей, а также используют методы смежных наук.

Ученые нашей школы продолжили свои усилия по развитию корпусной и, шире, компьютерной лингвистики в Республике Таджикистан, по совершенствованию Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ), созданного в 2019 г. в результате сотрудничества российских и таджикских ученых и имеющего «лингвистическую разметку, пословный перевод и разработанную систему поиска не только по словоформе, но и по лексеме, переводу, различным признакам (грамматическим, морфологическим, синтаксическим, жанру текста и т.д.)» [20]. Создание языкового корпуса способствует созданию эмпирической базы исследований во всех областях прикладной лингвистики, позволяет проводить сопоставительное изучение языков и лингвокультур [9; 26; 28].

Большинство когнитивно-лингвокультурологических исследований основываются на материале корпусов разных языков (НКТЯ, НКРЯ, Британский корпус и др.), что повышает степень достоверности результатов благодаря огромному объему эмпирического материала. Языковые корпуса – материал для описательных и сопоставительных исследований, один из важных параметров языковой объективации концептов, что находит отражение в исследованиях наших авторов [5; 9; 14; 26].

Мы достигли определенных успехов в области корпусной лингвистики, наши молодые исследователи работают над созданием параллельных корпусов. Интерес представляют, в частности, попытки описания принципов создания параллельного корпуса произведений Омара Хайяма, над которым работает наш аспирант Д.Алексеева [1].

В перспективе мы намерены создать корпусную грамматику таджикского языка [9; 12].

Все сказанное свидетельствует о том, что мы последовательны в своих направлениях, и понимание того, что наука XXI в. неразрывно связана с информационно-коммуникационными технологиями, цифровизацией, искусственным интеллектом (ИИ), ведет нас к новым междисциплинарным исследованиям.

Текст, интертекст, гипертекст: трансдисциплинарность

В последние годы в отечественной лингвистике уделяется все больше внимания исследованиям в области теоретической и прикладной лингвистики, как указывалось выше, интенсивно развиваются такие области, как когнитивная лингвистика и лингвокультурология, этнопсихолингвистика, корпусная лингвистика, а также лингвистика текста и дискурса. Однако лингвистические особенности интертекста и гипертекста до сих пор оставались неисследованными, в том числе на материале таджикского текста. Данные направления, особенно гипер-

текстология, имеют непосредственное отношение к процессу цифровизации лингвистических исследований. В этой связи, несомненно, диссертация С.Д.Алламуродовой по типологии гипертекста и интертекста вносит весомый вклад в исследование данных типов текста в таджикской лингвистике. Автор отмечает: «Исследование направлено на анализ и установление особенностей концептуальной триады текст-интертекст-гипертекст применительно к таджикским классическим и современным текстам с привлечением для этой цели как традиционных гуманитарных концепций (творчество, продуктивность, прерывность), так и новых концепций, востребованных новыми типами коммуникации» [2, с.9-10].

Отметим, что исследование литературных произведений в контексте их связей с другими текстами, авторами или культурными явлениями позволяет увидеть сложные сети влияния и взаимодействия, которые существовали в определённый исторический момент. Интертекст и гипертекст являются предметом изучения в различных науках, соответственно, исследование носит междисциплинарный характер и является свидетельством применения интегративных методов, в частности, визуализации и анализа взаимосвязей между различными элементами социальной и культурной структуры.

По результатам проведенного обзора можно заключить, что междисциплинарность в современной лингвистике представляет собой концепцию, направленную на объединение знаний, техник и методов различных дисциплин с целью более полного понимания сложных языковых, социальных и культурных явлений. И усилия по проведению подобного рода исследований в рамках нашей научной школы наглядно показывают успешность междисциплинарного подхода.

Однако новое время диктует и новые вызовы: «Цифровой формат общения вносит свои изменения в привычные рамки. Лингвистика и теория коммуникации рассматривают специфические условия коммуникации, меняющие среду общения людей при появлении в этой среде компьютерных технологий» [23].

Соответственно, при исследовании гипертекстов, как нелинейных текстов, чтение которых благодаря гиперссылкам может перетекать из одного текста в другой, необходимо обратить внимание и на такие аспекты рассмотрения, как «цифровая коммуникация», поскольку «цифровая природа текста в любом дискурсе обуславливает ряд характеристик этого текста и специфику его функционирования» [23].

С этой позиции важно отметить, что на протяжении определенного времени мы уже наблюдаем большую «вариативность одного факта в разных источниках информации. Это означает, что один и тот же факт (событие, интервью и т.д.) может излагаться разными источниками, и чем значительнее этот факт для широких масс, тем большее количество источников его могут освещать. Высокая вариативность информации бывает следствием интертекстуальности, которая присуща цифровой коммуникации, где сильны межтекстовые связи за счёт «тегов» [23]. И это так же представляет собой один из важных аспектов исследования интертекста.

Как отмечают исследователи цифровой коммуникации, «виртуальное пространство как новая среда коммуникации устанавливает новые формы и способы коммуникации, которые становятся объектом лингвистического исследования. Интернет обуславливает новый тип отношений, а значит – и коммуникации» [19].

Перспективные направления исследований: цифровизация

Цифровые реформы XXI в. стали существенным фактором изменений в методологии научных исследований, в том числе и лингвистических. Как было сказано выше, появление Национального корпуса таджикского языка послужило развитию корпусных исследований. М.В.Каменский в своей статье справедливо отмечает, что те исследования, которые в последнее время в антропоцентрически ориентированной лингвистике выполняются с применением информационно-коммуникационных и корпусных методов и технологий, «направлены на исследование широкого круга явлений языка и речи и в подавляющем большинстве случаев междисциплинарны» [15].

Отмечая при этом практически «тотальную цифровизацию» общества, С.В.Первухина считает, что можно заметить тенденцию смены научной парадигмы «с антропоцентрической на цифроцентрическую»: «Цифровизация меняет не только лингвистику, но и множество других областей знания, а также сфер деятельности человека. Цифра трансформирует среду обитания человека, который из *homo loquens* превращается в *homo digital*» [23].

Однако есть и иное мнение. В своем интервью профессор Е.Головко отмечает: «Если говорить о роли цифровизации для лингвистики, то и здесь, надо признать, ничего сверхъестественного, революционного не произошло (при всей несомненной важности использования компьютерных технологий). Просто многое из того, на что раньше уходило очень много времени, сейчас можно сделать очень быстро и с минимальными погрешностями» [31].

Следует напомнить, что вопросы важности «цифрового мира» для человеческой цивилизации ученые ставили еще в начале тысячелетия. Так, в 2001 году американский футуролог Марк Prenski предложил классифицировать всех людей на две категории: в первую, которую он назвал "Digital Native" (цифровые аборигены), попали люди, родившиеся в конце XX века – «поколение мобильных телефонов, компьютеров, видеоигр»; у них когнитивные процессы, в том числе мышление и обработка информации, в результате погружения в «цифровую окружающую среду» протекают иначе, чем у предыдущих поколений»;

Ко второй категории, которую он охарактеризовал как "Digital Immigrant" (цифровые мигранты), относятся люди, выросшие до наступления данной эпохи и «либо имеющие проблемы с адаптацией к новым технологиям, либо приспособившиеся к новым цифровым реалиям» [33].

Позволим себе не совсем согласиться с данным мнением, поскольку по прошествии более 20 лет стало понятно, что большинство из тех, кого можно было бы считать «цифровым мигрантом», вполне успешно освоили информационные технологии, Интернет, а теперь и различные нейросети,

поставив ИИ себе на службу (что, кстати, не всегда демонстрируется новым поколением, буквально «родившимся» с электронной игрушкой в руках).

Как справедливо отмечает С.В.Первухина, «если ранее ученые исследовали воздействие языка на человека, то теперь необходимо отметить воздействие цифровых технологий: создание фейковых новостей, мгновенное распространение информации по всему миру через социальные сети, увеличение общения через социальные сети, меняющее тип мышления людей» [23].

При этом мы должны уделять пристальное внимание процессу цифровизации и использованию ИИ, поскольку, согласно отчету «Future of Jobs Report», «к 2030 году появится 170 миллионов новых рабочих мест, связанных с технологиями ИИ и обработкой информации. При этом исчезнет 92 миллиона рабочих мест, где выполняются рутинные задачи» [32].

Уже сейчас работодатели начинают предъявлять соискателям требования к опыту работы с нейросетями и написанию промптов (т.е. речь идет о нейросотрудниках, которые смогут делегировать ИИ до 90% рутины и быть более успешными). То же можно сказать и о лингвистах, которые «могут столкнуться с трудностями конкуренции на рынке труда без уверенного взаимодействия с нейросетями».

В связи с этим изучение возможностей нейросетей, написание собственных промптов станут необходимыми компетенциями современных выпускников, следовательно, возникает необходимость активнее привлекать цифровые технологии в процесс преподавания лингвистических дисциплин.

Мы согласны с мнением А.Г.Смирновой, что: «главный вызов, который стоит перед нашими студентами и лингвистами в целом, – умение наладить продуктивное взаимодействие между лингвистическим знанием и машинными алгоритмами. Важно не только использовать ИИ, но и сохранять свою экспертность, превращая машину в полезный инструмент, а не в конкурента. Ключевой аспект заключается в том, чтобы оставаться ведущей силой в анализе и интерпретации данных, а не полагаться на автоматизированные решения» [29].

К основным аспектам цифровизации лингвистических исследований можно отнести:

1. *Применение электронных корпусов текстов*, которые служат ключевыми источниками эмпирического материала и инструментами для статистического исследования» [32].

В этой области нами проделано уже немало, и самым главным при этом является создание Национального корпуса таджикского языка [20]. Следующая цель, которую мы поставили перед собой, – совершенствование данного корпуса и создание коллекции русско-таджикских параллельных текстов в рамках цифровизации гуманитарного образования и научных исследований, а также развития компьютерной и в частности, корпусной лингвистики. Задачи в соответствии с поставленной целью мы реализуем в рамках проекта «Цифровизация образования и научных исследований: совершенствование Национального корпуса таджикского языка (НКТЯ) и создание коллекции русско-таджикских параллельных текстов», финансируемой за счет программы

развития университета за 2024-25 гг.

2. *Использование технологий искусственного интеллекта.* «Программное обеспечение для машинного обучения помогает автоматизировать решение комплексных лингвистических задач, таких как классификация языкового материала, установление дискурсивной и жанровой принадлежности текста, анализ тональности текста» [32].

3. *Применение цифровых инструментов.* Например, мы можем использовать в своих исследованиях кроме языковых корпусов и электронных словарей такие цифровые инструменты, как:

- Named Entity Recognition (NER), который помогает «выявить закономерности в употреблении имён собственных, связях между персонажами, а также частотность упоминания тех или иных объектов».

- Type Token Ratio (TTR), используемый «для оценки лексического разнообразия текстов и может применяться в изучении языковой личности, анализе переводов и локализации текстов под целевую аудиторию».

- ResearchRabbit и Zotero [32].

Zotero, как отмечают ученые, в том числе, М.В.Каменский, представляет собой библиографический менеджер, который стал доступен ученым уже несколько лет назад и позволяет «автоматизировать работу с библиографическими списками, цитатами и ссылками в текстах научных публикаций. Одним из достоинств данного продукта является наличие подключаемых модулей, способных работать с российскими библиографическими стандартами различных годов» [15].

Мы согласны с мнением А.Г.Смирновой, что «главный вызов, который стоит перед нашими студентами и лингвистами в целом, – умение наладить продуктивное взаимодействие между лингвистическим знанием и машинными алгоритмами. Важно не только использовать ИИ, но и сохранять свою экспертность, превращая машину в полезный инструмент, а не в конкурента. Ключевой аспект заключается в том, чтобы оставаться ведущей силой в анализе и интерпретации данных, а не полагаться на автоматизированные решения» [29].

Особый интерес для нас представляют и проблемы взаимодействия технологий ИИ и когнитивной лингвистики, о чем рассуждает И.Г.Томарева: «Искусственный интеллект и когнитивная лингвистика, две отдельные научные дисциплины, недавно начали формировать устойчивое партнерство, нацеленное на изучение как человеческого, так и искусственного интеллекта, благодаря их стремительному развитию в последние годы» [25].

В ее полной статье выделяются, в частности, следующие аспекты исследования, актуальные для ученых нашей школы:

- «Анализируя механизмы, через которые люди формируют и передают смыслы языковыми средствами, когнитивная лингвистика формирует фундамент для создания ИИ-моделей с повышенными человекоподобными характеристиками» (...)

- Искусственный интеллект, с другой стороны, занимается разработкой и применением широкого спектра технологий и методик, направленных на созда-

ние систем, которые могут выполнять задачи, которые традиционно считаются требующими человеческого ума и интеллектуальных способностей» [25].

При этом автор подчеркивает весомые перспективы использования ИИ в когнитивной лингвистике, актуальные и для наших ученых: «Способности технологий ИИ к расширению нашего понимания человеческого познания и языка являются значительными; в частности, алгоритмы машинного обучения могут обрабатывать и анализировать обширные массивы лингвистических данных, выявляя закономерности и структуры, которые могут оставаться скрытыми от глаз исследователей» [25].

Эти и другие перспективные направления развития отечественной прикладной лингвистики могут и должны быть актуализированы на круглых столах, конференциях и научных семинарах различного уровня, поскольку являются первоочередными исследовательскими задачами для таджикских ученых.

Заключение. Практическая реализация междисциплинарного подхода сталкивается с рядом вызовов. Нередко наблюдается сопротивление устоявшихся академических традиций, которые акцентируют внимание на узкоспециализированных знаниях и методах. С данным явлением мы сталкивались в первые годы становления новых лингвистических направлений в нашей стране (да и до сих пор иногда не находим понимания в некоторых узкоспециализированных научных кругах). Введение междисциплинарных проектов может вызвать недопонимание или даже противостояние со стороны представителей дисциплин, что ставит под угрозу успех и устойчивость таких исследований.

Тем не менее, наука не стоит на месте, и новые современные исследования, в том числе и с активным привлечением цифровых инструментов, пробивают себе путь в таджикской лингвистике, активно вовлекаются в научные инновации наших ученых. Таким образом, намечая перспективы и направления дальнейших исследований, обозначим следующим важным шагом исследования в области междисциплинарной цифровой лингвистики в ее самом широком понимании. Это те перспективы, которые в ближайшем будущем будут реализовываться учеными нашей Школы.

Литература

1. Алексеева Д., Искадарова Д.М. Алгоритм выравнивания предложений текста оригинала и перевода (на материале рукописи «Наврузнаме» О.Хайяма) // Предмет воспитания – человек: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию со дня рождения К.Д.Ушинского (г.Душанбе, 15 декабря 2023 г.). – Душанбе: Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, 2023. – С.6-11.
2. Алламуродова С.Д. Типология гипертекста и интертекста (на материале таджикского художественного текста): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Алламуродова Сабохат Джураевна. – Душанбе, 2024. – 397 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tnu.tj/Dissertatsii/AllamurodovaSJ/AllamurodovaSJ.pdf> (дата обращения: 26.03.2025)
3. Давлатмирова М.Б. Отражение национально значимых элементов макроконцепта «судьба» в таджикской и памирской лингвокультурах: результаты анкетирования в университетской

- среде Таджикистана / М.Б.Давлатмирова, Д.М.Искандарова, Н.И.Каримова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2016. – №4(49). – С.78-84.
4. Давлатмирова М.Б. Отражение аксиологических доминант в метафорах // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2021. – №2 (74). – С.87-94.
 5. Давлатмирова М.Б. Репрезентация лексемы «Такдир» (Судьба) в текстах Национального корпуса таджикского языка // Казанская наука. – Казань: Изд-во «Рашин Сайнс», 2021. – С.181-183.
 6. Давлатмирова М.Б. Ценностная символика как отражение культурного кода таджикского народа // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №4 (82). – С.149-157.
 7. Давлатмирова М.Б. Этнолингвокультурные особенности ценностных ориентаций в языковом сознании полилингвов (носителей памирских языков на материале анкетирования) // Русин. – 2024. – №78. – С.252-268. DOI: 10.17223/18572685/78/12
 8. Искандарова Д.М. Актуальные проблемы языкознания в РТ: состояние, задачи. Перспективы// Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в РТ: сб.статей. – Душанбе, 2011. – С.6-10.
 9. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.94-97.
 10. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.58-70.
 11. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин. – 2023. – №74. – С.319-338. DOI: 10.17223/18572685/74/16.
 12. Искандарова Д.М. Русский мир в таджикском научном дискурсе: направления исследований, проблемы, перспективы // Quaestio Rossica. – 2024. – Т.12, №4. – С.1232-1245. DOI: 10.15826/qr.2024.4.933.
 13. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты) / под ред. Д.М.Искандаровой. – М.: Изд. дом Акад. естествознания, 2016. 142 с.
 14. Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана / Д.М.Искандарова, О.В.Ладыгина, С.Г.Сабилова [и др.]. – СПб.: ООО Издательский дом "Сциентиа", 2025. – 112 с. – ISBN 978-5-907902-12-1. – DOI 10.32415/scientia_978-5-907902-12-1. – EDN AGLQEM.
 15. Каменский М.В. Информационно-технологическое обеспечение оптимизации научно-исследовательской деятельности по теоретической и прикладной лингвистике в условиях цифровизации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionno-tehnologicheskoe-obespechenie-optimizatsii-nauchno-issledovatel'skov-devatel'nosti-po-teoreticheskoy-i-prikladnoy> (дата обращения: 03.04.2025).
 16. Козлова О.Л. Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «зан» в таджикском языке // Лингвистика и образование. – 2024. – Т.4, №3(15). – С.32-48. – DOI: 10.17021/2712-9519-2024-3-32-48. – EDN IHOEYL.
 17. Козлова О.Л. Этностереотип «русский» в языковом сознании студенческой молодежи Республики Таджикистан // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №2 (84). – С.69-81.
 18. Курбонова Х.Х. Концепт *Сабр/Терпение* в ассоциативном сознании таджикских и русских респондентов // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2020. – № 3(71). – С. 293-299. – EDN YDCJAK.
 19. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. – Волгоград: Перемена, 2009. – 477 с.
 20. Национальный корпус таджикского языка (НКТЯ): [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tajik_corpus.org/ (дата обращения: 29.03.2025).
 21. Олимова А.Ш. Фоносемантика таджикских звуков как предмет изучения психолингвистики (на экспериментальной основе) // Казанская наука. – 2022. – №6. – С.156-159.

22. Олимова А.Ш. Сравнительный анализ фоносемантических особенностей таджикских звуков (по результатам эксперимента) // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С.307-316.
 23. Первухина С.В. Цифроцентрическая научная парадигма в лингвистике: современность или будущее? [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2020. – №12 (446). Филологические науки. – Вып.122. – С.73-80 – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrotsentricheskaya-nauchnaya-paradigma-v-lingvistike-sovremennost-ili-budushee> (дата обращения: 03.04.2025).
 24. Приоритетные направления научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: portal-huquqi.tj/publicadliya/view_qonunhoview.php?showdetail=&asosi_id=23739 (дата обращения: 03.04.2025).
 25. Томарева И.Г. Взаимодействие ИИ и когнитивной лингвистики: актуальное положение и будущие направления [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – №6(144). – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/6-144-2024-june/10.60797/IRJ.2024.144.86> (дата обращения: 03.04.2025).
 26. Фазилова Ш.К. Концепт «Богатство»: теоретико-прикладное осмысление (на материале паремиологических фондов английского, русского и таджикского языков). – Душанбе: [Б. и.], 2024. – 287 с
 27. Фомин А.Ю. Структурная типология лексико-морфологической системы таджикского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фомин Александр Юрьевич. – Душанбе, 2010. – 134 с.
 28. Худоёров Х. Ё. Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 /Худоёров Хусейн Ёдгоович. – Душанбе: [Б. и.], 2020. – 26 с.
 29. Iskandarova D.M. et al. Social and Linguistic Aspects of the Tajik National Identity Formation: The Findings of the Survey of Students in Tajikistan // Indian J. of science and technology. – 2016. – Vol. 9, №5. – P.1-13. DOI: 10.17485/ijst/2016/v9i5/87594
 30. Iskandarova D., Ladygina O., Shambezoda K., Zolotukhin A., Abdukhamitov V. Problems of linguistic discrimination in the communicative space of Tajikistan: legal, sociolinguistic and educational aspects // Journal of social studies education research. – 2017. – Т.8, №3. – P.168-189.
- Электронные ресурсы**
31. Баланс языкового равенства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scientificrussia.ru/articles/sotsiolingvistika> (дата обращения: 26.03.2025)
 32. Цифровые инструменты в лингвистике: как превратить ИИ в полезный инструмент, а не в конкурента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lang.hse.ru/news/1015919565.html> (дата обращения: 03.04.2025).
 33. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants, Part II: Do They Really Think Differently? / [Electronic resource] // On the Horizon. NCB University Press. – 2001. – Vol.9, №6. – Access mode: https://marcprensky.com/writing/Prensky-Digital_Natives_Digital_Immigrants-Part2.pdf (дата обращения: 03.04.2025).
 34. Research Rabbit. [Electronic resource]. – Access mode: [Smarter Literature Reviews with AI URL:https://www.researchrabbit.ai/](https://www.researchrabbit.ai/) (Дата обращения: 14.03.2025).
 35. Zotero: Your Personal Research Assistant. [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.zotero.org/> (дата обращения: 14.03.2025).

VECTORS OF DEVELOPMENT OF TAJIK LINGUISTICS: DIGITALIZATION OF SCIENTIFIC RESEARCH

Iskandarova Diloru Mukaddasovna

Doctor of philological sciences,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

In Tajik linguistics of the early 21st century, in addition to traditional studies of grammar, structure and semantics of the Tajik language in synchronic, diachronic and, often, in comparative aspects, works appeared in the field of cognitive linguistics and ethnopsycholinguistics, as well as linguacultural studies, later computer and corpus linguistics and some other areas, which indicates the interest of Tajik linguists in the problems of studying language within the framework of the anthropocentric paradigm, characteristic of modern world linguistics. The formation of a new anthropocentric paradigm in linguistics led to the fact that new studies began to appear in Tajikistan in various areas of theoretical and applied linguistics, which can be characterized as interdisciplinary and polyparadigmatic. The flagship of such modern research in Tajik science is the scientific school "Applied Linguistics in the Republic of Tajikistan", functioning at the Russian-Tajik (Slavonic) university. In the article, the vectors of development of Tajik linguistics, conducted mainly by scientists of this school, from the beginning (since the vector has a starting point and direction) to the prospects for future research are considered. Accordingly, the formation and development of new linguistic directions up to the present moment is analyzed, and prospects for further research are outlined, namely, the digitalization of science and education, further directions of development of corpus linguistics and improvement of the National Corpus of the Tajik language, the use of digital tools and new achievements based on artificial intelligence.

Keywords: Tajik linguistics; anthropocentric paradigm; history of formation; cognitive linguistics; linguacultural studies; corpus linguistics; development prospects; digitalization of scientific research; improvement of the national corpus; digital tools.

САМТҲОИ РУШДИ ЗАБОНШИНОСИИ ТОҶИК: РАҚАМИКУНОНИИ ТАДҚИҚОТИ ИЛМӢ

Искандарова Дилоро Мукаддасовна

Доктори илмҳои филологӣ,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
diloroiskandarova@gmail.com

Дар забоншиносии тоҷик дар оғози асри XXI, бар замми таҳқиқоти суннатӣ дар соҳаҳои грамматика, сохтор ва маъноӣ забони тоҷикӣ дар заминаҳои таърихӣ ва муқоисавӣ, самтҳои навро чун забоншиносии когнитивӣ, этнопсихоллингвистика, забоншиносии фарҳангӣ, баъдтар забоншиносии компютерӣ ва корпусӣ ба пайдо шудаанд. Ин падида нишонаи равшани тавачҷуҳи олимони тоҷик ба омӯзиши забон дар доираи рӯйкарди инсонмехвар аст, ки дар забоншиносии муосири ҷаҳон мақоми муҳим дорад.

Ташаккули ин парадигмаи инсонмехвар дар илми забоншиносӣ боиси пайдоиши таҳқиқоти тоза дар бахшҳои гуногуни назариявӣ ва амалӣ гардид, ки метавон онҳоро чун равишҳои байнисоҳавӣ ва ҷандпарадигмавӣ маънидод кард. Яке аз марказҳои пешсаф дар ин самт мактаби илмӣ “Забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон” мебошад, ки дар назди Донишгоҳи Славянии Русияву Тоҷикистон фаъолият мекунад.

Дар мақола самтҳои калидии рушди забоншиносии тоҷикӣ баррасӣ мешаванд, ки асосан аз ҷониби олимони ин мактаб аз марҳилаи ибтидоӣ то дурнамои оянда таҳқиқ мегарданд. Аз ҷумла, марҳилаҳои ташаккул ва густариши равишҳои навини забоншиносӣ то ба имрӯз таҳлил шуда, дурнамои таҳқиқоти баъдӣ муайян гардидааст. Дар ин замина, рақамӣ намудани илму маориф, густариши минбаъдаи забоншиносии корпусӣ ва такмил додани Корпуси Миллии Забони Тоҷикӣ, истифодаи абзорҳои рақамӣ ва дастовардҳои нави зехни сунъӣ ба ҳайси самтҳои муҳими тадқиқотҳои оянда зикр мегарданд.

Калидвожаҳо: забоншиносии тоҷикӣ; парадигмаи инсонмехвар; таърихи ташаккул; забоншиносии когнитивӣ; забоншиносии фарҳангӣ; забоншиносии корпусӣ; дурнамои рушд; рақамикунонии тадқиқоти илмӣ; такмили корпуси миллӣ; абзорҳои рақамӣ.

УДК 316.77: 811.222.8'271.2

КУЛЬТУРНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ТАДЖИКСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ)

Ладыгина Ольга Владимировна

Доктор философских наук, доцент,
директор

Научно-исследовательский институт

Российско-Таджикский (Славянский) университет

734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30

ladygina311961@gmail.com

При интенсификации контактов возрастают коммуникативные барьеры, причины которых можно объяснить различиями в коммуникативных стратегиях и тактиках. Как компонент национальной культуры, коммуникативное поведение имеет национальную специфику, т.к. культурно обусловлено. На основе ценностных установок народа, его представлений и убеждений коммуникативное поведение наполняется смысловым содержанием и интерпретируется. При этом интерпретация представителями другой лингвокультурной общности может не соответствовать тому смыслу, который существует в «домашней» культуре. Неадекватная интерпретация может, в лучшем случае, привести к непониманию и недоразумению в межкультурных контактах, а в худшем – к прямому конфликту. Поэтому актуальной исследовательской задачей становится изучение особенностей культуры общения представителей различных культур, включенных в активный процесс коммуникации.

В результате проведенных эмпирических исследований, а также их сопоставление с ранее проведенными исследованиями автора статьи, в научный оборот введены данные по таджикской лингвокультуре. На примере проведенного анализа характеристик коммуникативного поведения показана его культурная обусловленность.

Систематизация теоретического и эмпирического материала была осуществлена на основе культурного измерения «индивидуализм – коллективизм» параметрической модели Г.Хофстеде, с учетом дополнений, которые внес М.Минков. На основе данной модели были выявлены такие элементы коммуникативного поведения таджиков, как конформизм, потребность в социальном статусе, непотизм, что соответствует культурному измерению «коллективизм».

Ключевые слова: традиция; конформизм; непотизм; потребность в социальном статусе; гендерные стереотипы; патриархальная семья; внешний контроль; религиозная принадлежность.

Сегодня процесс общения и взаимодействия стал актуальной проблемой не только научного анализа, но и самого существования человечества. Способность человека вести продуктивный диалог поставлена под вопрос. Об этом свидетельствуют многочисленные исследования, посвященные проблемам межкультурного диалога. Успешность коммуникативных актов, убеждены Ю.Е.Прохоров и И.А.Стернин, напрямую связана со знанием и соблюдением правил коммуника-

тивного поведения определенной лингвокультурной общности [11]. «Каждая культура, в зависимости от социальной организации и доминирующих в ней ценностей, привязана к определенному коммуникативному стилю», - справедливо отмечает С.С.Тахтарова, анализируя этнокультурные аспекты коммуникативного поведения [13, с.99]. Таким образом, эффективность межкультурного общения определяется объективной оценкой особенностей коммуникативного стиля партнеров по интеракции. Выстраивание взаимодействия без учета особенностей коммуникативного поведения друг друга может привести к срыву межкультурного взаимодействия.

Интенсификация контактов между Таджикистаном и Россией на политическом, экономическом, общественном и образовательном уровнях актуализирует исследования, связанные с особенностями коммуникативного поведения таджиков и русских.

Проблеме изучения особенностей русского коммуникативного поведения посвящены многочисленные исследования, среди которых важное место занимают работы, А.Г.Балакая, И.А.Стернина и Ю.Е.Прохорова, Н.И.Формановской и других ученых.

В научном дискурсе Таджикистана традициям культуры общения не уделяется должного внимания. Поэтому специфика общения в таджикской лингвокультуре представляет собой исследовательскую лакуну.

Задачей исследования является определение особенностей коммуникативного поведения представителей таджикской лингвокультуры, а также выявление связи поведенческих особенностей с ценностными ориентациями таджикской культуры.

Реализация поставленной задачи предполагала обращение к эмпирическим данным. Для выявления особенностей общения студенческой молодежи была составлена анкета, которая содержала закрытый тип вопросов («да» - «нет»), альтернативные, шкальные вопросы, позволяющие определить степень значения общения в жизни респондентов, черты, характерные для вербального и невербального поведения, включая степень открытости, мотивы поведения. С помощью опросника Т.Томаса «Стиль поведения в конфликте» было проведено анкетирование для определения особенностей поведения в конфликтной ситуации. В эмпирическом исследовании приняли участие 78 студентов Российско-Таджикского (Славянского) университета, представителей таджикской лингвокультуры в возрасте от 20 до 22 лет. Участниками исследования стали жители всех регионов Таджикистана, что позволяет, несмотря на незначительное количество, считать выборку репрезентативной.

Проведенное эмпирическое исследование позволило собрать необходимый материал для описания характерных черт коммуникативного поведения представителей таджикской лингвокультуры и сравнить полученные результаты с особенностями коммуникативного поведения представителей русской лингвокультуры. При этом обращение к русской культуре общения носит вспомогательный характер, позволяя выявить специфические черты коммуникативного поведения представителей таджикской лингвокультуры.

Анализ полученных результатов основывается на обновленной М. Минковым модели культуры Г. Хофстеде [8], которая включает несколько культурных параметров: «коллективизм – индивидуализм» (социальная связь между личностью и обществом); «дистанция власти» (социальное неравенство в обществе); «избегание неопределенности» (способ обхождения с неизвестным и степень ощущения опасности перед неизвестностью); «мужественность – женственность» (доминирующее в обществе представление о социальных половых ролях).

Как показывают исследования, культурное измерение «индивидуализм – коллективизм» является системообразующим элементом культуры. Так, например, М.А. Халиль утверждает, что этот параметр применим для интерпретации особенностей коммуникативного поведения представителей различных культур [17]. Значимость данного культурного параметра для лингвокультурологических исследований подчеркивает А.Д. Палкин [9]. Научный интерес к этому параметру определяется его ролью в формировании ценностно-смыслового содержания самосознания народа, которое отражается в процессе межкультурной коммуникации.

Главные отличительные черты коллективизма: конформизм (следование традициям, подчинение людям, имеющим более высокий статус, и избегание конфликтов с ними, стремление не выделяться из своей социальной группы); потребность в высоком социальном положении (стремление к материальному достатку, славе и власти, которые позволяют быть вне закона); nepoтизм (склонность предоставлять привилегии в социальных, экономических и политических взаимодействиях родственникам, друзьям, мужчинам). Противоположностью коллективизма является индивидуализм, который характеризуется автономией личности (личность имеет свободу выбора следования общественной норме, возможность отличаться от других членов общества и при необходимости вступать в конфликтное взаимодействие, защищая свои права и свободы), пренебрежением статуса (высокий социальный статус не является значимой ценностью, т.к. не дает привилегий в условиях верховенства закона, защищающего права любого члена общества); универсальностью права (равенство прав и возможностей) [8, с.298-299]. На основе данных параметров в работе охарактеризованы особенности коммуникативного поведения таджиков.

Характеризуя особенности социальных отношений в современном таджикском обществе, исследователи обращают внимание на включенность человека в многочисленные социальные связи, на доминирование коллективистских установок [4, с.55-64], что формирует потребность в общении. В таджикских пословицах эта потребность отчетливо зафиксирована: «*Сӯҳбати меҳмон мисли асал ширин, сӯҳбати меҳмон бориқтар аз мӯй*» (*Беседа с гостем, словно мед, сладка, беседа с гостем тоньше волоска*). Такая же потребность отражена и в русской языковой картине мира: «*Сядем рядом да поговорим ладком*»; «*Живое слово дороже мертвой буквы*».

Согласно проведенному анкетированию, общение имеет большое значение в жизни современной таджикской молодежи. Выше среднего показателя (8 баллов по 10-бальной шкале) оценили это значение студенты, принимавшие участие в

анкетировании. При этом 86% респондентов предпочитают «живое» общение, общение в реальности.

Несмотря на значимость общения как в русской, так и в таджикской лингвокультуре, существуют некоторые различия в культуре общения. Для русской культуры общения характерна легкость установления контактов с незнакомыми людьми. С этими особенностями связан феномен «кухонного общения», а также особый тип «вагонного общения» [7, с.214].

Проявляя коллективистские начала, русские терпимо относятся к сокращению своего личного пространства. Вопросы о возрасте, зарплате, религиозных взглядах, интимной жизни собеседника – это проявление дружелюбного к нему интереса, равнодушного отношения и открытости в общении. Допустимость в личное пространство собеседника [10, с.43], нелимитированное общение, при котором нет запретных тем – характерные черты русской лингвокультуры.

Большинство таджикских информантов (74%) не склонны к открытости в общении с незнакомыми людьми. 63% респондентов отметили, что не принято обсуждать внутрисемейные отношения и религиозные взгляды. Интимные отношения не обсуждают даже с близкими родственниками 78% опрошенных.

Многочисленные правила поведения в таджикской культуре предписывают «не говорить правду, благодарно принимать ненужные подношения, соглашаться вопреки собственному мнению, сдерживать проявление негативных эмоций, хвалить, дарить, часто извиняться, демонстрировать покорность и смирение» [17, с.85-86], хорошее отношение к собеседнику, независимо от отношения к нему. Поэтому, как отмечают сами представители таджикской лингвокультуры, гостеприимство – это не только проявление доброжелательности, склонности к общению, но и стремление поддержать существующую традицию и принять гостя даже, если это противоречит искреннему желанию хозяина. Такое поведение заслуживает уважения, т.к. демонстрирует наличие самоконтроля. Ученые, представили таджикской культуры, в своих исследованиях отмечают эту особенность коммуникативного поведения как проявление толерантности [15; 16]. Интерпретация такого поведения носителями русской культуры будет содержать негативную коннотацию, и рассматриваться как проявление неискренности, лицемерия и угодничества.

Отличается интерпретация и некоторых невербальных элементов общения. В отличие от отношения к улыбке в таджикской лингвокультуре как общекультурной норме, улыбка в русской культуре не является сигналом вежливости, а представляет собой знак доброго расположения к конкретному человеку.

Важную роль в процессе коммуникации играет взгляд как признак искренности. «Считается, что тот, кто избегает взгляда партнера по коммуникации, совершил дурной поступок...», - замечает Г.Е.Крейдлин [3, с.276]. «Глазеющей» культурой называет русскую лингвокультуру С.С.Степанов [12, с.272], отмечая значение в ней зрительного контакта в процессе коммуникации.

Согласно сведениям, полученным от респондентов, для общения таджиков также важен зрительный контакт. Более половины (71%) участников анкетиро-

вания отметили, что теряются при отсутствии зрительного контакта с собеседником, и считают его отсутствие проявлением недоброжелательности.

Проявление дружелюбия и поддержки, выражается в таджикской, как и в русской культуре общения, в похлопывании по плечу, дотрагивания до руки. Общепринятым правилом в невербальном общении таджиков является приветствие поцелуями и объятиями, как между женщинами, так и между мужчинами. Особый знак мужского приветствия – пожатие руки собеседника двумя руками. Однако в таджикской лингвокультуре существуют тактильные ограничения в приветствии между мужчинами и женщинами. Легкий поклон и прижатие правой руки к сердцу – знак радушного отношения при приветствии между мужчиной и женщиной. Ограничения невербальной коммуникации связаны с существующими культурными традициями.

Гендерное неравенство, характерное для таджикского общества, указывает на наличие непотизма. Таджикский менталитет не готов согласиться с принципом равноправия мужчин и женщин, констатирует Х.У.Урунова [16, с.47]. Результаты анкетирования среди студентов подтверждают этот вывод. Респонденты, как юноши (81%), так и девушки (65%), считают, что женщина должна подчиняться мужчине. Распространение гендерных стереотипов, рост радикальных настроений среди молодежи в вопросах гендерного неравенства отметила в интервью корреспонденту «Вечерки» руководитель общественной организации ОО «Мадина» Набот Додхудоева¹. Женщина должна заниматься домашним хозяйством и воспитывать детей. Активная трудовая деятельность жены негативно характеризует ее мужа, как человека, который не в состоянии материально обеспечить семью. Такое мнение распространено среди жителей Согдийской, Хатлонской областей. В Горно-Бадахшанской автономной области женщина обладает большей свободой, у нее более широкие полномочия в семье. Получение образования и успешная карьера для женщин является одним из жизненных приоритетов. Несмотря на это, мужчина сохраняет главенствующую роль в семье.

Характеризуя культуру таджикского народа, большинство опрошенных студентов (69%) считают доминирующим фактором при принятии решений – традиции, фиксируя таким образом наличие конформизма как элемента коллективистской культуры. В Таджикистане обычное право (адат) является более мощным регулятором отношений по сравнению с государственными законами. Если закон государства не согласуется с традициями, то его исполнение носит декларативный характер.

Другим важным мотивом поведения для таджиков является религиозная принадлежность. Лексема «таджик» прочно ассоциируется в сознании молодежи с верующим человеком [1, с.39]. Наиболее значимой формой идентичности среди молодежи является религиозная идентичность [6, с.67].

В таджикском обществе значительное влияние на поведение индивида оказывает патриархальная семья, что подтверждается эмпирическими исследовани-

¹ Додхудоева Н. Когда мы говорим о правах женщин, то в первую очередь, это ее экономические права. URL: <https://vecherka.tj/archives/33024> (дата обращения: 21.10.2023).

ями. 59% респондентов, описывая ценностные ориентации таджикской культуры, указали большую семью основной в своих взаимоотношениях. Общение с родителями для таджикской молодежи имеет большее значение, чем общение со сверстниками (соответственно 8,6 и 5,7 баллов по 10-бальной шкале).

Молодое поколение зависит от своих родителей. Дети часто выбирают то, что нравится не им самим, а родителям. Браки традиционно заключаются по воле родителей. Беспрекословность авторитета старших отражена в таджикских пословицах, например: «*Бе тирон қарори оқилона қабул кардаи мушкил*» («*Без старых людей не примешь мудрого решения*»). Почтение по отношению к родителям формируется под значительным влиянием религиозного фактора. «... семья, родители – это сакральное, святое для нас, – констатирует Х.У.Урунова, – а противостоят святому – большой грех» [16, с.44]. Согласно исламским представлениям, «Кто покорится Аллаху в послушании обоим родителям, тому откроются две двери в рай... А кто не покорится Аллаху и ослушается своих родителей, для того откроются две двери ада» (Хадис от Ибн Маджа) [17, с.84]. Учитывая доминирование религиозной идентичности, такое наставление является нормой поведения.

Для российской молодежи значимой является ориентация на профессиональную деятельность, на персональные достижения, а мотивами поведения становятся собственные представления о себе, стремление реализовать свои уникальные персональные качества [6, с.67]. Осознание себя как личности, тяготение к личностным целям, позволяет согласиться с мнением А.Д.Палкина [9, с.202], Моны Абдель Малик Халиль, которые определяют современную русскую культуру как культуру, тяготеющую к индивидуализму [17, с.71-90]. О склонности к индивидуализму в языковом сознании россиян подтверждает вывод А.Д.Палкина, который он сделал по результатам проведенного исследования: безусловным авторитетом для представителей русской культуры является человек как личность [9, с.204].

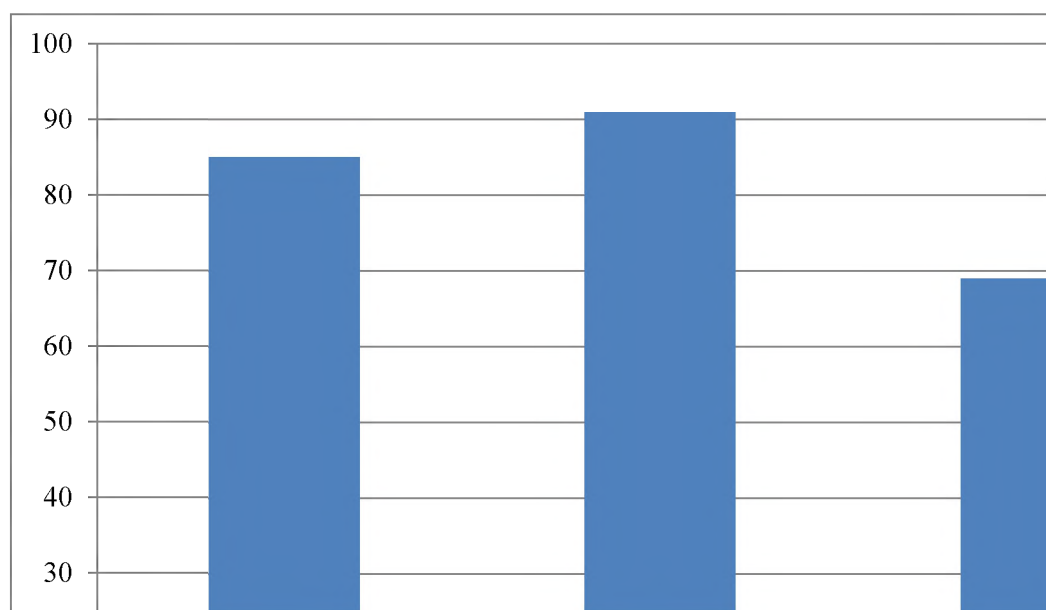
В Таджикистане сохраняется ситуация, когда место личности определяется не индивидуальными способностями и достижениями, а местом в общественной иерархии. Наследство и происхождение более 50% респондентов считает основой выстраивания отношений в таджикском обществе.

В различных социальных, экономических и политических взаимодействиях явно прослеживается nepoтизм, характерный для коллективизма. Несмотря на то, что в Таджикистане, согласно закону республики, родственникам запрещено работать в одном ведомстве, министерстве, государственном органе власти, Антикоррупционное агентство постоянно фиксирует случаи кумовства. Существуют и региональные предпочтения при приеме на работу. На существующую проблему социально-экономической дифференциации регионов, отчуждения населения регионов от властных рычагов указывает в своем исследовании З.М.Диноршоева [14, с.116].

Конформизм, потребность в высоком социальном положении и nepoтизм находят свое отражение в деловой коммуникации. Данные анкетирования позволяют охарактеризовать управленческий стиль в Таджикистане следующим обра-

зом: внимание к вышестоящим и ориентацию на их мнение, на распоряжения и указания начальника; полномочиями по принятию решений наделены обычно представители, занимающие высокие должности в своих организациях, высшие управленцы; благополучие достигается благодаря такту, услужливости, почтению и деньгам (диаграмма 1). Такой стиль управления вполне согласуется с ориентацией в общественном сознании на авторитетное мнение старшего в семье мужчины или члена общества, занимающего верхние слои в социальной иерархии.

Диаграмма 1 – Управленческий стиль в Таджикистане

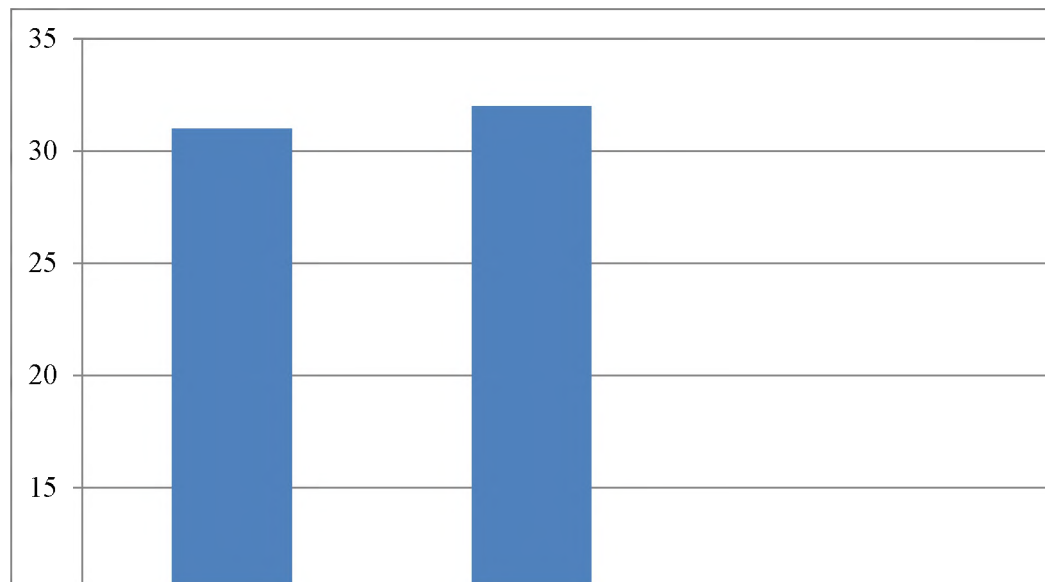

Анкетирование среди студентов, проведенное в рамках изучения автором жизненных стратегий молодежи, показало, что среди факторов, способствующих реализации жизненных планов, 32% отдали предпочтения знакомствам (связям) и 18% – деньгам (взяткам) [5, с.93]. Эти данные вполне коррелируются с результатами, полученными при изучении особенностей деловой коммуникации, представленными в таблице. Они свидетельствуют об устойчивости конформизма в общественном сознании.

Конформизм проявляется не только в следовании традициям и подчинении людям, имеющим более высокий социальный статус, но и негативным отношением к конфликтам в ингруппе. Жизненной ценностью общества является социальная гармония, которую обеспечивают нормы и предписания. Любое несогласие в своей среде тщательно скрывается. Критика рассматривается как угроза общественному согласию и воспринимается негативно. Поэтому при возникновении разногласий, возникающих в ингруппе, таджики стремятся избежать открытого конфликта. Если избежать конфликта не удастся, то мотивом поведения становится стремление приспособиться и проявить максимум сдержанности.

Пассивные модели поведения в конфликтной ситуации выбрали чуть больше половины опрошенных студентов. Треть респондентов готова прибегнуть к компромиссу. На сотрудничество ориентировано незначительное количество участников анкетирования (диаграмма 2).

Диаграмма 2 – Стратегии поведения в конфликтной ситуации в ингруппе

Такой выбор стратегий коррелируется с ориентацией на мнение «Другого», а также со стремлением к высокой оценке себя со стороны значимого «Другого», что соответствует компоненту «конформизм» коллективистской культуры.

По-другому, таджики ведут себя с представителями аутгруппы. В условиях конфликтного взаимодействия они выбирают стратегию соперничества, преувеличивая оценку собственных результатов и достижений. На эту особенность своего поведения в межкультурном общении указали подавляющее большинство информантов (72%).

Согласно результатам изучения этнопсихологических детерминаций поведения таджиков в условиях конфликтного взаимодействия О.М.Королькова, таджики подозрительны, не стремятся к взаимопониманию, упорно отстаивают собственную точку зрения, а прямые оскорбления в свой адрес воспринимают агрессивно. Стратегию сотрудничества в конфликтных ситуациях в полиэтнической группе таджики вообще исключают. Подводя итоги проведенного исследования, О.М.Корольков делает вывод, что типичными моделями поведения таджиков в конфликтной ситуации с представителями аутгрупп являются оборонительная и агрессивная [2]. Анализ особенностей поведения представителей таджикской культуры в условиях конфликтного взаимодействия позволяет понять причины радикализации их сознания в иноэтнической среде, а также стремление

таджикских мигрантов проживать анклавами, не интегрируясь в российское общество.

В отличие от представителей таджикской культуры, «русский человек любит спорить по самым различным вопросам, как частным, так и общим ... Русского человека часто интересует спор не как средство нахождения истины, а как умственное упражнение, как форма эмоционального, искреннего общения друг с другом» [11, с.115;119]. Поэтому общение в ингруппе отличается дискуссионностью, максимализмом взглядов и представлений (*«кто не с нами, тот против нас»*). К стратегии компромисса отношение негативное, основанное на убеждении, что пойти на компромисс, значит потерпеть поражение, признав правоту собеседника. «Компромиссы русское сознание считает недостойным делом, проявлением беспринципности» [11, с.119]. Особенности коммуникативного поведения в конфликтной ситуации позволяют сделать вывод, что отношение к конфликту как к социальной норме не было сформировано в обществе.

Исторически сложившиеся формы межнационального общения способствовали у русских развитию чувства милосердия, уважительного отношения к проявлению самобытности других народов. На позитивное отношение к самобытным началам других народов, пластичность, открытость внешним воздействиям, как на характерную черту русской традиции, указывали многие исследователи русской культуры. Очевидно, с этим связано стремление русских мигрантов организовать коллективное взаимодействие.

Таким образом, особенности процесса коммуникации детерминированы культурными ценностями и нормами. Мотивы коммуникативного поведения представителей таджикской лингвокультуры обусловлены элементами коллективизма. Высокая ценность традиции, ориентация на прошлое, доминирование локальных форм групповой солидарности, среди которых наиболее значимой является патриархальная семья, религиозная форма идентичности становятся регуляторами поведения, для которого характерно ориентация на мнение старшего, обладающего непререкаемым авторитетом. Такой конформизм свойственен как обыденному, так и деловому общению. Для делового общения характерно подчинение людям, имеющим более высокий статус. Включенность в различные социальные связи, стремление быть как все, защита интересов своей социальной группы, ориентация на мнение другого, приводят к стремлению избежать конфликты в ингруппе или найти компромиссное решение. Негативное отношение к ее критике, преувеличение ее заслуг перед аутгруппами, то есть противопоставление по принципу «свой – чужой» приводят к выбору стратегии соперничества в конфликтной ситуации с аутгруппами и стремлению к замкнутости.

Исключение «чужаков» характеризует поведение между представителями различных регионов Таджикистана. Семейные традиции ограничивают образовательную и трудовую деятельность женщин. Гендерные отношения выстраиваются на основе укоренных в обществе стереотипах о роли мужчины и женщины.

Проведенное исследование позволяет заключить, что в таджикской лингвокультуре актуализированы сегодня элементы коллективизма: конформизм, по-

требность в социальном статусе, nepoтизм, которые определяют соответствующее поведение.

Литература

1. Искандарова Д.М. и др. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты). – М.: PAE, 2015. – 142с.
2. Корольков О.М. Этнопсихологическая детерминация поведения таджиков в условиях конфликтного взаимодействия с другими людьми: дис. ... канд. псих. наук: 19.00.05 / Корольков Олег Михайлович. – М., 2002. – 194с.
3. Крейдлин Г.Е. Русские жесты и жестовые фразеологизмы III: отражение наивной этики в невербальном и вербальном кодах // Логический анализ языка. Языки этики. – 2000. – С.332-340.
4. Ладыгина О.В. Идентичность и ее актуальные формы в современном Таджикистане. – Душанбе: РТСУ, 2017. – 127 с.
5. Ладыгина О.В. Жизненные стратегии студенческой молодежи в новой реальности // Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество. – СПб: Сциентиа, 2024. – С.90-94.
6. Ладыгина О.В., Попова Н.В. Структура идентичности студенческой молодежи России и Таджикистана // Вестник Челябинского государственного университета. – 2024. – №2 (484). – С.61-66.
7. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения. – Волгоград: Научное издательство ВГСПУ " Перемена", 2002. – 352с.
8. Минков М. Эволюция модели культурных измерений Хофстеде: параллели между объективной и субъективной культурой / М.Минков, Б.Соколов, И.Ломакин // Социологическое обозрение, 2023. – Т.22. – №3. – С.287-317. DOI 10.17323/1728-192x-2023-3-287-317
9. Палкин А.Д. Индивидуализм и коллективизм как значимые элементы лингвокультуры // Вестник Московской международной академии. – 2017. – №1. – С.198-205.
10. Пастухова Д. А. Культурно обусловленные особенности общения в процессе межкультурной коммуникации // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса, - 2016. – Т.2, №2 (8). – С.39-44.
11. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские. Коммуникативное поведение. – М.: Наука, Флинта, 2011. – 331 с.
12. Степанов И.А. Язык внешности. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 416 с.
13. Тахтарова С. С. Этнокультурные аспекты коммуникативного смягчения (на материале немецкой лингвокультуры) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. – Волгоград, 2008. – №2. – С.99-104.
14. Теоретико-методологические проблемы исследования духовно-нравственных основ таджикского общества: коллек. монография / под ред. Н.М.Сайфуллаева и Ш.Шоисматуллоева. – Душанбе: ОО «Ориен-Гандж», 2014. – 183с.
15. Усмонов Ш. К., Крицкая Н.В. Специфика национального мировидения, отраженная в таджикских пословицах // Вестник Томского государственного педагогического университета. – Томск, 2016. – №10 (175). – С.103-106.
16. Урунова Х.У. Особенности таджикского менталитета как объект социально-философского анализа // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук. – Худжанд, 2015. – №3 (64). – С.42-47.
17. Халиль М.А. Влияние параметра «индивидуализм-коллективизм» на формирование поведенческих особенностей у людей разных национальных культур // Концепт: философия, религия, культура. – 2024. – Т.8, №1. – С.71-90.

CULTURAL DETERMINATION OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR (ON THE EXAMPLE OF TAJIK LINGUOCULTURE)

Ladygina Olga Vladimirovna

Doctor of Philosophy, associate professor,
director

Research Institute

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

ladygina311961@gmail.com

With the intensification of contacts communication barriers increase, the reasons for which can be explained by differences in communication strategies and tactics. As a component of national culture, communicative behavior has national specifics, since it is culturally conditioned. Based on the value systems of the people, their ideas and beliefs, communicative behavior is filled with semantic content and interpreted. At the same time, the interpretation by representatives of another linguacultural community may not correspond to the meaning that exists in the "home" culture. Inadequate interpretation can, at best, lead to misunderstanding and misunderstanding in intercultural contacts, and at worst – to direct conflict. Therefore, an urgent research task is to study the features of the culture of communication of representatives of different cultures involved in the active communication process.

As a result of the empirical studies, as well as their comparison with the previously conducted studies of the author of the article, data on the Tajik linguaculture were introduced into scientific circulation. Using the example of the analysis of the characteristics of communicative behavior, its cultural conditioning is shown.

The systematization of theoretical and empirical material was carried out on the basis of the cultural dimension "individualism - collectivism" of the parametric model of G. Hofstede, taking into account the additions made by M. Minkov. Based on this model, such elements of the communicative behavior of Tajiks as conformism, the need for social status, and nepotism were identified, which corresponds to the cultural dimension of "collectivism".

Keywords: tradition; conformism; nepotism; the need for social status; gender stereotypes; patriarchal family; external control; religious affiliation.

**ОМИЛҲОИ ФАРҲАНҒӢ ДАР ТАШАККУЛИ РАФТОРИ
КОММУНИКАТИВӢ (БАР АСОСИ ЛИНГВОФАРҲАНГИ ТОЧИКӢ)**

Ладыгина Ольга Владимировна

Доктори илмҳои фалсафа, дотсент,
директор

Институти тадқиқоти илмӣ

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

ladygina311961@gmail.com

Бо шиддат гирифтани робитаҳо монеаҳои иртиботӣ зиёд мешаванд, ки сабабҳои онҳоро метавон бо фарқияти стратегия ва тактикаи иртибот шарҳ дод. Ҳамчун ҷузъи фарҳанги милли рафтори муоширатӣ хусусияти милли дорад, зеро аз ҷиҳати фарҳангӣ муайян карда мешавад. Дар асоси системаҳои арзишҳои одамон, ақида ва эътиқоди онҳо рафтори коммуникативӣ бо мазмунӣ пур шарҳ дода мешавад. Дар баробари ин, тафсир аз ҷониби намоёндогони ҷомеаи забоншиносӣ дигар метавонад ба маънои дар фарҳанги «хона» мавҷудбуда мувофиқат накунад. Тафсири нокифоя метавонад, дар бехтарин ҳолат, боиси нофаҳмиҳо дар робитаҳои байнифарҳангӣ ва дар бадтарин ҳолат ба низоъҳои мустақим оварда расонад. Аз ин рӯ, омӯзиши хусусиятҳои фарҳанги муоширати намоёндогони фарҳангҳои гуногун, ки дар раванди муоширати ғаёл иштирок меkunанд, вазифаи таъхиринопазири тадқиқотӣ мегардад.

Дар натиҷаи таҳқиқоти эмпирикӣ ва муқоисаи онҳо бо пажӯҳишҳои қаблан анҷомдодаи муаллиф маълумот оид ба фарҳанги забоншиносӣ тоҷик ба муомилоти илмӣ ворид карда шуданд. Таҳлили гузаронидашуда хусусиятҳои рафтори муоширатии фарҳангии онро нишон медиҳад.

Ба низоми даровардани маводи назариявӣ ва таҷрибавӣ дар асоси ҷанбаи фарҳангии «индивидуализм – коллективизм»-и модели параметрии Г.Хофстеде бо назардошти иловаҳои М.Минков сурат гирифт. Дар асоси ин модел унсурҳои рафтори коммуникатсионии тоҷикон ба монанди конформизм, зарурати мақоми иҷтимоӣ, ҳешутаборӣ муайян карда шуданд, ки ба ҷанбаи фарҳангии «коллективизм» мувофиқат меkunанд.

Қалидвожаҳо: анъана; конформизм; непотизм; ниёз ба мақоми иҷтимоӣ; стереотипҳои гендерӣ; оилаи патриархалӣ; назорати беруна; мансубияти динӣ.

УДК 811.161.1'373+811.222.8'373

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЛЕКСЕМЫ «ВЕРНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Курбонова Хафиза Халимовна

Кандидат филологических наук,
заведующая кафедрой теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

Статья посвящена психолингвистическому моделированию лексемы «верность» в русском языковом сознании. Исследование направлено на выявление когнитивных и ассоциативных механизмов восприятия данной лексемы, обладающей богатым спектром значений и культурных коннотаций. Анализ проводится с использованием методов свободно-ассоциативного эксперимента, компонентного и концептуального анализа, а также классификации тематически-семантических блоков. На материале ответов 100 респондентов-носителей русского языка были выявлены ядро и периферийные зоны ассоциативного поля лексемы «верность», определены основные тематические ассоциативные группы, отражающие восприятие верности как этической, эмоциональной, личностной и духовной ценности.

В результате анализа ассоциатов установлено, что «верность» у носителей русского языка ассоциируется с такими понятиями, как любовь, преданность, честность, надёжность и поддержка, формируя сложную и многослойную структуру в языковом сознании. Подчёркивается значимость лексемы «верность» в формировании и отражении ценностных установок русского этноса.

Ключевые слова: русский язык; лексема; «верность»; ассоциация; респонденты; коннотация; языковое сознание; психолингвистическое значение; ассоциативный блок; ядро и периферийные зоны.

Психолингвистическое моделирование лексемы представляет собой важную область лингвистического исследования, направленного на изучение когнитивных процессов, лежащих в основе восприятия и использования слов в языке. Одной из ключевых задач психолингвистики является анализ механизмов, через которые индивидуум воспринимает, обрабатывает и интерпретирует различные языковые единицы, в том числе лексемы, обладающие многозначностью и различной степенью коннотаций.

Лексема «верность» в русском языке представляет собой интересный объект для психолингвистического моделирования, поскольку она (верность) имеет несколько значений, варьирующих от морально-этических коннотаций до специфических ассоциативных значений, связанных с конкретными сферами жизни

(например, верность в отношениях, верность к близким, верность идеалам, верность дружбе, верность слову и т.д.).

Верность служит не только языковым средством для обозначения конкретного понятия, но и носителем значимых культурных и психологических ассоциаций, которые могут значительно различаться в зависимости от контекста и личного опыта индивида.

Содержание лексемы «верность» определяется на основе анализа лексикографического, коммуникативного и психолингвистического значений.

Как известно, под лексикографическим значением понимается «словарное толкование лексемы и её ядерных компонентов» [7, с.261].

А психолингвистическое значение можно охарактеризовать как особый уровень значения языковой единицы, который выходит за рамки сугубо лексикографического или словарного определения и включает в себя личностные, эмоциональные, ассоциативные и ситуативные реакции носителя языка.

В рамках психолингвистики значение лексемы рассматривается как часть процесса восприятия и продуцирования речи, тесно связанная с индивидуальным и коллективным языковым опытом, когнитивными структурами и контекстом речевого взаимодействия.

Психолингвистическое значение, также называемое «психологически релевантным значением» (А.А.Леонтьев) или «ассоциативным значением» (Л.В.Сахарный), является «совокупностью всех семантических элементов, которые активируются в сознании носителей языка» [Цит. по: 2, с.11].

Как считают И.А.Стернин и М.С.Соломатина, коммуникативное значение – это «смысл, который передаётся через слово, фразу или высказывание в процессе общения между людьми, а также тот эффект, который оно производит на слушателя или читателя» [8, с.85].

Коммуникативное значение определяется не только лексическим значением слов, но и контекстом, интонацией, ситуацией общения, а также намерением говорящего. В отличие от лексикографического значения, которое фиксирует стандартное значение слова в словарях, коммуникативное значение более динамично и изменчиво.

В рамках исследования нами будет рассмотрено психолингвистическое значение понятия «верность» в русском языковом сознании.

Методологическая база исследования опирается на труды, выполненные в русле психолингвистики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Теоретико-методологические основы психолингвистического анализа слов формируются на основе подходов, разработанных ведущими российскими учёными Н.В.Карауловой [4], А.Н.Леонтьевым [5], Н.В.Уфимцевой [10], И.А.Стерниным [8], М.С.Соломатиной [9], Е.О.Зубаревой [2], а также таджикскими учеными Д.М.Искандаровой [3], Х.Дж.Шамбезода [12], М.Б.Давлатмировой [1] и др.

В целях моделирования ассоциативного значения «верность» в работе используется метод концептуального анализа, метод классификации и метод компонентного анализа.

Анализ трудов таких известных исследователей, как Ю.Н.Караулов [4], А.Н.Леонтьев [5], И.А.Стернин [9], Е.О.Зубарева [2] и др. по психолингвистическому моделированию значения лексем, позволил нам выделить следующие аспекты:

1. Ассоциации формируются на основе культурных норм, традиций и социальных взаимодействий, например, для разных культур одно и то же слово может вызывать разные образы и чувства.

2. Язык играет ключевую роль в формировании ассоциативной картины мира; он не только выражает мысли, но и структурирует восприятие. Каждое слово может нести в себе ряд ассоциаций, которые варьируются в зависимости от контекста.

3. Личный опыт и эмоциональные переживания влияют на индивидуальные ассоциации, например, слово «верность» может ассоциироваться для одного человека с *искренностью* и *дружелюбием*, а для другого – с *предательством* (1 реакция).

Итак, ассоциативные исследования помогают понять, как язык работает в обществе и как формируются значения.

Следует отметить, что языковое сознание формирует психолингвистическое значение, так как индивидуальные и культурные ассоциации влияют на то, как человек использует и понимает язык. В свою очередь, языковое сознание влияет на восприятие мира, определяя, как человек интерпретирует события, идеи и явления вокруг него.

Изучение языкового сознания – это сложный и многозначный процесс, поскольку оно включает в себя множество аспектов, таких как восприятие, понимание и использование языка. Как известно, языковое сознание может меняться под воздействием времени, социокультурных факторов и технологических изменений, что затрудняет анализ последствий.

Согласно определению Н. В.Уфимцевой, «языковое сознание – это знания, ассоциированные с языковыми знаками для овнешнения в процессе общения первичных и вторичных образов сознания» [10, с.58]. По словам А.Н.Леонтьева, «первичные образы возникают в результате восприятия объектов реального мира, а вторичные – это первичные образы, используемые в качестве перцептивных эталонов при последующих актах восприятия» [5, с.85].

Таким образом, эти первичные и вторичные образы служат средствами для формирования содержания мысли до её реализации с использованием языковых знаков, которые ассоциированы с этими знаками и несут общественно выработанные знания, известные в лингвистике как лексические значения.

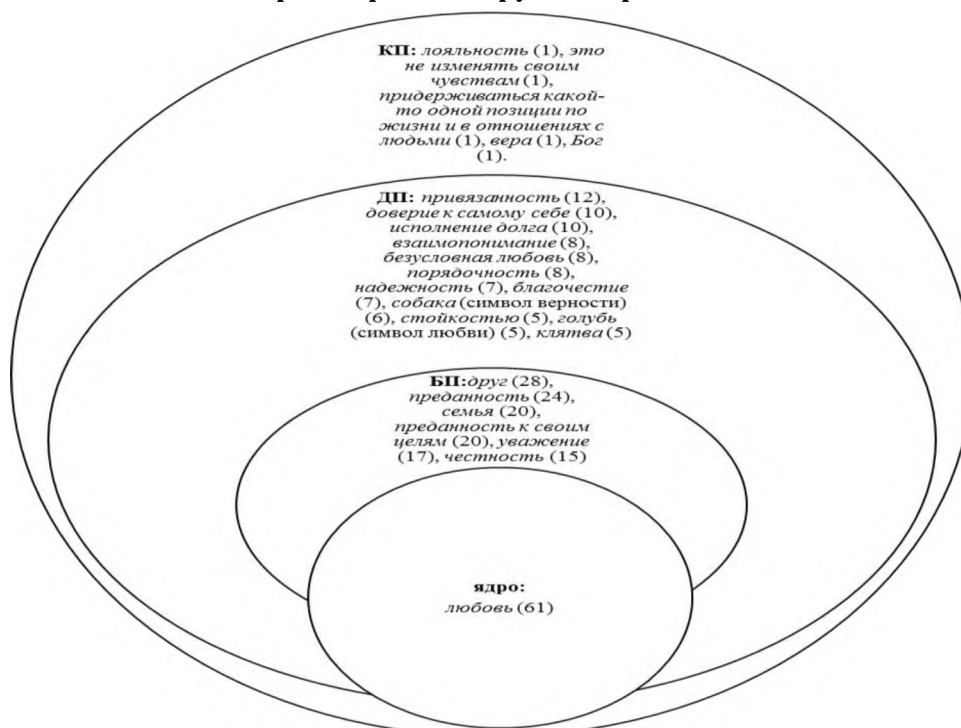
Следующим этапом нашего исследования является анализ психолингвистического поля лексемы «верность» на материале реакций, полученных в ходе свободно-направленного ассоциативного эксперимента среди носителей русского языка. В эксперименте приняли участие 100 анкетированных. По гендерной принадлежности – 85 женщин и 15 мужчин. Возраст анкетированных составляет от 19 до 26 лет.

Анализ результатов по первому заданию (Какие ассоциации у Вас вызывают слово **верность**?) показал, что большинство русских респондентов отмечают, что ключевыми понятиями являются лексемы – *любовь* (61), *друг* (31), *преданность* (24), *семья* (20), *преданность своим целям* (20), *уважение* (17), *честность* (15), *привязанность* (12), *доверие к самому себе* (10), *исполнение долга* (10) и др.

Следует отметить, понятие «верность» в русском языковом сознании имеет богатую семантическую структуру, которая включает как ядерную, так и периферийные зоны значения, например, **ядром** верности является *любовь* (61), **ближняя периферия** понятия «верность» охватывает ассоциации – *друг* (28), *преданность* (24), *семья* (20), *преданность своим целям* (20), *уважение* (17), *честность* (15), **дальняя периферия** включает ассоциации, связанные с *привязанностью* (12), *доверием к самому себе* (10), *исполнением долга* (10), *взаимопониманием* (8), *безусловной любовью* (8), *порядочностью* (8), *надежностью* (7), *благочестием* (7), *собакой* (символ верности) (6), *стойкостью* (5), *голубю* (символ любви) (5), *клятвой* (5), **к крайней периферии** относятся реакции, находящиеся на самых внешних границах понятия и, как правило, слабо связаны с его основным значением, например, *лояльность* (1), *это не изменять своим чувствам* (1), *придерживаться какой-то одной позиции по жизни и в отношениях с людьми* (1), *вера* (1), *Бог* (1).

Ассоциативно-вербальное поле концепта «верность» по результатам анализа задания №1 в русском языковом сознании выглядит так:

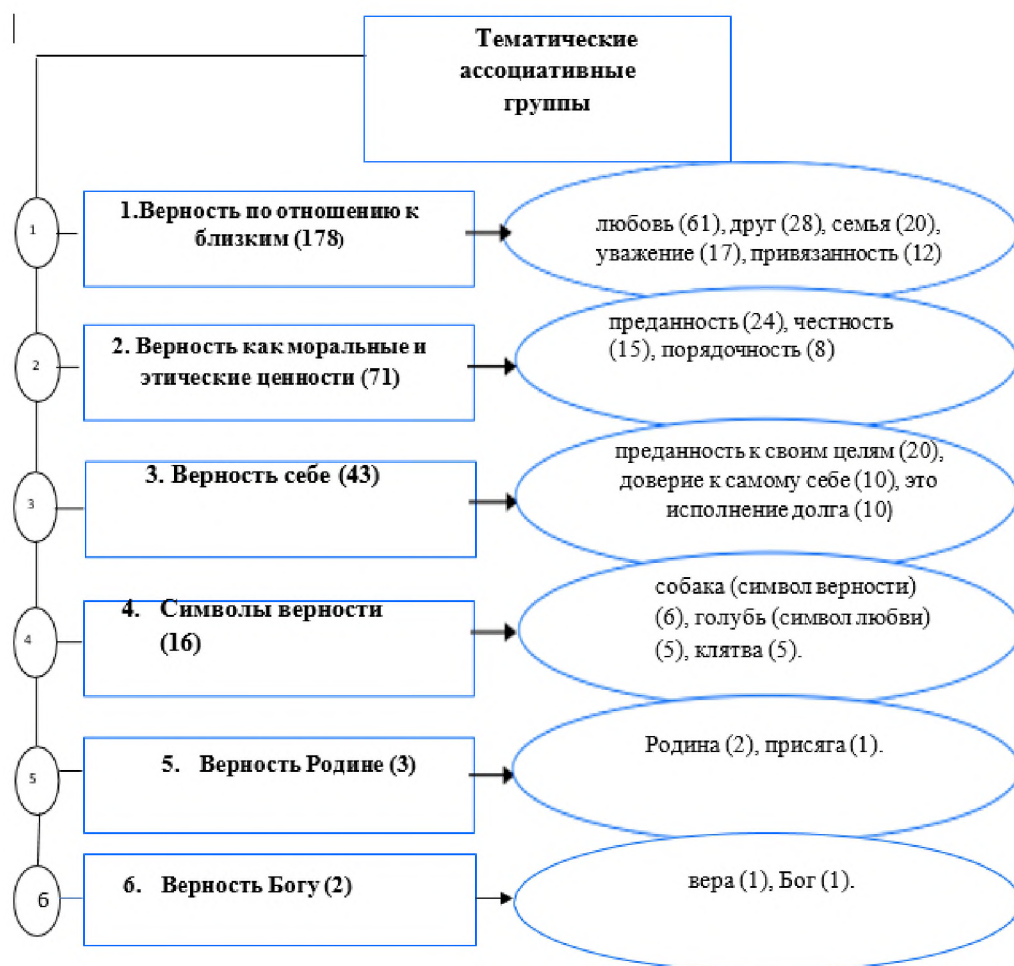
Схема 1 – Ядро и периферийные зоны ассоциативного поля «Верность» на материале реакций русских респондентов

Следующий этап анализа включает в себя распределение всех собранных реакций по тематически-ассоциативным блокам, что позволяет более точно определить психолингвистическое значение лексемы «верность». Этот процесс классификации основан на объединении ассоциатов, которые имеют схожее семантическое значение. Например, слова и фразы, которые в разных формах описывают один и тот же семантический компонент, группируются вместе в рамках одного когнитивного блока. Это позволяет не только выявить ключевые аспекты верности, но и понять, как они воспринимаются носителями русского языка.

На следующем этапе происходит суммирование частотности этих ассоциативных реакций, что дает возможность определить, какие из них наиболее значимы для понимания данного понятия. Для именования ассоциативных блоков выбираются наиболее частотные может и стилистически нейтральные реакции, что способствует созданию более универсального и понятного подхода к исследованию.

Итак, проанализировав ассоциации, были выявлены следующие тематические блоки:

Таким образом, тематическая группа **«Верность по отношению к близким»** представлена 178 реакциями. Верность носителями русского языка воспринимается как основа стабильных и здоровых межличностных отношений, связанных с любовью (61), с семьёй (20), уважением (17), взаимопониманием и осознанным выбором (10) и др. *Безусловная любовь* (8) также представляет собой важную ассоциацию, демонстрируя верность как форму привязанности, которая не зависит от условий и обстоятельств.

Тематическая ассоциативная группа **«Верность как моральная и этическая ценность» (71 реакция)** включает в себя ряд важных характеристик, которые обеспечивают долгосрочную устойчивость и здоровую динамику в межличностных отношениях. Ключевыми элементами этой группы являются реакции – *преданность* (24), *честность* (15), *порядочность* (8), *надежность* (7), *благочестие* (7), *стойкость* (5), *искренность* (3), *ответственность* (2). Эти качества формируют основу для стабильных и этически здоровых отношений, в которых верность проявляется как результат последовательного следования моральным принципам и этическим нормам.

Проанализировав ассоциативную группу **«Верность себе» (43)**, можно сделать вывод о том, что верность в русском языковом сознании представляет собой *преданность своим целям, доверие к самому себе, быть правдивым, быть верным своим обещаниям* и т.д.

Следует отметить, что анализ тематической группы **«Символы верности»** в русском языковом сознании определяется через устойчивые архетипические образы, обладающие высокой степенью метафоричности и эмоциональной нагруженности. В данной группе (16 ассоциаций) выделяются три ключевых символа: *собака как символ верности* (6), *голубь символ любви и мира* (5) и *клятва как вербальный символ верности* (5). Эти символы иллюстрируют понятие «верность» как ценность, обладающая глубокой культурной, этической и эмоциональной значимостью.

В ассоциативной группе **«Верность Родине»** (3 ассоциации) понятие «верность» репрезентуется как гражданская, патриотическая и этико-государственная ценность, отражающая осознанную и морально значимую приверженность своей стране, её интересам и идеалам.

Ассоциативная группа **«Верность Богу»** (2 ассоциации): вера (1) и Бог (1) отражает духовно-религиозную интерпретацию верности, в которой она понимается как духовная приверженность, преданность и постоянство в отношении к Богу.

Проанализировав ассоциаты, полученные на материале задания №1, можно выявить, что реакции, связанные с любовью, постоянством, преданностью, доверием, дружбой являются ключевыми для понимания лексемы «верность» в русском языковом сознании. Верность предполагает искренность и отсутствие обмана. Ассоциативные данные демонстрируют сильную связь между верностью и понятиями *доверие, искренность, правдивость*. Нарушение этих принципов неизбежно ведёт к потере веры и разочарованию.

В рамках задания №2 «Верность какая?» были выявлены характеристики верности. Все характеристики были классифицированы по следующим семантическим группам:

Семантическая группа	Характеристики и примеры	Частотность реакций
1. Этическая и моральная ценность	<i>искренняя, честная, правильная, безусловная</i>	50
2. Аффективно-эмоциональная	<i>тёплая, светлая, согревающая, эмоциональная, доверительная</i>	45
3. Постоянство и неизменность	<i>непоколебимая, до конца жизни, вечная, крепкая, нерушимая</i>	41
4. Интимно-личностная	<i>супружеская, лебединая, настоящая, дружеская</i>	35
5. Идеализированная/ абсолютная	<i>абсолютная, бесконечная, безмерная, чистая, правильная</i>	30
6. Отклоняющееся/негативное значение	<i>глупая</i>	10

Таким образом, в результате проведённого анализа в рамках задания №2 «Верность какая?» можно заключить следующее:

1. Понятие верности в сознании носителей русского языка обладает сложной семантической структурой, охватывающей как ценностные, так и эмоциональные, поведенческие и критические аспекты;

2. Выявленные реакции были классифицированы в шесть семантических групп, среди которых преобладают этико-моральные ценности (50 реакций), аффективно-эмоциональные (45 реакций) и связанные с понятием постоянства (41 реакция) аспекты;

3. Менее частотны, но всё же значимы интимно-личностные (35 реакций) и идеализированные (30 реакций) представления, отражающие романтизированное или символическое восприятие данного качества.

4. Особого внимания заслуживает наличие негативной категории, представленной характеристикой «глупая» (10 реакций), что свидетельствует о существовании негативного взгляда на верность в определённых контекстах.

Полученные реакции по заданию №3 «Какими чертами обладает верный человек?» были разделены на следующие тематические группы:

Группа 1. Верность – честность – искренность (140): верный человек верен и честен;

Группа 2. Верность – преданность (112): главной чертой является преданность;

Группа 3. Верность – поддержка (94): верный человек поддержит в нужный момент;

Группа 4. Верность – надёжность (85): верный человек имеет привычку выполнять свои обещания.

Таким образом, анализ полученных реакций показывает, что большинство реакций носителей русского языка содержат социально-жизненный характер, верность, прежде всего, проявляется к близким и к самому себе.

Проведённое исследование позволило выявить психолингвистическое содержание лексемы «верность» в русском языковом сознании, отражающее сложную многослойную структуру, включающую когнитивные, эмоциональные, культурные и поведенческие компоненты. Анализ ассоциативных реакций респондентов показал, что верность в восприятии носителей русского языка тесно связана с такими понятиями, как *любовь, преданность, честность, надёжность и поддержка*, а также выступает в качестве значимой морально-этической и личностной ценности.

По итогам полученных реакций на слово-стимул *верность* были выявлены слова, словосочетания и выражения, которые отражают данное понятие – *любовь, преданность, доверие, дружба, честность, семья, уважение, уверенность, вера, правда, бог, супружество* и др.

Комплексное поэтапное исследование материала, полученного в результате свободного-направленного ассоциативного эксперимента позволяет представить его психолингвистическое значение, актуализированное в сознании носителей русского языка.

Семантический анализ характеристик, приписываемых понятию верности, подтвердил её значимость как этического ориентира в межличностных, социально-культурных и личностных контекстах. В то же время выявление негативных ассоциаций указывает на наличие отрицательных интерпретаций (глупая верность 10 реакций) данной лексемы в современных реалиях.

Литература

1. Давлатмирова М.Б. Этнолингвокультурные особенности отражения символики чисел в памирских языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №3 (85). – С.56-65.
2. Зубарева Е.О. Концептуальное поле «Миграция»: Опыт лингвистического моделирования. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 180с.
3. Искандарова Д.М. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3(81). – С.58-70.
4. Караулов Ю.Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М.: Ин-т. рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН, 1999. – 180 с.
5. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Изд-во «Московский государственный университет», 1972. – 576 с.
6. Лингвистическое моделирование: коллективная монография / С.Н.Антонова; Российская Федерация, Министерство образования и науки, Федеральное агентство по образованию, ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет», факультет романо-германской филологии. – Тюмень: Вектор Бук, 2009. – 187 с.

7. Овчинникова И.Г. Диалог субкультур (концепты деньги и бизнес в сознании молодых россиян) // Я и другой в пространстве текста. – Пермь Любляна: Изд-во «Московская международная академия», 2009. – Вып.2. – С. 256–280.
8. Стернин И.А. Семантический анализ слова в контексте / И.А.Стернин, М.С.Саломатина М.С. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.
9. Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А.Стернин, А.В.Рудакова. – Воронеж: Ламберт, 2011. – 194 с.
10. Уфимцева А.А. Теории «семантического поля» и возможности их применения при изучении словарного состава языка // Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С.30-68.
11. Уфимцева Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 251 с.
12. Шамбезода Х.Д. Роль и место русского языка в условиях многоязычного Таджикистана // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы XIII Международной научной конференции. – М.: МГУ, 2023. – С.421-426.

PSYCHOLINGUISTIC MODELING OF THE LEXEME "LOYALTY" IN THE RUSSIAN LANGUAGE

Kurbonova Khafiza Khalimovna

Candidate of philological sciences,
head of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

The article is devoted to the psycholinguistic modeling of the lexeme "loyalty" in the Russian linguistic consciousness. The study is aimed at identifying the cognitive and associative mechanisms of perception of this lexeme, which has a rich spectrum of meanings and cultural connotations. The analysis is carried out using the methods of free-associative experiment, component and conceptual analysis, as well as classification of thematic-semantic blocks. Based on the responses of 100 respondents-native speakers of Russian, the core and peripheral zones of the associative field of the lexeme "loyalty" were identified, the main thematic associative groups were determined, reflecting the perception of fidelity as an ethical, emotional, personal and spiritual value.

As a result of the analysis of associates, it was found that "loyalty" among native speakers of Russian is associated with such concepts as love, devotion, honesty, reliability and support, forming a complex and multi-layered structure in the linguistic consciousness. The significance of the lexeme "fidelity" in the formation and reflection of the value attitudes of the Russian ethnic group is emphasized.

Keywords: Russian language; lexeme; "loyalty"; association; respondents; connotation; linguistic consciousness; psycholinguistic meaning; associative block; core and peripheral zones.

**МОДЕЛСОЗИИ ПСИХОЛИНГВИСТИИ ЛЕКСЕМАИ «ВЕРНОСТЬ»
(«ВАФОДОРЪ») ДАР ЗАБОНИ РУСӢ**

Курбонова Хафиза Халимовна

Номзади илмҳои филология,
мудири кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
kurbanova_xafiza@mail.ru

Мақола ба таҳқиқи раванӣ-забоншиносии лексемаи «вафодорӣ» дар шуури забонии русҳо бахшида шудааст. Ҳадафи асосии таҳқиқот ин муайянсозии механизмҳои когнитивӣ ва ассотсиативии дарки ин лексема мебошад, ки дорои мундариҷаи маъноии ғанӣ ва коннотатсияҳои фарҳангист.

Таҳлил бо истифода аз усулҳои таҷрибаи озоди ассотсиативӣ, таҳлили компонентӣ ва концептуалӣ, инчунин гурӯҳбандии блокҳои мазмуну маъно анҷом дода шудааст. Дар заминаи посухҳои 100 нафари русзабон, майдони ассотсиативии лексемаи «вафодорӣ» таҳқиқ гардида, марказ ва бахшҳои канории он муайян карда шудаанд. Гурӯҳҳои асосии мазмунӣ-ассотсиативӣ, ки вафодориро чун арзиши ахлоқӣ, эҳсосӣ, шахсӣ ва маънавӣ инъикос мекунанд, мушаххас шуданд.

Дар натиҷаи таҳлили посухҳо муайян гардид, ки лексемаи «вафодорӣ» бо мафҳумҳои чун муҳаббат, садоқат, ростгавӣ, бозғимодӣ ва дастгирӣ алоқаи зич дорад. Ин мафҳумҳо як сохтори мураккабу бисёрқабатаеро дар шуури забонии русзабонон ташкил медиҳанд. Дар мақола таъкид мегардад, ки лексемаи «вафодорӣ» дар шаклгирӣ ва инъикоси низоми арзишҳои маънавии халқи рус нақши муҳим мебозад.

Калидвожаҳо: забони русӣ; лексема; вафодорӣ; ассотсиатсия; респондентҳо; коннотатсия; шуури забонӣ; маъноӣ раванӣ-забоншиносӣ; блоки ассотсиативӣ; марказ ва бахшҳои канорӣ.

УДК 811.222.8'373

ОБРАЗ КРАСОТЫ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АНКЕТИРОВАНИЯ)

Бойматова Нигора Камолиддиновна

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории
этнокультурологии и социокультурных исследований
Научно-исследовательский институт
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
boimatova87@gmail.com

Статья посвящена анализу концепта «Красота», основу которого составили данные психолингвистического эксперимента, проведённого среди преподавателей и сотрудников Российско-Таджикского (Славянского) университета, а также других групп респондентов в возрасте от 35 до 70 лет, представляющих таджикскую, русскую, памирскую и узбекскую лингвокультурные общности. Психолингвистический подход даёт возможность исследовать не только внешние, но и глубинные уровни восприятия данного феномена, выявляя эмоциональные и когнитивные отклики информантов на различные стимулы, связанные с концептом «Красота». Поскольку представления о красоте подвержены изменениям под влиянием культурных, социальных и индивидуальных факторов, психолингвистический эксперимент, по мнению автора статьи, позволяет зафиксировать данные изменения, исследуя особенности ассоциативного и семантического наполнения концепта «Красота» в реальной психической деятельности носителей языка. Результаты эксперимента способствовали адекватному моделированию структуры ассоциативного поля концепта, а также идентификации широкого спектра лексических единиц, репрезентирующих данное понятие. В исследовании проанализированы основные ассоциации, актуализирующиеся в сознании носителей таджикского языка, среди которых гармония внешнего и внутреннего содержания, а также элементы физической привлекательности, такие как лицо, волосы, фигура, одежда и иные визуальные характеристики.

Ключевые слова: таджикский язык; концепт «красота»; ассоциативное поле; психолингвистический эксперимент; внутренняя красота; языковое сознание; слово-стимул.

В рамках современных лингвистических исследований всё более актуальным становится изучение когнитивных аспектов языка, которые демонстрируют индивидуальные особенности его носителей и позволяют проследить динамику изменений в содержательном наполнении различных концептов. Каждый естественный язык представляет собой уникальную модель восприятия мира, при этом значения, выражаемые в языке, формируют целостную систему взглядов, являющуюся своего рода коллективной философией его носителей. Язык не

только фиксирует стереотипные и эталонные представления общества, но и служит средством интерпретации реальности человеческим сознанием.

Настоящее исследование посвящено анализу концепта «Красота» через ассоциативный эксперимент. Понятие «Красота» долгое время является объектом внимания лингвистических исследований, будучи одной из ключевых ценностных категорий, влияющих как на человеческую деятельность, так и на восприятие индивидами окружающего мира и других людей.

В отечественной лингвистике концепт «Красота» был изучен в диссертационной работе «Сопоставительное исследование концепта красота в русском и китайском языках» А.О.Пак. Диссертация, посвящена комплексному сопоставительному анализу концепта «красота» в русском и китайском языках [9].

Также концепт «Красота» исследовался в сопоставительном аспекте в диссертационной работе автора данной статьи «Семантическое поле концепта «Красота» в таджикской и английской лингвокультурах» на материале художественных текстов XIX-XXI вв. таджикских и англоязычных авторов, антропонимов, фразеологических единиц в таджикском и английском языках [2]. Несмотря на значительный интерес к данной теме среди российских и таджикских исследователей, она продолжает раскрывать новые аспекты, ставя вопросы, связанные с изменением культурных тенденций, взглядов и оценок в человеческом обществе.

Красота представляет собой сложное и многогранное явление, исследуемое различными научными дисциплинами, такими как философия, эстетика, психология, нейробиология и антропология. В научном контексте красота понимается как субъективная категория, связанная с восприятием гармонии, пропорций, симметрии и других характеристик, вызывающих чувство удовольствия или восхищения. В психологии красота изучается в контексте когнитивного восприятия и эмоционального отклика, при этом эксперименты показывают, что восприятие красоты зависит от индивидуального опыта, культурных особенностей и контекста.

В когнитивной лингвистике красота рассматривается как концепт, существующий в человеческом сознании и отражающий способы восприятия и интерпретации мира. Этот концепт многомерен и зависит от множества факторов, включая культурные, социальные, исторические и индивидуальные. В когнитивной лингвистике красота изучается как сложное явление, демонстрирующее взаимодействие языка, мышления и культуры.

Как утверждает Д.С.Лихачев, концепт формируется в сознании человека не только через лексическое значение слова, так как каждое значение слова отражает концепт в отдельности, но и на основе личного и коллективного культурно-исторического опыта. «Этот обширный опыт определяет семантическое пространство концепта и создает возможности для формирования эмоционального содержания лексемы, раскрывающего различные аспекты концепта. Концепт выходит за пределы лексического значения слова, обогащая его уникальной «аурой», которая состоит из культурных и индивидуальных ассоциаций. Концепты формируют определенную универсальность, которую ученый описывает как концептосферу» [7, с.284].

По мнению И.Стернина, хотя экспериментальные методы исследования значений требуют больших ресурсов, чем логический анализ, они оказываются значительно более результативными и экономичными для определения психологически значимого значения слова по сравнению с анализом контекста [11, с.122].

Цель данной работы заключается в выявлении особенностей восприятия категории «Красота» в структуре таджикского языкового сознания путем проведения ассоциативного эксперимента среди традиционных носителей таджикского языка. Основной задачей эксперимента выступает экспликация семантической организации концептуального поля «Красота», выявление присущих ему культуроспецифичных признаков и устойчивых ассоциаций, детерминированных особенностями этнического мировоззрения и культурных традиций. Итоги проведенного исследования призваны способствовать расширению теоретико-методологических представлений о характере формирования национального культурного архетипа и механизмах репрезентации эстетических ориентиров в вербальной картине мира представителей таджикской лингвокультурной общности.

Методологическую базу настоящего исследования составили фундаментальные научные концепции и теоретические подходы, предложенные в трудах ведущих специалистов в области когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, таких как В.И.Карасик [5; 6], А.А.Залевская [3], Ю.Д.Апресян [1], З.Д.Попова и И.А.Стернин [10] и В.Н.Телия [12].

Ранее аналогичные исследовательские проекты проводились учеными Республики Таджикистан в рамках широкого спектра исследований, направленных на изучение особенностей функционирования отдельных концептов в языках различной структурной принадлежности (например, концепт «толерантность», «судьба», «пространство», «еда», «вежливость»). Данные работы были сконцентрированы вокруг проблем, касающихся национальной языковой картины мира, механизмов формирования языкового сознания, устройства ассоциативных полей, структуры ментального лексикона, выявления ценностных доминант, процессов метафоризации и ряда других вопросов.

Ведущим научным коллективом, занимающимся этими проблемами в Республике Таджикистан, является научная школа, возглавляемая профессором Д.М.Искандаровой, функционирующая на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Так, под общей редакцией проф. Д.М.Искандаровой вышла монография «Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана», в которой авторы рассматривают проблему мониторинга текущих стереотипов и уровней толерантности в образовательных учреждениях республики. В ходе исследования проводился ассоциативный эксперимент среди студентов вузов Таджикистана, позволивший провести комплексный анализ реакций респондентов на специально подобранные слова-стимулы. Данный подход позволил зафиксировать характерные национальные маркеры самосознания, этнотипичные стереотипы и структуру ассоциативного поля, определяющего особенности молодежного восприятия толерантности в республике [4].

Основные методы данного исследования включают:

1. Методы сбора эмпирического материала-анкетирование. Проведение свободного ассоциативного эксперимента среди носителей таджикского языка для выявления ассоциативных рядов и когнитивных моделей, формирующих концепцию «Красота».
2. Ассоциативный анализ, включающие в себя применение методов контент-анализа и факторного анализа для систематизации и упорядочивания ассоциативных реакций, выявления ядерных и периферийных зон ассоциативного поля.
3. Семантический анализ, использование методов психолингвистики и когнитивной лингвистики для декомпозиции ассоциативного материала и построения структурно-семантической модели концепта «Красота» в таджикском языковом сознании.
4. Структурный анализ: картографирование ассоциативных сетей и кластеров, составление когнитивной карты исследуемого концепта.
5. Количественный анализ, для расчета показателей частотности, устойчивости ассоциативных цепей и степени распространённости ассоциаций.
6. Контекстуальный анализ – детальное изучение фрагментов текста, в которых фигурирует слово «Красота», для полного понимания контекстов его употребления и выявления коммуникативно-прагматических функций.

Свободный ассоциативный эксперимент традиционно рассматривается как один из основополагающих инструментов изучения структуры и содержательной наполненности концептов в языковом сознании носителей различных культур. Данный метод широко применяется в дисциплинах психолингвистики, общей лингвистики, социолингвистики и лингвокультурологии, позволяя эффективно выявлять вербальные ассоциации, отражающие глубинные слои когнитивной сферы говорящих.

Информантам предлагалось воспроизвести первую возникшую в сознании реакцию на слово-стимул «Красота» в виде пословицы, поговорки, стихотворного отрывка или известной цитаты, связанной с данным понятием. Процедура сбора материала не предусматривала каких-либо ограничений по семантическим признакам или грамматическим особенностям предлагаемых участниками реакций.

Испытуемые выполняли задания, состоящие в предоставлении свободных ассоциаций на двух языках – русский и таджикский («Красота/Зебой»), что обусловлено двуязычной природой аудитории. Психолингвистический анализ проводился среди жителей г. Душанбе РТ, принадлежащих к различным этнолингвистическим сообществам (таджикскому, русскому, памирскому и узбекскому), большинство реакций было зафиксировано на русском языке. Каждый участник имел возможность предложить несколько ассоциаций для одного и того же стимула. Эмпирическая база сформирована в результате опроса преподавателей и сотрудников Российско-Таджикского (Славянского) университета, а также среди близких (родственников, друзей и знакомых), возрастной диапазон которых составлял от 35 до 70 лет включительно. Соответственно результаты этого эксперимента послужила материалом данного исследования.

В ходе эксперимента была получена 91 ассоциативная реакция от 100 респондентов, из которых 68 представлены на русском языке и 23 – на таджикском. Полученные данные были систематизированы и классифицированы на три обобщённые категории, включающие следующие группы:

1. внешняя красота

- 1) красота в глазах смотрящего (2)
- 2) красота – страшная сила (2)
- 3) красивая не всегда счастливая (1)
- 4) красота требует не жертв, а регулярности (1)
- 5) красиво жить не запретишь (1)
- 6) красота – высшая форма гениальности, но в отличие от гениальности она не требует подтверждений (1)
- 7) красна девица- коса на улице (1)
- 8) с красивым человеком и общение прекрасно (1)
- 9) красота требует денег (1)
- 10) человек и природа всегда тянутся к настоящей красоте (1)
- 11) красоту ничем не испортить (1)
- 12) бела, румяна да нравом упряма (1)
- 13) зани зиштрӯ чашмро месӯзонад, зани зебо дилро (некрасивая женщина колет глаза, а красивая сжигает сердце) (1)
- 14) Духтари шоҳаму аммо ру ба факр овардаам,
Зебу зиннат бас ҳамин, ки номи ман Зубуниссо (1)
(Я – дочь короля, но бедна
Имя мое означает Красота)
- 15) зебо ватани мой, гулбоғу дилорой (1) (Родина моя красива и привлекательна, как цветник)

2. внутренняя красота

- 1) с лица воду не пить (7)
- 2) встречают по одежке, а провожают по уму (2)
- 3) красота требует жертв (2)
- 4) не родись красивой, а родись счастливой (6)
- 5) красотой сыт не будешь (2)
- 6) снаружи красота, а внутри пустота (2)
- 7) красота до венца, а ум до конца (2)
- 8) не всё красиво, что кажется красивым (1)
- 9) не всё золото, что блестит (1)
- 10) внешность обманчива (2)
- 11) человек делами красен (1)
- 12) красив не тот, кто внешне получился, а тот, кто с добром в сердце родился (1)
- 13) красота не в лице, красота – это свет в сердце (1)
- 14) красота приглядится, а ум пригодится (1)
- 15) красота до вечера, а доброта навек (1)
- 16) красна птица пением, а человек умением (1)

- 17) человек красен делами, а не словами (1)
- 18) красота разума не придаст (1)
- 19) Чарли Чаплин: «Когда вы смотрите на луну, вы созерцаете красоту Бога»
зебой ин рафтори инсонӣ доштан аст
(красота проявляется в человеческих поступках) (1)
- 20) сурати зебои зоҳир ҳеҷ аст эй бародар, сирати зебо биёр (внешняя красота не имеет значения, когда отсутствует внутренняя красота) (1)
- 21) зебо ба дил бош на ба чехра (красив будь сердцем, а не лицом) (2)
- 22) яке аз зебогиҳои инсон, тарк кардани чизе, ки ба у тааллуқ надорад (1)
(красота человека проявляется в том, чтобы оставить то, что не имеет к нему отношения)
- 23) сирати зебо пардаест, ки рӯи зиштро мепушонад (1) (внутренняя красота прикрывает некрасивое лицо)
- 24) зоҳири инсон фанопазиру ботинаш пойдор аст (1) (внешняя красота человека не вечна, а внутренняя вечна)
- 25) сурати зебо чи кунам ки сират надорад (1) (внешняя красота не имеет значения, когда отсутствует внутренняя красота)
- 26) сафедруи сияхбахт, сияхруи сафедбахт (1) аналог русской пословицы не родись красивой, (букв. белолицая с плохой судьбой, черноликая, но счастливая)
- 27) шарм занонро зевар аст (1) (скромность – украшение для женщин)
- 28) зебой на ба хусн асту чамол, зебой ба ақл асту рафтор (1) (истинная красота – это не лицо, а ум и добрый нрав)
- 29) зебо он аст ки рафтори зебо дорад (1) (красив тот, кто имеет добрый нрав)
- 30) зебой ба сурат не, бо сират аст (1) (истинная красота – это внутренняя красота, а не внешняя)
- 31) сурататро чи кунам, гарчи надорӣ сират, ба як пул нагирам он сурати бе-сират (1) (грош цена внешней красоте, когда отсутствует внутренняя)
3. **комплексная красота (сочетание внутренней и внешней красоты)**
 - 1) красота спасет мир (15)
 - 2) Худованд зебост ва зебогиро дӯст медорад (Аллах красивый и любит красоту) (3)
 - 3) красота – калокагатия двух миров человека (1)
 - 4) в человеке всё должно быть красиво: и душа, и внешность (2)
 - 5) красота и здоровье – родные сестра (1)
 - 6) Мухаммад Ҳичозӣ (философ): «Агар ғаниии афкор ва покиии ботин бо хусни рӯзафсуни зан омезиш ёбад, зиндагӣ босаодат мегардат» (1) (Если богатство ума и чистота сердца смешаются с внешней красотой женщины, то жизнь станет прекрасней)
 - 7) зебогии ботинӣ ин тавозуни ақл ва кирдору рафтори инсон аст (1) (внутренняя красота оценивается умом и добрым нравом)
 - 8) дар инсон бояд хама чиз зебо бошад: чехра, либос ва рӯҳ (чон) (1) (в человеке всё должно быть красиво: и лицо, и душа, и внешность).

Следующий этап проведенного исследования включал анализ, направленный на выявление аксиологической специфики концепта «Красота». Проведенная классификация материалов – пословиц, поговорок и афоризмов – позволила установить три ключевых категории, каждая из которых была структурирована посредством выделения ядра и периферийных зон. Было установлено, что группа «Внутренняя красота», содержащая 45 единиц материала, включает в своё ядро следующие пословицы и выражения: «с лица воду не пить» (с частотой – 7) и «не родись красивой, а родись счастливой» (7). Ближнюю периферию данной группы составляют единицы с частотой повторяемости два раза («красотой сыт не будешь», «снаружи красота, а внутри пустота», «красота до венца, а ум до конца», «внешность обманчива», «зебо ба дил бош на ба чехра»), тогда как в состав дальней периферии входят единично зафиксированные материалы («красота до вечера, а доброта навек», «красна птица пением, а человек умением», «человек красен делами, а не словами», «красота разума не придаст»). Что касается группы «Комплексная красота», то её центральным элементом является крылатое выражение «Красота спасёт мир» (15 случаев фиксации); ближайшую периферию представляет единица «Худованд зебост ва зебогиرو дӯст медорад» (3); дальняя же периферия представлена материалами, отмеченными лишь единожды («красота – калокагатия двух миров человека», «дар инсон бояд ҳама чиз зебо бошад: чехра, либос ва рӯҳ (чон)») и прочими аналогичными примерами. Последняя выделенная категория – «Внешняя красота» – объединяет совокупность фольклорных высказываний, акцентирующих внимание преимущественно на эстетической привлекательности внешнего облика, природной красоты, женской прелести и патристического восприятия родного края.

Следует отметить, что ранее нами был осуществлен психолингвистический эксперимент, целью которого являлось определение структуры ассоциативного поля концепта «Красота» в языковом сознании представителей молодого поколения. Исследование проводилась среди студентов Российского Таджикского (Славянского) университета (РТСУ).

Всего в данном исследовании приняло участие 130 учащихся различных факультетов, прибывших из различных регионов Республики Таджикистан. Возраст испытуемых варьировался от 18 до 22 лет, включая 45 лиц мужского пола и 85 представительниц женского пола. Итоги проведённого эксперимента продемонстрировали, что подавляющее число респондентов обоих полов воспринимают понятие «красоты» главным образом в аспекте природных ландшафтов и семейного благополучия, отражённых в соответствующих лексемах и образах, таких как «горы», «моря», «природа Норвегии», «рассвет», «закат», «мама», «улыбка родителей», «радость семьи».

Более детальное изложение результатов вышеуказанного эксперимента приведено в монографии, опубликованной по материалам республиканской научно-практической конференции (г. Душанбе, 23 мая 2024г.) [12].

Экспериментальные данные, полученные среди взрослого контингента, демонстрируют ряд отличительных черт относительно молодежной выборки. Для молодой аудитории доминирующим аспектом оказывается восприятие красоты в

связи с окружающей природой, тогда как представители старшего возраста чаще соотносят данное понятие с внешним обликом индивидов, особенно женским. Красота природного окружения становится вторым наиболее значимым компонентом ассоциативной цепочки у молодёжи, в то время как для зрелых респондентов данная категория перемещается на второе место. Тройку ведущих позиций замыкает духовная составляющая красоты, занимающая идентичное ранговое положение как в молодёжном, так и в старшем контингенте.

Анализ полученных данных свидетельствует о значительных расхождениях в трактовке и оценке феномена красоты между представителями молодёжи и лицами старших возрастных групп. Эти различия обусловлены вариабельностью жизненного опыта, системой ценностей и особенностями мировоззрения, подверженных трансформации с течением жизни индивидуумов.

Итак, согласно результатам проведенного ассоциативного эксперимента, понятие красоты в таджикском языковом сознании комплекс аспектуальных представлений:

1. Эстетический аспект – восприятие феномена красоты как результата соответствия идеальным категориям гармонии, симметрии и пропорции, установленным в общественном сознании.
2. Морально-духовный аспект – номинации, указывающие на нравственное начало, чистоту помыслов и добрые дела (например, «рафтори инсонӣ, зебоӣ ба ақл асту рафтор»).
4. Культурно-социальный аспект – ассоциирования, подчёркивающие роль красоты в социуме, принятые в обществе стандарты красоты и соответствующие им правила поведения (например, «шарм занонро зевар аст (скромность – украшение для женщин»)).
5. Историко-мифологический аспект – ассоциации, возникающие на основе фольклора, древних преданий и религиозных мотивов, передающих традиционный образ красоты (например, «Красна девица, а коса на улице»).
6. Философско-этический аспект – отсылки к вопросам добра, истины и красоты, заимствованные из исламской философии и восточной мудрости (например, «Аллах красив и любит красоту»).
7. Природный аспект – ассоциации, связанные с природными объектами и явлениями, такими как пейзажи, растения, животные и природные процессы, служащие символом красоты (например, «Когда вы смотрите на луну вы создаете красоту Бога, красна птица пением»).
8. Антропоморфный аспект – номинационные реакции, персонифицирующие красоту через персонажей литературы (например, «Зебу зиннат бас хамин, ки номи ман Зебуниссо»).
9. Функциональный аспект – указание на функциональные свойства красоты, такие как удовольствие, радость, вдохновение и эстетическое наслаждение (например, «с красивым человеком и общение прекрасно, красиво жить не запретишь»).

10. Сравнительно-компаративный аспект – упоминания аналогов и контрастов, помогающих лучше понять национальную специфику красоты в сравнении с иными этнокультурными представлениями.

Все перечисленные аспекты помогают сформировать целостную картину восприятия концепта «Красота» в таджикском языковом сознании, отражённую в результатах ассоциативного эксперимента.

Концепт «красота» в языковом сознании народа представляет собой сложное ментально-понятийное образование, аккумулирующее совокупность культурно-исторических представлений, национальных ценностей и индивидуальных переживаний, связанных с восприятием привлекательного облика объектов внешнего мира и внутренних качеств человека. Данный концепт формируется в процессе исторического развития нации, впитывая различные пласты культурного опыта и оказываясь глубоко интегрированным в систему ценностных ориентаций и поведенческих установок.

Исследование концепта «красота» в языковом сознании народа представляет собой междисциплинарную область научного знания, объединяющую достижения лингвистики, психологии, антропологии и культурологии. Оно способствует пониманию механизмов формирования национальной идентичности, раскрытия закономерностей вербализации мыслительных процессов и выработки эффективных стратегий коммуникации внутри конкретного сообщества.

Литература

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Наука, 1995.
2. Бойматова Н.К. Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской линвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бойматова Нигора Камолиддиновна. – Душанбе, 2019. – 22с.
3. Залевская А.А. Межкультурный аспект проблемы ассоциаций // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – С.46-52.
4. Искандарова Д.М. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты) / Д.М.Искандарова, З.А.Гулова, М.Б.Давлатмирова, Н.И.Каримова, З.М.Мухторов, А.Ю.Фомин. – М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2016. – 142с.
5. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского гос. ун-та, 2004. – С.28-32.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
7. Лихачёв Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: антология. – М.: Academia, 1997. – С.493-505.
8. Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: материалы респ. науч.-практ. конф. (г. Душанбе, 23 мая 2024 г.). – СПб.: ООО Изд. дом «Сциентиа», 2024. – С.16-21.
9. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пак Анна Олеговна. – Душанбе: Российско-Таджикский (Славянский) ун-т, 2009. – 229 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. – 2-е изд., перераб. и доп. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250с.

11. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 1985. – 168с.
12. Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288с.

THE IMAGE OF BEAUTY IN THE TAJIK LINGUISTIC CONSCIOUSNESS (BASED ON THE SURVEY)

Boimatova Nigora Kamoliddinovna

Candidate of philological sciences,
senior researcher of the research laboratory
of ethnocultural studies and sociocultural research

Research Institute
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade, str., 30
boimatova87@gmail.com

The article is devoted to the analysis of the concept of "Beauty", which is based on the data of a psycholinguistic experiment conducted among teachers and staff of the Russian-Tajik (Slavonic) university, as well as other groups of respondents aged 35 to 70 years, representing the Tajik, Russian, Pamir and Uzbek linguocultural communities. The psycholinguistic approach makes it possible to study not only external but also deep levels of perception of this phenomenon, identifying emotional and cognitive responses of informants to various stimuli associated with the concept "Beauty". Since ideas about beauty are subject to change under the influence of cultural, social and individual factors, a psycholinguistic experiment, according to the author of the article, allows us to record these changes by studying the features of the associative and semantic content of the concept of "Beauty" in the real mental activity of native speakers. The results of the experiment contributed to the adequate modeling of the structure of the associative field of the concept, as well as the identification of a wide range of lexical units representing this concept. The study analyzed the main associations that are actualized in the consciousness of native Tajik speakers, including the harmony of external and internal content, as well as elements of physical attractiveness, such as face, hair, figure, clothing and other visual characteristics.

Keywords: Tajik language; concept of "Beauty"; associative field; psycholinguistic experiment; inner beauty; linguistic consciousness; stimulus word.

СИМОИ ЗЕБОЙ ДАР ШУУРИ ЗАБОНИИ ТОЧИКОН (ДАР АСОСИ МАЪЛУМОТИ ПУРСИШНОМА)

Бойматова Нигора Камолиддиновна

Номзади илмҳои филология,
ходими калони илмӣи лабораторияи илмӣ-таҳқиқотии
этнофарҳангшиносӣ ва таҳқиқоти иҷтимоӣ-фарҳангӣ
Пажӯҳишгоҳи илмӣи
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
boimatova87@gmail.com

Мақола ба таҳлили концепти «зебой» бахшида шудааст, ки асоси онро натиҷаҳои як озмоиши равонӣ-забоншиносӣ ташкил медиҳанд. Ин озмоиш миёни устодон ва кормандони Донишгоҳи Славянии Русияву Тоҷикистон, инчунин гурӯҳҳои дигари респондентҳо дар синни аз 35 то 70-сола баргузор шудааст. Ин гурӯҳҳо намоёндагони муҳитҳои гуногуни лингвокултурӣ, аз ҷумла тоҷикон, русҳо, помириҳо ва ўзбекҳо дар бар мегиранд. Равиши психолингвистӣ имконият медиҳад, ки на танҳо сатҳи зохирии дарк, балки кабатҳои амиқи шуури инсон дар робита ба ин мафҳум таҳқиқ шаванд, ва воқунишҳои эҳсосиву маърифатӣ иштирокчиён нисбат ба ангеҷаҳои гуногун муайян гарданд. Азбаски дарку тасаввуроти инсонҳо дар бораи зебой зерӣ таъсири омилҳои фарҳангӣ, иҷтимоӣ ва инфиродӣ пайваста тағйир меёбад, озмоиши равонӣ-забоншиносӣ шароити заруриро барои сабти ин тағйирот муҳайё месозад. Муаллиф тавассути ин равиш хосиятҳои маъноии концепти зебоиро дар шуури воқеии гуфторкунандагони забон таҳлил мекунад.

Натиҷаҳои озмоиш ба моделсозии дақиқи сохтори майдони ассотсиативии концепти «зебой» мусоидат намуданд. Дар баробари ин, доираи васеи вохидҳои луғавӣ, ки ин мафҳумро тачассум мекунад, муайян гардид. Дар таҳқиқот асосан он ассотсиатсияҳое таҳлил шудаанд, ки дар шуури забонии тоҷикон ғаёла мегарданд. Аз ҷумла, мафҳуми зебой дар заминаи ҳамоҳангии ботинӣ ва зоҳирӣ, инчунин унсурҳои зебоии ҷисмонӣ чун чехра, мӯй, қомат, либос ва дигар вижагиҳои зоҳирӣ баррасӣ шудааст.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; концепти «зебой»; майдони ассотсиативӣ; озмоиши равонӣ-забоншиносӣ; зебоии ботинӣ; шуури забонӣ; калима-ангеҷа.

УДК 811.161.1'373:811.222.8'23-057.875(575.3)

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО ТИПАЖА «ЗАН» («ЖЕНА») В ПАРЕМИЯХ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Козлова Ольга Леонидовна

Младший научный сотрудник лаборатории
«Междисциплинарные прикладные исследования»
Научно-исследовательский институт
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734054, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 907 10 82 29 (м.)
olga108229@gmail.com

Исследование лингвокультурного типажа «зан» («жена») на материале паремиологического фонда таджикского языка представляется актуальным, поскольку позволяет выявить и описать специфические особенности традиционных взглядов на женщину в семье, зафиксированных в языке, показать устойчивые модели социального и гендерного поведения. Определяя и систематизируя лексико-семантические и культурные характеристики типажа «зан» («жена»), автор рассматривает образ жены в таджикской культуре, его языковую и культурную репрезентацию в паремиологических текстах. Методологическую основу исследования составляет лингвокультурологический подход с применением интерпретативного анализа ценностно-маркированных высказываний (поговорок, пословиц, афоризмов). Материалом послужили 79 паремий, выбранных из словарей и электронных источников и распределенных на шесть семантических групп: «Роль жены в семье и обществе», «Черты характера и поведение», «Мудрость в выборе жены», «Традиционные представления и стереотипы», «Гендерные ожидания», «Судьба женщины в жизни мужчины». Это дало возможность наиболее полно показать разнообразие языковых механизмов, через которые закрепляются представления о роли женщины в системе таджикских культурных норм и ценностей.

Ключевые слова: лингвокультурология; лингвокультурный типаж; паремии таджикского языка; интерпретативный анализ ценностно-маркированных высказываний; культурные ценности; нормы и стереотипы поведения.

Лингвокультурология является перспективным и активно развивающимся направлением современной антропологической лингвистики, исследующим взаимосвязь языка и культуры, как через язык отражаются, передаются и сохраняются культурные ценности, менталитет, мировоззрение и образ жизни народа.

В Таджикистане формирование лингвокультурологии идёт параллельно с развитием когнитивной лингвистики, которое началось сравнительно недавно – с начала 2000-х годов. Как утверждает известный таджикский исследователь Д.М.Искандарова, такое положение дел обусловлено трудностями, связанными с восприятием новой научной парадигмы. Отмечается, что первая диссертация по

исследованию концепта представлена в Таджикистане лишь в 2009 году – «Сопоставительное исследование концепта *красота* в русском и китайском языках» А.О.Пак. С тех пор, благодаря усилиям таджикских учёных, формируется собственная школа когнитивной лингвистики [10, с.59].

При этом особую роль в становлении лингвокультурологии и когнитивной лингвистики сыграли труды профессора М.Н. Касымовой, которая в своё время исследовала лексические единицы, связанные с культурно значимыми концептами, что впоследствии стало методологической основой для современных исследований в этой области [10, с.59-60].

Сегодня в Таджикистане ведётся большое количество исследований концептов в сопоставительном аспекте на материале разных языков (например, концепты «такдир/судьба» [4], «хиёнат/предательство» [15], «зебой/красота» [1], «ғам/печаль» [20], «мухочир/мигрант» [22], «русский» [9] и многие другие), что свидетельствует о становлении и активном развитии антропоцентрической парадигмы в таджикском языкознании. Кроме того, разрабатываются новые направления развития лингвокультурологии, совершенствуется методология лингвокогнитивного и лингвокультурологического анализа с учётом специфики таджикской лингвистической традиции, создаются все необходимые условия и инструменты для научной работы. Одним из значимых достижений в данном направлении является создание Национального корпуса текстов таджикского языка, который представляет собой важный инструмент для изучения концептов, обеспечивающий исследователей обширным массивом текстов, содержащих культурно значимую информацию [8; 10].

Среди актуальных направлений современной лингвокультурологии особое внимание таджикских исследователей привлекает теория лингвокультурных типажей [19; 14; 18, 12], обладающая высокими возможностями для анализа национально-культурной специфики языкового сознания. В рамках данного направления изучается «типизируемая личность, представитель определённой этносоциальной группы, узнаваемый по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [11; 7, с.57].

По утверждению В.И.Карасика, «система ценностей, закодированных в языке, в явном виде выражается в высказываниях, которые содержат нормы поведения» [7, с.39]. Они могут быть выражены как прямые призывы (императивы), так и иносказательные обобщения – пословицы и афоризмы, которые представляют прецедентные тексты, «выражающие общепринятые нормы поведения как концентрированный коллективный опыт в виде иносказания» [7, с.39]. «Смысловое содержание паремий фиксирует представления общества о действительности на данный момент времени, обнажая острые социальные проблемы и явления, становясь морально-нравственным ориентиром и общенациональным идеалом» [5, с.407]. Таким образом, паремии играют важную роль в сохранении и передаче лингвокультурных стереотипов, социальных норм и архетипов. Их анализ позволяет выявить, каким образом отражаются ценностные ориентиры всего общества.

Культурные ценности, нормы и стереотипы поведения, зафиксированные и передаваемые через паремии, характерны для всех народов, «однако каждый

народ выражает их по-своему, в зависимости от этнографических, географических, психологических особенностей и особенностей, связанных с обычаями, традициями и т. д.» [17, с.29].

В таджикской культуре значительный пласт паремий, как и в других культурах, связан с важнейшими аспектами жизни общества – трудом, моральными нормами, отношениями между людьми и другими, не менее важными, аспектами, и представляет собой материал для исследования различных концептов и лексико-семантических полей (например, «терпение» [16], «судьба» [3], «русский» [9] и др.). Среди них особое место занимают пословицы, поговорки и афоризмы, отражающие представления о семейных отношениях – о роли мужа и жены, родителей и детей, заботе о близких, уважении к старшим и многие другие.

Лингвокультурный типаж «зан» («жена»), являясь важной частью таджикской культуры, находит своё особое отражение в таджикском языке. Отметим, что зачастую данный образ формируется под влиянием многовековых обычаев, религиозных и нравственных норм, основанных на исламе, и социальных установок, которые определяют роль женщины в семье и обществе. Анализ лексических единиц, зафиксированных в различных языковых источниках и репрезентирующих данный типаж, способствует выявлению ключевых аспектов женской роли, таких как материнство, преданность, труд, уважение, а также других устойчивых культурных стереотипов [14].

Особое место в объективации лингвокультурного типажа «зан» (жена) занимает таджикский паремиологический фонд. Пословицы, поговорки, афоризмы и другие ценностно-маркированные высказывания, будучи формой коллективной языковой и культурной памяти, фиксируют как устойчивые и традиционные представления народа, так и изменение ценностных ориентиров и восприятия социальных ролей. Иными словами, «они могут трансформироваться и изменяться, отражая национальную картину мира в определённый этап развития общества» [5, с.407]. Сравнение иерархии ценностей лингвокультурного типажа «зан» («жена»), выведенного из паремиологического материала прошлого, с представлениями, зафиксированными в языковом сознании современного общества, позволяет проследить трансформацию ценностной системы лингвокультурного типажа во времени. Подобные изменения представляют значительный интерес для изучения динамики культурных стереотипов, связанных и исследуемым концептом.

В таджикской культуре женская роль традиционно определялась через призму патриархальных норм. Женщины играют важную роль в домашнем хозяйстве, воспитании детей и сохранении семейных традиций. Существенное значение, как уже отмечалось, имеют также религиозные нормы, основанные на исламских принципах, которые оказывают влияние на общественное восприятие женской роли. В последние десятилетия, с развитием образования и прав женщин, в таджикском обществе произошли существенные изменения в понимании женской роли. Хотя эти изменения не носят радикального характера, поскольку традиционные ценности и нормы во многом сохраняются, они всё же оказывают влияние на положение женщины как в семье, так и в социальных сферах [21, с.58-72]. Эта

трансформация отражается и в языке – в том числе в изменении способов репрезентации образа жены, что представляет собой важный аспект в исследовании лингвокультурных типажей.

Материалом для нашего исследования послужили 79 пословиц, поговорок и афоризмов, отобранные методом сплошной выборки из «Словаря пословиц, поговорок и афоризмов таджикского и персидского языков» М.Фозилова [24; 25], из сборника таджикских пословиц и поговорок в аналогии с русскими «Мудрость трёх народов. Панду хикматҳои се халқ. Уҷ халқнинг ҳикматлари» И.Я.Калонтарова [23], а также из электронного ресурса «Тысяча и одна пословица. Таджикские пословицы и поговорки» [26].

Исследователи справедливо указывают, что лингвокультурологический анализ паремий «хорошо показывает народное осмысление того или иного явления» [6, с. 226]. Как отмечает М.А.Гасанова, «при лингвокультурологическом подходе, пословично-поговорочные выражения рассматриваются как семантические явления и языковые знаки особого рода, сочетающие в себе признаки и качества единиц языковой системы и микротекста и являющиеся носителями определенных ценностных установок общекультурного и этноспецифического характера» [2, с.28]. Таким образом, паремии рассматриваются «как культурно-языковые знаки, репрезентирующие народную философию и психологию» [2, с.28].

В результате анализа паремий все пословицы, поговорки и афоризмы нами распределены на основе семантической общности на шесть групп, связанных между собой системными отношениями:

1. Роль жены в семье и обществе;
2. Черты характера и поведение жены/женщины;
3. Традиционные представления и стереотипы о роли жены;
4. Гендерные ожидания и ролевые различия;
5. Мудрость в выборе жены (советы и наставления);
6. Судьба и роль женщины в жизни мужчины.

I. Семантическая группа «Роль жены в семье и обществе» включает в свой состав паремии, в которых отражается значимость женщины-жены в семье и обществе, её роль в организации домашнего хозяйства, традиционные ценности таджикской культуры с ярко выраженным патриархальным укладом. Внутри этой группы можно выделить несколько подгрупп:

1. Жена – источник света и благополучия дома

Пословицы и поговорки данной подгруппы иллюстрируют устойчивые культурные представления таджикского народа о жене как центральной фигуре в доме – источнике света, порядка и благополучия:

Зани нек офияти зиндагонӣ бувад (Хорошая жена – основа жизненного благополучия);

Зани солиҳа ба кадом хонае, ки бошад, рушноӣ ба рушноӣ меафзояд (Добродетельная жена, в каком бы она доме ни была, умножает свет);

Зани солеҳа дар ҳар хона дарояд, равшанӣ баравшанӣ афзояд (С приходом добродетельной жены в доме становится всё светлее и светлее;

Дар хонае, ки зан нест, рушноӣ нест (В доме, где нет женщины, нет света);
Дар хонае, ки зан нест, бидон, ки як сӯзан нест (Если в доме нет женщины, знай, что и одной иголки (в доме) не найдёшь);

Зани нағз – гули хона (Хорошая жена – цветок дома);

2. Семейная иерархия: кто в доме в почёте, а кто – в заботах

Паремии данной подгруппы отражают традиционное представление о двух типах отношений к родственникам – со стороны жены и со стороны мужа: *Хеши зан қайла бизан, хеши шӯй коса бишӯй* (Родственникам жены достаётся всё хорошее, родственникам мужа только работа).

В этой поговорке выражена социокультурная норма, согласно которой родственники жены и мужа обладают разным статусом в семье. Это выражение, как правило, употребляется в ситуациях, когда происходит смещение центров власти и влияния в семье, не соответствующее традиционному патриархальному укладу. Часто оно служит средством выражения мужского недовольства, возникающего при перераспределении власти в семье не в пользу мужа.

II. Семантическая группа «Черты характера и поведение жены / жены» включает паремии, описывающие моральные качества жены/женщины, которые раскрываются через её поведение и взаимоотношения с мужем/мужчиной. В рамках этой группы можно выделить несколько подгрупп:

1. Женская хитрость и коварство

Паремии этой подгруппы раскрывают устойчивые культурные представления о женской хитрости, которая трактуется как природное, врождённое качество, часто с негативной или насмешливо-ироничной окраской:

Дарахти макри зан сад реша дорад, Фалак аз дасти зан андеша дорад (Дерево хитрости женщин имеет сто корней, Небо и то опасается женщин);

Макри зан як чувол арзан (У женщин столько хитростей, сколько проса в мешке);

Шайтон устоди мард ва шогирди зан аст (Шайтан – учитель мужчины и ученик женщины);

Часто женская хитрость – это женские слёзы, которые рассматриваются не как искренние чувства, а как инструмент манипуляции:

Гиряи зан макри зан аст (Слёзы женщины – это её хитрость);

Гиряи зан дар остинаи (Слёзы женщины – у неё в рукаве);

Гиряи зан дар нӯги остинаи (Слёзы женщины на кончике её рукава);

Гиряи доми зан аст (Слёзы – это ловушка женщины);

Зани ба азо рафта, ба мурдаи худ мегиряд (Женщина пошла на похороны, а оплакивает себя).

Однако, с другой стороны, женские слёзы могут восприниматься как знак, несущий скрытый, глубокий смысл:

Ашқи зан маътал ба ишора (Слёзы женщины – намёк [на скрытый смысл]).

2. Другие женские качества и черты характера

В данной подгруппе рассматриваются пословицы, раскрывающие различные грани образа жены / женщины. Так, её определяют внутренние характеристики, как верность, скромность, добродетель, а не внешний облик:

Зан зан зи вафо шавад, зи зевар нашавад (Женщина становится женщиной благодаря верности, а не благодаря украшениям);

Зан, ки мастуру неху бошад, Нест айб ар хубру бошад. Мактабӣ (Жена, если скромна и добродетельна, Нет порока в том, если и красива. Мактаби).

Кроме того, подчёркивается, что основа жизни жены / женщины – это любовь, что также подтверждается афоризмом: *Мард ба шиқ бозӣ кунад, зан бо шиқ зиндагӣ мекунад* (Мужчина играет с любовью, а женщина живёт любовью), где «игра» (бозӣ) с любовью и «жизнь» (зиндагӣ) с любовью имеют противоположные значения для мужчин и женщин.

Следующая пословица может быть воспринята как выражение старинных взглядов на женскую природу:

Зан – муӣдарози аққутоҳ ((устар.) У женщины волос долог, да ум короток).

В основе данного выражения лежит противопоставление внешности и интеллекта. Эта пословица иллюстрирует устаревшие социальные стереотипы, согласно которым женщине приписывается определённый тип внешности, например, – длинные волосы, которые символизируют женственность и привлекательность, в то время как интеллектуальные способности женщины оцениваются ниже.

III. Семантическая группа «Традиционные представления и стереотипы о роли жены»

Данная группа включает пословицы и поговорки, выражающие традиционные ожидания и стереотипы о том, какой должна быть жена, а также несоответствие этим ожиданиям.

Так, традиционное представление о жене у таджикского народа связывается в первую очередь с материнством, которое рассматривается как основное предназначение женщины:

Зани бебача – дарахти бемева (Бездетная женщина – бесплодное дерево);

Зан то назояд дилбар аст, чун бизояд модар аст. Амир Кулоли Бухорӣ (Пока женщина не родит, она – возлюбленная, Как только родит, она – мать. Амир Кулоли Бухорӣ).

Независимо от внешних условий – будь то бытовые трудности или обеспеченность и достаток, – в таджикской лингвокультуре к женщине-жене предъявляются требования, касающиеся как внешней, так и внутренней красоты. Образ добродетельной жены, как правило, ассоциируется с такими личностными качествами, как душевная теплота, кротость, скромность и нравственность. При этом внешняя привлекательность сохраняет свою значимость, однако она не должна утрачивать ценности даже в условиях повседневных забот. Кроме того, от жены ожидается хозяйственность и покорность как проявления традиционной гендерной роли:

Зани нек дар хона ноз асту ганҷ, Зани бад чу дев асту мори шиканҷ. Асадии Тӯсӣ (Хорошая жена в доме и красота и сокровище, Плохая жена подобна диву, и змее. Асади Туси);

Пул, ки зиёд шуд, хона танг мешаваду зан зишт (Когда денег становится много, дом становится тесным, а жена – грубой);

Баҳонаи зани беҳунар, ҳезуми тар (Отговорка неумелой женщины – сырые дрова);

Зан ба чашми ту гарчи хуб шавад, Зишт бошад чу хонаруб шавад. Авхадӣ (Как бы ни была жена тебе мила, С веником в руке – уже не та краса. Авхади).

Следующая пословица подчёркивает высокую ценность женщины с благородными качествами, которая является редкостью и, соответственно, представляет особую ценность для мужчины. Для того, чтобы мужчине сохранить брак с такой женщиной, ему достаточно проявлять к ней уважение, и тогда она будет хранить верность, вести себя достойно и уважать семейные ценности:

Зани наҷиб гирифтани мушкилу нигоҳ доштани ӯ осон аст (Взять в жёны благородную женщину трудно, а сохранить её – легко).

Таким образом, пословица несёт в себе идеализацию женской добродетели как устойчивого, постоянного качества, требующего лишь бережного отношения. В другом примере:

Зан чу дорӣ, маравад нан зани гайр, Чун равӣ, дар занат намонад хайр. Авхадии Марогӣ (Если у тебя есть жена – не ходи за другой, Ибо, если пойдёшь, в твоей жене не останется добра. Авхадии Мароги);

Данная паремия является своеобразным предупреждением о том, что случае предательства мужа, его неверность не только разрушит доверие в отношениях, но и может лишить жену моральной и душевной устойчивости, а также её доброжелательности и тепла.

IV. Семантическая группа «Гендерные ожидания и ролевые различия»

Пословицы и поговорки данной группы выражают ролевые различия и социальные ожидания от мужчин и женщин, в которых мужчина рассматривается как носитель силы и авторитета, а женщина – как существо более слабое, зависимое и эмоциональное:

Барканда беҳ он риш, ки дар дасти занон аст (Лучше вырвать ту бороду, что в руках у женщин);

Зан мард нагардад ба нақӯ бастанӣ дастор (Женщина не станет мужчиной оттого, что красиво повяжет тюрбан);

Мард набвад он кӣ афтад зери зан (Не мужчина тот, кто оказался под властью женщины);

Марди лофӣ камтар аз зан аст (Хвастливый мужчина – хуже женщины);

На ҳар зан зан асту на ҳар мард мард аст (Не каждая женщина – женщина, и не каждый мужчина – мужчина);

Чӣ марде бувад, к-аз зане кам бувад? (Что за мужчина, если он слабее женщины?).

Данные паремии служат своеобразными «нормативными» моделями поведения в традиционной таджикской культуре.

V. Семантическая группа «Мудрость в выборе жены (советы и наставления)»

В данную группу включены паремии, отражающие традиционные представления таджикской культуры о браке и женитьбе: они демонстрируют устойчивые установки, морально-этические ориентиры таджикского народа и практические советы, касающиеся семейной жизни.

Группа включает несколько подгрупп, отражающих различные ключевые аспекты:

1. О важности правильного выбора:

Зан гирӣ, дида гир, Дег гирӣ, зада гир (Жену берешь, (как следует) смотри, Котел покупаешь, проверь постукивая (нет ли в нём трещины)).

В этой пословице подчёркивается необходимость осознанного и взвешенного подхода к выбору супруги, что сравнивается с проверкой предмета (котла) на прочность и пригодность.

2. О поспешных решениях:

Зан нагирифта, гаҳвора харидан (Жену не взял, а уже купил колыбель).

Данная паремия иллюстрирует осуждение преждевременных действий в принятии решения вступить в брак и содержит призыв к последовательности и здравому смыслу при принятии решений.

3. Не бери «чужую» в жёны:

Ба роҳи дида рав, ҳарчанд дур аст. Зани мардум магир ҳарчанд дур аст (Иди по пути, даже если он далёк. Не бери чужую жену, даже если она далеко);

Зани мардум магир, ҳарчанд ки ҳур аст (Не бери чужую жену, даже если она красавица (как гурия)).

Эти выражения, с одной стороны, ярко демонстрируют осуждение попыток вступать в отношения с женщинами, находящимися в браке, на необходимость соблюдения нравственных культурных норм и традиций, с другой стороны, указывают на строгое отношение к межнациональным бракам.

4. О разнице в возрасте

В данных паремиях с насмешкой и упрёком рассматриваются брачные союзы, в которых между супругами существует разница в возрасте, особенно когда мужчина значительно старше женщины:

Дар паҳлуи зан тир беҳ аз тир бувад (Возле женщины лучше молодой, чем старый);

Зани ҷавону шӯ (мард)-и тир, сабат биёру ҷӯча бигир! (Молодая жена и старый муж – принеси корзину и возьми цыплят!);

Зани ҷавонро тире ба паҳлу нишинад беҳтар, ки тире (Лучше, чтобы в боку молодой женщины была стрела, чем старый муж).

5. Быть без жены – быть свободным:

Кайф кайфи безанӣ, фатир кунӣ – танхо занӣ (букв. Кайфует тот, кто не женат, в одиночку есть фатир);

Ҳузур – ҳузури безанӣ, фатирпазӣ ҳудаи занӣ (букв. Получает удовольствие тот, кто не женат, в одиночку есть фатир);

Безанӣ соҳибихтиёр будан аст (Быть без жены – это быть владельцем своей свободы).

В этих паремиях подчёркивается представление о браке как бремени, в них присутствует своего рода противопоставление холостой жизни, для мужчины, которая ассоциируется у мужчины со свободой и независимостью.

VI. Семантическая группа «Судьба и роль женщины в жизни мужчины»

Данная группа пословиц демонстрирует представление о лингвокультурном типаже «зан» («жена») как о личности, играющей исключительную роль в жизни мужчины. Она включает несколько подгрупп:

1. Жена – сила, определяющая судьбу мужчины

В паремиях данной подгруппы прослеживается представление о жене как ключевой фигуре, оказывающей решающее влияние на жизненный путь мужчины. В её образе сосредотачиваются как созидательные, так и разрушительные начала: она может как вознести мужа до положения правителя, так и лишить его чести, достоинства и статуса:

Хоксорат мекунад, зан мекунад, тоҷдорат мекунад, зан мекунад (И скромным делает тебя жена, и венценосным – тоже жена);

Шавҳарро шавҳар мекардагӣ одам зан, замини сиёҳ мекардагӣ ҳам зан (Жена из мужа может сделать мужа, и жена же может сравнять его с землей);

Мардро мард мекардагӣ одам зан, Номард мекардагӣ одам зан;

Марда мард мекардагӣ ҳам зану номард мекардагӣ ҳам (Женщина может сделать мужчину настоящим мужчиной, а может сделать и подлецом);

Зани ҳалиму доно марди дарवेशро кунад подшоҳ (Женщина, которая мудра и кротка, даже нищего мужчину сделает царём);

Зани хуби фармонбари порсо, кунад марди дарवेशро подшоҳ (Хорошая жена, управляющая праведно, может сделать даже бедного человека царем);

Мардро шоҳ мекардагӣ ҳам зан, гадо мекардагӣ ҳам зан (Женщина мужчину может сделать и падишахом, и нищим);

Зани парҳезгори зоянда, Мардро давлатест поянда. Мактабии Шерозӣ (Благочестивая и плодовитая жена – это для мужчины вечное богатство. Мактаби Шерози).

2. Жена – судьбоносный выбор

Пословицы данной подгруппы акцентируют внимание на браке как жизненно важном выборе, определяющем судьбу человека. Особое значение придаётся первой жене, с которой обычно связываются представления о семейном благополучии и душевном покое.

Зан зани аввал – бахту осоиш бо зани аввал (Жена – это та, что первая, счастье и покой – с первой женой);

Зан – савдои умр (Жена на всю жизнь).

3. Жена и муж – две части целого

Паремии данной подгруппы раскрывают традиционные представления о браке как о гармоничном союзе, основанном на единстве мужа и жены, их взаимодополняемости, что находит выражение в употреблении метафор, например,

«река и запруда» (рӯд ва рӯдбанд), «молоко и сливки» (ширу қаймоқ):

Зану шавҳар – ширу қаймоқ (Жена и муж – молоко и сливки (т.е. неразлучны));

Мард рӯд асту зан рӯдбанд (Мужчина – это река, а женщина – это запруда);

Кадхудо рӯд буваду кадбону банд (Если хозяин – река, то хозяйка – плотина).

4. Жена – «лицо» мужа:

Якзана – як бари рӯяш сиёҳ, дузана ҳарду бари рӯяш сиёҳ (У «одножёнца» – одна сторона лица чёрная (опозорена), у «двужёнца» – обе стороны лица чёрные).

Данная паремия – это своего рода ироническое высказывание о сложности семейной жизни. Метафора, которая используется в данном выражении – «чёрное лицо», символизирует «нелёгкое» положение, в которое попадает мужчина в браке. Если у мужчины одна жена, то у него только «одна сторона лица чёрная», т. е. проблемы и трудности всё же есть, но они ограничены. Однако, если у мужчины две жены, то обе стороны лица «чёрные» – его жизнь становится вдвойне тяжёлой. Таким образом, пословица выражает народную мудрость и скептическое отношение к многожёнству, показывая, что с увеличением количества жён возрастает не гармония, а конфликты и напряжение в семье.

5. Жена – друг и товарищ

В паремиях данной подгруппы жена рассматривается как источник эмоциональной поддержки, верная спутница в радости и в беде, близкий помощник и мудрый советчик в принятии решений в семейной жизни:

Вазири мард зан аст (Жена – визирь [т.е. советник] своего мужа);

Зан шарикӣ зиндагӣ ва ёри дармондагист (Женщина – товарищ в жизни и друг в несчастье).

6. Женщина – объект уважения, любви и высшая ценность для мужчины

Пословицы данной группы выражают восхищение женщиной-женой, утверждают её высокую ценность и значимость для мужчины. Она достойна «великой любви», «вечной любви» и «уважения», поскольку она – «опора», «счастье» и «спокойствие» для своего мужчины:

Зан сазовори меҳру муҳаббати бузург аст, меҳр бар ӯ афзоянда аст (Женщина достойна великой любви и уважения, любовь к ней лишь возрастает);

Зан зани аввал, бахту осоиш бо зани аввал (Первая жена – жена, счастье и спокойствие – с первой женой);

Набошад мардро аз зан гузире, Бувад ҷуфти камон ҳар ҷост тире (Никуда не деться мужчинам без женщин, Есть лук всюду, где есть стрела);

Лаззати дунё зану дандон бувад, бе зану дандон ҷаҳон зиндон бувад (Удовольствие мира – это женщина и зубы, без женщины и зубов мир – тюрьма);

Нодони мардумон ӯест, ки дӯстӣ бо занон ба дурушӣ ҷӯяд. Аз «Таърихи Сиистон» (Глупые мужчины – это те, которые ищут дружбу с женщинами грубостью. Из «Таърихи Сиистон»);

Зан агар поку меҳрубон бошад, Лоиқи ишқи ҷовидон бошад. Саҳбо (Когда жена чиста и сердцем светла, она достойна вечной любви. Сахбо).

7. Супружеские отношения (гармония и ссоры в браке)

Паремии данной подгруппы отражают особенности супружеских отношений, включающие как конфликты, так и примирения. Отмечается, что такие ситуации являются частью нормальных семейных отношений и не подлежат внешнему вмешательству:

Ба ҷанги зану шӯи остонаи хона механдад (Над ссорами мужа с женой порог смеется (т. е. они за порог не...));

Ба ҷанги зану шӯи остонаи дари хона механдад (На ссору мужа и жены даже дверной порог дома смеётся);

Зану шавҳар ҷанг кунанд, аблаҳон бовар кунанд (Когда муж и жена ссорятся – только глупец верит (что это всерьёз));

Боз онҳо зану шӯ, мо шудем кали мурдашӯ (Они снова муж и жена, а мы крайние / Они помирились, а мы остались у разбитого корыта);

При этом, если между мужем и женой есть любовь и согласие, в их семье будут счастье и дети.

Кадбонуву кадхудо, ки бо ҳам созанд аз хок зар кунанд (Если хозяин и хозяйка поладят, они из пыли могут сделать золото).

Зану шавҳар меҳрубон бошанд, гаҳвора холӣ намемонад (Если муж и жена дружны, у них люлька не пустует);

Оила аҳл бошад, гаҳвора холӣ намемонад (В дружной семье колыбель не пустует).

Полная колыбель символизирует не только рождение ребёнка, но и благополучие. Отношения, построенные на взаимопонимании и любви, считаются залогом крепкой, стабильной семьи.

8. Быть женой – социальное предназначение женщины

Эти пословицы отражают традиционные представления о браке и материнстве как о ключевых жизненных целях и способах самореализации женщины. Женщина вне брачного союза и не имеющая детей воспринимается сквозь призму культурных норм как не реализовавшаяся в своём предназначении:

Набошад ҳеҷ занро чора аз ҷуфт (Не бывает женщины, которая не нуждается в паре);

Шавҳар кардани ҳар зане зарур аст (Для каждой женщины необходимо выйти замуж);

Барои зан аз ҳама беҳтар шавҳар кардан, модар шудан аст (Для женщины нет ничего лучше, чем выйти замуж и стать матерью);

Занонро нест чизе беҳтар аз шӯи (Для женщины нет ничего лучше, чем муж);

Набошад ҳеҷ занро чора аз ҷуфт (Если женщине не быть с супругом, то её жизнь не имеет смысла).

9. Жена – источник забот, без жены невозможна полноценная жизнь:

Зан бало аст, аммо Худо кунанд, ки ягон хона бе бало набошад (Женщина – беда, но пусть не будет ни одного дома без этой беды).

В данной паремии, несмотря на наличие негативных коннотаций, связанных

с трудностями семейной жизни, утверждается мысль о том, что без женщины невозможны полноценный дом и семейное благополучие.

В результате исследования лексико-семантического поля лингвокультурного типажа «жена» на материале паремий мы можем сделать ряд выводов.

Во-первых, паремиологический фонд таджикского языка, несомненно, является важнейшим источником для анализа лингвокультурного типажа «зан» («жена»), поскольку в ценностно-маркированных высказываниях закреплены устойчивые этнокультурные представления о роли женщины в семье и обществе.

Во-вторых, анализ собранных паремий позволяет выделить шесть основных семантических групп, каждая из которых раскрывает определённые аспекты культурного восприятия женщины-жены: её роль в семье и обществе, традиционные стереотипы, гендерные ожидания, черты характера и поведение, советы по выбору жены и восприятие её как судьбоносной фигуры в жизни мужчины. Особо следует подчеркнуть, что язык таджикских паремий выполняет не только отражающую, но и нормативную функцию. С помощью языка закрепляются и передаются из поколения в поколение устойчивые социокультурные установки и ориентиры поведения.

В-третьих, через интерпретацию паремий выявлены ключевые аспекты женского образа, формируемого в рамках традиционной таджикской культуры. Основное внимание в этих единицах языка уделяется таким ценностям, как: добродетель, верность, материнство, покорность, красота, хозяйственность, а также противопоставление женской эмоциональности и хитрости мужской силе и мужеству. Женщина в традиционном сознании наделяется важнейшими функциями хранительницы домашнего очага и носительницы моральных и культурных норм, при этом её положение нередко оказывается зависимым и подчинённым по отношению к мужчине.

Таким образом, лингвокультурный типаж «зан» сквозь призму таджикской паремиологии предстаёт как многогранный культурно-языковой феномен, в котором сплетаются традиционные ценности, патриархальные нормы и ментальные установки, характерные для таджикского народа. Анализ подобных типажей не только даёт углубленное представление о культурной специфике таджикского общества, но и позволяет выявить механизмы языкового формирования гендерных ролей в лингвокультурологическом и когнитивном аспектах.

Литература

1. Бойматова Н.К. Ассоциативное поле концепта «Красота/Зебой» в языковом сознании молодежи (на материале ассоциативного эксперимента в билингвальной среде) // Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: материалы республиканской научно-практической конференции (г. Душанбе, 23 мая 2024 г.). – СПб.: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2024. – С.16-21.
2. Гасанова М.А. Паремии как объект лингвистических исследований // Вестник Дагестанского научного центра Российской академии образования. – 2014. – №3. – С.22-29.
3. Давлатмирова М.Б. Национально-культурная специфика макроконцепта «судьба» в арабских пословицах и поговорках: результаты свободного ассоциативного эксперимента, про-

- веденного среди носителей арабского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №1(65). – С.171-179.
4. Давлатмирова М.Б. Репрезентация лексемы «Такдир» (Судьба) в текстах Национального корпуса таджикского языка // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.81-83.
5. Дубровская Е.М. Современное состояние теории лингвокультурных типажей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т.15, №2. – С.394-414. – DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-394-414.
6. Захарова Т.В. К вопросу о методике лингвокогнитивных исследований / Т.В.Захарова, В.Е.Щербина // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. – 2013. – №9. – С.222-230.
7. Иная ментальность / В.И.Карасик, О.Г.Прохвачева, Я.В.Зубкова, Э.В.Грабарова. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с. – ISBN: 5-7333-0167-8.
8. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.94-97.
9. Искандарова Д.М. Образ русского в таджикском языковом сознании / Д.М.Искандарова, О.Л.Козлова // Русин. – 2024. – №78. – С.269-286. – DOI 10.17223/18572685/78/13.
10. Искандарова Д.М. Языковые корпуса как объект реализации стратегических национальных программ // XIII Ломоносовские чтения: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова (г.Душанбе, 28-29 апреля 2023 г.). – Душанбе: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 2023. – С.191-197.
11. Карасик В.И. Маршруты лингвокультурологии: концепты, сценарии, типаж, сюжеты // Филологические чтения: материалы конференции, (г.Ярославль, 28-29 апреля 2023 г.) / сост. Е.А.Федорова, ред. М.В.Шаманова. – Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, 2023. – С.61-71.
12. Кодирова Т.М. Анализ ядерных сем ряда лингвокультурных типажей педагогического дискурса в таджикском языке // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в городе Душанбе. – 2022. – Т.2, № 4(28). – С.4-11.
13. Козлова О.Л. 3.2. Ассоциативно-паремиологический образ русского в молодёжном дискурсе // Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана. – СПб.: ООО Издательский дом «Сциентиа», 2025. – С.79-89.
14. Козлова О.Л. Ценностные характеристики лингвокультурного типажа «зан» в таджикском языке // Лингвистика и образование. – 2024. – Т.4, №3(15). – С.32-48. – DOI: 10.17021/2712-9519-2024-3-32-48.
15. Курбонова Х.Х. Корпусный анализ концепта «хиёнат/предательство» в русском и таджикском языках // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №2(84). – С.215-225.
16. Курбонова Х.Х. Отражение концепта «Терпение» в пословицах и поговорках русского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2019. – №2(66). – С.181-188.
17. Маджанчинова Д.Ю. Лингвокультурологический анализ паремий, репрезентирующих концепт «труд» в русской и китайской картинах мира // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. – 2024. – №2. – С.29-35.
18. Раимдодов О.П. Дефиниционный анализ лингвокультурных типажей «pupil/ученик» и «student/студент» на материале толковых словарей / О.П.Раимдодов, Т.М.Кодирова // XIII Ломоносовские чтения: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова (г.Душанбе, 28-29 апреля 2023 г.). – Душанбе: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 2023. – С.233-237.
19. Сабирова С.Г. Ценностная составляющая лингвокультурного типажа «женщина-политик» на материале афоризмов и высказываний // Роль филиала Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова в городе Душанбе в развитии науки и образования:

- материалы Международной научно-практической конференции XIV Ломоносовские чтения (г. Душанбе, 22-23 ноября 2024 г.). – Душанбе: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 2024. – С.272-278.
20. Тагаева Т.Р. Языковая объективация эмоционального концепта «печаль» на материале лексикографических источников английского языка / Т.Р.Тагаева, М.Б.Давлатмирова // XIII Ломоносовские чтения: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 115-летию академика Бободжона Гафурова (г.Душанбе, 28-29 апреля 2023 г.). – Душанбе: Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, 2023. – С.281-288.
21. Усмонова З.М. Антропология гендера в Таджикистане: Взгляд изнутри. – Душанбе: До-ниш, 2024. – 248 с.
22. Шамбезода М.Х. Отражение концепта «Мухочир/Мигрант» в фразеологической системе таджикского языка // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2024. – №2(84). – С.241-251.

Источники

23. Калонтаров Я.И. Мудрость трёх народов. Панду хикматҳои се халқ. Уч халқнинг ҳик-матлари. – Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
24. Фозилов М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. Ҷ. 1. – Душанбе: Ирфон, 1975. – 367 с.
25. Фозилов М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ. Ҷ. 2. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 579 с.

Электронные ресурсы

26. Ҳазору як мақол. Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ. – Режим доступа: <https://zarbulmasal.wordpress.com> (дата обращения: 05.05.25)

LEXICO-SEMANTIC FIELD OF THE LINGUOCULTURAL TYPE "ZAN" ("WIFE") IN THE PAROEMIAS OF THE TAJIK LANGUAGE

Kozlova Olga Leonidovna

Junior researcher of the laboratory
"Interdisciplinary applied research"
Research Institute

Russian-Tajik (Slavonic) university
734054, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 907 10 82 29 (m.)
olga108229@gmail.com

The study of the linguocultural type "zan" ("wife") based on the paremiological fund of the Tajik language seems relevant, since it allows us to identify and describe the specific features of traditional views on women in the family, recorded in the language, and to show stable models of social and gender behavior. Defining and systematizing the lexical-semantic and cultural characteristics of the type "zan" ("wife"), the author examines the image of a wife in Tajik culture, its linguistic and cultural representation in paremiological texts. The methodological basis of the study is the linguocultural approach using an interpretative analysis of value-marked statements (proverbs, sayings, aphorisms). The material was 79 proverbs selected from dictionaries and electronic sources and divided into six semantic groups: "The role of a wife in the family and society", "Character traits and behavior", "Wisdom in choosing a wife", "Traditional ideas and stereotypes", "Gender expectations", "The fate of a

woman in a man's life". This made it possible to most fully demonstrate the diversity of language mechanisms through which ideas about the role of women in the system of Tajik cultural norms and values are fixed.

Keywords: linguoculturology; linguocultural type; proverbs of the Tajik language; interpretive analysis of value-marked statements; cultural values; norms and stereotypes of behavior.

МАЙДОНИ ЛУҒАВӢ-МАӢНОӢИ НАМУНАИ ЛИНГВОФАРӢАНГӢИ «ЗАН» («ӢАМСАР») ДАР ПАРЕМИЯӢОӢИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Козлова Ольга Леонидовна

Ходими хурди илмий лабораторияи
«ТаӢќикоти байнисоӢавий амалӢ»

ПажӢӢишгоӢи илмий

ДонишгоӢи (Славяний) Россия ва Тоҷикистон

734054, Ӣумхурии Тоҷикистон, Душанбе, кӢч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 907 10 82 29 (м.)

olga108229@gmail.com

ТаӢќики намунаи лингвофарӢангӢи «зан» («Ӣамсар») дар заминаи фонди паремиологии забони тоҷикӢ аӢамияти бузурги илмӢ дорад, зеро имкон медиӢад хусусиятҳои хоси тасаввуроти анъанавӢ дар бораи мақоми зан дар оила ва Ӣомеа, ки дар забон сабт шудаанд, равшан гарданд ва намунаҳои устувори рафтори иҷтимоӣ ва Ӣинсӣ нишон дода шаванд.

Муаллиф, тавассути муайян ва систематиксозии хусусиятҳои луғавӢ-маӢноӣ ва фарӢангии ин типаж, сими «зан» («Ӣамсар»)–ро дар фарӢанги тоҷик, инчунин тарзи таҷассум ва бозтоб ёфтани он дар матнҳои паремиологӢ таҳлил мекунад.

Асоси методологии таӢќикро равиши лингвофарӢангӢ ташкил медиӢад, ки дар он таҳлили интерпретативии ба арзиш ишоракунандаи матнҳо (масалан, мақолҳо, зарбулмасалҳо, афоризмҳо) ба кор бурда шудааст.

Материали пажӢӢишро 79 паремия ташкил медиӢад, ки аз луғатҳо ва манбаъҳои электронии забони тоҷикӢ интихоб гардидаанд. Ин паремияҳо ба шаш гурӯҳи маӢноӣ тақсим шудаанд: «Нақши зан дар оила ва Ӣомеа», «Хусусиятҳои хислат ва рафтор», «ХирадмандӢ дар интихоби Ӣамсар», «Тасаввуроти суннатӣ ва стереотипҳо», «Интизоротҳои гендерӣ», «Сарнавишти зан дар ҳаёти мард».

Ин гурӯҳбандӢ имконият фароҳам овард, ки гуногунии механизмҳои забонӣ, ки дар онҳо тасаввуроти фарӢангӢ дар бораи нақши зан дар Ӣомеаи тоҷикӢ таҷассум ёфтааст, ба таври Ӣамаҷониба нишон дода шавад.

Калидвожаҳо: лингвофарӢангшиносӣ; типажӣ лингвофарӢангӢ; паремияҳои забони тоҷикӢ; таҳлили интерпретативии ба арзиш ишоракунандаи ифодаҳо; арзишҳои фарӢангӢ; меёриҳо ва стереотипҳои рафтор.

УДК 394.26:811.222.8'373:811.111'373

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ПРАЗДНИК» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ТАДЖИКСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Разыкова Малика Бахтиёровна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 915 15 69 87 (м.)
malika.rzykova@gmail.com

Статья посвящена анализу когнитивных, аксиологических и прагматических особенностей репрезентации концепта «Праздник» в народной фразеологии таджикской и английской языковых культур. В рамках лингвокультурологического и когнитивно-семантического подходов рассматриваются как универсальные, так и национально-специфические признаки концепта, зафиксированные в пословицах, поговорках и идиомах. В работе приводятся данные свободного ассоциативного эксперимента, проведённого среди таджикоязычных студентов. Исходя из этого, для анализа концепта «Праздник» были отобраны пословицы и поговорки с ключевым словом «Ид», а также с лексемами, относящимися к ядру и периферии концепта, выявленными в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Таким образом, данные анкетирования помогли в выборке контекстуального материала из лексикографических источников.

Отдельное внимание уделено семантической структуре концепта, его социокультурному наполнению, а также темпоральным, символическим и ритуальным аспектам праздничной практики. Анализ показал, что в таджикской лингвокультуре концепт «Праздник» тесно связан с идеями гостеприимства и сакрального отношения к гостю, тогда как в англо-американской культуре акцент делается на организации праздника, роли участников и моральных аспектах поведения. Сопоставление позволило выявить как общие когнитивные черты, связанные с восприятием праздника как социального события, так и различия, отражающие особенности национальных ценностей и традиций.

Ключевые слова: таджикский язык; английский язык; пословицы; поговорки; культура; языковая картина мира; особенность; гостеприимство; традиция; универсальные черты; сопоставительный анализ.

Праздник как культурно значимый феномен представляет собой устойчивую ментальную структуру, отражающую социокультурные ценности конкретного народа. Концепт «Праздник» (англ. – *holiday*) относится к социальным концептам [8] и выполняет когнитивную, аксиологическую и прагматическую функции. Основу большинства сложившихся в современной лингвистике подходов к выявлению структуры концепта составляет положение о том, что он репрезентируется

семантическими структурами (различного уровня сложности и абстрактности) и единицами лексической системы языка [2, с.60].

Языковая объективация концепта «Праздник» в форме пословиц, поговорок и фразеологических единиц «представляет собой важный пласт народного знания, фиксирующий восприятие времени, ценностей, ритуалов и моделей поведения, связанных с праздничной практикой, и является ценнейшим источником информации для понимания и представления национальной идентичности» [3, с.1242].

Паремии являются универсальными инструментами коллективной памяти, а их исследование позволяет реконструировать паремиологическую картину мира, как важнейшую часть лингвокультурного сознания народа. Г.Л.Пермяков установил, что «пословицы и поговорки – не что иное, как знаки определённых ситуаций или определённых отношений между вещами» [7, с.7]. Данное исследование направлено на выявление сходств и различий в представлении о празднике в таджикской и англо-американской культурах на материале паремиологических единиц.

В рамках когнитивной лингвистики пословицы рассматриваются не только как средство речевого общения, но и как фрагменты концептуальной картины мира, в которых отражаются базовые культурные коды и ментальные модели. Сопоставительный анализ паремиологического фонда различных языков позволяет выявить как универсальные черты концепта, так и его культурно-специфические особенности.

Цель данной статьи – выявить особенности репрезентации концепта «Праздник» в паремиологической системе таджикского и английского языков, определить общие и различающиеся когнитивные признаки, а также показать, как культурные ценности и традиции двух народов находят отражение в пословицах, распределить пословицы двух языковых картин мира по тематическим группам. Исследование опирается на лингвокультурологический и когнитивно-семантический подходы, предполагающие анализ паремий как элементов ментального лексикона носителей языка.

Актуальность работы обусловлена возрастающим интересом к межкультурной коммуникации, необходимостью серьезного и глубокого понимания ментальных установок разных этносов, а также значимостью паремиологии для описания национально-культурной специфики языков.

Для достижения целей исследования были использованы следующие методы: 1) лексико-фразеологическая объективация концепта, подробно рассмотренная в работах З.Д.Поповой и И.А.Стернина, основанная на идее о том, что «концепт объективируется в языке через лексемы, устойчивые сочетания, фразеологические единицы и свободные словосочетания» [11, с.42]; 2) контекстуально-интерпретационный анализ с акцентом на прагматические и ценностные смыслы, развитие которого связано с трудами В.И.Карасика [5]; 3) семантико-когнитивный анализ, направленный на выявление национально-специфических особенностей ментальных образов, разработанный З.Д.Поповой и И.А.Стерниным, благодаря которому «становится возможным исследование вза-

имосвязи семантики языка и концептосферы народа, а также анализ когнитивных процессов, лежащих в основе языковой репрезентации концептов» [10, с.13]; 4) метод ассоциативного эксперимента, активно применявшийся в лингвистике и психолингвистике, истоки которого восходят к работам Л.С.Выготского [1] и его последователей, таких как А.А.Леонтьев [6]. В рамках данного исследования ассоциативный эксперимент был проведён среди студентов вузов Таджикистана.

Материалом исследования послужили таджикские пословицы и поговорки из словарей таджикского языка: «Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ» М.Фозилова [14] «Фарҳанги ибораҳои рехтаи забони ҳозираи тоҷик» под редакцией М.Фозилова [15], «Зарбулмасал ва мақолҳои тоҷикӣ» А.Писарчика и др. [9], «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими» Я.И.Калонтарова [4]; английские и англо-американские пословицы и идиомы из словарей «The oxford dictionary of proverbs» J.Speake [18], «American heritage dictionary of idioms» C.Ammer [16], The great book of American idioms by Lingo Mastery [19], «101 American English Proverbs» Harry Collis [17].

В трудах З.Д.Поповой и И.А.Стернина, посвящённых методам анализа и описания концептов, подчёркивается последовательность их объективации: сначала проводится психолингвистический эксперимент, а затем анализируются паремии, отражающие данный концепт [11, с.158]. В настоящем исследовании мы придерживаемся именно этой логики исследования.

Анализ паремиологического фонда таджикского языка был выполнен после проведения свободного ассоциативного эксперимента среди студентов вузов Таджикистана. Испытуемым предложили слова-реакции к ключевому слову «Ид» и его синонимам, в которые вошли названия праздников, определения, относящиеся к гостеприимству, угощениям и посещению домов во время торжеств, понятия, связанные с поздравлениями, танцами и плясками.

Исходя из этого, для анализа паремий концепта «Праздник» были отобраны пословицы и поговорки с ключевым словом «Ид», а также с лексемами, относящимися к ядру и периферии концепта, выявленными в ходе свободного ассоциативного эксперимента. Таким образом, данные анкетирования помогли нам в выборке контекстуального материала из лексикографических источников.

В результате анализа паремий в таджикском языке были выявлены следующие основные аспекты, выражающие представления таджиков о празднике: 1) *гостеприимство (подтемы: отношение к гостю, положение гостя, характеристика гостя, дастархан как символ «гостеприимства», обычаи и традиции, связанные с гостеприимством); 2) праздники (подтемы: праздники и время, несвоевременное действие, о грядущем действии, своевременные действия, всему своё время); время (связка с «праздником» в значении «коллективного действия», о радостном событии)* [12, с.111].

В американском варианте английского языка основными темами выступили: 1) *виды праздников и мероприятий; 2) подарки и щедрость; 3) организация праздника; 4) веселье во время праздников; 5) о человеке во время торжеств; 6) выбор формата праздника/мероприятия; 7) завершение празднования и последствия; 8) связка с лексемой «feast» в значении «довольство»; 9) связка с лексемой*

«feast» об экстремальных обстоятельствах; 10) связка с лексемой «holiday» в значении «испорченного отпуска»; 11) святые дни и обычаи [13, с.116].

При сопоставительном анализе концепта «Праздник» в паремиях таджикского и английского языка выявилось 6 основных компонентов, благодаря которым определяется языковая картина мира двух рассматриваемых культур:

1. Структура концепта и его доминанты

В английском языке концепт «holiday» охватывает спектр разных значений – от организованных отпусков и до праздников национального масштаба и не имеет доминирующей составляющей. В пословицах и поговорках прослеживаются такие темы, как веселье *To make holiday* («веселиться») [19], организация праздников, щедрость, социальные роли во время торжеств и даже последствия излишков. Например, пословица *Enough is as good as feast* («довольство – лучший тир») [18], пословица несет в себе моральный урок умеренности и ответственности, в том числе и в повседневности.

В таджикском языке доминирующей семантической линией является понятие «гостеприимство» как неотъемлемая часть праздника. Концепт «ид» (праздник) тесно связан с лексемами «меҳмон» (гость), «дастархан» (накрытый стол), «ризқ» (доля, пропитание) [12, с.125]. Пословица *Меҳмон аз надар бузург аст* («Гость дороже отца») [14] наглядно демонстрирует статус гостя в культуре, где праздник невозможен без его присутствия.

2. Социальный контекст праздника

В английской культуре праздник часто ассоциируется с индивидуальной инициативой и развлечением: *throw a party* («устроить вечеринку») [16], *have a ball* («весело проводить время») [16, с.463], *kick up your heels* («отрываться по полной») [19, с.164], *life of the party* («душа компании»). При этом некоторые идиомы акцентируют на последствиях праздников – *party's over* («пришло время быть серьезным») [16, с.745], *after the feast comes the reckoning* («после праздника приходит расчет») [17, с.99]. Данная пословица имеет русскую аналогию: *любишь кататься, люби и саночки возить*. Пословица носит поучительный характер [13, с.117].

Таким образом, праздник характеризуется с разных сторон: с одной стороны – это радость, с другой – это может быть перебор. Социальный аспект и тема объединения затрагивается в устойчивом выражении «*Stag party*», которая переводится как «мальчишник» [16, с.991] – мероприятие, включающее развлечения, которые считаются неподходящими для женщин. Выражение «*black tie event*» носит социальный контекст и обозначает формальное мероприятие, на котором очень важна внешняя составляющая, мужчины должны быть в смокингах, а женщины – в вечерних платьях [19, с.82]. В данном фразеологизме идея, положенная в основу номинации, мотивирована.

В таджикской культуре празднование представляет собой форму коллективного действия и взаимного обмена. Понятие «гость» объединяет в себе духовный, дружеский, социальный и материальный аспекты. Гость ассоциируется с благословением: *Меҳмон дар хона баракат меоварад* («Гость приносит в дом благодать») [4, с.234], с укреплением дружбы: *Меҳмон бо дастовез дӯстиро бо*

худ меорад («Вместе с подарком гость приносит дружбу») [4, с.235], а также с высоким социальным статусом: *Дар хонаат меҳмон бошад, гурбаатро “тишт” нагуӣ* («Когда в доме гость – не выгоняй даже кошку») [4, с.273]. Наконец, участие в празднике несёт в себе и материальное измерение: пословица *Меҳмон рӯзӣ ба худ меоварад* («Гость приносит себе пропитание») [4, с.234] подчёркивает сакральную предопределённость гостеприимства и его неотъемлемую связь с понятием праздника.

3. Темпоральный аспект: время праздника

В английском языке наблюдается метафоризация понятия времени через праздник. Например, *red-letter day* [16, с.872] – особо значимый день, в то время как *busman's holiday* – потерянный отпуск. Эти выражения передают амбивалентность отношения к празднику как к ожидаемому событию и потенциальному разочарованию.

В таджикском языке концепт «Праздник» просматривается в пословицах об аспекте времени, подчеркивающих своевременность или несвоевременность действия: *Баъд аз ид ҳино* («После праздника – хна») [4, с.125] указывает на упущенное время. В то же время выражения вроде *Ҳар рӯз ид нест, ки кулча хӯрӣ* («Не каждый день праздник, чтобы есть кулчу») [9, с.212] подчеркивают цикличность и исключительность праздничных дней. Наблюдается также ожидание благоприятных времён в пословицах: *Рӯзе дар қўчаи мо ҳам ид мешавад* («Будет и на нашей улице праздник») [4, с.212], *Ҳамеша шаббон, як дафъа ҳам рамазон* («Потерпи и скоро наступит Рамазон») [4, с.212].

4. Праздник и статус участника

В английской культуре участник праздника получает свою характеристику через поведение и вклад в организацию и участие в празднике: *Santa's little helper* [19, с.192] – символ помощи и поддержки; *Scrooge* – символ унылого и ворчливого духа; *Indian Giver* (индийский даритель) [16, с.525] – противопоставляется щедрому дарителю, человек нарушающий гармонию праздника из-за скрытых ожиданий; *party animal* – обозначает безудержное веселье и шум. Эти выражения указывают на типологию участников, их социальные роли во время торжества.

В таджикской культуре статус участника (гостя) определяется не по активности, а по отношению к нему: *Агар меҳмонро хурсанд кардан хоҳӣ, бачаашро иззат кун* («Хочешь порадовать гостя – уважай его ребенка») [4, с.39], что подчеркивает иерархическую структуру взаимоотношений, *Меҳмон азиз аст то се рӯз* («Гость дорог до трёх дней») [4, с.235], – несмотря на гостеприимство, «гость» пребывает в статусе почётного приглашенного только в течение определённого количества времени.

5. Символы и предметный мир праздника

Английские идиомы наполнены предметными символами: *stocking stuffer* (подарки в рождественский носок), *give away* (дарить) [16, с.403], *deck the halls* (украшения). Праздник визуализируется и имеет эстетическую составляющую.

В таджикском языке главным символом выступает *Дастархан*. Понятие «раскрытая скатерть» как дастурхони кушода доштан [15, с.329] символизирует

готовность к празднику и открытость. Угощение не просто еда, а проявление судьбы (*Меҳмон ризқи худро меҳӯрад* — «Гость ест свою долю») [4, с.234].

6. Обычаи и традиции

В английской языковой картине мира на праздник Святого Томаса на стол подаются индейки, гуси и свинина, что находит отражение в пословице *On Saint Thomas the Divine Kill All Turkeys, Geese, and Swine* (праздник святого апостола Фомы на Западе традиционно отмечается 21 декабря, данное двуступище напоминало фермерам о последних приготовлениях к Рождеству) [18, с.435].

Выражение *Kissing Under the Mistletoe* (поцелуи под омелой) – рождественская традиция, насчитывающая сотни лет. Является символом любви и романтики – когда двое встречаются под омелой, они должны поцеловаться. Здесь фразеологизм несёт характер приметы [13, с.118].

В таджикском языковом сознании есть обычаи, связанные с разогревом воды и приготовлением тахарата («омовения»): «*Об гарм кардан*», «*Оби таҳорат додан*» [15, с.743] – выражения носят как метафоричный, так и реальный характер, они обозначают готовность к приёму гостей.

Сопоставительный анализ паремиологической репрезентации концепта «Праздник» в английском и таджикском языках демонстрирует как универсальные черты, так и глубокие культурные различия в восприятии этого феномена.

В английской традиции празднование представлено как многоаспектное событие, охватывающее радость, веселье, организационные усилия, а также последствия неумеренности. Участниками торжества в английских паремиях могут быть как организаторы (*throw a party*), помощники (*Santa's little helper*), так и приглашённые лица (*life of the party*). В английской культуре пословицы, затрагивающие тему «праздника» или «мероприятия», носят метафорический характер, часто пословицы относятся к повседневным аспектам жизни, а не к самому торжеству.

Особое внимание уделяется теме подарков, щедрости и поведения тех, кто дарит или принимает, например, идиома *Indian Giver* служит маркером нарушения праздничной этики.

В таджикском языковом сознании концепт «Праздник» сосредоточен почти исключительно на единственном ключевом участнике – госте. Гость является носителем благословения, символом дружбы, духовного и социального обмена. Праздник в таджикской культуре – это, прежде всего, приём гостя и соответствующее ему угощение. Пословицы отражают сакральность этого действия и культурно закреплённую модель поведения, в которой гость находится в центре внимания.

Если в английской паремиологии мероприятия несут как положительные, так и негативные коннотации (например, праздник как веселье – *kick up your heels*, и как излишек – *after the feast comes the reckoning*), то в таджикском языке праздник рассматривается исключительно через призму времени: ожидания праздника, его наступления или упущенного момента (*Баъд аз ид ҳино* – «После праздника – хна»). Таким образом, таджикские паремии скорее фиксируют отношение ко времени и состоянию готовности, а не к самому действию.

Обе культурные модели подчеркивают важность праздника как социального и символического явления, однако делают это через разные фокусы: англоязычная культура – через действия, роли и оценки участников, таджикская – через устойчивую традицию гостеприимства и ритуальное наполнение.

Литература

1. Выготский Л.С. Мышление и речь // Выготский Л.С. Собр. соч. в 6-ти т. – М., 1982. – Т.2.
2. Искандарова Д.М. Исследование по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – Душанбе: РТСУ, 2023. – №3 (81). – С.58-70.
3. Искандарова Д.М. Русский мир в таджикском научном дискурсе: направления исследований, проблемы, перспективы // Quaestio Rossica. – 2024. – Т.12, №4. – С.1232-1245. Scopus, Web of Science.
4. Калонтаров Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русскими. – Душанбе: Ирфон, 1965. – 534 с.
5. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
6. Леонтьев А.Н. Психолингвистические вопросы сознательности учения // Изв. Акад. пед. наук РСФСР. – М., 1947. – Вып.7.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 233 с.
8. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. Кемерово. – 2013. – №2 (54). – С.127-131.
9. Писарчик А. и др. Таджикские пословицы и поговорки на таджикском языке. – Душанбе: Таджгосиздат, 1961. – 227 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика: монография. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике: монография. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
12. Разыкова М.Б. Паремеиологическая репрезентация концепта «Праздник» в таджикском языке // Лингвистика и образование. – Астрахань, 2024. – Т.4, №4. – С.108-126.
13. Разыкова М.Б. Отражение концепта «Праздник» в английских паремиях с точки зрения таджикско-русского билингва // Молодёжная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество. – СПб.: Изд.дом «Сциентиа», 2024. – С.114-119.
14. Фазылов М. Словарь таджикско-персидских пословиц, поговорок и афоризмов: в 3-х т. Т.2. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 584с.
15. Фазылов М. Фразеологический словарь современного таджикского языка: в 2-х т. Т.1. – Душанбе: Таджгосиздат, 1963. – 952 с.
16. Christine Ammer. American heritage dictionary of idioms. – Boston: Copyright©, 1997. – 1191p.
17. Harry Collis. 101 American English Proverbs. – Lincolnwood (Chicago): Passport Books, NTC/Contemporary Publishing Group, 1992. – 115 p.
18. Jennifer Speake. The oxford dictionary of proverbs. – 4th edition – Oxford university press, 2003. – 448p.
19. The great book of American idioms by Lingo Mastery. – Copyright © by Lingo Mastery, 2019. – 262 p.

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CONCEPT "HOLIDAY"
IN THE PAREMIOLOGICAL FUND OF TAJIK
AND ENGLISH LANGUAGES**

Razykova Malika Bakhtiyorovna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics

Russian-Tajik (Slavonic) university

734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30

Ph.: (+992) 915 15 69 87 (m.)

malika.razykova@gmail.com

The article is devoted to the analysis of cognitive, axiological and pragmatic features of the representation of the concept "Holiday" in the folk phraseology of the Tajik and English language cultures. Within the framework of the linguacultural and cognitive-semantic approaches, both universal and national-specific features of the concept recorded in proverbs, sayings and idioms are considered. In the article, the data of a free associative experiment conducted among Tajik-speaking students is presented. Based on this, proverbs and sayings with the keyword "Id" were selected for the analysis of the concept "Holiday", as well as with lexemes related to the core and periphery of the concept, identified during the free associative experiment. Thus, the survey data helped in selecting contextual material from lexicographic sources.

Special attention is paid to the semantic structure of the concept, its socio-cultural content, as well as the temporal, symbolic and ritual aspects of festive practice. The analysis showed that in the Tajik linguistic culture the concept of "Holiday" is closely connected with the ideas of hospitality and sacred attitude towards the guest, while in the Anglo-American culture the emphasis is on the organization of the holiday, the role of the participants and the moral aspects of behavior. The comparison allowed us to identify both common cognitive features associated with the perception of the holiday as a social event, and differences reflecting the peculiarities of national values and traditions.

Keywords: Tajik language; English language; proverbs; sayings; culture; linguistic picture of the world; feature; hospitality; tradition; universal features; comparative analysis.

**ТАҲЛИЛИ МУҚОИСАВИИ МАФҲУМИ «ИД» ДАР ФОНДИ
ПАРЕМИОЛОГИИ ЗАБОНҲОИ ТОҶИКӢ ВА АНГЛИСӢ**

Розиқова Малика Бахтиёрона

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 915 15 69 87 (м.)

malika.razykova@gmail.com

Мақолаи мазкур ба таҳлили муқоисавии мафҳуми «ид» дар фонди паремиологии забонҳои тоҷикӣ ва англисӣ бахшида шудааст. Ҳадафи таҳқиқот муайян намудани хусусиятҳои когнитивӣ,

аксиологӣ ва прагматӣ ин концепт дар фразеологияи халқии ду фарҳанги забонӣ мебошад. Дар доираи равишҳои забоншиносии фарҳангӣ ва когнитивӣ-семантикӣ ҳам хусусиятҳои умумӣ ва ҳам хусусиятҳои хоси миллий, ки дар мақолҳо, зарбулмасалҳо ва идиомаҳо инъикос ёфтаанд, таҳлил мегарданд.

Маводи таҳқиқотро паремияҳои тоҷикӣ ва воҳидҳои фразеологии англисӣ-африқоӣ аз луғатҳо таҷлил мекунанд. Ҳамзамон, маълумоти озмоиши ассотсиативии оғоз, ки миёни донишҷӯёни тоҷикзабон гузаронида шудааст, ба инобат гирифта шудааст. Бар асоси ин озмоиш, барои таҳлили паремияҳои марбут ба концепти «ид» зарбулмасалу мақолҳои интихоб гардидаанд, ки калимаи калидии «ид» ва лексемаҳои, ки ба марказ ва периферияи мафҳум шомиланд, дар бар мегиранд. Ҳамин тариқ, маълумоти пурсишнома дар интихоби маводи контекстуалии паремияҳо аз сарчашмаҳои луғатӣ нақши муҳим бозиданд.

Ба сохтори семантикии концепт, муҳтавои иҷтимоӣ-фарҳангӣ, инчунин ҷанбаҳои вақтӣ, рағбатӣ ва маросимии таҷрибаи иди мардумӣ таваҷҷуҳи махсус зоҳир карда мешавад. Таҳлил нишон дод, ки дар фарҳанги забонии тоҷикӣ концепти «ид» бо ғояҳои меҳмондорӣ ва муносибати муқаддас ба меҳмон робитаи зич дорад, дар ҳоле ки дар фарҳанги англисӣ-африқоӣ таваҷҷуҳ бештар ба таҷлили ид, нақши иштирокчиён ва ҷанбаҳои ахлоқии рафтор равона шудааст. Муқоисаи ду фарҳанг имкон дод, ки ҳам хусусиятҳои умумии когнитивӣ, ки бо дарки ид ҳамчун як воқеаи иҷтимоӣ алоқаманданд, ва ҳам фарқиатҳое, ки арзишҳо ва анъанаҳои миллий тафовут доранд, муайян карда шаванд.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; забони англисӣ; мақол ва зарбулмасал; забон; фарҳанг; тасвири ҷаҳонӣ дар забон; хосият; меҳмондорӣ; анъана; хусусиятҳои умумӣ; таҳлили муқоисавӣ.

УДК 811.222.8'373.74

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОТРАЖЕНИЯ ЭМОЦИИ
«ҒАМ» («ПЕЧАЛЬ») ВО ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ
ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА**

Тагаева Тахмина Рахматуллоевна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
743025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
Aquarion97@mail.ru

Статья посвящена описанию семантических особенностей и образности фразеологических единиц, выражающих эмоцию ғам (печаль) в таджикском языке, способам концептуализации данного эмоционального состояния во фразеологически связанном значении. Определены и классифицированы семантические модели выражения печали в таджикской фразеологии, показаны различные формы и степень интенсивности данной эмоции в рамках выделенных семантических групп (страдание, мучение, тревога, беспокойство, душевная боль, вымещение злобы, жалость, раскаяние и др.).

Подводя итоги проведенного анализа, основанного на данных “Фразеологического словаря” М.Фозилова и Национального корпуса таджикского языка, автор приходит к выводу, что эмоция печали в таджикском языке выражена через широкий спектр фразеологических единиц, каждая из которых передает различные аспекты этого сложного эмоционального состояния. Фразеологический фонд таджикского языка демонстрирует богатство форм выражения эмоции печали, охватывающих как индивидуальные внутренние переживания, так и социальное поведение, что говорит о высокой эмоциональной чувствительности и выразительности таджикской языковой картины мира, где печаль – не только чувство, но и сложное культурное и моральное явление.

Ключевые слова: таджикский язык; фразеологизм; фразеологическая картина мира; эмоциональный концепт «ғам» (печаль); семантико-когнитивный подход; национальная специфика.

Изучение фразеологии и фразеологических выражений в последние десятилетия остается объектом особого интереса лингвистов, поскольку они отражают глубинные особенности менталитета, культурных установок и национальных традиций. Согласно В.Н.Телии, фразеологизмы «ассоциируются с культурно-национальными эталонами, стереотипами, мифологемами и т.п. и в употреблении в речи воспроизводят характерный для той или иной лингвокультурной общности менталитет» [2, с.9]. Так, лингвистами выделяется особая, фразеологическая картина мира как составная часть языковой картины мира.

Фразеологическая картина мира (ФКМ) рассматривается в лингвистике как отражение действительности с помощью устойчивых выражений языка – фразеологизмов. Картина мира выражена фразеологическими средствами языка, и

«каждый фразеологический оборот является элементом строгой системы и выполняет определённые функции в описании реалии окружающей действительности [3, с.48].

Ключевыми особенностями ФКМ являются *универсальность, антропоцентризм, экспрессивность*.

- *Универсальность* заключается в том, что все языки включают в себя фразеологические единицы.

- *Антропоцентризм* проявляется в ориентации ФКМ на человека, который является «центром существующего мира».

- *Экспрессивность* делает фразеологизмы ярким средством выражения оценки, эмоций и субъективного отношения к описываемому [1, с.11].

В таджикском языкознании термин «фразеологические единицы», относится к 50-м годам XX века. Однако в области изучения фразеологизмов тогда не существовало серьезных научных исследований кроме отдельных разработок и научных статей. Первой работой, затрагивающей тему изафетных фразеологических единиц, стала статья С.В.Хушеновой [4]. Наряду с этим, важную роль сыграли исследования таджикских ученых, таких как Н.М.Масуми, Ш.Н.Ниязи, Д.Т.Таджиев, А.Мирзоева.

Важным вкладом в тот период стал двухтомный фразеологический словарь М.Ф.Фозилова [6; 7]. Словарь состоит из более 8000 фразеологизмов различной структуры. Особый интерес в сфере фразеологии вызвали научные работы Х.Маджидова (1982), И.Хасанова (1974), Р.Г.Гаффорова (1966), М.Юсуповой (1966) и других лингвистов. Большим событием стало издание монографии Х.Маджидова «Фразеологияи забони хозираи тоҷик», которая была опубликована в 1982 году и оказала большое влияние на дальнейшее развитие фразеологии таджикского языка [5].

Для определения различных признаков концепта в лингвокультурном аспекте используются разные инструменты и методы исследования, позволяющие всесторонне анализировать языковое выражение концептуального содержания. В рамках данного исследования основными методами выступают лексикографический, контекстуальный анализ, а также семантико-когнитивный подход, направленный на выявление ключевых семантических признаков концепта «Печаль» в таджикской языковой картине мира.

Практический материал был собран из «Фразеологического словаря таджикского языка» в двух томах под редакцией М.Фозилова. Помимо основной лексики «Ғам» (Печаль), в данном словаре было также найдено большое количество устойчивых сочетаний и выражений с использованием лексем-синонимов изучаемого эмоционального концепта. Фразеологические единицы таджикского языка, отражающие эмоциональный концепт «Печаль», найденные в различных лексикографических источниках, позволяют нам составить их обширную классификацию:

1. ФЕ утраты сил от страданий;
2. ФЕ с применением соматизмов;

3. ФЕ страдания и боли от внешнего источника;
4. ФЕ тревоги и беспокойства;
5. ФЕ потребности к сочувствию;
6. ФЕ причинения страданий и хлопот;
7. ФЕ сожаления и раскаяния;
8. ФЕ причинения душевной боли словами;
9. ФЕ преодоления печали;
10. ФЕ огорчения и разочарования;
11. ФЕ о болезненных воспоминаниях;
12. ФЕ нецелевого выплеска эмоции печали через агрессию;
13. ФЕ милосердия, сострадания и сочувствия;
14. ФЕ поглощенности печалью и страданием.

Следует отметить, что большая часть фразеологических единиц выражает эмоцию печали в таджикском языке как глубокое внутреннее негативное состояние, при котором человек, испытывая тяжелые нравственные или физические страдания, теряет силы. Такие выражения могут передавать не только внешнее физическое состояние человека, но и его душевную психологическую боль. Например:

Заққуму зардоб шудан «Изводиться» («мучиться», «терзаться») – «Аз тарси «азоби дузах» гам хӯрда, заққуму зардоб шуда менишаст». – «Он изводил себя, мучаясь от страха перед “адскими муками”».

Заҳри зуқум хӯрдан «Изводиться» («мучиться», «терзаться», «страдать втайне») – «– Охир, худӣ шумо чӣ хел одам, – гуфт Алӣ бо тоқати тоқшуда, – ман захру зуқум хӯрда истодааму шумо бошед, «хавотир нашавед» мегӯед». – «– В конце концов, что вы за человек, – сказал Али, теряя терпение, – я здесь стою и терзаю себя мыслями, а вы говорите, «не беспокоиться». (Р.Чалил «Гулрӯ»)

Кабоб шудан «Мучиться» («терзаться», «изводиться») – «Аз ишқу муҳаббати Хосият бача кабоб шуд». – «Юноша был измучен от любви Хосият».

Ба азоб мондан «Мучиться» («страдать», «терзаться из-за кого- или чего-л.») – «Лекин аз тарафи дигар халқи бечора ва меҳнаткаш ба азоби дутарафа мемонад...» – «С другой стороны, бедняки и трудящиеся будут подвергнуты двойному наказанию...» (Ч.Икромӣ «Духтари оташ»)

Дили касе обу адо шудан «Душевно страдать» («мучиться», «терзаться») – «Биё, э дил, ба Лутфӣ дилбарӣ кун / Ки бе рӯи ту шуд обу адо дил». – «Приди, любимая, помилуй, / Без твоего образа сердце терзает боль» (Л.Обидхӯчаев «Асарҳои мунтахаб»)

Дили худро хӯрдан «Терзаться» («страдать», «мучиться», «изводить себя») – «Ба хондан равад ҳам, ба ягон чоӣ дур мерафт, боз мани бечора диламро хӯрда, рӯз шумурда мегаштам». – «Даже если бы он поехал учиться, уехал бы куда-нибудь далеко, а я, несчастная, страдала бы и мучилась, считая дни» (М.Хӯчаев «Дадомонанд» («Шарқи сурх»))

Алам кашидан «Опечалиться» («обидеться», «страдать», «терзаться») – «Қорӣ ҳарчанд фикр мекард, аз ин «қазои осмонӣ» роҳи халосӣ намеёфт ва ғайр

аз хун хӯрдан, алам кашидан... чораи дигаре надошт». – «Почтенный слепой сколько бы ни думал, не мог найти избавления от “небесной кары”, и ему не оставалось другого выбора, кроме как **страдать и мучиться**». (С.Айнӣ «Марги судхӯр»)

Худро коҳонидан «Обижаться» («огорчаться», «мучиться», «терзаться») – «– Э, рафик лейтенант, барои ҳамин гапҳо ғам хӯрда **худро коҳонидан** намеарзад, парво накунед...» – «– Эй, товарищ лейтенант, не стоит **переживать** из-за этих разговоров, не волнуйтесь...» (Ф.Ниёзӣ, «Вафо», к.П)

Худро хӯрдан «Изводить себя» («мучить себя», «терзать себя») – «Тағоиям аз бадғумонии одамон бисъёр хафа буд, **худаширо меҳӯрд**». – «Мой дядя **изводил себя**, его очень расстраивали людские предрассудки» (П.Толис, «Тобистон»)

Хуни ҷигар хӯрдан «Жестоко страдать» («терзаться», «сильно переживать», «испытывать мучения») – «Ман **хуни ҷигар хӯрда**, материали хому хаталаи шуморо пухтаву суфта кардам...». – «Я, **измучив себя**, отшлифовал и отполировал ваш сырой материал»

Хуни ҷигар шудан «Страдать» («мучиться», «терзаться») – «Рости гап, то розӣ шуданаи **хуни ҷигар шудам**». – «Честно сказать, я **измучился**, пока она не согласилась». (Ш.Қиёмов ва А.Мороз, «Дил дили Зайнаб» («Шарқи сурх»))

Ҷон коҳондан (коҳонидан) «Мучиться» («терзаться», «переживать», «огорчаться») – «– Фотима! Чаро ту ин қадар **ҷонатро коҳонда** кор мекуӣ?» – «– Фотима! Почему ты, так много работая, так **мучаешь себя**?» (С.Айнӣ, «Ғуломон»)

Хуни дил хӯрдан «Жестоко страдать» («терзаться», «сильно переживать», «испытывать трудности», «испытывать затруднения», «испытывать мучения») – «Худои нек дигаронро барои роҳат офарида, вале маро барои **хуни дил хӯрдан**...». – «Милостивый Бог, создал других для блаженства, а меня для **жестоких страданий**...» ("Куллийет. Ҷ.З. Қиссаҳои хурд" (Сорбон 2009)

Бе дуд сӯхтан «Внутренне (душевно) сгорать» («мучиться», «сильно переживать») – «Бечора модар ба онҳо (ба сурати фарзандони дар фронт кушташудаи худ) менигаристу дилаш нур шуда, лабонаш тир-тир pariда дарунакӣ гирья мекард, **бе дуд месухт**». – «Нечастливая мать смотрела на них (на фотографии своих детей, погибших на фронте) и сердце ее сжималось, губы дрожали, в глубине души она горько плакала и **мучилась**» («Маориф ва маданият»)

Дили касе об шудан (гардидан) «Страдать» («испытывать сердечные муки») – «Ба ашӯлаш **дилам об шуд**». – «Мое сердце испытывало **сердечные муки** от его песен». (С.Ғанӣ «Тӯй»)

Дилу ҷигари худро хӯрдан «Мучиться» («страдать» «изводить себя») – «Шумо ин қадар дилтангу бетоқатӣ карда, **дилу ҷигаратонро нахуред**». – «Вы так много беспокоитесь и проявляете нетерпение, перестаньте себя мучить» (Қ.Наимӣ «Роҳи дуруст» («Шарқи сурх»))

Дилу ҷигар хун карда «Мучиться» («страдать») – «Ман ба шумо **дилу ҷигар хун карда** гап занаму шумо ба ҳузур хоб кунед». – «Я буду говорить с вами, **страда**я от душевной боли, а вы будете спокойно спать»

Дилхун будан «Огорчаться» («страдать») – «– Ман-ку, майлаш, гӯр! Лекин барои духтарак дилхун будам». – «– Я-то, ладно, ничего не скажу! Но мне **было** жаль девочку» (Ҷ.Икромӣ ва А.Одинцов «Аҷоиботи сафар» («Шарки сурх»))

Ҷигари худро хун кардан «Мучиться» («страдать») – «Монед, ҷигаратонро хун накумед, маро ҳам беҳуда дар азоб намононед». – «Прекратите, не мучьте себя и не заставляйте меня зря страдать» (Ҳ. Карим, «Ҳикояҳо»)

Ҷигари худро хӯрдан «Мучиться» («страдать») – «Модари бечора ҳамон шаб ҷигарашро хӯрда баромад». – «В ту же ночь несчастная мать, **намучившись**, умерла»

Ҷони касе дар азоб шудан «Томиться» («мучиться», «страдать», «испытывать душевные муки») – «Падару модар нағз мефаҳмиданд, ки ҷони духтар дар азоб аст». – «Родители девочки прекрасно знали, что она **очень сильно** страдает» (Қ. Наимӣ, «Ман бо шуме»)

Ба ҷони худ ситам (ҷабр) кардан «Мучиться» («тяготиться», «подвергать себя гнету и притеснению») – «– Агар ҳамин хел фикру ҳаёл кардан гиред, ба ҷони худатон ҷабр мекумед...» – «– Если вы будете так думать, то вы измучите себя...» (Ф. Ниёзӣ, «Духтари ҳамсоя»)

Азоби сагро кашидан «Испытывать боль и страдания» – «Марди безан тезтар зан гираду зани бешӯ тезтар шӯ кунад, ки набошад, азоби сагро мекашад». – «Неженатому мужчине следует скорее жениться, а незамужней женщине – быстрее выходить замуж, иначе они будут **мучиться и страдать**» (Р.Амонов «Дар домани кӯҳҳои кабуд»).

Вторую большую группу фразеологизмов таджикского языка, передающих эмоцию печали, составляют выражения с использованием соматизмов. Они позволяют визуально показать глубокие внутренние переживания через физиологические процессы и ощущения.

Как в современном, так и в литературном таджикском языке сердце является центральным элементом для выражения чувств и эмоций. Чаще всего оно передает сильную сердечную боль от неразделенной любви или сочувствие к чужим страданиям. Через метафоры, фразеологизмы и выражения, связанные с сердцем, таджикский язык передает яркие и глубокие эмоции, что делает его особенным инструментом в выражении человеческих чувств. Например:

Дарди дил «Сердечная боль» («печаль», «огорчение», «горесть») – «– Кошкӣ дарди диламро медонистӣ!» – «Если бы ты знал о моей **печали**!» (Ғ.Абдулло ва Ш.Қиёмов «Тӯфон»)

Дили касеро гург тала (пора) кардан «Сильно волноваться» («тревожиться», «беспокоиться», «не находить себе места», «сердце разрывается от горя») – «Хусусан пас аз он ки фаҳмид, бой меҳоҳад Ғирузаро ба Асо никоҳ карда, аз ҳудаи тӯю тамошо карда диҳад, истода натавонист, дилашро гургҳо пора мекарданд». – «После того, как он узнал, что богач хочет выдать замуж Ғирузу за Асо и устроить их свадьбу, то он не выдержал, его **сердце разорвалось от горя**» (Ҷ. Икромӣ «Духтари оташ»)

Дили касе нимта шудан «Разбивать сердце» («сердце сжимается», «сердце щемит», «тоскует», «сжимается в груди») – «Охир ҳар гоҳ ки Майрам

падарашро ба ёд меовард, дилаш нимта мешуду бо ашқи сард дили худро таскин меодод». – «Каждый раз, когда Майрам вспоминала своего отца, ее **сердце сжималось от горя**, и она успокаивала его холодными слезами» («Маориф ва маданият»)

Дили касеро реиш (реиш-реиш) кардан «Изранить сердце» («ранить душу», «причинить боль», «задеть чувства») – «Ин ҳолати маъюсии духтар **дили капитанро реиш-реиш кард**». – «Это отчаянное положение девушки заставило **сердце капитана сильно опечалиться**» (Қ.Наимӣ «Рӯзи равшан»)

Дили касе хун шудан «Сердце обливается кровью» – «Онҳо бо меҳнатҳои сахти тоқатнопазир ва дар дасти одамони аҷнабӣ ба қорҳое, ки аз андешии онҳо **дил хун мешавад, гирифтोरанд...**» – «Они страдают от невыносимой тяжелой работы, а во власти чужестранцев совершают те поступки, при мысли о которых у них **кровоточит сердце...**» (С. Айни «Ғуломон»)

Дили касе чок (чок-чок) будан «Истерзанное сердце» – «**Дилам аз сарзанишиҳо чок-чок аст, / Расида қорд то бар устухонам**». – «**Мое сердце истерзано** от упреков, / Нож пронзает мои кости» («Боль пронзает до костей».) (Р.Чалил «Субҳи сахро» («Шарқи сурх»))

Дили шикаста «Разбитое сердце» – «**Дили шикаста бо узру маъзаратҳои хушкӯ холӣ дуруст нахоҳад шуд**». – «**Разбитое сердце** не вылечишь пустыми оправданиями» (С.Айни «Ғуломон»)

Доғи касе, чизе дар дил мондан «Оставить клеймо» («тяжелый след») «на сердце» («причинить боль и огорчение») – «**Доғи ин бача ҳамеша дар дили ман мемонад**». – «Скорбь этого мальчика навсегда **останется в моем сердце**».

Ҷигари касеро об кардан «Наполнить жалостью чье-либо сердце» – «**Нолаи наи ҷунонӣ мувофиқи зарби ҳамин суруд бо як тарзи ҳазинона баланд шуда, дилҳоро меҳарошид, ҷигарҳоро об мекард ва баданҳоро меларзонид**». – «Мелодия пастушеской флейты, становясь громче, в такт этой песни, в печальной манере, ранила душу, **наполняла сердца печалью и жалостью**, сотрясая все тело» (С.Айни «Ғуломон»).

Эмоция печали очень ярко проявляется через соматизм лица. Печаль, как одна из основных и сильных эмоций, находит свое отражение в мимике лица (нахмуренные брови, сморщенный лоб или нос, сжатые губы). Такие невербальные сигналы играют ключевую роль в передаче внутреннего эмоционального состояния индивида и выполняют важную коммуникативную функцию, позволяя окружающим распознавать и интерпретировать эмоциональное состояние без необходимости вербального выражения. Например:

Қавоқи худро гирифта «Нахмуриться» («насутиться», «дуться», «проявить недовольство») – «**Ман розӣ нестам, – гуфт қавоқашро гирифта Усмонкулака**». – «Я не согласен, – сказал Усмонкулака, **нахмурившись**» («Тоҷикистон»)

Қавоқи касе овезон (будан) «Быть нахмуренным» («иметь недовольное выражение лица») – «– Қодир, барои чӣ қавоқҳоят овезон?» – «– Кодир, почему ты **нахмуренный?**» (М.Миршакар «Шаҳри ман» («Шарқи сурх»))

Чехраи касе гирифта будан «Смотреть с хмурым лицом» – «Аммо ҳозир чехраи ӯ гирифта ва табъаи хира буд». – «Но теперь его лицо было хмурым, а настроение мрачным» («Тоҷикистони советӣ»)

Чехраи касе тира шудан «Становиться мрачным» – «Чехраи хушнудонаи акои Олим баргашта тира шуд, пешонаи чин-чин шуда, қавақҳои овезон гаштанд». – «Счастлиное лицо брата Олима изменилось и помрачнело, лоб сморщился, а взгляд стал хмурым» (Ф.Ниёзӣ «Вафо», к.П.)

В таджикском языке для выражения эмоции печали и горя часто используется соматизм крови. Кровь в контексте печали приобретает сущность интенсивной боли и сильных переживаний и волнений, связанных с тяжелыми утратами и глубокими душевными ранами. Подобное использование соматизма характерно для фразеологических единиц, в которых кровь выступает маркером крайней степени душевного страдания. Например:

Дили касе хун шудан «Сердце обливается кровью» – «Ба ин ҳоли аспҳои нигоҳ карда дили Қосимҷон хун мешуд». – «Глядя на такое состояние лошадей, у Касымджана сердце обливалось кровью» (Ҷ.Иқромӣ «Шодӣ»)

Бо хуни дил навиштан «Писать кровью сердца» – « – Эҳтимол ту аз ақл беғонаӣ, ки шеърҳои бо хуни дил навиштаи маро то ин дараҷа ғалат меҳонӣ!» – «– Видимо, ты сошел с ума, раз стихи, написанные кровью моего сердца, ты читаешь с ошибками!» («Латифаҳои тоҷикӣ»)

Также ярким проявлением печали в таджикском языке является соматизм слез. Слезы связаны, прежде всего, с высвобождением сильных эмоций, особенно в моменты душевной боли или трагедии. Они выступают не просто реакцией организма, а культурно значимым знаком, который внешне маркирует состояние горя. Например:

Хун гиристан «Проливать горькие слезы» – «Аммо мусулмонони Туркистон «во дино, во шарият» гӯён хун мегирьянд». – «Но мусульмане Туркестана «во имя религии, во имя шарията» проливают горькие слезы» (С.Айнӣ, «Ғуломон»)

Хунобаи дил хӯрдан «Глотать горькие слезы» («захлебываться» («заливаться»)) «горючими слезами») – «Писарамро, ки хунобаи дил хӯрда калон кардам, поидам, ба қатори одам даровардам... дидӣ, маро ба чӣ ҳолат расонд...» – «Своего сына я, заливаясь горькими слезами, воспитала, выкормила, вывела в люди... видишь, что до какого состояния он меня довел...» (Ш.Қиёмов ва А.Мороз, «Дил дили Зайнаб» («Шарқи сурх»))

Третью тематическую группу фразеологизмов, описывающих эмоцию печали, составляют выражения, отражающие глубокое внутреннее состояние печали, при котором человеку причиняются нравственные или физические страдания другим человеком. Они выражают болезненные переживания, связанные с утратой доверия, разочарованием в людях или неразделёнными чувствами. Также они акцентируют внимание на том, что печаль не просто присутствует, а усиливается в результате внешнего воздействия, вызывая продолжительные душевные муки. Например:

Дили касеро кабоб кардан «Мучить» («терзать», «изводить») – «– *Кайҳост, ки муҳаббати шумо дили маро кабоб кардааст.* – «– Прошло много

времени с тех пор, как твоя любовь **истерзала (опалила, обожгла) мое сердце**» («Хорпуштак»).

*Дили касеро обу адо кардан «Измучить» («замучить», «утомить», «истерзать чье-либо сердце» («истерзать душу»)) – «– Ин хел бошад, хафа шуда омада, диламро обу адо накун!» – «– Если все так, то не обижайся и **не терзай меня!**» (Р.Чалил «Одамони ҷовид», қ.П).*

*Дили касеро об кардан «Волновать» («тревожить», «мучить», «заставлять страдать»)) – «Чунки садои танбӯр, хусусан, аз расидани нохуни ягон ҳунарманд ба тор барояд, дили шунавандаро об карда мегирёнад...». – «Ведь звук танбура, особенно когда артист прикасается кончиками пальцев к струнам, заставляет **волновать сердце слушателя...**» (С.Айнӣ «Ёддоштҳо», қ.Ш-IV).*

*Дил хун кардан «Терзать чье-либо сердце» («мучить кого-либо»)) – «Наход барои ҳамин ҳам беҳуда **дилатонро хун карда гардед**». – «Неужели и из-за этой ерунды вы так **истерзали и измучили себя**» (С.Ғанӣ «Табассум»).*

*Кабоб кардан «Мучить» («трезать», «изводить»)) – «Дарди шиқи ӯ маро **кабоб кард**». – «Боль от его любви **терзала** меня».*

*Касеро сӯзонда кабоб кардан «Замучить» («истерзать», «изводить»)) – «– Якрав наишав, қаҳру газаби Худо меояд. Ҳамин қадараш ҳам кифоя аст. Модаратро ҳам бисёр **сӯзонда кабоб накун**». – «– Не упрямся, грядет гнев Божий. Этого вполне достаточно. **Не мучай** свою мать так сильно» (Қ.Наимӣ «Рӯзи равшан»).*

*Хуноби ҷигар хӯрондан «Заставить страдать» («заставить мучиться»)) – «Ин ҳол онҳоро **хуноби ҷигар мехӯронд**». – «В этом случае их **заставили страдать**» (Ҷ.Икромӣ «Муҳаббат»).*

*Ҷигари касе хун шудан «Подвергать мучениям и страданиям кого-либо» – «Охир дар орзуи мактабхонӣ **ҷигари ман хун шуд...**» – «В конце концов, желая учиться, я **подвергала себя страданиям...**» (С.Улуғзода «Субҳи ҷавонии мо»).*

*Ҷони касеро дар азоб монондан «Мучить» («терзать кого-либо»)) – «Вале баъзан воқеаҳои рӯй медоданд, ки **ҷони Наимро дар азоб мемонданд**». – «Но иногда происходили такие события, которые **терзали душу Наима**» (Т.Усмон «Кашфи асрор»).*

Четвертую группу фразеологизмов таджикского языка составляют выражения, описывающие чувство тревоги и беспокойства о ком- или о чем-либо. Данные фразеологизмы отражают эмоциональное напряжение, связанное с неопределенным будущим, страхом перед трудностями или опасностями. Выражения подчеркивают эмоциональную неустойчивость, преобладающее чувство страха и волнения, ощущение беспокойства и тревожного ожидания. Например:

*Хавотир кашидан «Беспокоиться» («тревожиться», «волноваться»)) – «Аз аҳволи ояндаи ман **хавотир накашӣ** ҳам, мешавад». – «Все в порядке, если **не будешь тревожиться** о моем будущем» (С.Улуғзода «Ёрони боҳиммат»).*

*Дар ғами касе, чизе будан «Беспокоиться о ком- или чем-либо» – «Ҳоло **шарикҳои бисёре ҳастанд, ки худро соҳиби кор, тири кор медонанд ва ҳамеша***

дар гами кори колхозанд». – «Сейчас появилось много соучастников, которые считают себя хозяевами дела, старостами дела и всегда **переживают** за работу колхоза» (Ч.Икромӣ «Шодӣ»).

Ғами чизе гирифтаи «Беспокоиться о чем-либо» («переживать о чем-либо») – « – Тирамоҳ ҳам даромад, ғӯр ташивиши зимистон шавад, аз ҳоло моро *гами ҳезуму ангишт гирифтааст*». – «– Осень пришла, начинаются приготовления к зиме, теперь мы **беспокоимся о дровах и угле**» (Ф.Ниёзӣ «Духтари ҳамсоя»).

Ғами сару бари касеро хӯрдан «Беспокоиться о ком-либо» («переживать о чьем-либо спокойствии и благополучии») – «Модари бечора нӯҳ моҳ бачаро дар шиками худ бардошта гардад, зояд, калон кунад, аз хуни сиёҳаш шири сафедро ҷудо карда диҳад, боз *гами сару бари вайро ҳам хӯрад-мӣ?*» – «Несчастливая мать девять месяцев вынашивает в своем чреве ребенка, рождает, воспитывает его, из своей красной крови выделяет белое молоко и кормит, еще и должна **беспокоиться о нем?**» (Ч.Икромӣ, «Зӯхра»).

Ғами касе, чизеро хӯрдан «Беспокоиться о ком-либо или чем-либо» («переживать о ком-либо или чем-либо») – «*Ғами ҳосили имсоларо хӯрдан даркор*». – «Нужно **побеспокоиться об урожае** этого года» («Тоҷикистони советӣ»).

Хаёли касе гурехтан «Расстраиваться» («огорчаться», «волноваться», «тревожиться») – «Ду рӯз боз *хаёлаш мегурезад, сафсата мегӯяд*». – «В течение двух дней он **будет тревожиться** и будет болтать чепуху» (С.Айнӣ «Ғуломон»).

Пятая группа фразеологических выражений передает эмоцию печали через описание желания человека освободиться от гнетущего чувства обиды или душевной боли, рассчитывая на сочувствие других. Данные фразеологизмы отражают потребность в сочувствии, эмоциональной поддержке. Такие выражения указывают на процесс эмоциональной разрядки через исповедь, разговор по душам. Например,

Бухси (бугзи) дилро баровардан «Излить душу» («высказать о наболевшем») – «Ба як тарафи хавлӣ рафту андак ашк рехт ва *бухси дилаширо баровард*». – «Он вышел на задний двор, немного поплакал и **высказал о наболевшем**» («Тоҷикистони советӣ»).

Дарду алами худро кафондан «Излить душу» («высказать о наболевшем») – «Маҳбуба ба пагоҳ ҳам тоқат карда натавонист. Вай *дарду аламиро худи ҳамон дам ба Рустамча кафонд*». – «Маҳбуба не смогла дожидаться до завтра. Она тотчас же **высказала о наболевшем** (рассказала о своем горе) Рустамче» («Маориғ ва маданият»).

Ба сари касе алами худро рехтан «Излить душу» («излить свою печаль», «выразить страдание») – «Ин ҳол модарро ба шӯр меоварад, вай ҳама аламу коҳиши худро ба сари тисарам рехтанӣ мешавад». – «Это расстраивает мать, и она попытается **излить всю свою печаль** на сына» (Ч.Икромӣ ва Е.Мительман, «Ғуноҳи кӣ?»).

Дарду хасрат кардан «Поверять горести и печали» («делиться горем», «поверять заветные мысли») – «– Ба ҳавлиш ака Хучаназар рафта қадре ба вай **дарду хасрат кунем...**» – «– Давайте пойдем во двор (в дом) брата Худжаназара, **поведаем ему о своем горе...**» (С.Айнӣ «Ғуломон»).

Дарди дил гуфтан «Поверять свои горести и печали» – «Садқаи сарат гардам, ба ман нигоҳ кун, **дарди дилатро ба ман бигӯ**». – «Милая моя, посмотри на меня, **поведай мне о своей печали** (о своем горе)» (А.Ҳамидӣ «Машғали ҷовидон» («Шарқи сурх»)).

Шестая группа фразеологических единиц в таджикском языке состоит из выражений, передающих чувство печали, вызванное осознанием того, что человек стал причиной неудобства, бед и несчастий или раздражения для других. Данные выражения описывают эмоциональное состояние тревоги, сожаления, чувства вины и внутреннего дискомфорта. Например:

Дар сари касе донак шикастан «Надоедать» («докучать», «питать отвращение») – «Акнун дар сари ман дукаса донак мешикастанд, ҳатто як бурда нони меҳӯрдагӣро таъна мекарданд». – «Теперь они вдвоем **будут мне докучать** за то, что я съел тот кусок хлеба». («Тоҷикистони советӣ»)

Ба сари касе санги осӣе шудан (-и касе, чизе) «Стать для кого-либо наказанием» («проклятьем», «бременем», «обузой») («приносить кому-либо беды и несчастья», «докучать», «надоедать») – «– Раҳимҷон, ман ба марги Маҳбуба ин қадар насӯхта будам, дар фироқи ӯ ин андоза азоб накашида будам, ин духтари беқайд **ба сарам санги осӣе шуд**». – «– Рахимджон, я не переживал так из-за смерти Махбубы, и не страдал от разлуки с ней, эта распутная (бесстыжая) девушка **стала для меня сущим наказанием**» (Р.Амонов «Меҳрӣ» («Шарқи сурх»))

Ба сар бало овардан «Приносить несчастье» («ввергать кого-либо в беду») – «Аммо дар замони гузаштаи асорат ва беҳуқуқӣ пахта ба сарашон бало меовард». – «Но в минувшие времена рабства и беззакония доброта **приносила лишь несчастья**». («Тоҷикистони советӣ»)

Ба сари касе бало шудан «Стать для кого-либо наказанием» («проклятьем») («приносить кому-либо беды и несчастья») – «– Ман пешакӣ медонистам, ки илму дониши ин ҷавон як рӯз ба сараш бало мешавад». «– Я заранее знал, что наука и знания этого молодого человека в один прекрасный день **станут для него проклятием**» (С.Улуғзода ва Виткович «Ибни Сино»).

Седьмая группа фразеологизмов в таджикском языке выражают не столько чувство печали, сколько чувство сожаления, вины или раскаяния. Данные фразеологические сочетания передают глубокое внутреннее сожаление о содеянном, моральную тревогу и осознание ошибок, совершённых в прошлом. В такие моменты человек испытывает болезненные чувства, возвращаясь мыслями к своим действиям. Например:

Афсӯс хӯрдан Жалеть (сожалеть) – «Аз аҳли маҷлис яке ба ҷони Аҳмад афсӯс хӯрда мегуфт: – Ҳайф аст, ҷавоне ки аз сад гулаш як гулаш нашукуфтааст, худро бо як беандешагӣ нобуд кунад». – «Один из членов собрания, **выразив сострадание** к Ахмаду, сказал: – Жаль, что молодой человек

сгубит себя безрассудством, у которого не расцвел ни один цветок из ста» (С.Айнӣ «Асарҳои мунтахаб»).

Дар ормон мондан «Сожалеть» («раскаяться», «жалеть») – Ба дасти Қумрӣ як нусха газета дода: «мана ина хонед, боз **дар ормон мондам** нагӯед» гуфта боз **гашта рафт**. – «Он дал экземпляр газеты в руки Кумри и сказал: «Прочитайте вот это, и не говорите, что **сожалеете** об этом» и ушел» (Ҳ.Содиқ «Қумрӣ» «Шарқи сурх»).

Таассуф хӯрдан «Сожалеть» («каяться») – «Хулоса, бисъёр **таассуф мехӯрад**, узр мехоҳад ва қавл медиҳад, ки ягон вақт ягон тақриз оличаноб навишта қусури ин ваъдахилофшавиро мебарорад». – «Одним словом, он очень **сожалеет**, просит прощения и дает слово, что однажды, написав прекрасный отзыв, выполнит свое обещание» («Шерони буздил» («Шарқи сурх»)).

В восьмой тематической группе фразеологических единиц печаль в таджикском языке выражается как следствие словесного воздействия – когда кто-либо сознательно или неосознанно пытается задеть человека словами или насмешками, грубо коснувшись чего-либо болезненного для него, причиняя ему тем самым душевную боль. Подобные выражения нередко акцентируются на моральной боли, возникающей в результате пренебрежения, язвительности или безжалостного обращения. Например:

Алам кардан «Обидеть» («задеть за живое», «сердить», «огорчить») – «Хусусан ба гӯиши Норзода расидани ҷанҷоли байни Мансурову вай ба **ӯ хеле алам кард**». – «Тем более, Норзода был **очень огорчен**, когда услышал ссору между Мансуровым и ней» (Ф.Ниёзӣ «Вафо», қ. II).

Ғапи касе ба касе алам кардан «Задеть за живое» («ранить», «взволновать») – «– Худат номатқул кардӣ... Назокат наст наомад: – **Ғапам алам кард-мӣ?**» «– Ты поступил неблагоприятно... Назокат продолжала упорствовать: – Мои слова **ранили тебя**, да?» (Ҷ.Иқромӣ «Духтари оташ»).

Ба ҷароҳати касе намак (намақоб) пошидан (реҳтан) «Причинять боль» («нанести обиду», «полоснуть по сердцу», «задеть за живое») – «–Ғапи ҳақ, гуфти. Ҷурахои надарат мардуми беоқубат буданд, наҳод ки дар ҷунин шаҳри калон ба ту қор ёфт нашуд? – Машраб гӯё тасалли доданӣ шуда, худ беҳабар **ба ҷароҳати Умар намақоб пошида монд**». – «– Ты сказал правду. Друзья твоего отца оказались ненадежными людьми, но неужели ты не смог найти работу в таком большом городе? – сказал Машраб, словно пытаясь его утешить, но сам неосознанно **нанес обиду Умару**» («Тоҷикистони советӣ»).

Девятая небольшая группа фразеологических единиц связана с преодолением чувства печали и скорби. Данные выражения отражают стремление человека подавить в себе негативные эмоции, справиться с переживаниями и восстановить душевное равновесие. Эти обороты речи подчеркивают веру в возможность душевного восстановления и важность эмоционального освобождения. Например:

Дарди дили касе бартараф шудан «Преодолеть печаль и горе» («излечиться от скорби») – «Шояд бо он гуле, ки ман хоҳам овард, **дарди дили ӯ бартараф шавад** ё сабук гардад ва он орзуе, ки дар вақти газалхони ӯ дар дили

ман гузашта буд, ба вуҷуд ояд». – «Возможно, цветок, который я принесу ей, **избавит ее от печалей** и облегчит ее сердечную боль, и та мечта, которая была в моем сердце, пока она читала стихи (газели), осуществиться» (С.Айнӣ «Ёддоштҳо», қ.І).

Дар дили касе зангу зубор намондан «Избавить от тоски и печали» («развеять скуку и тоску») – «– Чӣ тавр нағз! *Дар дили кас зангу зуборе намонад, ҳамин тавр не?*» – «– Как же хорошо, если каждый **будет избавлен от печали и тоски**, разве не так?» (Ҷ.Иқромӣ «Ман гунаҳкорам»).

Аз шастии чизе раҳой ёфтаи «Избавиться от страданий и мучений» – «– Асо ин газали худро дар вақти сисолагии гуфта аст ва умед кардааст, ки «дар чихилу панҷсолағӣ шояд **аз шастии қашшоқӣ раҳой ёбад**». – «– Асо написал эту газель, когда ему было тридцать лет, и надеялся, что «в сорок пять лет **он сможет избавиться от страданий и мучений**» (С.Айнӣ «Ёддоштҳо». қ.І).

Десятая группа фразеологизмов описывает печаль как следствие огорчения и разочарования. Они могут передавать эмоции, связанные с неудовлетворенностью, результатом несбывшихся надежд и напрасных ожиданий, подчёркивают внутреннюю пустоту и чувство бессилия, возникающее, когда желания не совпадают с действительностью. Например:

Дили касеро сиёҳ кардан «Огорчать» («опечалить», «расстроить») – «Саргузашти ман дуру дароз ва дарди ман бедавоост. Шунидани он гапҳо шуморо дарди сар ва **дилатонро сиёҳ мекунад**». – «Моя история длинна, а моя боль безгранична. Услышав ее у вас заболит голова и вы **будете опечалены**» (С.Айнӣ «Ёддоштҳо», қ.ІІІ).

Дили касе сиёҳ шудан (гаштан) «Огорчиться» («опечалиться», «расстроиться») – «– Дар бозори гусфанди Бухоро як маблағ пулро дуздондам, бинобар ин **дилам сиёҳ шуда** қорҳои зарурии худамро ҳам нимқора партофта зуд баргаштам...» – «– Я украл немного денег на скотном Бухарском рынке, поэтому **расстроившись**, я оставил все свои важные дела незаконченными и вернулся обратно...» (С.Айнӣ «Дохунда»).

Хаёли касеро гурезондан «Расстраивать» («огорчать», «волновать», «тревожить») – «Вай дар ҷои қораи набуд. Худи ҳамин **хаёли маро гурезонд**». – «Его не было на работе. Это **расстроило меня**» (Ҷ.Иқромӣ «Муҳаббат»).

Следующая тематическая группа фразеологизмов, выражающих эмоцию печали в таджикском языке, отражают ее как результат тяжелых и тревожных воспоминаний о прошлом. Такие выражения передают состояние человека, охваченного тяжелыми мыслями, которые могут быть связаны с утратой, неудачами или болезненными моментами в жизни. Они подчёркивают, что память способна заново «оживить» страдания и вновь вернуть человека к пережитой боли и эмоциональному напряжению. Например:

Алами (қўҳнаи) касеро тоза кардан «Вспоминать о былых страданиях» («бередить старые раны») – «Бед, монед, **алами қўҳнаро тоза накунем**». – «Давайте, **не будем вспоминать о былом**» (Ф.Ниёзӣ «Вафо». қ.І).

Заҳми қўҳнаи (дили) касеро тоза кардан (кофтан) «Бередить («растраивать») старые раны» – «Шумо ба вай дарду аламҳои нав меоваред,

захмиҳои кӯҳнаи дилаширо тоза мекунад». – «Вы приносите ей новые страдания и раны и **растравляете старые**» (С.Улуғзода «Ёрони боҳиммат»).

Заҳми дили касе тоза шудан «Растравлять старые раны» – «Кошкӣ ман ҳамин хел тисаре медоштам» — фикр кард подшоҳ ва захми дилаш тоза шуда, оҳи сарде кашид». – «Вот бы мне такого сына» – подумал падишах и, **разбередив свои старые душевные раны**, тяжело вздохнул» («Афсонаҳои халқи тоҷик»).

Эмоция печали в таджикском языке также может быть отражена в поведении человека, который, находясь в состоянии расстройства или огорчения, выражает свои негативные эмоции через агрессию по отношению к тем, кто совершенно не причастен к причине его переживаний. Такие выражения акцентируют внимание на том, как невыраженная печаль и душевная боль могут проявляться в раздражительности, вспыльчивости или несправедливом отношении к другим. Например:

Алами оишо аз мош гирифтаи «Выместить злобу на ком-либо» («сорвать на ком-либо свою злость») – «Охилбой нисфишабӣ аз чойхона баргашта, тисарашро дар хона наёфт ва алами оишо аз мош гирифтаи шуда, бо занаш мочаро сар кард». – «Охилбой вернулся домой из чайной посреди ночи, и не застал дома своего сына, и **желая выместить злобу на ком-нибудь**, затеял ссору с женой» (А.Мусаввада «Гаҳворабахш» («Шарқи сурх»)).

Алами худро гирифтаи «Сорвать зло на ком-либо» – «Вай омада буд, ки ба Шодигул гапҳои таҳқиромез гуфта, уро ранҷонад, шарм доронад, аламышро аз вай гирад, аммо ҳозир ин нияташро фаромӯш карда, ба илтиҷо даромад...» – «Он пришел для того, чтобы оскорбить Шодигул, задеть ее, пристыдить, **сорвать на ней злость**, но теперь он, забыв о своем намерении, стал молить о защите...» (С.Улуғзода. «Навобод»).

В таджикском языке также присутствует небольшая группа фразеологизмов, отражающих чувство печали как милосердие, сострадание и сочувствие. Такие сочетания подчеркивают способность человека сопереживать другим и показывают, как чувство печали может быть связано с желанием помочь и облегчить боль и бремя другого человека. В данном контексте печаль становится проявлением гуманности и душевной отзывчивости. Например:

Ба касе ҳайфи касе омадан «Проявить милосердие к кому-либо» – «Ба падарам ҳайфам меомад, ки бечора барои хурсандӣ ва хушбахтии тисараш ҳеҷ чизро дареғ намедошт, аммо тисар худро ба он ҳама ғамхорӣ сазовор дониста, миннатдор ҳам намешуд, ҳатто бисёр вақт норозӣ мешуд ва «аз хонаатон баромада меравам» гуфта падарамро метарсонд». – «**Моему отцу было жалко**, что он, несчастный, ради счастья и довольства своего сына ничего не жалел, а сын считал, что заслуживает всю эту заботу, и не был признателен за это, и даже много раз обижался и говорил, чтобы напугать отца: «Я уйду из вашего дома» (С.Улуғзода «Субҳи ҷавонии мо»).

Ҳамдард гаштан «Сопереживать» («соболезновать», «сочувствовать») – «Чаро бо хонандагони бисёри худ, ки орзуи дидани моро доранд, вонаҳӯрем, шиносона нашавем, талаб ва хозиши онҳоро намунавем, бо онҳо **ҳамдард нагардем?**» – «Почему бы нам не встретиться и не познакомиться со многими

нашими читателями, послушать их просьбы и пожелания, **посочувствовать им?»** (Ч.Икромӣ «Сафар кардан – Чахон дидан» («Шарқи сурх»)).

Последняя тематическая группа фразеологических единиц передает состояние печали физиологически поглощающее тело и душу человека. В этих выражениях печаль представляется как разрушительная сила, вызывающая не только душевное страдание, но и физическое истощение, моральное опустошение, потерю жизненной энергии. Такое описание передаёт крайнюю степень негативного переживания, когда человек словно «сгорает» от внутренней боли. Например:

Гушти бадани худро хӯрдан «Чахнутъ» («отоцать», «худеть») – «Писаратон руз то руз хароб шуда, гушти баданаширо хӯрда рафта истодааст». – «Ваш сын, худея день ото дня, совсем отощал» (Ч.Икромӣ «Шодӣ»).

Маиғули дарди дил будан «Быть поглощенным своим горем» – «– Хезед, – гуфт Ашур ба гуломоне, ки ҳамагӣ аз кор даст кашида маиғули дарди дил буданд...» – «– Вставайте, – сказал Ашур рабам, которые только что бросили работу и были **поглощены своими заботами и тяготами...**» (С.Айнӣ «Фуломон»).

Подводя итоги проведенного анализа, можно отметить, что эмоция печали в таджикском языке выражена через широкий спектр фразеологических единиц, каждая из которых передает различные аспекты этой сложной эмоции: «страдание», «мучение», «тревога», «беспокойство», «волнение», «душевная боль», «вымещение злобы», «сочувствие», «беспокойство», «жалость», «сострадание», «раздражение», «сожаление», «раскаяние» и др.

Фразеологический фонд таджикского языка демонстрирует богатое отражение эмоции печали, охватывающее как индивидуальные внутренние переживания, так и социальное поведение. Это говорит о высокой эмоциональной чувствительности и выразительности таджикской языковой картины мира, где Печаль — не просто эмоция, а сложное культурное и моральное явление.

Литература

1. Волков Ю.Г., Поликарпова В.С. Человек: энциклопедический словарь / под. ред. Ю.Г.Волкова, В.С.Поликарпова. – М.: Гардарики, 1999. – 518 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 284 с.
3. Хайруллина Р.Х. Фразеологическая картина мира: от миропонимания к миропониманию. – 2-е изд. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 299 с.
4. Хушенова С.В. Изафетные фразеологические единицы таджикского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.00.00 / Хушенова Светлана Васильевна / Ин-т народов Азии АН СССР. Ин-т языка и литературы им. Рудаки АН Тадж. ССР. – М.: Наука, 1966. – 19 с.
5. Мачидов Х. Фразеология современного таджикского языка: учеб. пособие. – Душанбе: ТГУ, 1982. – 104 с. (на тадж.яз.)

6. Фозилов М. Словарь таджикских и персидских пословиц, поговорок и афоризмов: в 3 т. Т.1. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 368 с. (на тадж.яз.).
7. Фозилов М. Словарь таджикских и персидских пословиц, поговорок и афоризмов: в 3 т. Т.2. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 584 с. (на тадж.яз.).

SPECIFIC FEATURES OF REFLECTION OF THE EMOTION OF "GHAM" ("SADNESS") IN THE PHRASEOLOGICAL FUND OF THE TAJIK LANGUAGE

Tagaeva Takhmina Rahmatulloevna

Postgraduate student at the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
743025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
Aquarion97@mail.ru

The article deals with the consideration of semantic features and imagery of phraseological units expressing the emotion of sadness (gham) in the Tajik language, ways of conceptualizing this emotional state in a phraseologically related meaning. The semantic models of expression of sadness in Tajik phraseology are defined and classified, various forms and degrees of intensity of emotion in sadness are shown within the framework of the identified semantic groups (suffering, torment, anxiety, worry, mental pain, venting anger, pity, remorse, etc.)

Summarizing the analysis of the linguistic material of the Tajik language, based on the data from the "Phraseological Dictionary" of M.Fozilov and the National Corpus of the Tajik language, the author notes that the emotion of sadness in the Tajik language is expressed through a wide range of phraseological units, each of which conveys various aspects of this complex emotion. The phraseological fund of the Tajik language demonstrates a wealth of forms of expression of the emotion of sadness, covering both individual internal experiences and social behavior. This indicates a high emotional sensitivity and expressiveness of the Tajik linguistic picture of the world, where sadness is not just an emotion, but a complex cultural and moral phenomenon.

Keywords: Tajik language; phraseological unit; phraseological picture of the world; emotional concept of "print"; semantic-cognitive approach; national specificity.

ХУСУСИЯТҲОИ ХОСИ ЭҲСОСИ «ҒАМ» ДАР ЗАХИРАИ ФРАЗЕОЛОГИИ ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Тағоева Тахмина Раҳматуллоевна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалӣ
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
743025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
Aquarion97@mail.ru

Мақола ба таҳлили хусусиятҳои семантикӣ ва образнокии воҳидҳои фразеологӣ, ки эҳсоси «ғам»-ро дар забони тоҷикӣ ифода мекунад, бахшида шудааст. Дар он роҳҳои дарки маънавий (концептуализатсия) ва ифодаи ин ҳолати эҳсосӣ дар заминаи маъноӣ устувори фразеологӣ мавриди омӯзиш қарор гирифтаанд.

Муаллиф моделҳои семантикии баёни ғамро дар фразеологияи тоҷик муайян ва ғуруҳбандӣ мекунад ва нишон медиҳад, ки эҳсоси ғам дар фарҳанги забонӣ чӣ гуна шаклҳои гуногун ва дараҷаҳои гуногунӣ шиддатро фаро мегирад. Ғуруҳҳои асосии маъноӣ, ки дар таҳлил баррасӣ шудаанд, инҳоянд: ранҷу азоб, уқубат, изтироб, беқарорӣ, дарди рӯхӣ, ҳолис қардани кина, эҳсоси раҳм, пушаймонӣ ва ғайра.

Дар натиҷаи таҳлили маводи луғавӣ марбут ба забони тоҷикӣ, ки бар асоси «Фразеологический словарь»-и М.Фозилов ва *Корпуси миллии забони тоҷикӣ* анҷом дода шудааст, муаллиф ба хулоса меояд, ки эҳсоси ғам дар забони тоҷикӣ тавассути маҷмӯи васеи воҳидҳои фразеологӣ баён мегардад. Ҳар як фразеологизм ҷанбаҳои гуногунӣ ин эҳсоси мураккабро ифода мекунад.

Захираи фразеологияи забони тоҷикӣ гуногунрангии шаклҳои ифодаи эҳсоси ғамро инъикос мекунад – аз таҷрибаҳои шахсии ботинӣ то рафтори иҷтимоӣ. Ин ҳолат шаҳодати он аст, ки тасвири забонӣ ҷаҳон дар фарҳанги тоҷикӣ дорои ҳассосияти баланди эҳсосӣ ва қобилияти бузургӣ ифодаи маънавии воқеият аст. Ғам дар ин замина танҳо як ҳолати эҳсосӣ нест, балки як падидаи фарҳангӣ ва ахлоқӣ мебошад, ки бо арзишҳо ва меъёрҳои иҷтимоӣ пайванд дорад.

Калидвожаҳо: забони тоҷикӣ; фразеологизм; тасвири фразеологияи ҷаҳон; концепти эҳсосии «ғам»; равиши семантикӣ-когнитивӣ; вижагиҳои миллий.

УДК 811.161.1'373(=222.8)

**ЛЕКСИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ В РУССКОЙ РЕЧИ ТАДЖИКОВ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТ СТУДЕНТОВ)**

Хурсанова Нодира Нигматовна

Аспирант кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М.Турсунзаде, 30
Тел: (+992) 93 702 20 02 (м.)
khursanova_rtsu@mail.ru

В настоящее время проблема изучения интерференционного влияния является важнейшей задачей лингвистики и лингводидактики, поскольку понимание характерных явлений интерференции помогает разработать более эффективные методики преподавания и учебные материалы, которые ориентированы на избегание распространённых ошибок при освоении иного языка. Интерференция часто отражает культурные и социолингвистические особенности изучающих язык. Учитывая это, преподаватели и лучше понимают, как культурные различия влияют на обучение. Изучение интерференционного влияния позволяет не только улучшить методику преподавания и качество обучения, но также углубить понимание языкового процесса в целом. Это является необходимым шагом к созданию эффективной и адаптированной системы обучения. Следует отметить, что в письменной речи меньше интерферентных явлений, чем в устной, так как при выполнении письменных заданий есть возможность вспомнить правила употребления грамматических форм. Все эти различия приводят к образованию потенциального и реального полей интерферентного влияния таджикского языка в русской речи таджика-билингва.

Ключевые слова: интерференция; лингводидактика; языковая ситуация; двуязычие; многоязычие; языковое планирование; номинативные значения.

Интерференционное влияние системы родного языка на иностранной вызван, прежде всего, тем обстоятельством, что процесс усвоения неродного языка резко отличается от процесса усвоения родного. Таким образом, можно считать, что ошибки, которые допускаются при изучении иностранного языка, прежде всего, являются результатом влияния родного языка.

В рамках данной статьи нами будет рассмотрено явление лексической интерференции в русской речи таджиков.

Под лексической интерференцией принято понимать «все вызванные межъязыковые изменения в составе лексического инвентаря, а также в функциях и употреблении лексико-семантических единиц, в их смысловой структуре» [3, с.129]. А.Ю.Жлуктенко выделяет три типа лексической интерференции:

1. заимствование;
2. калькирование;

3. семантическую интерференцию.

С.В.Семчинский выделяет три направления лексической интерференции:

1. в непосредственном заимствовании лексических единиц;

2. в структуре иноязычных лексических единиц;

3. в заимствовании их значений, их связей с единицами плана выражения [7, с.34].

У.Вайнрайх в своей работе «Языковые контакты» говорит о том, что «пути, по которым слова одного языка могут интерферировать со словами другого языка, разнообразны» [2, с.211].

У каждого языка своя лексическая система со специфическим способом смыслового членения мира, обусловленная особенностями строения языка. Поэтому крайне редки в двух языках слова, полностью совпадающие по значению. И.П.Слесарева утверждает, что «многогранность лексической интерференции частично объясняется тем, что она уходит своими корнями в неформализованную логико-семантическую область» [7, с.144].

Проанализировав лексическую интерференцию в русской и чешской языковых системах, М.Затовканюк [4, с.74] вводит такие понятия лексической интерференции, как «межъязыковая омонимия», «межъязыковая паронимия», «межъязыковая полисемия». Все эти понятия являются спорными. Далее подробно рассмотрим каждое определение.

Первым, кто обратил внимание на явление межъязыковой омонимии, был украинский писатель и переводчик М.Ф.Рыльский. По мнению исследователя, «межъязыковая омонимия – это слова, которые одинаково или подобно звучат в двух или нескольких языках, но имеют неодинаковое, иногда противоположное значение, например, русск. рожа «морда» – укр. рожа «роза или мальва» [6, с.163].

А.В.Бабанов вводит новый термин – «трансидиоматизмы», обозначающие лексические затруднения в коммуникации, вызванные влиянием другого языка. Учёный считает, что это название отражает «одновременную принадлежность некоторой языковой формы обеим системам, сосуществующим в одной среде (общем ареале функционирования языков, двуязычном индивидуальном сознании). Одним из свойств трансидиоматизма является способность провоцировать произвольное переключение кода, используемого билингвом» [1, с.44].

Вопросами явлений интерференции в русской речи таджиков занимались такие учёные, как Р.И.Хашимов («Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование»), Х.Дж.Шамбезода («Функциональная дистрибуция языков многочисленных народов в условиях многоязычия (на материале функционирования языков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан)»), М.П.Агафонова («Динамика таджикско-русской интерференции в разных типах речи при реализации суперасегментных единиц»), С.Дж.Касимова («Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола)») и др.

В нашем исследовании мы исходили из определения интерференции как наложение признаков одного элемента на другой, в ходе которого происходит

взаимовлияние или взаимопроникновение. В ходе теоретического обзора можно выделить следующие компоненты лексической интерференции, включающие в себя такие лексические феномены, как:

1. паронимия – это ошибочное лексическое смешение сходных слов внутри языка;
2. диапаронимия – ошибочное смешение сходных слов в условиях языковых контактов, приводящее к появлению «ложных друзей переводчика»;
3. паронимическая аттракция – лексическое сближение как стилистический прием;
4. паронимическая неология – создание новых лексических единиц на основе паронимической аттракции.

И.Н.Кузнецова в своей монографии, посвященной теории лексической интерференции, считает, что «паронимия позволяет прогнозировать и, тем самым, предотвращать ошибки лексического смешения в конкретном языке; а ошибки, связанные с диапаронимией, мотивируют к расширению переводческой практики и составлению двуязычных словарей, так называемых «Ложных друзей переводчика». Актуальность изучения паронимической аттракции как особого стилистического приёма связана со вновь возникшим интересом в современном языкознании к эмотивной или экспрессивной функции языка и, в частности, к паронимической функции языка, которая проявляется не в поэтическом языке, а в общем механизме языкового функционирования» [5, с.5].

И.А.Стернин, учитывая линейные, векторные соответствия и лакуны, при идентификации двух языков, выделяет несколько позиций:

1. Семантика однозначного слова второго языка тождественна семантике одного слова родного языка;
2. Семантическая структура многозначного слова второго языка совпадает с семантической структурой полисемантического слова родного языка;
3. Каждому из значений полисемантического слова второго языка соответствует отдельная лексическая единица или словосочетание родного языка;
4. Каждому из значений полисемантического слова родного языка соответствует отдельная лексическая единица или словосочетание второго языка;
5. Тождественной является часть значений полисемантического слова в обоих языках [8, с.23].

Как отмечает Р.И.Хашимов в своём исследовании, посвященном интерференции и двуязычию, «в первых трёх позициях, предложенных И.А.Стерниным, не возникает интерференция на лексическом уровне в речи билингва» [9, с.197].

С целью выявления лексической интерференции и её компонентов нами был проведён социолингвистический эксперимент. В эксперименте приняли участие студенты 2 и 4 курсов факультета иностранных языков Российско-Таджикского (Славянского) университета, изучающие английский и китайский языки. Каждая группа состояла из 13-20 студентов. Всего в эксперименте приняло участие 100 респондентов, для которых родным языком является таджикский язык.

В ходе анкетирования студентам был предложен список таджикских слов и словосочетаний, который они должны были перевести на русский язык.

Лексическая интерференция проявляется в неправильном переводе слов на русский под влиянием своего родного языка. Чаще таджики-билингвы заучивают лишь один вариант перевода русского слова на таджикский язык. Однако там, где в родной речи звучит одно и то же слово, в русском языке может потребоваться абсолютно другое слово. Например, слово «**донишҷӯ**» испытываемым переводится как «**студент**» и «**студенческий**» и «**студенчество**».

Словосочетания с данным словом были переведены следующим образом:

А. словосочетание «**чавонони коргар**» имеет следующие переводы: *рабочая молодёжь, работающая молодёжь, юные работники, молодой работник, трудовая молодёжь, молодёжь, которая работает, работающие студенты, молодые рабочие, юные работники, работающая молодёжь*.

Б. словосочетание «**шаби чавонон**» переведено следующим образом: *ночь молодёжи, ночь молодёжи, молодёжная ночь, молодёжный вечер, ночь молодёжь, ночь молодёжов, вечер молодых, вечер молодёжи, молодёжный ночь, молодёжная ночь, ночь молодых*.

Анализ ответов показал, что для таджика-билингва таджикское слово «*шаб*» имеет значения «*вечер*» и «*ночь*». Однако в русском языке эти слова отличаются друг от друга по семантике.

Лексема «**зарф**» таджиками-билингвами переводится как «*посуда*», «*контейнер*» и «*кувшин*». Но в двуязычном словаре «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» отмечается, что таджикское слово *зарф* употребляется в прямом и переносном значениях; прямое значение: сосуд; посуда; ёмкость, например: *зарфҳои сирдор* (эмалированная посуда); *зарфҳои чинӣ* (фарфоровая посуда); переносное значение: 2. терпение, выносливость: *одами зарфаи танг* (нетерпеливый, капризный человек).

Русское слово «*кувшин*» соответствует таким таджикским лексемам: *куза, дӯлча, сабу, ибриқ*, а заимствованное слово «*контейнер*» в Русско-таджикском словаре под редакцией Я. Калонтарова переводится как «*восита ё зарфи махсуси молкашонӣ ба тарзи озод*».

Студентам был предложен список таджикских глаголов. Так, глаголы таджикского языка «*гирифтан*», «*додан*», «*омадан*» и «*хӯрдан*» свободно сочетаются в прямом и переносном значениях.

Таджикский глагол *гирифтан*, по мнению участников, соответствует двум русским словам – *брать* и *взять*. Хотя данный таджикский глагол имеет несколько значений: *брать, взять, получить, принять, захватить, вырастить*. Словосочетания с глаголом *гирифтан* переводятся следующим образом: *қарз гирифтан* – брать в долг, взять в долг, задолжать. Однако согласно словарю «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» под редакцией Я. Калонтарова, предложенное словосочетание переводится как «*брать займы*» и «*взять в долг*»; *ҳосил гирифтан* переводится как «*сбор урожая*», «*собирать урожай*», «*пожинать плоды*». Все три варианта перевода, согласно нормам русского языка являются неправильными. Например, словосочетание «*пожинать плоды*» имеет значение получать результаты от своих ранее совершенных действий. В словаре «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» под редакцией Я.Калонтарова словосочетание

«*ҳосил гирифтан*» переводится как «получить урожай»; словосочетание «*ҷарима гирифтан*» по результатам анализа имеет такие варианты перевода, как «получить штраф», «взять штраф», «брат штраф», «быть оштрафованным» и «оштрафовать». В словаре Я. Калонтарова данное словосочетание переводится как «*взимать штраф*».

Глагол **омадан** и все предложенные нами словосочетания с данным словом переводятся следующим образом: *приходить, прийти*: *падар омад* – папа пришёл; *зимистон омад* – зима пришла, *ҷамъ омадан* – собираться, *ба дунё омадан* – рождаться, родиться, *мушкили ба миён омад* – проблема пришла, проблема выявилась, *ба ҳуш омадан* – прийти в себя.

Согласно Толковому словарю Д.Н.Ушакова у глагола *прийти* есть два допустимых варианта как следствие разного произношения: «прийти» и «притти» («придти»). В настоящее время последний вариант считается устаревшим и непринятым.

Таджикскому глаголу **хӯрдан** соответствуют следующие русские слова (Словарь Я.Калонтарова): **есть** и **кушать (прямое значение)**. В соответствии с нормами современного русского языка употребление глагола **кушать** допустимо только в речи детей и только в настоящем или прошедшем времени (Мама, я кушал/кушаю) или по отношению к детям и только в повелительном наклонении (Кушай, Олечка, кашку!). Таджикский глагол **хӯрдан** в переносном значении обозначает **разъедать, точить**. И участниками анкетирования данный глагол переводится как **есть** и **кушать**. Однако участниками его переносное значение не указано. Словосочетания с данным глаголом *ғам хӯрдан* имеет такие варианты перевода – *волноваться, заботиться, печалиться, переживать, грустить*. Глагол *волноваться* на таджикском языке имеет значение *ба ҳаяҷон омадан*; *заботиться* – *ғамхорӣ кардан*, *печалиться* – *ғамгин шудан*, *переживать* – *ҳичрон кашидан*, *грустить* – *махзун, ғамгин будан*. В словаре «Фарҳангӣ нави тоҷикӣ-русӣ» приведённое словосочетание переводится как «горевать», «скорбеть» и «тосковать». Один из участников отметил, что ему непонятно значение данного словосочетания. Словосочетание *дору хӯрдан*, по результатам опроса имеет такие переводы: *принимать таблетку, пить таблетку и выпить лекарство*. В ходе анализа была выявлена следующая лексико-семантическая интерференция, например, таджикское слово *дору* соответствует двум русским словам «*таблетка*» и «*лекарство*».

Если прямые номинативные значения слов *хӯрдан*, *омадан*, *гирифтан* и их однокоренных образований таджиками-билингвами сравнительно легко и быстро усваиваются, то переносные значения этих слов вызывают нерегулярную интерференцию.

В предложении *Ҳофиз ашӯларо хондан гирифт* (Певец продолжал петь) встречается следующий вид интерференции, как в неправильном использовании видов глагола:

Певец спел песню (прошедшее время, совершенный вид)

Певец поёт песню (настоящее время, несовершенный вид)

В отличие от таджикского языка, категория вида составляет яркую характерную черту русского языка. Он определяет состав грамматических форм глагольного слова.

Слово *хофиз* участниками переводится как певец и имя собственное Хафиз.

Последняя часть предложения является неправильной с точки зрения нормы русского языка, поскольку *хондан гирифт* переводится как *продолжал петь*.

Предложение **Ману шумо аз мавзӯ тамоман дур шудем** переводится следующим образом:

Мы с вами *отстали* от темы.

Мы отошли от темы.

Мы *отвлеклись* от темы.

Мы совсем отошли от темы.

Мы *отошли* далеко от темы.

Мы *ушли* далеко.

Таджикский глагол *дур шудем* имеет варианты *отстали*, *отошли*, *ушли* и *отвлеклись*, а слово *тамоман* – *совсем*.

Носители таджикского языка чаще всего допускают ошибки при употреблении близких по звучанию слов, например, при переводе таджикских слов и словосочетаний таджики-билингвы допустили ошибки при использовании следующих лексем:

донишҷӯӣ – студенческий, студент,

коргарони ҷавон – рабочая молодёжь; работающая молодёжь,

аз мавзӯ дур шудан – отстать от темы, отойти от темы,

шири гов – коровье молоко; говяжье молоко и др.

Смешение паронимических слов является причиной возникновения в речи таджиков явления лексической интерференции. Например, таджикское предложение *Падарам ба бародарам тӯҳфа харид* переводится участниками эксперимента как *отец купил подарок сыну и отец подарил подарок сыну*. В данном случае возникает **семантическая паронимия**, так как таджикский глагол *харид* в русском языке соответствует одному слову *купил*. Лексическую паронимию можно обнаружить в следующих переводах:

1. Мо як чо шудем

Мы сошлись;

Мы срослись;

Мы стали едины;

Мы поженились;

Мы воссоединились.

В данном контексте в норме возможен только глагол *объединились*, его замена на *сошлись*, *срослись*, *воссоединились* создаст паронимическую ошибку.

2. Некихон шуморо фаромӯш нахоҳам кард

Не забуду ваши *добрые дела* вместо «доброту»

Не забуду вашу *милость*

3. Дар назди донишкада

Рядом с **колледжем**
Рядом с **университетом** } вместо «**институт**»

4. *Олимон* бисёранд, окилон кам
Много *мыслителей* (вместо учёных), мало умных.

5. Хонаи *болохонадор*
Двухэтажный дом
Дом с *крышей*
Многоэтажка
Дом с *чердаком* } вместо *Дом с мезонином*

Далее таджикский глагол **андохтан** переводится анкетлируемыми как *положить, вкладывать, бросить, бросать, добавлять, ложить, класть*, а словосочетания с данным глаголом переводятся участниками следующим образом:

- **ба чой қанд андохтан** – добавлять в чай сахар (вместо **класть**);
- **ба қаҳва шир андохтан** – добавлять молоко в кофе, смешать молоко в кофе, положить молоко в кофе (вместо **наливать**);
- **назар андохтан** – наблюдать (вместо **смотреть, глядеть, бросать взгляд**);
- **худо аз як сӯ ба дигар сӯ андохтан** – кочевать, кидать себя из одной стороны в другую (вместо **метаться из стороны в сторону**);
- **дастархон андохтан** – положить дастархан (вместо **постелить скатерть**);

Однако, согласно Русско-таджикскому словарю под редакцией Д.Саймиддинова, С.Д.Холматовой и С.Каримова, глагол **андохтан** является полисемичной лексемой и переводится на русский язык следующим образом:

«**андохтан** 1. класть, положить: *ба чой қанд андохтан* – класть сахар в чай; 2. бросать, кидать, метать, забрасывать: *худо аз як сӯ ба дигар сӯ андохтан* – метаться из стороны в сторону; 3. насыпать, подсыпать; заряжать: *ба қаҳва шир андохтан* – наливать в кофе молоко; 4. наливать, заправлять; 5. стелить, стлать, расстилать; накрывать; дастархон *андохтан* –стелить скатерть; 6. строить; *хона андохтан* – строить дом».

Таджикский глагол **андӯхтан** в вышеуказанном словаре переводится на русский язык как «1.накапливать; собирать; овладеть, например, дониш андӯхтан – овладеть знаниями; сарват андӯхтан – накапливать богатство; таҷриба андӯхтан – приобретать опыт».

По результатам анкетирования таджикскому глаголу **андӯхтан** характерны такие переводы как *обучать, обрести, усваивать*, а словосочетания с данным глаголом переводятся следующим образом:

- *дониш андӯхтан* – усваивать знания, обучать, учиться, приобретать знание (вместо **овладеть знаниями**);
- *сарват андӯхтан* – освоить богатством, разбогатеть (вместо **накапливать богатство**);

– *таҷриба андухтан* – усваивать практику, накопить опыт (вместо **приобретать опыт**)

Глагол **афзудан** в Таджикско-русском словаре соответствует таким русским глаголам, как «1. увеличивать; умножать; прибавлять; 2. увеличиваться, умножаться, прибавляться, возрастать». Однако анкетированные перевели этот глагол как *расти, растет*. Словосочетания с глаголом «афзудан» переведены следующим образом

1. Аз хад зиёд афзудан

до фига расти
чрезмерно расти
увеличивать очень много
слишком увеличить

вместо чересчур увеличиваться

2. беш аз пеш афзудан

растить больше
преждевременно расти
больше, день за день расти
увеличить
больше чем раньше расти

вместо увеличиваться (возрастать)
чем прежде

3. рӯз аз рӯз афзудан

расти со дня на день
больше чем расти
день ото дня расти
становится больше день за днём
день за днем увеличивать
растить с каждым днём

вместо увеличиваться, умножаться
изо дня в день

Далее рассмотрим следующий тип лексического интерференционного явления в русской речи студентов РТСУ.

Функциональная паронимия – это ошибочное употребление предлогов, например:

1. Коргарон *ба завод* омада, кор кардан мегиранд
Работники, прибыв *в завод* (вместо на завод), начали работать;
2. Мо *дар назди* донишкада чамъ шуда истода будем, ки автобус омад
Мы собрались *у* колледжа, когда приехал автобус;
Мы собрались *возле* университетат когда приехал автобус;
3. Ягон вақт *ба хонаи* мо мархамат кунед
Заходите, пожалуйста, как-нибудь *в наши дом* (вместо к нам).
4. Дафтари катак
Клетка тетради (вместо тетрадь в клетку);
5. Ман *ба шумо* тасодуфан мактуб менависам
Случайно написал письмо *тебе* (вместо я к вам пишу случайно)
6. Саидов *дар факултаи* филологӣ таҳсил менамояд

Саидов учится *в филологическом* факультете (*вместо на филологическом факультете*)

Роль предлогов в языке очень велика, хотя они считаются служебными частями речи. В русском языке предлоги выступают в предложении только с косвенными падежами имён, уточняя их значения и выражая разнообразные отношения между предметом и предметом (тетрадь в клетку), действием и предметом (иду на работу), признаком и предметом (бледный от страха). Предлоги не имеют лексического значения, не являются членами предложения.

Предлоги таджикского языка по своим основным синтаксическим функциям соответствуют русским предлогам. Однако в отличие от русского языка, где предлоги обязательно и закономерно сочетаются с соответствующими падежами имён или местоимений, в таджикском языке предлоги сочетаются с именами-основами и местоимениями и являются одним из главных грамматических средств, служащих для связи слов в предложении.

Каждому русскому предлогу в таджикском языке можно найти соответствие, а некоторые из таджикских предлогов, например, *аз* и *то* по звуковой оболочке и по семантике почти совпадают с русскими предлогами *из* и *до*.

Таким образом, проведенный нами анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Лексическая интерференция является одним из наиболее распространенных проявлений языкового контакта между русским и таджикским языками в речи таджиков. Она затрагивает различные семантические поля и лексические группы.

2. Основными источниками лексической интерференции являются различия в семантическом объеме и сочетаемости эквивалентных лексических единиц, а также отсутствие прямых лексических соответствий между таджикскими и русскими языками. Это приводит к ошибочному употреблению слов и словосочетаний в русской речи таджиков.

3. Явление интерференции на лексическом уровне оказывают значительное влияние на качество русской речи таджиков, затрудняя их коммуникацию с носителями русского языка. Это указывает на необходимость целенаправленной работы по устранению лексической интерференции в процессе преподавания РКИ носителям таджикского языка;

4. Для эффективной профилактики и коррекции лексической интерференции необходимо более глубокое изучение механизмов ее возникновения, а также разработка методических рекомендаций и упражнений, направленных на предотвращение подобных ошибок.

5. Лексическая интерференция может быть как положительным, так и отрицательным явлением:

- положительная интерференция обогащает язык новыми лексическими единицами;
- отрицательная интерференция может приводить к ошибкам и искажению смысла высказываний.

Для предотвращения негативных последствий лексической интерференции важно:

- осознавать различия в лексических системах языков;
- тщательно изучать значения и употребление слов в каждом языке;
- развивать языковую компетенцию и культуру речи.

Таким образом, проблема лексической интерференции в русской речи таджиков является актуальной и требует дальнейшего комплексного исследования с привлечением специалистов в области психолингвистики, контрастивной лингвистики и методики преподавания РКИ.

Литература

1. Бабанов А.В. Понятие трансидиоматичности в сопоставительном описании славянских языков. – 1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://phil.spbu.ru/nauka/konferencii/arhiv/konferencii-2012-2013-gg/tezisy-tezisy-dokladov-xli-mezhdunarodnoi-filologicheskoi-konferencii> (дата обращения: 01.03.2016).
2. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. – Благовещенск: БГК им. И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 264с.
3. Жлутенко Ю.А. Лингвистические проблемы двуязычия. – Киев, 1974. – 176 с.
4. Затовканюк М. Классификация явлений языковой интерференции (на материале лексики и грамматики) // Русский язык за рубежом. – М.: Изд-во МГУ, 1973. – №2. – С.74-77.
5. Кузнецова И.Н. Теория лексической интерференции на материале французского языка: автореф. дис. ... док-ра филол. наук: 10.02.05 / Кузнецова Ирина Николаевна. – М., 1988. – 54с.
6. Рыльский М.Ф. Мистецтво перекладу: Статті. Виступи. Нотатки. – Київ: Рад. Писменник, 1956. – 344 с.
7. Семчинский С.В. Семантическая интерференция языков (на материале славяно-восточнороманских языковых контактов): автореф. дис. ...д-ра филол. наук: 10.02.19 / Семчинский Станислав Владимирович. – Киев, 1973. – 34 с.
8. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания лексики. – М.: Русский язык, 1980. – 182 с.
9. Стернин И. А. Основные категории и постулаты когнитивной лингвистики // И.А.Стернин, А.В.Рудакова. – Воронеж, 2011. – 192 с.
10. Хашимов Р.И. Двуязычие и интерференция: сущность, типология и функционирование: монография. – 2 изд., стереот. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 318 с.
11. Шамбезода Х.Дж. Функциональная дистрибуция языков многочисленных народов в условиях многоязычия (на материале функционирования языков Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан): монография. – Душанбе: Ирфон, 2007. – 373с.

**LEXICAL INTERFERENCE IN THE RUSSIAN SPEECH OF THE
TAJIKS (BASED ON THE WRITTEN WORKS OF STUDENTS)**

Khursanova Nodira Nigmatovna

Postgraduate student of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph: (+992) 93 702 20 02 (m.)
khursanova_rtsu@mail.ru

The article deals with the problems of lexical interference in the Russian speech of Tajiks. Currently, the problem of studying the interference influence is the most important task of linguistics and linguodidactics, since understanding the characteristic phenomena of interference helps to develop more effective teaching methods and teaching materials that are aimed at avoiding common mistakes. Interference often reflects cultural and sociolinguistic features. By studying it, teachers and language learners better understand how cultural differences affect learning. The study of the interference influence allows not only to improve teaching methods and the quality of learning, but also to deepen the understanding of the language process as a whole. This is a necessary step towards creating an effective and adapted teaching system. It should be noted that there are fewer interference phenomena in written speech than in oral speech, since when completing written assignments there is an opportunity to recall the rules for using grammatical forms. All these differences lead to the formation of potential and real fields of interference influence of the Tajik language in the Russian speech of a bilingual Tajik.

Key words: interference; linguodidactics; language situation; bilingualism; multilingualism; language planning; nominative meanings.

**ДАХОЛАТИ ЛУҒАВӢ ДАР ГУҒТОРИ РУСИИ ТОҶИКОН
(АЗ РӮӢ АСАРҲОИ ХАТӢИ ДОНИШӢӢӢ)**

Хурсанова Нодира Нигматовна

Аспиранти кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 93 702 20 02 (м.)
khursanova_rtsu@mail.ru

Дар мақола мушкилоти дахлати луғавӣ дар забони русии тоҷикон баррасӣ шудааст. Дар айни замон масъалаи омӯзиши таъсири интерференсия вазифаи муҳимтарини забоншиносӣ ва лингводидактика мебошад, зеро фаҳмидани зухуроти ҳоси интерференсия барои таҳияи усулҳои самараноки таълим ва маводи таълимӣ, ки ба пешгирии хатогиҳои умумӣ нигаронида шудаанд, мусоидат мекунад. Дахлат аксар вақт хусусиятҳои фарҳангӣ ва ҷомеашиносиро инъикос мекунад. Бо омӯзиши он, муаллимон ва забонмӯзон беҳтар мефаҳманд, ки фарқиятҳои фарҳангӣ ба омӯзиш чӣ гуна таъсир мерасонанд. Омӯзиши таъсири интерференсия имкон медиҳад, ки на танҳо усулҳои таълим ва сифати таълим беҳтар карда шавад, балки дарки раванди забон дар

мачмӯъ амиктар шавад. Ин як қадами зарурӣ барои эҷоди системаи муассир ва мутобикшудаи таълим аст. Бояд гуфт, ки дар нутқи хаттӣ нисбат ба нутқи шифохӣ ходисаҳои интерференсия камтар мушоҳида мешаванд, зеро ҳангоми иҷрои супоришҳои хаттӣ имкони дар хотир нигоҳ доштани қоидаҳои истифодаи шаклҳои грамматикӣ вучуд дорад. Ҳамаи ин тафовутҳо боиси ташаккули майдонҳои потенциали ва воқеии таъсири даҳолати забони тоҷикӣ дар нутқи русии дузабонии тоҷикӣ мегардад.

Калидвожаҳо: интерференсия; лингводидактика; вазъияти забон; дузабонӣ; бисёрзабонӣ; банақшагирии забон; маънои номинативӣ.

УДК 316.647.8:316.77

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ПРАКТИКЕ ОБЩЕНИЯ

Хакимов Айрат Айдарович

Младший научный сотрудник учебно-научной лаборатории
этнокультурологии и социокультурных исследований
Научно-исследовательский институт
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 985 03 51 65 (м.)
ayrat.98@list.ru

Актуальность темы статьи обусловлена возрастающим поликультурным разнообразием современного общества, что предполагает необходимость глубокого понимания механизмов влияния стереотипов на процесс межкультурного и межличностного взаимодействия. Стереотипы могут создавать коммуникативные барьеры и приводить к недопониманиям и искажению информации. Исследование нацелено на комплексный анализ механизмов воздействия и функционирования социокультурных стереотипов в повседневном общении, в связи с чем одной из задач работы является определение значимости стереотипов в процессе общения.

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход. Применение методов ассоциативного эксперимента и анкетирования позволило выявить как осознанное восприятие стереотипов, так их неосознанное влияние на коммуникативное поведение. В анкетировании приняли участие студенты Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Основные результаты исследования свидетельствуют о том, что стереотипы наиболее ярко проявляются в ситуациях межкультурного общения и при первом знакомстве. Согласно мнению респондентов, наибольшей устойчивостью обладают этнокультурные и гендерные стереотипы. Социокультурные стереотипы выступают в качестве инструмента, регулирующего коммуникативное поведение, а их негативное влияние может быть снижено через расширение личностного опыта и формирование критического мышления.

Ключевые слова: социокультурные стереотипы; общение; коммуникация; молодёжь; речевое поведение; ассоциативный эксперимент; анкетирование; коммуникативная практика.

Стремительные изменения в современном обществе, характеризующиеся интенсивными миграционными и глобализационными процессами, придают проблеме межкультурной коммуникации особую значимость. При этом следует подчеркнуть, что успешность конструктивного межкультурного диалога определяется не только индивидуально-личностными характеристиками его участников, но и влиянием устойчивых стереотипов. Однако достижению эффективного общения зачастую препятствуют социокультурные стереотипы – устойчивые, часто упрощённые представления о представителях других культур и социаль-

ных групп. Успешность межличностного и межкультурного диалога в этой среде в значительной степени зависит от умений распознавать и преодолевать влияние этих стереотипизированных образов, способных исказить восприятие и порождать недопонимания. Это обстоятельство обуславливает научную и практическую значимость всестороннего изучения механизмов воздействия стереотипов на коммуникативные процессы и разработки эффективных стратегий речевого поведения.

Теоретическое осмысление рассматриваемой проблемы предполагает обращение к ряду научных исследований и установление ключевых концепций, методологии, которые могут быть использованы для дальнейшего анализа.

В аспекте данной проблематики нашего исследования следует отметить работу У. Липпмана «Общественное мнение», поскольку именно он в начале XX века ввёл в научный оборот понятие «стереотип», под которым он понимал «упорядоченную, схематичную, детерминированную культурой «картинку» мира в сознании человека» [11, с.23]. В контексте нашего исследования данная концепция напрямую соотносится с проявлениями стереотипных установок в повседневной речевой практике.

В дальнейшем эта мысль получила своё развитие в работах известных российских и западных культурологов, специалистов в области теории коммуникации, социологов, лингвистов, этнологов и психологов – таких как Г.А.Андреева, Н.М.Лебедева, Р.Льюис, Э.Т.Холл, Г.Хофстед и др. Исследования этих авторов охватывают разные аспекты изучения стереотипов, что значительно расширяет наше представление об этом феномене.

Особое значение в контексте нашего исследования приобретает анализ стереотипов не только в теоретическом ключе, но и в их непосредственном проявлении в повседневной коммуникативной практике. Мировосприятие человека формируется системой повседневных практик, которые представляют собой комплекс ценностей, традиций и поведенческих моделей, и ориентиров. Теоретическое осмысление феномена повседневности нашло глубокое отражение в работе Т.Лукмана и П.Бергера. Под повседневностью они понимали «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [1, с.38]. В работах российских учёных Ю.М.Лотмана [6], В.Д.Лелеко [5] повседневность анализировалась через призму социально-бытовых отношений. Повседневность как неотъемлемая часть социальной реальности, представляет собой динамическую среду, в которой формируются и трансформируются социокультурные нормы и ценности. Несмотря на значительное количество работ, посвящённых данной проблематике, многие аспекты функционирования стереотипов в коммуникативной практике всё ещё требуют дополнительного изучения.

Проблеме проявления социокультурных стереотипов в коммуникативных процессах посвящены многочисленные исследования в области лингвистики, социальной психологии и теории межкультурной коммуникации. Так, например, Л.В.Чеснокова в своей работе «Стереотипы в межкультурной коммуникации» рассматривает стереотипы как естественный психологический механизм, кото-

рый позволяет «редуцировать сложность окружающего мира, укладывать беспорядочный поток впечатлений в привычные схемы и стандарты» [9, с.91]. Таким образом, можно полагать, что именно стереотипы выполняют ориентирующую функцию в поведении человека по отношению к представителям другой культуры.

Стоит обратить внимание на исследование А.Л.Новикова и И.А.Новиковой, которые определяют стереотипы как «феномены, опосредующие процессы межкультурного восприятия, диалога и взаимодействия» [7, с.983]. Это определение напрямую коррелируется с предметом нашего исследования, поскольку восприятие является ключевым компонентом межкультурной коммуникации. Рассматривая проблему проявления этнических стереотипов в контексте межкультурного взаимодействия, стоит отметить также исследование Д.М.Искандаровой и О.Л.Козловой [3], которые анализируют восприятие образа русского в таджикском языковом сознании.

Быстрое развитие цифровых технологий и их проникновение во все сферы человеческой жизнедеятельности создаёт новые вызовы в понимании того, как формируются и трансформируются стереотипы. В частности, Я.Нугманова в своём исследовании подвергает анализу культурные стереотипы, которые проявляются в общении в Интернете. Она рассматривает Интернет как среду, где стереотипы могут не только укрепляться под влиянием огромного массива информации, но и разрушаться посредством культурного взаимодействия [8].

Несмотря на разнообразие применяемых подходов, они представляют интерес с точки зрения методологии анализа проблемы. Однако, несмотря на это, некоторые её аспекты остаются недостаточно изученными.

Цель нашего исследования заключается в комплексном анализе механизмов воздействия и функционирования социокультурных стереотипов в повседневной практике общения.

Достижение поставленной цели потребовало формирования междисциплинарного методологического аппарата. Такой подход позволил рассмотреть феномен стереотипа с точки зрения социолингвистики и лингвокультурологии. Эмпирическая база работы базируется на двух взаимодополняющих методах: ассоциативный эксперимент и анкетирование, проведённые среди студентов 1-4 курсов различных направлений подготовки программы бакалавриата Российско-Таджикского (Славянского) университета.

Анкетирование было направлено на определение степени осознания и роли социокультурных стереотипов в повседневной коммуникативной практике современной студенческой молодёжи. Анкета содержала открытый, полужакрытый, закрытый и шкальный типы вопросов.

Ассоциативный эксперимент был применён нами в качестве дополняющего и уточняющего метода по отношению к анкетированию. Процедура ассоциативного эксперимента базировалась на классической теории свободных ассоциаций по методике «Приписывания качеств» Д.Каца и К.Брейли [10]. Применение данной методики позволило выявить и зафиксировать характерные черты стереотипных образов на основе реакций испытуемых.

В ходе проведённого нами анкетирования было опрошено 65 респондентов. Возрастная категория участников варьировалась от 18 до 22 лет (30% мужского пола и 70% - женского). Данная выборка является репрезентативной для исследования жизненных установок молодёжи, поскольку именно в этом возрастном периоде происходит активное формирование устойчивых стереотипных представлений по отношению к «Другому».

Анализ полученных нами в ходе анкетирования данных выявил наличие у респондентов различных представлений о стереотипах: так, по 40% опрошенных определили стереотипы как «предвзятое мнение» и как «устаревшее представление о реальности». В то же время, оставшиеся 20% указали на их адаптивную функцию – как удобный способ «быстрой классификации людей».

Согласно ответам участников анкетирования, стереотипы проявляются в межкультурном общении (67%) и при первом знакомстве (40%). Полученные данные, на наш взгляд, особенно остро подчёркивают актуальность проблемы проявления этнокультурных предрассудков в процессе коммуникации. По 20% опрошенных видят проявление стереотипов в общении в Интернете и семейных разговорах. Такое распределение ответов наглядно свидетельствует о том, что стереотипы особенно активно функционируют и воспроизводятся в условиях информационной неопределённости и дефицита достоверных сведений о «Другом» (рис. 1).

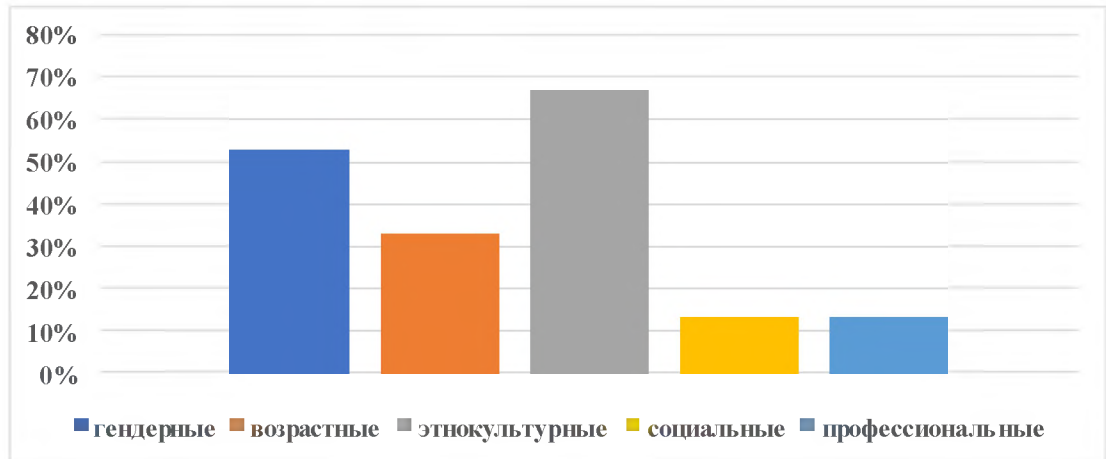

Рис. 1 – Ситуации, в которых стереотипы проявляются наиболее ярко

Дальнейший анализ данных, полученных в ходе нашего исследования, позволил выявить иерархию предпочтений респондентов относительно различных типов стереотипов, которые, по их мнению, обладают наибольшей устойчивостью. Анализ показал, что этнокультурные стереотипы воспринимаются подавляющим большинством опрошенных (67%) как наиболее устойчивые и труднопреодолимые. Гендерные стереотипы, по мнению 53% респондентов, оказывают существенное влияние на формирование и закрепление предвзятых установок в межличностном восприятии. Возрастные стереотипы были отмечены 33% участников как категория, воспринимаемая ими как менее устойчивые и менее влиятель-

ные в контексте формирования предвзятого мнения (рис. 2). Таким образом, глубокое понимание механизмов формирования и устойчивости стереотипов является ключевым для определения рекомендаций по преодолению предвзятости и улучшения межличностного взаимодействия.

Рис. 2 – Виды наиболее устойчивых стереотипов в современном обществе

С целью осуществления более детального анализа механизмов формирования стереотипов в общении нами был разработан и проведён ассоциативный эксперимент. Процедура ассоциативного эксперимента заключалась в следующем: респондентам последовательно предъявлялся ряд слов-стимулов, представляющие ключевые понятия («мужчина», «женщина», «старость», «молодёжь», «учёный», «политик», «домохозяйка», «рабочий», «бизнесмен», «шеф», «преподаватель», «блогер», «турист», «немец», «русский», «африканец», «индус», «китаец», «узбек», «художник», «музыкант», «поэт»). Задача испытуемых заключалась в том, чтобы на каждое слово-стимул назвать несколько первых пришедших на ум слов (см. табл. 1).

Таблица 1 – Результаты распределения слов-реакций на слова-стимулы (по типам)

Слова-стимулы	Ядро АВП	Периферии АВП
мужчина	1. Семья, родство, ответственность: отец (18), глава семьи (10), опора (6), ответственность (5), защитник (2) 2. Сила: физическая сила (10), накаченный (1)	3. Лидерство / Деятельность: лидер (4), действие (3), бизнес (1), армия (1), завод (1) 4. Качества: мудрость (2), абьюзер (2) 5. Атрибуты: машина (2)
женщина	1. Семья, родство: мать (18), хранительница очага (6), сестра (4), жена (1) 2. Внешность и качества: красота (9), нежность (2), мягкость (2), слабость (2), биполярность (2), ответственность (2)	3. Дом и забота: уют (2), забота (3), домохозяйка (4), дети (2) 4. Социальный статус: феминизм (2)
старость	1. Мудрость и опыт: мудрость (13), опыт (8), осознанность (2) 2. Физическое увядание: седина (5), слабость (4), морщины (3), болезнь (2)	3. Социальная жизнь: дедушка-бабушка (6), пенсия (5) 4. Негативные эмоции/ состояние: не слабоумие (4), радость (3), усталость (3), безнадёжность (2), смерть (3)
молодёжь	1. Активность: энергия (10), движение (5), свобода (5), будущее (3) 2. Качества: легкомысленность (6), безопытность (6), глупость (2), психически нестабильные (2)	3. Социальная жизнь: учёба (3), подросток (2), студент (1), школьник (1) 4. Атрибуты: сленг (4), тренд (1), игра (1)
Учёный	1. Деятельность: наука (15), исследование (7), открытие (4), достижения (3) 2. Интеллектуальные способности: интеллект (13), знания (5), гений (2)	3. Роль: наставник (2). 4. Атрибуты и прочее: очки (3), книга (3), белый халат (1), Эйнштейн (1) 5. Качества: бедный (1)
Политик	1. Статус: власть (15), статус (3), влияние (5), государство (5)	3. Профессиональные навыки: оратор (3), юрист (3), отношения (5)

	2. Личные качества: коррупционер (7), лжец (7), хитрость (5)	4. Атрибуты и прочее: богатство (3), опасность (3), Жириновский (1)
Домохозяйка	1. Быт: уют (11), хозяйство (4), кулинария (4), чистота (2) 2. Семья: мама (5), дети (4), семья (4), хранительница очага (4), жена (3)	3. Работа и состояние: усталость (7), рутина (5), работа (2) 4. Качества: ответственность (1), хорошая (1)
Рабочий	1. Деятельность: труд (19), профессия (5), завод (3), работа (2), занятой (2) 2. Социальная роль: мужчина (7), муж (5), пролетарият (1), мастер (1)	3. Работа: компания (4), офис (3), коллеги (3), стройка (1) 4. Качества: усталость (4), физ. сила (2), честность (2), раб (2)
Бизнесмен	1. Деятельность и атрибуты: деньги (7), успех (6), бизнес (2), предприниматель (2), костюм (1) 2. Положительные качества: рискованность (10), целеустремлённость (5)	3. Негативные качества: лжец (4), обманчивость (4), потери (1) 4. Взаимодействие: конкуренция (2), партнёры (2), влияние (1)
Шеф	1. Деятельность: руководитель (8), контроль (6), авторитет (4) 2. Негативные качества: придиричивость (5), противный (4)	3. Ассоциации с едой: повар (6), кухня (3) 4. Прочее: ответственность (4), толстый (3), босс (2).
Преподаватель	1. Деятельность: знания (13), обучение (9), учитель (5), образование (4) 2. Социальная роль и качества: воспитатель (6), наставничество (5)	3. Профессиональные качества: пунктуальность (4), ответственность (3), опыт (2), ум (2), тяжкий труд (1) 4. Место работы: школа (2), университет (2)
Немец	1. История: фашист (8), Гитлер (6), война (6), арийцы (1) 2. Характерные качества: дисциплинированность (6), педантичность (5), пунктуальность (4), закрытый (4)	3. Страна / культура: Германия (6), пиво (4), автомобиль (6) 4. Негативные качества: высокомерие (4), жестокость (2), расчётливый (1)
Русский	1. Культура / атрибуты: водка (8), зима (5), матрёшка (4), самогон (4), борщ (2),	3. История / страна: история (7), Россия (2), Сибирь (4), Пётр I (2)

	пельмени (2) 2. Позитивные и негативные качества: гостеприимность (6), грубость (5), широта души (2)	4. Негативные качества: противный (3), недоброжелательность (4), бессердечный (2), пофигист (1).
Африканец	1. Культура / внешность: негр (8), танец (7), кудри (1), традиции (3) 2. Негативные качества: бедность (7), голод (6), агрессивность (8), преступность (3)	3. География и природа: Африка (3), жара (4), природа (2), саванна (1) 4. Прочее: страдания (5), охота (5), хороший (2), доброта (1),
Индус	1. Культура / религия: йога (6), Болливуд (5), танцы (5), индуизм (5), Будда (5), традиция (4) 2. Быт: грязь (8), антисанитария (6), жара (4), чай (4)	3. Социальные аспекты: долгие сериалы (6), бедность (5), многочисленность (2) 4. Прочее: весёлый (4), радость (2), слон (2)
Китаец	1. Внешность: узкоглазый (8), маленький рост (2) 2. Труд и экономика: технологии (6), трудолюбие (6), завод (4), торговля (2)	3. Культура и быт: лапша (5), иероглифы (4), палочки (1), рис (1), Конфуций (3) 4. Социально-экономические аспекты: закрытость (5), всеядный (5), многочисленность (2), шум (1)
Узбек	1. Культура: плов (15), традиции (10), вкусная еда (2), самса (1), чапан (1), костюм (3) 2. Отношения: гостеприимство (8), друг (5), сосед (5)	3. Негативные качества / критика: малообразованные (6), высокомерие (2) 4. Прочее: музыка (3), Самарканд (3), Ташкент (2), брат (2)

По гендерному признаку.

В качестве примера детального анализа рассмотрим реакции информантов на слово-стимул **«мужчина»**. Было дано 68 реакций.

Частотностью отмечены следующие реакции: *отец (18), физическая сила (10), глава семьи (10), опора (6), ответственность (5), лидер (4), действие (3), защитник (2), мудрость (2), абьюзер (2), машина (2), бизнес (1), завод (1), наказанный (1)*. Анализ полученных реакций демонстрирует, что в сознании информантов «мужчина» ассоциируется прежде всего с **семьёй, родством и ответственностью (41 реакция)**. Такие ассоциации соотносятся с исторически уко-

ренёнными стереотипами, согласно которым мужчине отводится роль главы семьи и гаранта безопасности.

Рассмотрим реакции на слово-стимул **«женщина»**. Здесь была зафиксирована 61 реакция. Доминируют представления, связанные с **семьёй и родством**, как и мужчин (**29 реакций**): *мать* (18), *хранительница очага* (6), *сестра* (4), *жена* (1). Вторым по репрезентативности критерием в ассоциативном поле являются **«внешность и качества»**, представленные реакциями: *красота* (9), *нежность* (2), *мягкость* (2), *биполярность* (2), *слабость* (2), *ответственность* (2). Менее частотные реакции дополняют этот образ категориями **«дом и забота»**, например, *уют* (2), *забота* (3), *домохозяйка* (4), *дети* (2) и **«социальный статус»** (*феминизм* (2)). Полученные данные позволяют сделать вывод, что представления респондентов о женщине в значительной степени ограничены стереотипами, связанными с традиционными семейными ролями.

Рассмотрим возрастные стереотипы.

Анализ ассоциаций со словом-стимулом **«старость»** демонстрирует амбивалентное восприятие. С одной стороны, старость ассоциируется с **мудростью и опытом**: *мудрость* (13), *опыт* (8), *осознанность* (2); с другой стороны более частотными являются реакции, связанные с **физическим увяданием**: *седина* (5), *слабость* (4), *морщины* (3), *болезнь* (2). Периферийные ассоциации усиливают негативный образ старости и связаны с **негативными эмоциями и состоянием**: *слабоумие* (4), *не радость* (3), *усталость* (3), *безнадёжность* (3), *смерть* (3) и **социальной жизнью** (*дедушка-бабушка* (6), *пенсия* (5)).

Слово-стимул **«молодёжь»** вызывает ассоциации, в которых сочетаются как позитивные, так и негативные оценки. В ядре ассоциативного поля наиболее частотными являются реакции, связанные с **активностью**: *энергия* (10), *движение* (5), *свобода* (5), *будущее* (3). Вместе с тем, также часто встречаются и негативные представления, выраженные в **качествах**: *легкомысленность* (6), *безопытность* (6), *глупость* (2), *психически нестабильные* (2). Менее частотные реакции характеризуются **социальной жизнью**: *учёба* (3), *подросток* (2), *студент* (1), *школьник* (1) и **атрибутами** (*сленг* (4), *тренд* (1), *игра* (1)).

Рассмотрим профессиональные стереотипы.

Реакции на слово-стимул **«учёный»** показывают, что наиболее значимыми являются ассоциации, в основном связанные с **профессиональной деятельностью**: *наука* (15), *исследование* (7), *открытие* (4), *достижения* (3) и **интеллектуальными способностями** *интеллект* (13), *знания* (5), *гений* (2). Второстепенные реакции вызваны **социальной ролью**: *наставник* (2) и **атрибутами** *очки* (3), *книга* (3), *белый халат* (1), *Эйнштейн* (1). Лишь в единичном случае есть негативное представление об учёном как бедном человеке.

Образ **политика**, по результатам ассоциативного эксперимента, сводится к **власти**: *власть* (15), *статус* (3), *влияние* (5), *государство* (5) и **недоверию**: *коррупционер* (7), *лжец* (7), *хитрость* (5). Менее частотными на данное слово-стимул являются реакции, связанные с **профессиональными навыками**: *оратор* (3), *юрист* (3), *отношения* (5). Также, по мнению респондентов, политик ассоциируется с **богатством** (3), **опасностью** (3), *В.Жириновским* (1). Следовательно, в

сознании студентов образ политика характеризуется высоким уровнем негативного восприятия.

Ассоциации к слову **«домохозяйка»** в основном связаны с **бытом**: уют (11), хозяйство (4), кулинария (4), чистота (2) и **семьёй**: мама (5), дети (4), семья (4), хранительница очага (4), жена (3). Эти реакции имеют нейтральную и положительную окраску. Однако реже встречаются негативные реакции: усталость (7), рутина (5), работа (2). Это свидетельствует о восприятии домохозяйки как фигуры, полностью погружённой в семейные и домашние обязанности.

Образ **рабочего** в сознании студентов ассоциируется с **физическим трудом**, конкретной **профессией**: труд (19), профессия (5), завод (3), работа (2), занятой (2) и социальной **ролью**: мужчина (7), муж (5), пролетариат (1), мастер (1). Однако здесь также присутствуют негативные реакции, такие как усталость (4), физ. сила (2), раб (2). Это указывает на восприятие рабочего как человека, занятого тяжёлым трудом.

Ассоциаты, связанные со словом-стимулом **«бизнесмен»**: рискованность (10), деньги (7), успех (6), целеустремлённость (5), лжец (4), обманчивость (4), бизнес (2), предприниматель (2), конкуренция (2), партнёры (2), костюм (1), потери (1), влияние (1). В результате анализа данных можно сделать вывод, что в основе восприятия «бизнесмена» лежит позитивный образ, связанный с успехом, богатством и такими качествами, как целеустремлённость и рискованность. Однако мы наблюдаем и негативные ассоциации: лжец (4), обманчивость (4). В целом образ бизнесмена формирует двойственное, но преимущественно положительное восприятие.

Слово-стимул **«шеф»**. Здесь, как видим, наиболее частотные реакции связаны с деятельностью: руководитель (8), контроль (6), (авторитет (4), – которые создают в целом положительное представление о нём. При этом присутствуют и **негативные качества**: придирчивость (5), противный (4). Менее частотными являются реакции: повар (6), кухня (3), ответственность (4), толстый (3), босс (2). Исходя из этого, стоит предположить, что образ шефа является неоднозначным.

Результаты анализа ответов респондентов на слово-стимул **«преподаватель»** демонстрируют, что реакции в основном связаны с профессиональной деятельностью: знания (13), обучение (9), учитель (5), образование (4), социальной ролью: воспитатель (6), наставничество (5). Эти реакции носят позитивный характер. Дополняют его менее частотные реакции, такие как пунктуальность (4), ответственность (3), опыт (2), ум (2), школа (2), университет (2), тяжёлый труд (1). В целом, образ преподавателя в сознании респондентов многогранен и включает в себя как профессиональные, так и личные качества.

Перейдём к анализу этнических стереотипов.

Слово-стимул **«немец»**. Следует отметить, что наличие высокочастотных реакций связано с **исторической памятью**: фашист (8), Гитлер (6), война (6), арийцы (1). Они формируют устойчивый негативный образ, который до сих пор оказывает влияние на восприятие немцев и всего, что с ними связано. Однако, это рассеивают характерные черты национального менталитета: дисциплиниро-

ванность (6), *педантичность* (5), *пунктуальность* (4), *закрытый* (4). Таким образом, АВП слова-стимула «немец» носит амбивалентный характер.

В ядре АВП слова-стимула **«русский»** реакции респондентов: *водка* (8), *зима* (5), *матрёшка* (4), *самогон* (4), *борщ* (2), *пельмени* (2). Также в ядре ассоциативного поля респондентами были отмечены реакции, связанные с личностными характеристиками: *гостеприимность* (6), *грубость* (5), *широта души* (2). Менее частотны такие реакции, как *история* (7), *Россия* (2), *Сибирь* (4), *Пётр I* (2), они касаются исторического или территориального контекста. Дополняют их негативные качества: *противный* (3), *недоброжелательность* (4), *бессердечный* (2), *пофигист* (1). Как мы видим, образ русского сочетает в себе как положительные, так и отрицательные черты.

Слов-стимул **«африканец»** демонстрирует выраженную стереотипную окраску. В частности, наиболее частотные реакции выражены в культуре и внешности: *негр* (8), *танец* (7), *кудри* (1), *традиции* (3). Эти ассоциации можно трактовать как положительные либо как нейтральные. Вместе с тем, стоит обратить внимание на отрицательные реакции: *бедность* (7), *голод* (6), *агрессивность* (8), *преступность* (3). Это указывает на то, что преимущественно образ африканцев воспринимается респондентами как негативный. Менее частотные реакции связаны с географическим положением и природными особенностями Африки: *жара* (4), *Африка* (3), *природа* (2), *саванна* (1). Также встречаются и иные реакции: *страдания* (5), *охота* (5), *хороший* (2), *доброта* (1). Следовательно, в основу данного стереотипа положен акцент на трудных жизненных условиях и потенциальной опасности, что и формирует негативное восприятие жителей Африки.

Реакции на слово-стимул **«индус»**. Наиболее частотные реакции отражают культурно-религиозный контекст: *йога* (6), *Болливуд* (5), *танцы* (5), *индуизм* (5), *Будда* (5), *традиция* (4). Эти реакции носят позитивный характер. Наряду с этим, значимыми являются реакции, связанные с бытовыми условиями: *грязь* (8), *антисанитария* (6), *жара* (4), *чай* (4). Дополняют их менее частотные реакции, отражающие социальные и личностные аспекты: *долгие сериалы* (6), *бедность* (5), *многочисленность* (2), *весёлый* (4), *радость* (2), *слон* (2). Таким образом, данные стереотипы характеризуются элементами культурной идентичности, образом жизни, уровнем благосостояния.

В реакциях на слово-стимул **«китаец»** так же прослеживается двойственность. Ядро ассоциативного поля включает реакции, отражающие внешние характеристики: *узкоглазый* (8), *маленький рост* (2). Эти ассоциации можно интерпретировать как условно негативные. Однако позитивный характер несут следующие реакции: *технологии* (6), *трудолюбие* (6), *завод* (4), *торговля* (2). Они свидетельствуют о трудолюбии и благоприятной экономической ситуации в Китае. Однако, анализируя периферийные реакции: *латиа* (5), *всеядный* (5), *закрытость* (5), *иероглифы* (4), *палочки* (1), *рис* (1), *Конфуций* (3), *многочисленность* (2), *шум* (1), можно констатировать, что образ воспринимается как положительно, так и отрицательно.

Наконец, анализ АВП слова-стимула «узбек» демонстрирует преобладание позитивных ассоциаций. Это нашло отражение в реакциях, связанных с богатой культурой и менталитетом: *плов (15), традиции (10), гостеприимство (8), друг (5), сосед (5), костюм (3), вкусная еда (2), самса (1), чапан (1)*. Кроме того, имеются и негативные реакции: *малообразованные (6), высокомерие (2)*. Таким образом, образ узбека воспринимается более как позитивный, чем иначе.

По результатам ассоциативного эксперимента можно констатировать, что социокультурные стереотипы в сознании студенческой молодёжи носят двойственный характер.

Возвратимся к данным анкетирования. Отвечая на вопрос «Вы столкнулись при общении с собеседником со стереотипным мышлением. Ваши действия», более половины опрошенных (53%) заявили о своём стремлении преодолевать стереотипы, доказывая их ложность и несостоятельность. 20% респондентов активно противостоят стереотипным утверждениям, в то время как 27% воспринимают их как данность. Это свидетельствует об отсутствии у современной молодёжи единой стратегии реагирования на проявления стереотипизации в повседневной практике общения.

В ходе нашего исследования респондентам также было предложено оценить степень искажения информации стереотипами в межличностном общении по пятибалльной шкале. Подавляющее большинство опрошенных (60%) дали оценку «4», что, по нашему мнению, свидетельствует о достаточно высоком уровне осознания ими роли стереотипов как коммуникативного барьера. Ещё 20% респондентов оценили степень данного влияния на уровне «3», что может быть интерпретировано нами как признание умеренного или заметного наличия стереотипизации в коммуникативной практике. Суммарная доля ответов с минимальной оценкой («1» и «2») составила 13% и 7% опрошенных, которые либо недооценивают влияние стереотипов, либо воспринимают его как несущественное и не заслуживающее особого внимания.

Ответы респондентов на вопрос о способах уменьшения влияния стереотипов в общении показали, какие стратегии снижения стереотипизации в межличностной и межкультурной коммуникации они считают наиболее эффективными. Так, наибольшее количество участников (50%) в качестве основного способа противодействия стереотипному восприятию выделяют необходимость формирования критического мышления. В то же время, 35% опрошенных указали на важность и эффективность культурного обмена как средства разрушения стереотипов. Оставшиеся 15% опрошенных в качестве эффективного средства снижения влияния стереотипов отметили роль образования, поскольку именно оно является одним из ключевых инструментов борьбы со стереотипами и предрассудками.

Комплексный анализ эмпирических данных, полученных нами в ходе данного исследования, со всей очевидностью подтверждает, что стереотипы играют весьма значимую роль в повседневной речевой практике. Современная молодёжь демонстрирует амбивалентное восприятие стереотипов: с одной стороны, они осознаются как потенциально предвзятые представления, способные исказить

реальность, а с другой – как инструмент для категоризации людей. Такое двойственное восприятие в полной мере согласуется с классической концепцией У. Липпмана, который определял стереотипы как «картинки в нашей голове» [11, с.23].

При этом, согласно результатам проведённого нами ассоциативного эксперимента, этнокультурные и профессиональные стереотипы несут негативную и амбивалентную окраску, что может привести к недопониманию и конфликтным ситуациям в процессе общения. Это находит своё подтверждение в выводах, сделанных ранее другими исследователями, – О.В.Ладыгиной [4, с.18] и Д.М.Искандаровой [2].

Стереотипы, с которыми мы сталкиваемся каждый день, одновременно являются и исторически устойчивыми представлениями, и мощными инструментами, определяющими наше общение. В то время как позитивные стереотипы могут способствовать созданию атмосферы доверия, а негативные могут спровоцировать агрессию и конфликт. Это демонстрирует двойственную роль стереотипов в межличностном взаимодействии.

Сегодня, когда молодёжь постоянно находится под мощным воздействием массмедиа, ключевой стратегией становится развитие у неё навыков критического мышления.

Таким образом, мы можем утверждать, что для повышения коммуникативной компетентности студентов необходимо включить в учебные планы вузов специализированные курсы и модули по теории коммуникации. Критически важным аспектом таких курсов должны стать изучение механизмов формирования и функционирования стереотипов и разработка стратегий борьбы с ними.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д.Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Искандарова Д.М. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодёжной среде Таджикистана // Международный журнал экспериментального образования. – 2015. – №8-3. – С.389-390.
3. Искандарова Д.М., Козлова О.Л. Образ русского в таджикском языковом сознании // Русин. – 2024. – №78. – С.269-286. DOI: 10.17223/18572685/78/13
4. Ладыгина О.В. Значение сотрудничества молодежи стран СНГ в преодолении стереотипов // Государственная молодёжная политика: вызовы и современные технологии работы с молодёжью: материалы Международной молодёжной научно-исследовательской конференции (г.Екатеринбург, 06 апреля 2023 г.). – Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина, 2023. – С.17-21.
5. Лелеко В.Д. Пространство повседневности в европейской культуре / М-во культуры Рос. Федерации. С-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств. – СПб., 2002. – 303 с.
6. Лотман Ю.М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Учёные записки Тартуского государственного университета. – Тарту, 1977. – Вып. 411. – С.65-89.
7. Новиков А.Л., Новикова И.А. Этнические стереотипы в контексте межкультурной коммуникации: психологические и семантические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2019. – Т.10, №4. – С.977-989.

8. Нугманова Я. Культурные стереотипы в межкультурных взаимодействиях и их преодоление в условиях цифровой коммуникации [Электронный ресурс] // Язык. Культура. Медиа-коммуникация. – 2024. – Т.4, №1. Режим доступа: <https://lcmjournal.susu.ru/index.php/lcm/article/view/247/555> (дата обращения: 14.04.2025)
9. Чеснокова Л.В. Стереотипы в межкультурной коммуникации // Научно-методический электронный журнал "Концепт". – 2015. – №4. – С.91-95.
10. Katz D., Braly K.W. Racial stereotypes of one hundred college students // Journal of abnormal and social psychology. –1933. –Vol. 28. –P.280-290.
11. Lippman W. Public Opinion. –N.Y., 1966.

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL STEREOTYPES IN EVERYDAY COMMUNICATION PRACTICE

Khakimov Ayrat Aidarovich

Junior researcher of the educational and scientific laboratory
of ethnocultural studies and sociocultural research
Research Institute
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 985 03 51 65 (m.)
ayrat.98@list.ru

The relevance of the article is due to the increasing multicultural diversity of modern society, which implies the need for a deep understanding of the mechanisms of influence of stereotypes on the process of intercultural and interpersonal interaction. Stereotypes can create communication barriers and lead to misunderstandings and distortion of information. The study is aimed at a comprehensive analysis of the mechanisms of influence and functioning of socio-cultural stereotypes in everyday communication, in connection with which one of the objectives of the work is to determine the significance of stereotypes in the communication process.

The methodological basis of the study was an interdisciplinary approach. The use of associative experiment and questionnaire methods made it possible to identify both the conscious perception of stereotypes and their unconscious influence on communicative behavior. Students of the Russian-Tajik (Slavonic) university took part in the questionnaire.

The main results of the study indicate that stereotypes are most clearly manifested in situations of intercultural communication and at the first acquaintance. According to respondents, ethnocultural and gender stereotypes are the most stable. Sociocultural stereotypes act as a tool regulating communicative behavior, and their negative impact can be reduced through the expansion of personal experience and the formation of critical thinking.

Keywords: socio-cultural stereotypes; communication; communication; youth; speech behavior; associative experiment; questionnaire; communicative practice.

НАҚШИ СТЕРЕОТИПҲОИ ИҶТИМОИЮ ФАРҲАНГӢ ДАР АМАЛИЁТИ МУОСИРОТИ ҲАРРӮЗА

Хакимов Айрат Айдарович

Ходими хурди илмӣи лабораторияи таълимию илмӣи
этнофарҳангшиносӣ ва тадқиқоти иҷтимоӣ-фарҳангии

Институти тадқиқоти илмӣи

Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон

734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30

Тел.: (+992) 985 03 51 65 (м.)

ayrat.98@list.ru

Дар мақола таъсири стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ ба муоширати ҳаррӯза таҳлил карда мешавад. Аҳамияти таҳлили андешидашуда бо ғуноғунии афзояндаи бисерфарҳангии ҷомеаи муосир вобаста аст, ки зарурати фаҳмиши амиқи механизмҳои таъсири стереотипҳо ба раванди ҳамкориҳои байнифарҳангӣ ва байнишахсӣ мебошад. Стереотипҳо метавонанд монеаҳои коммуникатсионӣ эҷод кунанд ва боиси нофаҳмиҳо ва таҳрифи иттилоот шаванд. Тадқиқот ба таҳлили ҳамҷонибаи механизмҳои таъсир ва фаъолияти стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ дар муоширати ҳаррӯза нигаронида шудааст. Аз ин рӯ, яке аз вазифаҳо муайян кардани аҳамияти стереотипҳо дар раванди муошират мебошад.

Асоси методологии тадқиқот муносибати байнисоҳавӣ буд. Истифодаи усулҳои озмоиши ассотсиатсионӣ ва пурсиш имкон дод, ки ҳам дарки огоҳонаи стереотипҳо ва ҳам таъсири беихтиёрии онҳо ба рафтори коммуникатсионӣ ошкор карда шавад. Дар пурсиш донишҷӯени Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон иштирок карданд.

Натиҷаҳои асосии тадқиқот нишон медиҳанд, ки стереотипҳо дар ҳолатҳои муоширати байнифарҳангӣ ва ҳангоми шиносоии аввал бештар зоҳир мешаванд. Муайян карда шудааст, ки ба ақидаи пурсидашудагон, устувории бештар аз стереотипҳои этнофарҳангӣ ва гендерӣ мебошад. Стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ ҳамчун воситаи танзими рафтори коммуникатсионӣ амал мекунанд ва таъсири манфӣи онҳоро тавассути васеъ кардани таҷрибаи шахсӣ ва ташаккули тафаккури интиқодӣ коҳиш додан мумкин аст.

Калимаҳои асосӣ: стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ, муошират, муошират, ҷавонон, дарк, рафтори нутқ, таҷрибаи ассотсиатсионӣ, пурсиш, амалияи коммуникатсионӣ.

Калидвожаҳо: стереотипҳои иҷтимоӣ фарҳангӣ; муошират; коммуникатсия; ҷавонон; идрок; рафтори нутқ; таҷрибаи ассотсиативӣ; пурсиш; амалияи коммуникативӣ.

УДК 811.221.31=161.1

ЛЕКСИЧЕСКАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТА «ЗАН» В СИСТЕМЕ КРОВНОГО РОДСТВА В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Махсутшоева Назарбегим Моёншоевна

Соискатель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 557 77 79 99 (м.)
naida94.94@mail.ru

Статья посвящена анализу концепта «зан» в системе кровного родства с особым акцентом на его лексической объективации в словарях. Исследование основывается на сопоставлении словарных дефиниций, а также на выявлении языковых средств, с помощью которых в таджикской культуре формируется и закрепляется образ женщины как члена родственной общности. В центре внимания – лексемы, обозначающие женщину в разных статусах родства: мать, сестра, дочь и др. Особое внимание уделено тому, как в лексикографических источниках репрезентируются не только структурные параметры родства, но и глубинные ценностные установки, связанные с ролью женщины. Таким образом, в языке фиксируются устойчивые представления о социальной и моральной значимости женской фигуры в системе кровного родства, что позволяет говорить о концепте «зан» как о важной части национального менталитета, отражённой в лексике и лексикографических источниках. Статья раскрывает вклад женщины в поддержание традиционного уклада, родовой иерархии и духовных основ таджикской семьи, что находит прямое выражение в словарных статьях и живом языке.

Ключевые слова: лексическая объективация; концепт «зан»; женщина; родственные отношения; язык; субстрат культуры; таджикское общество; мировоззрение.

Женщина во все времена играла важную роль в таджикской семье. Все благополучие семьи связывалось с характерными для таджикской женщины особенностями натуры, – ее практичностью, умением найти выход из самых сложных положений, острым умом, красотой и ответственностью за воспитание детей. В женщине олицетворяются важные, прекрасные черты труженицы и хранительницы домашнего очага. Неоценимый вклад в усиление роли женщины в современном обществе внес Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон. В ежегодных выступлениях и посланиях он неустанно ратует за повышение статуса женщины в обществе. Особое внимание уделяется роли женщин в укреплении семьи, самореализации в таких важных областях, как государственная служба, образование, медицина и многие другие сферы. В соответствии со статьей 17 Конституции Республики Таджикистан «Государство гарантирует права и свободы каждого независимо от его национальности, расы, пола, языка, вероисповеда-

ния, политических убеждений, образования, социального и имущественного положения».

На протяжении всей истории человечества вопрос о роли женщины всегда был в поле внимания общества и государства. Связано это было с особенностями кругозора и менталитета народа, с его убеждениями относительно женщин, с развитием духовных, культурных и социальных ценностей. В творчестве выдающихся таджикских мыслителей, поэтов, писателей и художников отражались лучшие черты таджикских женщин, их красота и духовность.

В последние годы исследователи все более углублённо рассматривают вопросы репрезентации образа женщины в языковой картине мира народа. В центре их внимания находится вопрос: каким образом лингвистические средства выражают национально-культурные представления о женщине и как концепт женщина трансформируется в зависимости от социально-исторического и культурного контекста. Анализ лексико-семантических, фразеологических и прагматических аспектов употребления единиц, репрезентирующих данный концепт в языковой системе таджикского языка, подтвердил тесную связь между языком, культурой и менталитетом носителей языка. Одним из важных проявлений актуальности таких исследований является возможность через сопоставительный анализ различных языков проследить, каким образом формируются и отражаются в языке особенности национального сознания, менталитета и мировосприятия народа. «Язык – это естественный субстрат культуры, он пронизывает все ее стороны и служит инструментом ментального упорядочения мира и средством закрепления этнического мировоззрения» [1, с.426]. Большое внимание проблеме связи и взаимодействия языка и культуры уделял в своих работах известный лингвист Г.О.Винокур: «Всякий языковед, изучающий язык, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык» [2, с.211]. Г.О.Винокур развитие языка связывал с историей народа. Он считал, что «язык, культура и история – триада, они неразделимы» [2, с.212]. Понимание языка в триаде «язык, культура, история», предложенное Винокуром, закономерно ведёт к осмыслению картины мира как неотъемлемой составляющей языкового сознания. Все исследователи приходят к сознанию того, что «картина мира – то, как человек представляет себе мир, – явление более сложное, чем языковая картина мира, то есть та часть концептуального мира человека, которая имеет «привязку» к языку и преломляется через языковые формы» [4, с.142]. Именно языковая картина мира отражает национальную картину мира «Поскольку язык – важнейший способ формирования и существования знания человека о мире, то именно язык – важнейший объект исследований у когнитивных лингвистов» [5, с.72].

- Ценностная картина мира в языке включает общечеловеческую и специфическую части;

- ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениям здравого смысла, типичными фольклорными сюжетами;

- в ценностной картине мира существуют наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке;
- ценностная картина в рамках одной языковой культуры представляет собой неоднородное образование, поскольку у разных социальных групп могут быть различные ценности;
- ценностная картина мира существует как в коллективном, так и в индивидуальном сознании [3, с.5].

В таджикском языке концепт «Зан» тесно связан с традиционными патриархальными представлениями, акцентирующими женскую роль как хранительницы домашнего очага, матери и супруги. Женщина воспринимается преимущественно в рамках семейно-социальной структуры, что отражается в языке посредством устойчивых выражений, пословиц и поговорок, подчёркивающих её моральные и поведенческие качества.

Для более детального анализа концепта «Зан» в лексической системе кровного родства в таджикском языке нами проведена сплошная выборка лексики, характеризующая особенности рассматриваемого концепта. Основная выборка проводилась по толковому словарю «Фарҳанги забони тоҷикӣ», а также по двуязычным русско-таджикским и таджикско-русским словарям разных лет издания и разных авторов.

Следует отметить, что развитие компьютерной лингвистики и расширение объема Национальных корпусов языков практически во всех странах позволяет нам в качестве особой методики при изучении тех или иных лексико-семантических групп использовать данный источник. В частности, мы можем для статистического анализа выделить количественную информацию, определить частотность использования языковой единицы в текстах корпуса. Данный подход становится определенной основой лингвистического анализа, помогая сделать итоги исследования достаточно достоверными. В каждом случае цифровые критерии могут указывать на степень употребительности рассматриваемых языковых единиц. Для таджикского языка указанный аспект представляется ценным еще и потому, что в нём нет частотного словаря, во многом он становится определяющим при установлении значимости той или иной языковой единицы в кругу лексико-семантической группы. Есть работы, в которых данный аспект используется при определении ядра, ближней, дальней и крайней периферии того или иного концепта.

Следует отметить, что в традиционной таджикской культуре родственным отношениям отводится значительное место. Уважительное отношение вызывает семья, у которой значительное количество как кровных родственников, так и состоящих в некровном родстве. Именно кровные отношения предопределяют отношения в среде родственников, закреплённые в традициях, складывавшихся веками. Рассмотрим основные из них.

В лексике, связанной с кровным родством, женщина обозначается через такие термины, как *модар* (мать), *духтар* (дочь), *апа* (старшая сестра), *хоҳар* (сестра, сестрёнка) и др. Эти обозначения формируют внутреннюю родовую

сплочённость. Женщина в данной системе предстаёт как носительница родовой памяти и хранительница домашнего очага.

Важным в данной группе представляется слово «Духтар». «ДУХТАР 1 دختر. фарзанди модинаи инсон; муқоб. писар. 2. дӯшиза, бокира» [7, с.461]. Дочь 1. потомство женского пола; в противоположность мальчик. 2. невинная. В НКТЯ найдено 6736 словоформ, 6486 предложений примерно в 2196 документах. Например: «Аммо духтар калон меишуд» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Однако девочка росла. Термин *духтар* в таджикской культуре также соотносят с девушками, которые еще не состоят в брачных отношениях. Воспитанию дочерей в таджикской культуре уделяется большое внимание, дочерей с детства приучают к хлопотам по дому. Однако современное таджикское общество в корне отличается от того общества, которое было несколько веков назад. Девочки должны быть приспособлены к условиям современного общества, и родители прилагают много усилий для того, чтобы они получили хорошее образование. Вместе с тем, девочки, вырастая в семье, стремятся к тем же ценностям, которые были в семье, в которой они родились. В таджикской культуре от девочек требуются умения, навыки справляется с трудностями, быть с раннего возраста рассудительной и решительной. Восточный менталитет с детства учит девочек находить компромиссы.

В таджикском языке термин *ана* разграничивает дочерей одной семьи по возрасту. «АПА ۱په гуфт. 1. хохари калонӣ, ҳамшираи калонӣ. 2. мурочиати эҳтиромона нисбат ба зани бегона» [7, с.47]. Старшая сестра, старшая сестра. 2. уважительное обращение к незнакомой женщине. В НКТЯ найдено 359 словоформ, 352 предложения примерно в 135 документах. Разница с социологическими данными предшествующего слова служит свидетельством малоупотребительности данного слова и частотности слова *духтар*. Например: «-Ман кайҳо халтаамро нур кардам, ана» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Я уже давно наполнил свой мешок, сестра. Следует отметить, что подобное разграничение встречается не во всех языках, например, в русском языке. Также *ана* в таджикской культуре используется при уважительном и почтительном обращении к незнакомой женщине.

Термин *хоҳар* в таджикской культуре чаще всего употребляется в значении девочек, которые имеют общих родителей, или младшая сестра, но в таджикской культуре также этот термин может употребляется и по отношению к незнакомой, молодой женщине в знак уважения. «ХОҲАР خواهر ҳамшира, духтаре, ки бо писар ё духтари дигар аз як падару модар зоида шуда бошад» [7, с.1394]. Сестра, девочка, мальчик или другая девочка которые имеют общих родителей. Отсюда и высокая частотность: в НКТЯ найдены 784 словоформы, 777 предложений примерно в 409 документах. Например: «Ман беш аз сад духтар аз баҳри ту бишумурдам ва ту ҳеҷ кадом нарасандидӣ, валекин, эй хоҳар, бубин, ки тисарат хуфтааст ё на?» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Я насчитал более сотни девушек, но тебе не одна не понравилась, сестра посмотри твой сын спит или нет? Во многих культурах, и таджикская не является исключением, в семье между сестрами зачастую возникает соперничество, но чаще возникает

прочная дружба Сестринские отношения всегда очень многогранны в любой культуре, это всегда поддержка и доверие в любой момент. Сестринские отношения являются примерами гармоничных, бесконфликтных и практически идеальных отношений.

Термин *хоҳарча* имеет уменьшительно-ласкательный оттенок, который придает суффикс «ча». «ХОҲАРЧА خواهرچه хохари хурдсол, хохари хурдӣ» [7, с.1394]. Уменьш. ласк. младшая сестра, сестрёнка. Например: «*Muxacev*: – *Хоҳарча дар кучост?!*» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). *Muxacev* :– *где сестрёнка?!* К младшим в таджикской культуре особое отношение, их принято оберегать, защищать от всех невзгод. Младшим детям в семье обычно уделяют много внимания, очень часто от младших в семье ожидают гораздо меньше, чем от старших, и на них оказывается гораздо меньшее давления. Младшие в семье не особо дисциплинированы и сталкиваются с трудностями. Чрезмерная опека приводит к последствиям, в которых младшие считают, что другие решат за них их проблемы.

Ранее мы неоднократно, что кровное родство в таджикском языке распределяется по линии отца и линии матери. Для каждой линии существуют свои обозначения. Так «ДУХТАРАМАК دختر عمه духтари бародари падар; дар муошират мурочиат ба духтари ношинос» [7, с.461]. Двоюродная сестра, дочь дяди и тётки. Термин *духтарамак* также используется при уважительном обращении к незнакомой девушке. Слово является малоупотребительным. В НКТЯ найдена 1 словоформа, 1 предложение примерно в 1 документе.

То же и со словом «ДУХТАРАММА دختر عمه духтари хохари падар; дар муошират мурочиат ба духтари ношинос» [7, с.461]. Двоюродная сестра, дочь тётки по отцу. В НКТЯ найдена 1 словоформа, 1 предложение примерно в 1 документе.

Слово «ДУХТАРХОЛА دختر خاله гуфт. духтари хохари модар; дар муошират мурочиат ба духтари бегона» [7, с.462]. Дочь сестры матери, двоюродная сестра; также употребляется в обращении к незнакомой девушке. Как видно из приведенных терминов, в соответствии с разграничением в таджикском языке родственников по матери и отцу, количество терминов, обозначающих родственниц, тоже увеличивается. То, что в НКТЯ не обнаружено ни одно словоупотребление, свидетельствует о малоупотребительности данной леммы.

Мать в таджикской культуре, как и в любой другой, считается одной из самых важных членов семьи. «МОДАР 1 مادر зан нисбат ба фарзанд (он)аш, волида. 2. калимаи мурочиати эхтиромона нисбат ба зани калонсол; ум(м), оча: модари меҳрубон, модари мушфиқ, модари серфарзанд, модари фарзандони ман; модари ўғай ниг. модарандар; модар шудан, фарзанд таваллуд кардан, соҳиби бача шудан; ◇ модари айём//модари даҳр замона, рӯзгор; модари зори касеро нишон додан ҷазои сазовори касеро додан, очаи зори касеро нишон додан; модараш холо назоидааст//аз модараш ханӯз наӯидааст ханӯз вучуд надорад, холо ба вучуд наомадааст; ба арвоҳи падару модар бахшидан аз баҳри чизе гузаштан, чизеро садақа кардан» [7, с.788]. Женщина по отношению к своему ребенку, родитель. 2. уважительное обращение к пожилой женщине; ум(м), мать: добрая

мать, преданная мать, многодетная мать, мать моих детей; стать матерью, родить ребенка; ◇ мать времени//мать веков, жизни; бытие; от чего-то отказаться во имя памяти (духа) родителей, чем-то пожертвовать. В НКТЯ найдено 16077 словоформ, 15259 предложений примерно в 4685 документах. Частотность данного слова достаточно высокая, что было ожидаемо. Например: «*Ба қавли модар, хоҳар шавҳараи се моҳ қабл ба вай гуфтааст, ки ба хотири нешгирӣ амволаи барои дуздон дом дуруст кардааст*» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). По словам матери, золовка три месяца назад рассказала ей, что она расставляла ловушки для воров, чтобы предотвратить кражу. К матерям относятся с особым уважением, свидетельством чего служит следующее устойчивое сочетание: «*Биҳишт зери пои модарон ҳаст*» – рай находится под ногами матерей. Во втором значении термин *модар* употребляется в отношении уважительного обращения к пожилой женщине. Для девочек мама становится олицетворением женственности.

Синонимом к слову *мать* является *волида*. «ВОЛИДА а. والدہ муаннаси волид; оча, модар» [7, с.261]. Родительница, мать. Данный термин относится используется в литературном стиле. По частотности данное слово уступает слову *модар*. В НКТЯ найдено 19 словоформ, 18 предложений примерно в 12 документах. В разговорном стиле данный термин малоупотребителен. В разговорной речи употребляется синоним *оя*. «ОЯ гуфт. 1. модар. 2. мурочиати муаддабона ба зани солманд» [7, с.981]. 1.Мать. 2. вежливое обращение к пожилой женщине. Данный термин является диалектизмом и в основном используется в северных диалектах таджикского языка.

Несмотря на то, что синоним *оя* является диалектизмом, в НКТЯ найдены 42 словоформы, 37 предложений примерно в 21 документе.

Два синонима *модаркалон* и *модарбузург* используются для названия бабушки. Первое является достаточно употребительным. «МОДАРКАЛОН مادرکلان модари падар ё модари модар, момо, бибӣ» [7, с.789]. Мать отца или матери, бабушка. В НКТЯ найдено 198 словоформ, 195 предложений примерно в 85 документах. Например: «*Воқеан, шикастани аҳду паймони наврузӣ гуноҳикабири ҳисоб меёфт*», –мегуфт модаркалон» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). «На самом деле нарушение завета Навруза считалось большим грехом», — сказала бабушка.

Слово *модарбузург* является малоупотребительным. «МОДАРБУЗУРГ مادر بزرگ кит. модари модар ё модари падар» [7, с.789]. Мать матери или мать отца. В НКТЯ найдено 16 словоформ, 16 предложений примерно в 12 документах. Например: «*Ин рафтори падарандар замоне ошкор мешавад, ки духтар ба хонаи модарбузург меравад ва бибияш ҳангоми шустушӯи ӯ, дар бадаи доғҳои сиёҳу кабудро мебинад*» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Поведение отчима раскрывается, когда девочка идет в дом к бабушке, и бабушка во время мытья видит на ее теле черные и синие пятна. Термины *модаркалон* и *модарбузург* являются синонимами. Первое слово является общеупотребительным, второе – диалектизм.

В том же значении в разговорной речи используется слово *биби*. «БИБИ 1 بیبی модаркалон, модари падар ё модар. 2. гуфт. модар, волида. 3. калимаи муроҷиати эҳтиромона ба занони калонсол. 4. чузъи таркибии исми хоси занона: Нурбибӣ, Зайнаббӣ, Бибиоиша... (мук. бону, хонум)» [7, с.178]. Бабушка, мать отца и матери. 2. разг. мать, родительница. 3. уважительное обращение к пожилым женщинам. 4. составная часть женских собственных имен: Нурбибӣ, Зайнаббӣ, Бибиоиша... (в против пост. мадам, госпожа). Несмотря на то, что слово является разговорным, в НКТЯ найдено 47 словоформ, 46 предложений примерно в 28 документах. Например: «Эҳ, беақли бибӣ...тамоман тар шудаю-боз дар шамолрах истода, расм мекашӣ! – овози модаркалонашро шунид ӯ» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Эҳ, бабушкин глупыи совсем промок стоя на сквозняке и рисуешь. Бибӣ стоит в том же синонимическом ряду, что и модаркалон и модарбузург, однако используется, в основном, в разговорной речи.

«БИБИЧА 1 بیبیچه . шакли тасғири бибӣ. 2. Модар»[7, с.178]. Уменьшительно – ласкательная форма бабушки. 2. Мать».

В значении *бабушка* используется также диалектизм *онакалон*. «ОНАКАЛОН آنکالان модаркалон» [7, с.959]. «Бабушка». Слово практически не используется в речи, в НКТЯ найдена 1 словоформа, 1 предложение примерно в 1 документе. Например: «Дар ин муддат дигарон шолӣ дарав карданд, зани калони Маҳмарачаб Онакалон боз як бор вақти шолидуздиаш ба даст афтид ва аз тоифа қаҳри шуда рафт» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). В это время другие убирали рис старшая жена Махмарачаба Онакалон снова попалась на краже риса и обидевшись ушла из общины. «Шӯямонро мо худмон куштем – ману Онакалон» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Мужа мы убили сами я и Онакалон. Данное слово представляет диалектизм северных регионов.

Слово *набера* отличается высокой частотностью. «НАБЕРА نبره фарзанди фарзанд, фарзандзода, писарзода ё духтарзода» [7, с.856]. Внук, внучка, ребенок твоего дитя тот кто рождается от твоего дитя. В НКТЯ найдено 626 словоформ, 614 предложений примерно в 337 документах. Например: «Набера руи ҷойгаҳ нишаста ҷониби онҳо менигарист» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Внучка сидела на постели и смотрела на них. «Дар ҳамин айём буд, ки хаберу бемори набера мерасад, бемори сил» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). В это время до них дошло известие о болезни внучки, она болела туберкулезом. Это обобщённое наименование внуков, охватывающее потомков как по линии сына, так и по линии дочери. В современном таджикском языке данное слово утратило прежнюю строгую привязку к полу и используется как в отношении мальчиков, так и девочек. Тем не менее в диалектной речи и в контексте уточнения могут встречаться конструкции типа *набераи писар* (внук/внучка по сыну) и *набераи духтар* (по дочери). Происхождение лексемы восходит к арабскому *nabira*, адаптированному через персидский язык, что указывает на её историко-культурную ускоренность в мусульманском лексиконе родства.

«НАБАСА ^{نېسه} ниг. набера; писарзода, духтарзода, набера» [7, с.856]. Внучка сына, дочка, внучка. В отличие от более нейтрального *набера*, эта лексема фиксирует строгое направление родства – по материнской линии и указывает на мужской пол потомка. Структурно слово *набаса* может быть проанализировано как производное с компонентом *на-* (в значении «потомок», «из рода») и компонентом *баса*, происхождение которого связывают с понятием продолжения рода или поколенческой связи. В традиционной культуре такое родство считалось «внешним», поскольку ребёнок дочери воспитывается в семье мужа и не включается в патрилинейную цепочку наследования.

«АБЕРА ^{ابره} фарзанди набера» [7, с.2] – ребенок внучка. Например: «*Ин тиразани рӯзгордида имрӯз соҳиби шаш фарзанд, 17 набера ва 16 абера ҳаст ду давраи тиллоии умрашонро мегузаронад*» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). У этой пожилой женщины сегодня шестеро детей, 17 внуков и 16 правнуков она проживает лучшие года своей жизни. Номинация внучки по сыну, дочери сына. В традиционной таджикской культуре *абера* считается «внутренним» потомком, принадлежащим к основному роду, поскольку линия родства продолжается через мужчину. Слово функционирует как маркер женского пола. Таким образом, каждое из рассматриваемых слов выполняет в языке не только денотативную, но и культурно-семантическую функцию, формируя сложную иерархию родственных связей, отражающую социальные установки традиционного таджикского общества.

К терминам кровного родства следует также отнести слово «ХОҲАРЗОДА ^{خواهرزاده} фарзанди ҳамшира (писар ё духтар)» [7, с.1394]. Племянница, племянник. Например: «*–Хоҳарзода, оби дастии биёр*» (https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search). Племянница носи воду для умывания. Термин *хоҳарзода* означает как племянницу, так и племянника, однако термина *апазода* в таджикском языке нет. Возьмём на себя ответственность утверждать, что в таджикской культуре родственники по женской линии кровного родства гораздо ближе, чем родственники по мужской линии.

Результаты проведенного исследования позволили заключить, что концепт «зан» в таджикском языке формируется посредством разветвленной и многоаспектной системы лексических единиц, выстраивающихся в матрицу представлений о родстве. Объективация данного концепта осуществляется через набор терминов, связанных с женскими фигурами кровного родства, каждый из которых несет в себе особую семантическую и прагматическую нагрузку.

Лексема *духтар* служит основным обозначением дочери, однако в таджикской языковой картине мира она выходит далеко за рамки биологической номинации, символизируя не только родственную принадлежность, но и ценностную установку на честь, продолжение рода и культурную чистоту. Формы, производные от данной основы, такие как *духтарамак* (*двоюродная сестра, дочь дяди и тётки*), демонстрируют высокую степень эмоциональной окраски, передавая теплую, заботливую связь между родными. Лексемы *апа*, *хоҳар* и *хоҳарча* отражают горизонтальные родственные отношения между женщинами, при этом *апа* маркирует старшинство и уважение, *хоҳар* обозначает нейтральную сестринскую

связь, а *хоҳарча* усиливает эмоциональную близость и подчеркивает младший возраст и зависимое положение. Эти термины участвуют в построении внутрисемейной иерархии, где возраст и статус женщины играют важную роль в коммуникации. Родственные термины *духтарамма* (дочь тётки по отцу), *духтархोла* (дочь тети по матери) раскрывают сложную родовую структуру, показывая привязанность к определённой линии родства и указывая на конкретный источник происхождения родственной связи. Эти лексемы актуализируют важность дифференциации внутри рода и сохраняют традиционную систему семейных ориентиров. В системе кровного родства самыми значимыми лексемами выступают *модар*, *модаркалон* и *биби*, каждая из которых обозначает женскую фигуру старшего поколения, однако несет разные смысловые оттенки. Термины *набера*, *набаса*, и *абера* показывают, что система обозначения родственных отношений в таджикском языке выполняет не только номинативную, но и культурно-мировоззренческую функцию. Каждое зафиксировано в языке как маркер определённого типа родства с учётом пола, линии происхождения (по отцу или по матери) и социального положения носителя внутри семейной структуры.

Модар (мать) – это универсальная фигура материнства. Данный термин в таджикском языке зачастую функционирует как символ мудрости, старшинства, духовного авторитета. В ряде контекстов данный термин приобретает почти сакрализованное значение, выступая как образ хранительницы традиций и нравственных устоев.

В совокупности проанализированные лексемы демонстрируют, что концепт «зан» в таджикском языке не является абстрактной категорией – он находит реализацию в четкой системе терминов родства, наполненных этнокультурным содержанием. Женщина в этой системе представляется не только как биологическая единица, но как связующее звено между поколениями, носительница морали, культуры, семейного опыта.

Таким образом, лексическая объективация концепта «зан» осуществляется через сложное взаимодействие языковых, культурных и социальных факторов. Исследование подтвердило, что в таджикской культуре родственные термины, обозначающие женщин, выполняют не только номинативную, но и ценностно-смысловую функцию, репрезентируя ключевые параметры национального самосознания. Эти данные могут послужить основой для дальнейшего межкультурного и межязыкового анализа концептов родства.

Литература

1. Братчикова Н.С. Лингвокультурологическая специфика сравнительных оборотов: русское слово в мировой культуре // Материалы Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. – СПб., 2003. – С.433.
2. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1959. – 492 с.
3. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.
4. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования – М.: Знак, 2012. – 203 с.

5. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие –3-е изд., перераб. и доп. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
6. Национальный корпус таджикского языка [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://tajik-corpus.org/tajik_corpus/search
7. Фарҳанги забони тоҷикӣ: в 2 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1969.

LEXICAL OBJECTIFICATION OF THE CONCEPT "ZAN" IN THE SYSTEM OF CONSEQUENCE IN THE TAJIK LANGUAGE

Makhsutshoeva Nazarbegim Moenshoevna

Competitor for a degree of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M.Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 557 77 79 99 (m.)
naida94.94@mail.ru

The article is devoted to a multi-aspect analysis of the concept "zan" in the system of consanguinity with a special emphasis on its lexical objectification in dictionaries. The study is based on a comparison of dictionary definitions, as well as on identifying the linguistic means by which the image of a woman as a member of a kinship community is formed and consolidated in Tajik culture. The focus is on lexemes denoting a woman in different kinship statuses: mother, sister, daughter, etc. Particular attention is paid to how lexicographic sources reflect not only the structural parameters of kinship, but also the deep value attitudes associated with the role of women. Thus, the language records stable ideas about the social and moral significance of a female figure in the system of consanguinity, which allows us to speak of the concept of "zan" as an important particularity of the national mentality, reflected in vocabulary and lexicographic sources. In this article, the contribution of women to maintaining the traditional way of life, clan hierarchy and spiritual foundations of the Tajik family is revealed, which is directly expressed in dictionary entries and living language.

Keywords: lexical objectification; concept "zan"; woman; family relations; language; cultural substrate; Tajik society; worldview.

ОБЪЕКТИВИЗАТСИЯИ ЛЕКСИКИИ КОНСЕПТИ «ЗАН» ДАР СИСТЕМАИ ХЕШУ ТАБОРӢ ДАР ЗАБОНИ ТОЧИКӢ

Махсутшоева Назарбегим Моёншоева

Довталаби кафедраи назариявӣ ва забоншиносии амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М. Турсунзода, 30
Телефон: (+992) 557 77 79 99 (моб.)
naida94.94@mail.ru

Мақола ба таҳлили бисёрҷанбаи концепти «зан» дар низоми ҳешу таборӣ бахшида шудааст, ки диққати асосӣ ба объективизатсияи луғавии ин концепт дар луғатҳо равона гардидааст. Тадқиқот бар асоси муқоисаи таърифҳои луғавӣ ва шиносӣ бо васоили забонӣ сурат гирифтааст, ки тавассути онҳо дар фарҳанги тоҷикӣ тасвири зан ҳамчун узви алоқаҳои наздиктарини ҳешу таборӣ таҳия ва устувор мешавад.

Дар маркази тавачҷуҳ лексемаҳои қарор доранд, ки занро дар мақомҳои гуногуни муносибатҳои ҳешу таборӣ, мисли модар, хоҳар, духтар ва дигарон ифода мекунанд. Ҳамзамон тадқиқот ба тавсифи на танҳо сохтори муносибатҳои ҳешу таборӣ, балки ба арзишҳои амиқи иҷтимоӣ ва маънавӣ, ки бо нақши зан алоқаманданд, тавачҷуҳ мекунад ва онҳоро дар манбаҳои луғатӣ таҳлил менамояд.

Дар забон тасаввуроти устувори иҷтимоӣ ва ахлоқии нақши зан дар низоми ҳешу таборӣ сабт шудааст, ки ин имкон медиҳад концепти «зан»-ро ҳамчун ҷузъи муҳими маънавияти миллӣ, ки дар луғатҳо ва манбаҳои луғатнигорӣ инъикос ёфтааст, мавриди таҳқиқ қарор диҳем. Мақола саҳми занро дар ҳифзи тарзи анъанавии зиндагӣ, сохтори ҳешу таборӣ ва пояҳои рӯҳонии оилаи тоҷикӣ нишон медиҳад, ки ин дар маводҳои луғатӣ ва забони зинда равшан таҷассум ёфтааст.

Калидвожаҳо: объективизатсияи луғавӣ; концепти «зан»; зан; муносибатҳои ҳешу таборӣ; забон; зерсохтори фарҳангӣ; ҷомеаи тоҷик; дидгоҳи маънавӣ.

К 65-ЛЕТИЮ ПРОФЕССОРА Д.М.ИСКАНДАРОВОЙ

УДК [81'33](#)

**НАСЛЕДИЕ ПЕРВЫХ: НЕИЗМЕННАЯ АКТУАЛЬНОСТЬ
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЙ МЫСЛИ: К ЮБИЛЕЮ ПРОФЕССОРА
ДИЛОРО МУКАДДАСОВНЫ ИСКАНДАРОВОЙ
И НАУЧНОЙ ШКОЛЫ «ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА
В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН»**

Сабирова Сановбар Ганиевна

Доктор филологических наук, доцент кафедры лингвистики
Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
734003, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Бохтар, 35/1
Тел.: (+992) 935 82 32 02 (м.)
ssanovbar@mail.ru

Статья посвящена многогранной научной и практической деятельности профессора Д.М.Искандаровой в области современной лингвистики XXI века, которая охватывает огромный спектр современных проблем, связанных с новыми направлениями, отличается широтой интересов, научной новизной и прикладной направленностью. Показаны этапы её жизни и деятельности, отражены научные интересы и достижения, профессиональные и личные качества. Рассматривается история становления современной научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан», основанная в Российско-Таджикском (Славянском) университете под руководством профессора Д.М.Искандаровой. Рассмотрены достижения научной школы за последние 10 лет, которые нашли отражение в диссертационных исследованиях, монографиях и учебных пособиях. Показана траектория лингвистических исследований в рамках реализации перспективных научно-исследовательских планов научной школы, а также разнообразие тематик научных исследований. Дисциплинарная систематика отражает многогранность исследований, научные ориентиры, идеи, ценность которых имеет ярко выраженный прикладной акцент. Представлена классификация научных трудов, теоретических и практических разработок с элементами экспериментальных исследований, аналитических, обзорных статей – с учётом различных позиций по проблеме исследования.

Ключевые слова: теоретическая и прикладная лингвистика; научная школа; научная преемственность; полипарадигмальность; когнитивная лингвистика; междисциплинарность; трансдисциплинарность; управление наукой; коммуникативная лингвистика; лингвопрагматика; суггестивная лингвистика; лингвокультурология; этнолингвистика; корпусная лингвистика.

Лингвистика XXI века в академической науке Республики Таджикистан под руководством доктора филологических наук, профессора Дилоро Мукаддасовны Искандаровой предстаёт как динамично развивающаяся область науки, в рамках которой зарождаются и приобретают очертания новые научные направления, а

самое главное – разрабатываются и применяются оригинальные методы лингвистического анализа. Для академической науки профессор Д.М.Искандарова – это лингвокультурный типаж, узнаваемый образ представителя высшей школы, характеризующийся ассоциативностью, хрестоматийностью, символичностью, яркостью и типичностью [16, с.180-181]. Для нас, учеников, «чернильных детей» (термин профессора Е.И.Головановой) профессор Д.М.Искандарова – «сильная языковая личность», дискурсивная личность, обладающая энциклопедическими, лингвистическими и интеракционными знаниями [29, с.456-463], профессионально-дискурсивная личность, обладающая совокупностью индивидуальных коммуникативных тактик и стратегий, когнитивных, семиотических, мотивационных предпочтений, сформировавшихся в процессах профессиональной коммуникации [30, с.53-55].

Великая таджикская земля – это действительно удивительный край, который вкладывает в людей, родившихся и выросших на ней, уникальность, талант и особую любовь к делу всей своей жизни. Однако необходимо оглянуться назад, проанализировать и описать путь научной преемственности, которая является стержнем развития и прогресса.

Преемственность в филологической науке является основополагающим принципом, который обеспечивает последовательную передачу знаний и методов исследования от одного поколения к последующему. Речь идет о времени и творении первых: Мукаддаса Искандарова и Мукаррамы Набиевны Касымовой. Мукаддас Искандари (псевдоним), педагог и ученый, публицист и журналист, писатель, поэт, переводчик и редактор, автор учебников, относится к ярчайшей плеяде творческой интеллигенции республики, посвятившей свою жизнь беззаветному служению интересам отечественной журналистики. Касымова Мукаррама Набиевна – [языковед](#), доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент [Академии](#) наук Республики Таджикистан, академик Международной академии наук высшей школы, заслуженный работник народного образования Таджикской ССР, Заслуженный деятель науки и техники Таджикистана. Для всех поколений языковедов её труды навсегда останутся основополагающим и системообразующим ресурсом, который позволит продуманно и глубоко-целостно выявить и оценить грани и границы таджикского языка.

Панорама становления личности профессора Д.М.Искандаровой началась с восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова, аспирантуры Института востоковедения Академии наук СССР в городе Москва и докторантуры в главном вузе страны – Таджикском национальном университете. Исследование конструкций с предикатными актантами в телугу, а именно фазовых и модальных конструкций, стали началом формирования научного пути. Изучение фазовых значений как компонентов функционально-семантического поля аспектуальности крупнейшего дравидийского языка и сопоставление с родным таджикским языком в рамках докторской диссертации взрастило в ней стремление к популяризации высокосодержательных и кардинально новых идей в организации научного поиска.

Участие в научных форумах, яркие выступления и дискуссии на научных площадках в Америке, Германии, России, Казахстане, Белоруссии сформировали новое видение этапов и содержания дальнейших теоретико-прикладных штудий. Именно они сместили оптику научного взгляда с системно-структурного подхода к экспансионизму, антропоцентризму и экспланаторности. Эти новации сформировали в сознании Д.М.Искандаровой новый архетип современного таджикского исследователя – ученого, готового делиться опытом уже на международном уровне, обмениваться знаниями, просвещать и просвещаться.

В начале 2000-х начинается научно-исследовательская трансформация профессионально-дискурсивной личности: профессор Д.М.Искандарова как субъект научного знания, носитель информации осознаёт, что лишь интегративный характер, полипарадигмальность современных лингвистических исследований позволит создать сложный, многомерный, уникальный лингвистический образ языка в исследованиях на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета. Новые парадигмы филологической мысли в аспекте междисциплинарности создают наброски и очертания будущей научной школы; и в 2015 году в Таджикистане начинает функционировать научная школа прикладной лингвистики.

Решением Президиума Российской Академии Естествознания профессору Д.М.Искандаровой присвоено почетное звание «Основатель научной школы» (протокол № 545 от 16.11.1015 года, Сертификат №00644). Необходимость создания научной школы продиктована уровнем развития языковедческой науки как константно развивающейся области человеческой деятельности, открытой к объединению различных концепций и теорий, готовой к расширению категориально-понятийного аппарата.

Каждый шаг на пути просвещения сопровождается проведением научных мероприятий с целью ознакомления представителей академической науки суверенного Таджикистана с новыми направлениями лингвистики XXI века. Дилоро Мукаддасовна становится вдохновителем распространения идей полипарадигмальной лингвистики, отличающейся металингвистическими концепциями, теоретическими установками, прогнозирующими перспективы развития прикладной лингвистики в Таджикистане. Хронологически начало было заложено в 2004 году, кафедра теоретического и прикладного языкознания была создана в 2009 году, проведение круглых столов в начале научного года стало традицией с 2011 года. 2015 год – это отправная точка в привлечении отечественных исследователей к лингвистике в интеграции с другими науками. Расширение горизонтов научных поисков позволяет исследовать таджикский язык сквозь призму когнитивистики, лингвокультурологии, лингвоэкономики, юрислингвистики, лингвоконцептологии, политической лингвистики и даже лингвоэкологии. Публикация значимых трудов и увеличение числа защищенных диссертаций становятся заметным событием в жизни академической науки Таджикистана, так как отражают разнообразие и многомерность исследований, специфичность принципов (неофункционализм, антропоцентризм), новую методологическую базу (экспансионизм, интеграционность, культуроцентризм, социоцентризм, дискурсив-

ность), характер результатов исследования (экспланаторность, поиск изоморфизма в языке и других предметных областях, плюрализм).

Руководствуясь переходом от «что-лингвистика» (описание структуры) к «как-лингвистика» (описание процессов) и далее – создание «почему-лингвистика» [19, с.3-6], профессор Д.М.Искандарова становится интеллектуальным центром научной школы, а четкая методологическая постановка исследовательских целей и задач привлекает и увеличивает количество единомышленников. Новые реальности языка, новые предметы лингвистического исследования диктуют и новые методы, например, концептуальный, фреймовый, контент-анализ, когнитивное моделирование, ассоциативный эксперимент, нейролингвистическое программирование и многие другие, они отражены в успешно защищенных диссертационных работах.

Траектория лингвистических исследований в рамках реализации перспективных научно-исследовательских планов научной школы меняется в сторону «пилотных проектов XXI века» [3, с.211], отражая переход от интердисциплинарности к трансдисциплинарности. Данный переход предстаёт как градуальная, иерархическая, комплексная структура: интердисциплинарность, полидисциплинарность, междисциплинарность, трансдисциплинарность. Перспективные научно-исследовательские планы включают в себя магистральные направления современного научного познания, широкий спектр исследовательских тем требует применения лингвистических концепций и теорий, которые являются ярким примером трансдисциплинарной интеграции. Разнообразие тематик научных исследований на базе научной школы уже обозначило основные направления и результаты, которые используются в практических целях, в частности для решения задач, стоящих перед таджикским языкознанием. Позиция В.И.Вернадского, создателя научных школ, особенно актуальна и характерна для XXI столетия – «наука одна и едина, ибо, хотя количество наук постоянно растёт, создаются новые, – они все связаны в единое научное построение и не могут логически противоречить одна другой» [8, с.71].

Научная школа профессора Д.М.Искандаровой способствует распространению новых представлений в области прикладной лингвистики, результаты отражают функции научной деятельности, в частности производство знаний, привлечение исследователей из других вузов Республики Таджикистан, воспроизводство знаний, подготовка научных кадров, кандидатов и докторов наук, формирование научного сообщества и мировоззренческих единомышленников.

Образ таджикского языка воссоздаётся в новых лингвистических направлениях, в диссертационных исследованиях научной школы. Кумулятивная функция таджикского языка как транслятора культуры в синхронном и диахронном срезах исследуется междисциплинарно и трансдисциплинарно, «развитие научной мысли находится в теснейшей и неразрывной связи с народным бытом и общественными установлениями – ее развитие идет в сложной гуще исторической жизни» [9, с.63]. Важно представить анализ работ сквозь призму дисциплинарного моделирования лингвистики XXI века, которая прежде всего подразумевает экспликацию междисциплинарных связей между теоретическими и прикладными филологи-

ческими науками. Дисциплинарная систематика показывает «развитие, движение вперёд» [6, с.18], многогранность исследований отражает научные ориентиры, идеи, ценности которых имеют ярко выраженный прикладной акцент.

Познавательная-отражательная, когнитивная функция таджикского языка в сопоставлении с китайским, английским, русским языками, роль таджикского языка в концептуализации и категоризации мира представлена в следующих диссертациях:

- Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках [24];
- Концепт «Ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) [21];
- Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах [5].

Опредмеченные концепты, отражающие процесс взаимопроникновения человеческих способностей в предмет, воплощающие в себе социально-культурное и специфическое проанализированы в следующих диссертационных исследованиях:

- Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок) [31];
- Концепт «Еда» в русском и польском языках [10].

Лингвопрагматика языковых единиц в функциональном аспекте, в условиях их употребления в коммуникативно-прагматическом пространстве проанализирована в диссертации «Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексикофразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков» [14].

Концепт сквозь призму рефлексивной лингвистики как ретранслятор психологических паттернов в определенной объективной действительности представлен в диссертационном исследовании «Этнопсихокогнитивный анализ концепта «Страх» в таджикской и английской языковых картинах мира» [2]. Лингвокультурологический анализ концепта с целью выявления особенностей языка и дискурса в аспекте проявления и отражения культуры представлено в диссертационном исследовании «Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов)» [27]. Коммуникативной лингвистике, особенностям речевой деятельности, выявлению специфики ассоциативных полей коммуникативных категорий посвящено исследование «Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании» [34]. Коммуникативные особенности языковых средств, применяемых и предназначенных для воздействия на подсознание субъекта дискурса сквозь призму суггестивной лингвистики описаны в исследовании «Стратегия вежливости в речевой коммуникации представителей таджикской и турецкой лингвокультур» [33]. Лингвопрагматический анализ отношений и условий употребления языковых единиц в определённом коммуникативном пространстве проводится в исследовании «Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках» [25]. Применение комплексного под-

хода, сочетающего в себе лингвистические и математические методы, позволили провести исследования в рамках формальной типологии. Структура, признаки и принципы построения русско-интернациональных, арабских заимствований и исконной лексики в таджикском языке, функциональные сдвиги, трансформация и взаимосвязь с исконной лексикой проанализированы в работе «Структурная типология лексико-морфологической системы таджикского языка» [32]. Применение методов квантитативной и компьютерной лингвистики позволили разработать технологии составления частотных словарей в таджикской лексикографии, проекты лингвистических моделей и алгоритмов для анализа текстов таджикского языка; результаты отражены в диссертации «Модели лингвистического анализа текстов таджикского языка: на материале газелей Хафиза» [12]. Когнитивный срез текста представлен в исследовании «Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков», проведен речевой и языковой анализ, изучены процессы восприятия (понимания) и продуцирования текста, выводы основаны на анализе психических процессов, таких как память, воображение и чувственное восприятие [23]. Междисциплинарный анализ языковых единиц, отражающих материальную и духовную культуру народа, его богатый менталитет и историю в рамках этнолингвистики и лингвистической антропологии, проведен в диссертации «Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков)» [11]. Когнитивные признаки категории как явления реального или воображаемого мира, передающие, сохраняющие и дополняющие представление о данном явлении, проанализированы в исследовании «Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков)» [18]. Экономическому дискурсу как коммуникативному событию в профессионально-дискурсивном пространстве посвящено исследование «Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков)» [28]. Особенности таджикского гипертекста и интертекста в аспекте междисциплинарной триады лингвистика, литературоведение в рамках корпусной лингвистики представлены в исследовании «Типология гипертекста и интертекста (на материале таджикского художественного текста)» [1].

Фундаментальной основой создания научной школы послужили лингвистические парадигмы XX века, перспективное наследие ушедшего столетия, фундаментальные труды первопроходцев, современников науки, увидевших великое издалека. Разнообразие исследовательских подходов, эвристическая значимость методологических разработок, контентная насыщенность предоставляет нам, сегодняшним исследователям, площадку для научного диалога с целью обеспечения исторической связи традиций с инновациями. В рамках сравнительно-сопоставительного языкознания проанализированы заимствования, кальки, интернационализмы, безэквивалентная лексика, изучены положительные и отрицательные аспекты языковых контактов, роль русского языка как языка-посредника, роль английского языка как языка-источника, а также роль языка-

донора в расширении общелитературного языка. Выявлены сходства и различия в трех ключевых языковых плоскостях: структура, семантика, прагматика. Выборка исследовательских работ отражает полноту охвата проблематики в системно-структурном аспекте, проведенные исследования отражают этапы формирования научного мировоззрения субъектов науки, что достойно отдельного обзорного исследования.

Анализ грамматических категорий вида и времени с учетом современных лингвистических теорий и данных сопоставительной аспектологии, семантики и функций вида и видовременных форм глагола в разных коммуникативных типах речи проведен в таких исследованиях, как «Семантика переходности в таджикском, русском и чешском языках: сопоставительный анализ» [20] и «Типология конструкций с каузативными глаголами в русском языке: на материале художественной речи» [13].

Сходства и расхождения плана содержания и выражения специфической морфолого-синтаксической категории «темпоральность», взаимосвязь моментов времени и временных характеристик, динамика изменений явлений и процессов, качественная особенность, обусловленная социокультурной спецификой человеческого существования, временная сущность явлений представлена в исследовании «Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков» [7].

Комплексное исследование функциональных особенностей арабизмов, проблемы взаимодействия русского языка с арабским, специфика ассимиляции арабизмов в русском и таджикском языках представлено в работе «Лексико-семантическая классификация арабизмов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане» [26].

Структурно-семантическая характеристика редуplikаций, описание грамматических значений и лингвостилистических особенностей, их частеречная характеристика в разносистемных языках, исходя из бинарно-уровневой изоляции представлена в исследовании «Структура и семантика редуplikации в турецком и таджикском языках» [4].

Выше представленные результаты доказывают позицию о том, что «наука сильна именно многообразием точек зрения, подходов, направлений, благодаря которым обусловлено её развитие, движение вперед» [6, с. 18].

Анализируя труды профессора Д.М.Искандаровой, необходимо отметить широту лингвистических интересов, это научный путь длиною в сорок плодотворных лет. Исследование содержательных аспектов структуры телугу, владение теоретическим и практическим материалом разноструктурных языков позволило определить тип языка по синтаксическому принципу, структурную доминанту по семантическому диапазону, лидирующую роль глагола в функциональном аспекте. Значительные экспланаторные возможности контенсивной типологии способствовали описанию целостных мотивированных конструкций с предикатными актантами в телугу.

Ниже представленная классификация научной деятельности отражает теоретические и практические разработки с элементами экспериментальных исследо-

ваний, аналитические, обзорные – с учётом различных позиций по проблеме исследования.

Направление	Предмет исследования
Преемственность в развитии научных знаний	1. Сокровища и феномены языка: научное наследие профессора М.Н.Касымовой (аналитический обзор). 2. Взаимовлияние лингвистических школ и традиций и роль таджикской лингвистической традиции в истории мирового языкознания. 3. Исследования по формальной типологии лексико-морфологической системы таджикского языка (на материале книги М.Н.Касымовой «Забон ва муъчизаи он» («Язык и его феномены»)).
Контенсивная типология Структурно-семантический синтаксис	1. Конструкции с предикатными актантами в телугу. 2. Фазовые и модальные конструкции. 3. Фазовые конструкции в таджикском языке. 4. Фазовые значения в таджикском языке в сопоставлении с телугу. 5. Конструкции с модальными глаголами в телугу. 6. О некоторых особенностях фазовых конструкций в телугу. 7. Конструкции с фазовыми глаголами начала в языке телугу. 8. Конструкции с модальными глаголами в телугу. 9. Фазовые конструкции со значением продолжения действия в телугу. 10. О некоторых конструкциях с глаголами начинательности в таджикском языке. 11. Глаголы со значением прекращения действия в телугу. 12. Отрицание в модальных конструкциях телугу. 13. Функционально-семантическое поле фазовости. 14. Каузативные конструкции в телугу. 15. К исследованию аспектуальности. 16. Соответствие русским падежным формам грамматических форм телугу. 17. Сравнительно-исторический метод в языкознании (на материале дравидийских языков). 18. Средства выражения окончания/завершения действия в таджикском языке. 19. Некоторые грамматические аспекты дравидийских языков.

	20. Структурные типы фазовых глаголов таджикского языка. 21. Фазовые глаголы со значением продолжения в таджикском языке. 22. Типы фазовых конструкций таджикского языка. 23. Синтаксическая и семантическая структура фазовых конструкций. 24. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу. 25. Несколько заметок об основах таджикского глагола. 26. Некоторые значения глаголов «гуфтан» и «шудан» в таджикском языке. 27. Лексико-семантическая классификация глаголов в таджикском и русском языках (в сопоставительном плане) 28. Типология видовременных отношений в таджикском языке. 29. Типологические характеристики аспектуальности (на материале таджикского языка).
Структурно-семантический анализ	1. Редупликация в турецком и таджикском языках. 2. Семантическая классификация лексики и ее перевод. 3. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический анализ). 4. Апеллятивы в русском и таджикском языках (сопоставительный аспект). 5. Лингвокогнитивный и типологический аспекты изучения редупликации в таджикском и турецком языках. 6. Неоднозначность и нестандартность аффиксов таджикского языка.
Когнитивная лингвистика	1. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты). 2. Исследование ассоциативного поля толерантности в молодежной среде Таджикистана. 3. Monitoring of tolerance associative field and forecasting of inter-ethnic interrelations problems: questionnaire survey in the university environment of Tajikistan. 4. Формирование этнических стереотипов: результаты ассоциативного эксперимента в вузах РТ. 5. Social and linguistic aspects of the Tajik National

	identity. Formation: the findings of the survey of students in Tajikistan. 6. Отражение национально значимых элементов макроконцепта «Судьба» в таджикской лингвокультуре: результаты анкетирования в университетской среде Таджикистана. 7. Problems of forming tolerance in the educational environment of Tajikistan.
Управление наукой: теория и практика	1. Проблемы повышения публикационной активности ученых университета. 2. Специфика лингвистического исследования студентов. 3. Развитие прикладной лингвистики в РТ: задачи и перспективы. 4. Языковая политика в Таджикистане: сравнительный анализ состояния и первоочередные задачи». 5. Актуальные проблемы языкознания в РТ: состояние, задачи, перспективы. 6. Практическое применение лингвистических исследований, проводимых в РТ. 7. Сопоставительные и типологические исследования конца 20 – начала 21 вв. в РТ и их прикладные аспекты. 8. Актуальные проблемы этно- и психолингвистических исследований в РТ. 9. Актуальные задачи структурно-типологического исследования таджикского языка. 10. Когнитивная лингвистика в РТ: состояние, направления, задачи, перспективы. 11. Типологическое и сопоставительное языкознание. 12. Сравнительно-историческое языкознание. 13. Актуальные проблемы прикладного языкознания в РТ: состояние, задачи, перспективы. 14. Новые направления типологических исследований в РТ: задачи и перспективы. 15. Национальный корпус таджикского языка как объект языковой политики. 16. Исследования по лингвокультурологии и когнитивной лингвистике в таджикском языкознании. 17. Языковые корпуса как объект реализации стратегических национальных программ. 18. Развитие прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан: корпусная лингвистика.

	19. Перспективы создания корпусной грамматики таджикского языка. 20. Русский мир в таджикском научном дискурсе: направления исследований, проблемы, перспективы.
Методика преподавания лингвистических дисциплин и иностранных языков	1. Использование видео в изучении языков. 2. Использование современных информационных технологий в преподавании лингвистических дисциплин. 3. Использование современных информационно-коммуникационных технологий в преподавании лингвистических дисциплин. 4. Мультимедиа как образовательный ресурс. 5. Лингвистические БД и их использование в учебном процессе.
Коммуникативная лингвистика (теория коммуникации)	1. Средства выражения просьбы в таджикском языке в сопоставлении с английским и русским. 2. Are We Polite? Means of expressing requests in Tajik. 3. Politeness and cross-cultural communication. 4. Politeness in intercultural communication: means of expressing requests in Tajik. 5. Русский язык в коммуникативном пространстве Таджикистана. 6. Билингвизм в коммуникативной среде Таджикистана. 7. Социолингвистические и лингвокультурные параметры оценки уровня таджикско-русского билингвизма в молодежной среде.
Суггестивная лингвистика	1. Индикаторы социального статуса в таджикском речевом этикете (сопоставительный аспект).
Лингвопрагматика, лингвопракс-сеология	1. Национальные стереотипы в речевом этикете. 2. Влияние национальных стереотипов на речевой этикет. 3. Стереотипы и ценностные доминанты в языковой картине мира таджикско-русского билингва. 4. Создание языкового портрета молодежи Таджикистана: аспекты исследования. 5. Образ русского в таджикском языковом сознании.
Корпусная лингвистика	1. Корпус Рудаки и его лингвистическая обработка. 2. Создание национального корпуса таджикского языка: проблемы и пути решения. 3. Проблемы создания Национального корпуса таджикского языка. 4. Хусусиятҳои хосси Пайкараи миллии забони

	точикӣ. 5. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований. 6. Совершенствование национального корпуса таджикского языка: состояние, проблема отбора и обработки текстов. 7. Языковой корпус как инструмент лингвистических исследований. 8. Алгоритм выравнивания предложений текста оригинала и перевода (на материале рукописи «Наврӯзнаме» О.Хайяма). 9. Проблемы исследования грамматики на основе языковых корпусов.
Лингвокульту- рология	1. Проблемы формирования национальной идентичности таджиков: лингвистический и социокультурный аспекты. 2. Phraseological units that represent Concept of “Oila” in Tajik Language.
Лингвистическая философия	1. Axiological worldview of the Tajik young people: modern values.
Политическая лингвистика	1. Cultural potential of Eurasian integration. 2. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны.
Этнолингвистика, лингвистическая антропология	1. Таджики в Китае: этнолингвистическое исследование экзонимов.
Компьютерная лингвистика (ма- тематическая, вычислительная лингвистика)	1. Программы автоматической обработки текста как ресурс межкультурного диалога.
Интернет – линг- вистика	1. Гипертекст как способ коммуникации в «доэлектронную» эпоху. 2. Гипертекстуальность средневековых восточных текстов. 3. Устная коммуникация, гипертекст и нелинейное мышление. 4. Ancient and medieval eastern texts as examples of hypertext. 5. Типологические характеристики электронного гипертекста (на материале таджикского сегмента Интернета).

Модернизация высшего учебного образования, переход на новые Федеральные государственные стандарты – бакалавриат, магистратура по направлению подготовки 45.03.01 Филология, 45.03.02 Лингвистика, 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика, внесение изменений в учебные планы ставят новые задачи перед педагогом. Опыт профессора Д.М.Искандаровой в организации обучения студентов теоретическим и практическим дисциплинам требует особого внимания в рамках данной статьи. Развитие научной школы как научно-исследовательского центра, интегрирующего в мультидисциплинарные научные исследования, начинается с уровня подготовки бакалавриата, а внедрение факультативов и дисциплин по выбору обосновывается подготовкой конкурентоспособных научных кадров. Опубликовано 5 словарей, 4 хрестоматии, 16 учебных пособий и рабочих тетрадей.

Опубликованные хрестоматии и учебные пособия соответствуют ФГОС ВО и утвержденным рабочим программам, раскрывают цели и задачи, определён перечень формируемых компетенций, профессионально значимых знаний, умений и навыков. Структура и содержание учебных пособий профессионально ориентированы и задают определённый вектор научно-исследовательской работы в реальных условиях образовательного процесса. Учебные пособия снабжены схемами и таблицами, которые развивают аналитическое и критическое мышление, обеспечивают наглядное представление данных. Рефлексивная деятельность будущего исследователя формируется на основе вопросов, тематик презентаций, рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций. Содержание учебных пособий нацелено на полноценное освоение и реализацию научно-исследовательской интенции будущих единомышленников и будущих последователей научной школы.

В настоящее время профессор Д.М.Искандарова возглавляет научно-исследовательскую лабораторию «Междисциплинарные прикладные исследования» Научно-исследовательского института Российско-Таджикского (Славянского) университета, под редакторством профессора публикуются коллективные монографии и материалы конференций республиканского и международного уровней: Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана: монография / Д.М.Искандарова, О.В.Ладыгина, С.Г.Сабирова [и др.]; под. ред. Д.М.Искандаровой, О.В.Ладыгиной [15]; Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: материалы республиканской научно-практической конференции (23 мая 2024 г.) / под ред. Д.М.Искандаровой [22].

Проанализировав научно-педагогический путь д.ф.н., профессора Д.М.Искандаровой, позволим себе раскрыть формулу успеха, которая хронологически объективируется как цепочка действий, направленных на реализацию поставленных целей и достижение результата в условиях смены парадигм и трансформации в высшем образовании.

Врождённая интеллигентность и благородство + генетическая преданность к лингвистической науке + сила научного духа + научная добросовестность + бескорыстное служение науке и языку + удивительный дар к восприятию и

интерпретации нового + способность увидеть талант + человеческое и профессиональное участие в становлении и развитии научных судеб + великий дар научного руководителя и консультанта + строгая любовь к «чернильным детям» = наука как константа и огромная удача в жизни многих людей.

Литература

1. Алламуродова С.Д. Типология гипертекста и интертекста (на материале таджикского художественного текста): дис. ... д-ра филол. наук: 5.9.8 / Алламуродова Сабохат Джураевна. – Душанбе, 2025. – 378 с.
2. Аминова Ф.Ш. Этнопсихокогнитивный анализ концепта «Страх» в таджикской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Аминова Фарангис Шарифовна. – Душанбе, 2022. – 231 с.
3. Базылев В.Н. Российская лингвистика XXI века: традиции и новации. – М.: Изд-во СГУ, 2009. – 380 с.
4. Бекташ Л. Структура и семантика редупликации в турецком и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бекташ Локман. – Душанбе, 2015. – 197 с.
5. Бойматова Н.К. Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Бойматова Нигора Камолитдиновна. – Душанбе, 2020. – 174 с.
6. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. – Тамбов, 2014. – 236 с.
7. Будна И. Функционально-семантическая категория темпоральности на материале славянской и романской групп индоевропейских языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Будна Иоанна. – Душанбе, 2006. – 202 с.
8. Вернадский В.И. «Биосфера и ноосфера». Сборник цитат; [сост. К.А. Степанов]. – М.: Фонд имени В.И. Вернадского, 2008. – 324 с.
9. Вернадский В.И. Труды по истории науки в России. – М., 1988. – 63 с.
10. Гулова З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлиддиновна. – Душанбе, 2013. – 178 с.
11. Давлатмирова М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Манижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 389 с.
12. Джаъфарова Д.Ф. Структурно-семантические особенности лексических средств межфразовой связи в русском и таджикском языках: на материале ССЦ научного и публицистического стилей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Джаъфарова Давлатхоним Файзалиевна. – Душанбе, 2013. – 151 с.
13. Дистанова Г.М. Типология конструкций с каузативными глаголами в русском языке: на материале художественной речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Дистанова Гульнара Муратовна. – Душанбе, 2010. – 173 с.
14. Имомзода М.М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексикофразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Имомзода Махина Мухаммадусуф. – Душанбе, 2017. – 192 с.
15. Исследование этнолингвокультурных особенностей коммуникативного поведения в молодежной среде Таджикистана: монография / Д.М. Искандарова, О.В. Ладыгина, С.Г. Сабирова [и др.]; под ред. Д.М. Искандаровой, О.В. Ладыгиной. – СПб.: Сциентиа, 2025. – 112 с.
16. Карасик В. И. Языковые ключи. – Волгоград: парадигма, 2007. – 520 с.

17. Каримова Н.И. Лексико-семантическая классификация некоторых групп глаголов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2006. – 218 с.
18. Каримова Н.И. Пространство как категория концептуализации языковой картины мира (на материале русского, польского и таджикского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Каримова Наргис Ильхамбековна. – Душанбе, 2020. – 451 с.
19. Кибрик А.Е. Куда идет современная лингвистика? // Вопросы языкознания №2: Лингвистика на исходе XX века. – М.: МГУ, 1995. – С.3-6.
20. Лоикова-Насенко Т.Х. Семантика переходности в таджикском, русском и чешском языках: сопоставительный анализ: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Лоикова-Насенко Татьяна Холмурадовна. – Душанбе, 2002. – 159 с.
21. Мамедова М.Дж. Концепт «Ум» в китайской и русской языковых картинах мира (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Мамедова Мехрангиз Джахонгировна. – Душанбе, 2015. – 245 с.
22. Молодежная политика Республики Таджикистан: язык, культура, общество: материалы Республиканской научно-практической конференции (23 мая 2024 г.) / под ред. Д.М.Искандаровой [и др.]; Российско-Таджикский (Славянский) университет. – СПб.: Сциентиа, 2024. – 187 с.
23. Мухторов З.М. Структура и семантика текста: сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Мухторов Зайнидин Мухторович. – Душанбе, 2013. – 334 с.
24. Пак А.О. Сопоставительное исследование концепта «красота» в китайском и русском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Пак Анна Олеговна. – Душанбе, 2009. – 174с.
25. Рахимова Ш.Б. Эмотивные глаголы как компонент функционально-семантического поля эмотивности в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахимова Шарофат Болтаевна. – Душанбе, 2010. – 212 с.
26. Рахмони М.Р. Лексико-семантическая классификация арабизмов в русском и таджикском языках в сопоставительном плане: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахмони Миджгони Равшандухт. – Душанбе, 2006. – 160 с.
27. Рахмонова Н.Б. Отражение концепта «свадьба» в таджикском и памирских языках (на материале прецедентных текстов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Рахмонова Нушофарин Бадалбековна. – Душанбе, 2019. – 167 с.
28. Сабирова С.Г. Когнитивно-сопоставительное моделирование экономического дискурса (на материале таджикского, английского и русского языков): дис. ... д-ра филол.: 5.9.8 / Сабирова Сановбар Ганиевна. – Душанбе, 2024. – 506 с.
29. Синельникова Л.Н. О научной легитимности понятия «дискурсивная личность» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И.Вернадского. – 2011. – №2. – Т.24 (63), ч. I. – С.454-463.
30. Стернин И. А. Экспериментальное изучение категории русский коммуникативный идеал // Мир русского слова. – 2003. – №2. – С.53-55.
31. Фазилова Ш. К. Концепт «богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фазилова Шахноза Камилджоновна. – Душанбе, 2019. – 211 с.
32. Фомин А.Ю. Структурная типология лексико-морфологической системы таджикского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Фомин Алексей Юрьевич. – Душанбе, 2010. – 134 с.
33. Холиков Н.А. Стратегия вежливости в речевой коммуникации представителей таджикской и турецкой лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Холиков Насим Абдусаматович. – Душанбе, 2019. – 148 с.
34. Худоёров Х.Ё. Ассоциативное поле вежливости в таджикском и русском языковом сознании: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Худоёров Хусейн Ёдгорович. – Душанбе, 2021. – 191 с.

**HERITAGE OF THE FIRST: THE CONSTANT RELEVANCE OF
EDUCATIONAL THOUGHT: ON THE ANNIVERSARY OF PROFESSOR
DILORO MUKADDASOVNA ISKANDAROVA AND THE SCIENTIFIC
SCHOOL "APPLIED LINGUISTICS IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN"**

Sabirova Sanovbar Ganievna

Doctor of philological sciences,
associate professor of the linguistics chairs
Lomonosov Moscow state university's branch in Dushanbe
734003, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Bokhtar str., 35/1
Ph.: (+992) 935 82 32 02 (m.)
ssanovbar@mail.ru

The article is devoted to the multifaceted scientific and practical activities of professor D.M.Iskandarova in the field of modern linguistics of the 21st century, which covers a wide range of modern issues related to new directions, is distinguished by the breadth of interests, scientific novelty and applied focus. The stages of her life and work are shown, scientific interests and achievements, professional and personal qualities are reflected. The history of the modern scientific school "Applied Linguistics in the Republic of Tajikistan" formation, founded at the Russian-Tajik (Slavonic) university under the guidance of professor D.M.Iskandarova, is considered. The achievements of the scientific school over the past 10 years are considered, which are reflected in dissertation research, monographs and textbooks. The presented classification shows the trajectory of linguistic research in the framework of the implementation of promising research plans of the scientific school, as well as the diversity of research topics. Disciplinary systematics reflects the versatility of research, scientific guidelines, ideas, values which have a pronounced applied emphasis. The classification of scientific works of theoretical and practical developments with elements of experimental research, analytical, review articles is presented – taking into account the various positions on the research problem.

Keywords: theoretical and applied linguistics; scientific school; scientific continuity; polyparadigmality; cognitive linguistics; interdisciplinarity; transdisciplinarity; science management; communicative linguistics; linguapragmatics; suggestive linguistics; linguacultural studies; ethnolinguistics; corpus linguistics.

**МЕРОСИ АВВАЛИНҲО: АҲАМИЯТИ ПОЙДОРИИ АНДЕШАҲОИ
МАЪРИФАТӢ БАҲШИДА: БА ҶАШНВОРАИ ПРОФЕССОР
ДИЛОРО МУҚАДДАСОВНА ИСКАНДАРОВА ВА МАКТАБИ ИЛМИИ
«ЗАБОНШИНОСИИ АМАЛӢ ДАР ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН»**

Сабирова Сановбар Ғаниевна

Доктори илми филология, дотсенти кафедраи забоншиносӣ
Филиали Донишгоҳи давлатии Москва ба номи М.В.Ломоносов
дар шаҳри Душанбе
734003, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Бохтар, 35/1
Тел.: (+992) 935 82 32 02 (м.)
ssanovbar@mail.ru

Мақола ба фаъолияти бисёрҷанбаи илмӣ ва амалии профессор Д.М.Искандарова дар соҳаи забоншиносии муосири асри 21, ки доираи васеи масъалаҳои муосири марбут ба самтҳои муосирро дар бар мегирад, ки ба фарогирии равишҳои муосир алоқаманд буда, аз ҷиҳати паҳноии манфиатҳо, навоариҳои илмӣ ва тамаркузи амалӣ фарқ мекунад. Дар он марҳалаҳои ҳаёт ва фаъолияти ӯ нишон дода шуда, шавқу ҳавас ва қомеъбихои илмӣ, сифатҳои касбӣ ва шахсияш инъикос ёфтаанд. Таърихи ташаккули мактаби илмӣ муосири «Забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон», ки дар Донишгоҳи (Славянии) Россия ва тоҷикистон таҳти роҳбарии профессор Д.М.Искандарова таъсис дода шуда. Дастовардҳои мактаби илмӣ дар давоми 10 соли охир ба назар гирифта шудаанд, ки онҳо дар тадқиқоти диссертационӣ, монография ва китобҳои дарсӣ инъикос ёфтаанд дида баромада шудаанд. Таснифи пешниҳодшуда траекторияи тадқиқоти забоншиносиро дар доираи татбиқи нақшаҳои тадқиқотии дурнамои мактаби илмӣ, инчунин гуногунии мавзӯҳои тадқиқотӣ нишон медиҳад. Систематикаи фанӣ гуногунҷанбагии тадқиқотҳои илмӣ, инчунин дастурҳои илмӣ, ғояҳои инъикос мекунад, ки арзиши онҳо дорои аҳамияти амалии возеҳ мебошад. Таснифи мақолаҳои илмӣ, коркардҳои назариявӣ ва амалӣ бо унсурҳои тадқиқоти таҷрибавӣ, мақолаҳои таҳлилӣ, тақризи бо назардошти мавқеъҳои гуногун онҳо ба масъалаи тадқиқот пешниҳод карда мешаванд.

Калидвожаҳо: забоншиносии назариявӣ ва амалӣ; мактаби илмӣ; вориснокии илмӣ; полипарадигмалӣ; забоншиносии когнитивӣ; байнисохавӣ; фаромарзӣ; идоракунии илм; забоншиносии коммуникативӣ; лингвапрагматика; забоншиносии сутгестивӣ; забоншиносӣ; маданияти лингвистӣ; забоншиносии этникӣ, забоншиносии корпусӣ.

УДК 81'33(575.3)(092)

НАУЧНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И НОВАТОРСТВО – МОСТ МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И СОВРЕМЕННОСТЬЮ

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
mdavlatmirova76@gmail.com

Худоёров Хусейн Ёдгорович

Кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры теоретического и прикладного языкознания
Российско-Таджикский (Славянский) университет
734025, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. М. Турсунзаде, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
husein_h@mail.ru

Статья посвящена научной деятельности доктора филологических наук, профессора кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ), Дилоро Мукаддасовны Искандаровой. Освещается вклад учёного, востоковеда в зарождение и развитие прикладной лингвистики в Республике Таджикистан. На основе анализа научных и учебно-методических трудов Д.М.Искандаровой раскрыт её вклад в современное отечественное языкознание, особенно в прикладную лингвистику. Отмечаются особенности как научной, так и педагогической и наставнической деятельности учёного, роль учёного в создании научной школы прикладной лингвистики в Республике Таджикистан, организацию научных мероприятий, таких как ежегодные круглые столы, форумы, а также курсы повышения квалификации, сотрудничество и научные связи с международным научным сообществом. Её научное творчество охватывает исследования междисциплинарного характера, а также проблемы типологии, теоретической и практической грамматики.

Заслуживает внимания организация проектной деятельности Д.М.Искандаровой, в результате которой были опубликованы монографии и отдельные статьи. Вторым актуальным результатом является создание Национального корпуса таджикского языка, что является результатом кропотливой работы профессора Д.М.Искандаровой. Представлен аналитический обзор научных трудов автора, которые были опубликованы в международных журналах, рецензируемых Scopus и Web of Science

Ключевые слова: профессор Искандарова Дилоро Мукаддасовна; научная деятельность; наставничество; научная школа; прикладная лингвистика; междисциплинарная характеристика; публикационная активность.

В научном мире есть имена, которые становятся символами продолжения традиций и внедрения инноваций. Среди ярких представителей таджикской лингвистической науки особое место занимает учёный-лингвист, востоковед Дилоро Мукаддасовна Искандарова, чья деятельность объединяет наследие прошлого и перспективы будущего в отечественном языкознании.

Ещё будучи студенткой восточного факультета Ленинградского государственного университета им. А.А.Жданова, Д.М.Искандарова проявила тонкое языковое чутьё и устойчивый интерес к изучению одного из дравидийских языков – телугу, продемонстрировав уникальную способность к освоению структуры и семантики разносистемных языков. Логическое мышление и стремление к глубокому анализу языковой структуры телугу начали формироваться уже в студенческие годы.

Научная деятельность Д.М.Искандаровой берет свое начало с исследования, проведенного в рамках кандидатской диссертации на тему «Конструкции с предикатными актантами в телугу: фазовые и модальные конструкции» [5]. Диссертация была выполнена и успешно защищена в 1994 году в Институте востоковедения Российской Академии наук (г.Москва).

В рамках докторской диссертации было проведено исследование и защищена работа на тему «Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу» [19] (при Таджикском государственном национальном университете в 1997 г.).

Оригинальность и научная новизна исследования заключались в системном анализе фазовых глаголов, классификации и выявлении специфических свойств, отличающих их от других глаголов в позиции сказуемого. Особое внимание было уделено ограничениям на сочетаемость фазовых глаголов с различными типами предикатных актантов, что позволило уточнить их синтаксические и семантические характеристики.

Отдельный научный интерес ученого вызвало сопоставление таджикского языка и телугу, что способствовало более глубокому пониманию механизма выражения фазовости в генетически неродственных языках и расширило представления о типологических особенностях аспектуальности.

В научных работах, посвящённых исследованию грамматических конструкций языка телугу в сопоставлении с таджикским языком, рассмотрены различные аспекты грамматической структуры, включая фазовые глаголы, синтаксические конструкции, послелого и порядок слов. Особое внимание уделяется функционально-семантическим параллелям и типологическим различиям между дравидийским и индоевропейским языками. Эти исследования способствовали расширению представлений о грамматических универсалиях и специфике структурирования значения в языках различных типологических групп [18].

Следует отметить, что в формировании научной картины мира профессора Д.М.Искандаровой важную роль сыграли её родители-наставники: мать – известный таджикский учёный-лингвист Касымова Мукаррама Набиевна и отец – Мукаддас Искандаров, поскольку именно в их интеллектуальной среде заклады-

вались основы интереса к науке, стремления к исследованию языков и уважения к культурному наследию.

Принцип научной преемственности прослеживается как в сохранении и развитии лингвистического наследия, так и в инновационном вкладе профессора Д.М.Искандаровой в становление теоретического и прикладного языкознания в Таджикистане.

Развитие данного направления в отечественной лингвистике представляет особую значимость, поскольку отражает как эволюцию национальной лингвистической мысли, так и её вклад в мировую науку. В этом контексте особое внимание заслуживает научная статья «Взаимовлияние лингвистических школ и роль таджикской лингвистической традиции в истории мирового языкознания» (2004), где подчёркивается важность исследований этой области.

Продолжая научно-исследовательскую деятельность, учёный уделяет значительное внимание лексикографии и методике преподавания языков. В 2002 году под авторством Д.М.Искандаровой были опубликованы «Краткий русско-таджикский тематический учебный словарь» [7] и «Луғати мухтасари мавзӯии таълимии тоҷикӣ-русӣ» [8]. В 2010 году вышел «Краткий русско-таджикский тематический словарь глаголов» [9], а в 2011 году – «Русско-таджикский учебный словарь» [15]. Эти труды внесли значительный вклад в развитие таджикской двуязычной лексикографии и языкового образования.

Научные труды профессора Д.М.Искандаровой охватывают широкий спектр актуальных проблем современного языкознания – от социолингвистики и билингвизма до когнитивной лингвистики, корпусных исследований и гипертекстуальности. Особое внимание в работах уделяется языковой ситуации в Таджикистане, формированию национальной идентичности, проблемам толерантности и межкультурной коммуникации, гендерным аспектам, а также вопросам лингвистической дискриминации.

Полученные теоретические и практические знания, а также новая методология лингвистических исследований, освоенные во время стажировки в США (январь-май 2003 г.) по программе RSEP (Regional Scholar Exchange Program by IREX, University of Wisconsin–Madison), и участие в международных конференциях сыграли важную роль в формировании новых идей, развитии и применении полученных навыков и методов в Республике Таджикистан.

Концептуально значимой представляется инициатива Д.М.Искандаровой, направленная на повышение публикационной активности учёных университета, что нашло отражение в её монографии [13]. В данном исследовании учёный акцентирует внимание на проблемах интеграции отечественных исследователей в международное научное пространство, анализируются пути повышения публикационной активности академического сообщества, а также формулируются основные требования к подготовке и публикации научных работ.

Опубликованные научные работы профессора Д.М.Искандаровой можно систематизировать по следующим направлениям:

1. Сравнительная типология (структурно-грамматические аспекты) и сопоставительное исследование таджикского языка с другими языками (лингвокультурный, когнитивный, этнолингвистический аспекты).

Работы фокусируются на сопоставлении лексико-семантических, грамматических, синтаксических и прагматических характеристик таджикского и других языков.

В рамках научно-исследовательской деятельности учёного были опубликованы статьи, в которых рассматриваются разные проблемы современного таджикского языка в сопоставительном аспекте. К примеру, проводится сравнительный анализ средств выражения просьбы в таджикском языке и их эквивалентов в английском и русском языках в лингвокультурном аспекте. Исследуется прагматическая значимость различных лексических и грамматических средств, а также культурные особенности, влияющие на выбор форм выражения просьбы в исследуемых языках [17].

Следует обратить внимание на исследование явлений языковой редупликации [21], её особенностей и типологических характеристик в разных языках с акцентом на её роли в структуре и значении слов и фраз. Д.М.Искандарова также рассматривались вопросы этнолингвистики и лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, например, индикаторы социального статуса, выражаемые через речевой этикет в таджикском языке [2]. Особое внимание уделяется различиям в языке в зависимости от социального положения, возраста и пола собеседника.

Следует упомянуть статью, опубликованную на английском языке «Are We Polite? Means of Expressing Requests in Tajik» [25], которая была посвящена исследованию способов выражения просьбы в таджикском языке в аспекте лингвокультурного анализа. Автор выявляет различные социальные и культурные факторы, влияющие на использование формул и выражений в рамках этикета вежливости при выражении просьб в таджикском языке.

Глубокому анализу подвергается вопрос о роли национальных стереотипов в речевом этикете, а также влияние этих стереотипов на коммуникацию между представителями различных культур [10]. Осуществляется анализ стереотипных представлений, которые проявляются в речи и поведении людей в разных культурных контекстах.

Вопросы социоллингвистики, лингвокультурологии и лингвоаксиологии.

Необходимо отметить, что вопросы билингвизма и мультилингвизма, языковой политики, а также национально-специфических особенностей народной психологии, ценностей, стереотипов и менталитета были исследованы и представлены на различных международных конференциях. Проблема национальных стереотипов в речевом этикете была освещена на международной научно-практической конференции в Москве [10]. В работе показано влияние стереотипов и ценностных доминант на языковую картину мира таджикско-русского билингва. Особое внимание уделяется когнитивному восприятию различных языковых структур и значений, формирующих мировоззрение носителей этих языков.

В следующей публикации, где проводится сравнительный анализ языковой политики в Республике Таджикистан [22] показано состояние национального языка, определяются основные задачи, стоящие перед государственными и образовательными структурами для его укрепления и развития национального языка.

Д.М.Искандарова неоднократно подчёркивает важность междисциплинарных исследований в лингвистике, поскольку в современном мире, на фоне стремительного развития цифровых технологий, естественный человеческий язык подвергается всесторонним изменениям. Происходит взаимовлияние и столкновение различных культур, переоценка ценностей, а стереотипное мышление часто приводит к недопониманию и возникновению конфликтных ситуаций. Для выявления образа русского в таджикском языковом сознании был проведен свободный ассоциативный эксперимент, на основе которого была опубликована статья о взаимовлиянии культуры и языка [24], в которой подчеркивается: «Исследование стереотипов и ассоциативного поля «русский» в таджикской лингвокультуре поднимает важные вопросы о взаимодействии культур и языков, а также о том, как эти взаимодействия влияют на восприятие этнических групп. Стереотипы формируются на основе исторического контекста, предшествующих взаимодействий и социально-культурной среды» [24].

Интерес к изучению билингвизма и мультилингвизма ярко отражается в опубликованных работах учёного. К числу значимых проблем относится исследование этноконтактных зон в Таджикистане. В статье «Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны» (2023) представлена языковая ситуация в диахроническом и синхронном аспектах, как результат исторически сложившегося естественного билингвизма в контактных зонах проживания таджиков. Д.М.Искандарова даёт скрупулёзный этимологический обзор этнонима «таджик» и отмечает, что «...нам встретилось и более раннее упоминание этнонима *tājika* с переводом «перс» в «Санскритско-русском словаре», который содержит наиболее употребительную лексику (28 000 слов) из текстов эпического (VII в. до н.э. – III в. н.э.) и классического (IV-VII вв.) санскрита, что является свидетельством того, что это слово, как название этноса, присутствовало еще в санскритских текстах более раннего периода» [23, с.238].

В работе следует также обратить внимание на историческое название языка в трёх таджикоязычных странах: «Что касается названия языка, исторически он назывался форсии дари (т.е. придворный фарси), разделение которого на три самостоятельных языка началось в XVI в., теперь это три языка – персидский в Иране, дари в Афганистане и таджикский в Таджикистане и некоторых ареалах с компактным проживанием таджиков в других странах Центральной Азии, в основном в Узбекистане» [23, с.223].

Компьютерная и корпусная лингвистика в Таджикистане

Профессор Д.М.Искандарова является одним из ведущих исследователей в Таджикистане, активно разрабатывающих вопросы корпусной лингвистики. Её работы посвящены как теоретическим основам, так и прикладным аспектам функционирования Национального корпуса таджикского языка, рассматриваемо-

го как инструмент стратегического планирования, языковой политики и современных лингвистических исследований.

Кафедра теоретического и прикладного языкознания РТСУ проводит исследования в области компьютерной и корпусной лингвистики, последовательно сотрудничая со специалистами в области IT-технологий с самого момента своего основания в 2009 г. В результате такого сотрудничества молодыми учеными Л.А.Гращенко и А.Ю.Фоминим под руководством академика З.Д.Усманова и профессора Д.М.Искандаровой была создана программа «Таджикско-персидский конвертер графических систем письма».

Основу лингвистического алгоритма составляет морфоанализатор лексики таджикского языка и 200-словный словарь исключений (более подробно с данной разработкой можно ознакомиться на сайте www.tajpers.narod.ru).

С 2017 года кафедра под руководством Д.М.Искандаровой активно ведутся исследования в области корпусной лингвистики. В рамках этого направления был разработан проект «Создание Национального корпуса таджикского языка», получивший государственное финансирование на 2019-2021 гг. Кроме того, проект был софинансирован РТСУ за счёт средств Программы развития.

Как известно, для каждого народа национальный язык является ценностью и культурным кодом. Для его сохранения необходимо осуществлять документирование посредством цифровизации и создания Национального корпуса языка. В своем Послании Маджлиси Оли Республики Таджикистан «Об основных направлениях внутренней и внешней политики республики» 26 января 2021 г. Основатель мира и национального единства, Лидер нации, Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон отметил: «Учёным необходимо расширить научно-исследовательские работы в рамках направлений, определенных Правительством страны и активно вносить свой вклад в развитие национальной экономики».

Среди других приоритетных направления фундаментальных и прикладных научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы оказалась компьютерная лингвистики и искусственный интеллект.

Важно отметить, что наличие национального корпуса языка свидетельствует о высоком научном потенциале страны, развитии цифровых технологий, а также о её стремлении к сохранению и систематизации языкового наследия в контексте современных гуманитарных и лингвистических исследований.

Последовательно выстроенная концепция руководителя проекта Д.М.Искандаровой сыграла ключевую роль в формировании Национального корпуса таджикского языка.

На сегодняшний день объём корпуса составляет 58,4 млн словоупотреблений. Он снабжён лингвистической разметкой, пословным переводом и развитой системой поиска не только по словоформе, но и по лексеме, переводу, различным признакам (грамматическим, морфологическим, синтаксическим, жанру текста и т.д.). Также реализована возможность комплексного поиска, учитывающего сочетаемость языковых единиц и расстояние между ними, что значительно упрощает трудоёмкий процесс сбора языкового материала. Доля автоматического разбора составляет 96%. Каждая разобранная словоформа включает граммати-

ческую информацию и перевод на русский и английский язык (<https://tajiik-corpus.org/>) [27].

Следует отметить, что из стран Центральной Азии, кроме Таджикистана, Корпус языка начал создаваться только в Казахстане. Узбекистан, Кыргызстан и Туркменистан пока не имеют таких корпусов.

В ряде публикаций Д.М.Искандаровой (2021; 2022) подчеркивается значение Национального корпуса таджикского языка как интегративной платформы для решения задач, связанных с изучением языка в цифровую эпоху. Особое внимание уделяется типологическим особенностям корпуса, критериям его наполнения, лексико-грамматической разметке, а также возможностям использования в социолингвистическом и когнитивном анализе.

В выступлениях на международных конференциях и публикациях Д.М.Искандарова рассматривает корпус не только как базу данных, но и как динамическую модель языка, отражающую его актуальное состояние, изменения и варьирование в реальном употреблении.

В статье «Национальный корпус таджикского языка как объект языковой политики» [12] рассматриваются принципы формирования и функционирования Национального корпуса таджикского языка как инструмента языковой политики и стратегических исследований [12]. В опубликованных исследованиях подчеркивается значение корпусной лингвистики в образовательной сфере, в том числе для разработки национальных стандартов преподавания таджикского языка, создания учебных и справочных материалов нового поколения.

Д.М.Искандарова отмечает, что в перспективе развития корпусной лингвистики важной задачей является создание корпусной грамматики таджикского языка: «Одной из задач, которую мы ставим перед собой на ближайшее будущее, является создание так называемой «Корпусной грамматики». Если быть более точными, на первом этапе исследования это будут скорее описательные статьи по грамматике, написанные на основе НКТЯ, которые послужат материалом для будущей корпусной грамматики [11].

Д.М.Искандарова акцентирует внимание на необходимости цифровизации лингвистических ресурсов как условия интеграции таджикского языкознания в международное научное пространство.

Также следует отметить, что учёные под руководством профессора Д.М.Искандаровой инициировали проект «Когнитивное и этнопсихолингвистическое исследование проблем толерантности и межэтнических взаимодействий», который был профинансирован в рамках гранта по Программе развития университета на 2014-2016 годы. Учёным кафедры была проделана масштабная работа, было проведено анкетирование в студенческой среде Таджикистана. По итогам исследования была опубликована монография: «Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана: лингвистические аспекты [4].

Кроме того, профессор Д.М.Искандарова активно занимается исследованием когнитивных и психолингвистических аспектов языкового сознания, что нашло отражение в ряде её монографий и коллективных научных трудов.

Особое внимание в исследованиях Д.М.Искандаровой уделяется формальной типологии лексико-морфологической системы таджикского языка, в том числе на основе анализа работ М.Н.Касымовой «Забон ва муъчизаи он» («Язык и его феномены») [16].

Несмотря на то, что в некоторых трудах профессора М.Н.Касымовой, таких как «Забон ва муъчизаи он» (Язык и его феномены), «Об дар Шохномаи» и Абдулқосими Фирдавсӣ» (Вода в «Шах-наме» Абулькасыма Фирдоуси), «Чор унсур: маъниофаринӣ, калимасозӣ (дар асоси маводи «Маснави маънавӣ»)» (Четыре элемента: семантика, словообразование (на материале «Маснави»)), используется понятийный аппарат когнитивной и лингвокультурной лингвистики, её анализ лексико-семантических полей и системных связей между языковыми единицами демонстрирует элементы, которые в современном научном контексте можно рассматривать как предпосылки когнитивного подхода.

Следует отметить, что наблюдения учёного относительно коннотаций и структуры базовых понятий таджикского языка создают основу для дальнейших исследований в русле когнитивной и культурно-языковой парадигмы, что находит своё продолжение в современных работах Д.М.Искандаровой. Следует подчеркнуть, что публикационная активность профессора Д.И.Искандаровой включает 110 работ, из которых 60 зарубежных публикаций, включая 8 в Scopus и 10 в Web of Science.

Профессор Д.М.Искандарова ведёт плодотворное сотрудничество в контексте научного взаимодействия с профессорско-преподавательским составом научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений Таджикистана, России и ряда зарубежных стран. Одним из значимых результатов её научной деятельности стало создание Национального корпуса таджикского языка.

Среди тех, с кем активно сотрудничает Д.М.Искандарова следует отметить представителей Школы лингвистики и Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, включая таких известных учёных, как В.А.Плунгян, Е.В.Рахилина, Е.Е.Арманд Р.В.Ронько и др., Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) А. П. Выдриным.

Инициатором и организатором проведения ежегодных круглых столов под общим названием «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований», начиная с 2011 г. также является профессор Д.М.Искандарова. Благодаря её научному руководству, стратегическому видению и кропотливой организационной работе были чётко определены ключевые векторы развития прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан, а ежегодные, уже традиционные, круглые столы стали платформой для всестороннего обсуждения перспективных направлений в отечественном языкознании.

С начала 2010-х гг. в Республике Таджикистан наблюдается активное развитие прикладной лингвистики, чему способствовали научные исследования профессора Д.М.Искандаровой. В частности, в её статье «Актуальные проблемы языкознания в Республике Таджикистан: состояние, задачи, перспективы» (2011) были определены ключевые направления прикладной лингвистики в стране: со-

циолингвистика, этнолингвистика, психолингвистика, юрислингвистика, когнитивная лингвистика, компьютерная лингвистика, корпусная лингвистика.

С 2011 года кафедра не только ежегодно проводит круглые столы под общим названием «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан», но также издаёт одноимённый научный журнал (имеющий ISSN), в котором публикуются материалы лингвистических исследований преподавателей, аспирантов, магистрантов и соискателей.

Каждый год в рамках круглых столов рассматривались различные направления прикладной лингвистики, актуальные для научного сообщества Республики Таджикистан. Среди ключевых тематик – социolingвистика, когнитивная и компьютерная лингвистика, этно- и психолингвистика, юрислингвистика, лингвоперсонология, интернет-лингвистика, билингвизм и мультилингвизм и др.

Особенностью данных мероприятий является постоянное расширение научной проблематики: ежегодно участники не только подводят итоги текущих лингвистических исследований, но и формулируют перспективные направления дальнейшего развития прикладной лингвистики в условиях Таджикистана.

Журнал «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан» служит открытой академической площадкой для преподавателей, аспирантов, магистрантов и исследователей, способствуя продвижению таджикской лингвистической науки в направлении современных мировых тенденций - от когнитивной и психолингвистики до интернет- и корпусной лингвистики.

Профессор Д.М.Искандарова не только инициировала идею создания научного издания, но и вложила максимум усилий для того, чтобы журнал стал полноценной академической платформой для публикации научных работ преподавателей, магистрантов, аспирантов и соискателей кафедры.

Следует подчеркнуть, что при всей поддержке молодых исследователей, профессор Д.М.Искандарова установила строгие требования к оформлению и содержанию статей, особенно в части соблюдения научной этики и оригинальности текстов. Такой подход способствовал высокому уровню академической добросовестности и высокому проценту оригинальности публикуемых материалов, что, в свою очередь, положительно повлияло на научную репутацию журнала «Перспективы развития фундаментальных и прикладных лингвистических исследований в Республике Таджикистан» и кафедры в целом, а также созданию научной школы.

Д.М.Искандарова является основателем научной школы «Прикладная лингвистика в Республике Таджикистан» на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ.

Данная научная школа сегодня объединяет преподавателей, аспирантов и магистрантов, ведущих исследования в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, лингвоперсонологии и лингвокультурологии и корпусной лингвистики и других актуальных направлений.

Под руководством ученого защищены 10 диссертационных работ

- по сравнительной типологии, сопоставительному исследованию таджикского языка с русским и другими языками, 1 докторская;
- по теории текста – 2 диссертации (1 докторская), ориентированные на анализ структуры, семантики и интерпретации текста, а также разработку моделей лингвистического анализа текстов различных жанров;
- по когнитивной лингвистике – 12 диссертационных работ, из них 2 докторских;
- по лингвокультурологии и межкультурной коммуникации – 3 кандидатских работ.

Следует отметить, что под руководством профессора Д.М.Искандаровой впервые начаты исследования в области фоносемантики таджикского языка.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что вклад профессора Д.М.Искандаровой в развитие лингвистической науки в Таджикистане заключается не только в теоретическом осмыслении новых методологических подходов, но и в практической реализации крупных проектов, направленных на сохранение и развитие национального языкового фонда.

Литература

1. Искандарова Д.М. Взаимовлияние лингвистических школ и роль таджикской лингвистической традиции в истории мирового языкознания // Забон – рукни тоат: сб.статей. – Душанбе, 2004. – С.128-134.
2. Искандарова Д.М. Индикаторы социального статуса в таджикском речевом этикете (сопоставительный аспект) // Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство: материалы Международной научно-теоретической конференции. – Самарканд, 2006. – С.132-134.
3. Искандарова Д.М. Использование современных информационных технологий в преподавании лингвистических дисциплин // Инновационное и традиционное в преподавании филологических дисциплин: сб. круглого стола. – Душанбе: РТСУ, 2006. – С.21-29.
4. Искандарова Д.М. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана: лингвистические аспекты. – М.: РАЕ, 2015. – 141 с. (в соавторстве).
5. Искандарова Д.М. Конструкции с предикатными актантами в языке телугу. Фазовые и модальные конструкции: автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.22 / Искандарова Дилоро Мукаддасовна. – Душанбе, 1994. – 18 с.
6. Искандарова Д.М. Конструкции с предикатными актантами в телугу. Фазовые и модальные конструкции: монография. – Душанбе, 1995. – 138 с.
7. Искандарова Д.М. Краткий таджикско-русский тематический учебный словарь. – Душанбе, 2002. – 80 с.
8. Искандарова Д.М. Краткий русско-таджикский тематический учебный словарь. – Душанбе: ТГНУ, 2002. – 66 с. (в соавторстве)
9. Искандарова Д.М. Краткий русско-таджикский тематический словарь глаголов. – Душанбе: РТСУ, 2010. – 144 с.
10. Искандарова Д.М. Национальные стереотипы в речевом этикете // Основные направления разработки моделей межкультурных компетенций для языков СНГ: тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – М.: МГЛУ, 2007. – С.44-45.
11. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как инструмент лингвистических исследований // Казанская наука. – 2021. – №1. – С.94-97.

12. Искандарова Д.М. Национальный корпус таджикского языка как объект языковой политики // Языковая политика стран Содружества Независимых Государств (СНГ): материалы II Международного конгресса: сб. тезисов. – М., 2021. – С.54-55.
13. Искандарова Д.М. Проблемы повышения публикационной активности ученых университета: монография. – Душанбе: РТСУ, 2018. – 138 с.
14. Искандарова Д.М. Развитие прикладной лингвистики в РТ: задачи и перспективы // Актуальные проблемы филологии: материалы II ежегодной республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2006. – С.56-60.
15. Искандарова Д.М. Русско-таджикский учебный словарь. – Душанбе: РТСУ, 2011. – 160 с.
16. Искандарова Д.М. Сокровища и феномены языка научное наследие профессора М.Н.Касымовой (аналитический обзор). – Душанбе, 2023. – 131 с.
17. Искандарова Д.М. Средства выражения просьбы в таджикском языке в сопоставлении с английским и русским языками // Актуальные проблемы филологии: материалы республиканской научно-практической конференции. – Душанбе: РТСУ, 2005. – С.56-62.
18. Искандарова Д.М. Фазовые значения в таджикском языке в сопоставлении с телугу: монография. – Душанбе, 1998. – 169 с.
19. Искандарова Д.М. Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Искандарова Дилоро Мукаддасовна. – Душанбе, 1997. – 38 с.
20. Искандарова Д.М. Фазовые конструкции в таджикском языке: монография. – Душанбе, 1997. – 108 с.
21. Искандарова Д.М. Явление и природа языковой редупликации (сопоставительный и типологический аспект) // Проблемы русского языка в контексте компаративистики: сб. статей. – Душанбе, 2005. – 172 с.
22. Искандарова Д.М. Языковая политика в Таджикистане: сравнительный анализ, состояния и первоочередные задачи // Тезисы докладов Международной научно-практической конференции. – Суздаль, 2008. – С.55-56.
23. Искандарова Д.М. Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны // Русин: Научный журнал. – 2023. – №74. – С.219-238.
24. Искандарова Д.М., Козлова О.Л. Образ русского в таджикском языковом сознании // Русин. – 2024. – №78. – С.282.

SCIENTIFIC CONTINUITY AND INNOVATION – A BRIDGE BETWEEN TRADITION AND MODERNITY

Davlatmirova Manizha Borakovna

Doctor of Philology, associate professor,
professor of the chair of theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
mdavlatmirova76@gmail.com

Khudoyorov Khusein Yodgorovich

Candidate of philological sciences,
senior lecturer of the chair theoretical and applied linguistics
Russian-Tajik (Slavonic) university
734025, Republic of Tajikistan, Dushanbe, M. Tursunzade str., 30
Ph.: (+992) 44 620 42 09
husein_h@mail.ru

The article is devoted to the scientific activity of the doctor of philological sciences, professor of the department of theoretical and applied linguistics of the Russian-Tajik (Slavonic) university (RTSU), Diloru Mukaddasovna Iskandarova. The contribution of the outstanding scientist, orientalist to the emergence and development of applied linguistics in the Republic of Tajikistan is highlighted. Based on the analysis of scientific and educational-methodical works of the scientist, the contribution of D.M.Iskandarova to modern domestic linguistics, especially in applied linguistics, is revealed. The features of both scientific and pedagogical and mentoring activities of the scientist are noted. The role of the scientist in the creation of the scientific school of applied linguistics in the Republic of Tajikistan, the organization of scientific events such as annual round tables, forums, as well as advanced training courses, cooperation and scientific relations with the international scientific community is great. Her scientific work covers interdisciplinary research, as well as problems of typology, theoretical and practical grammar.

Deserves attention to the organization of project activities of D.M.Iskandarova, as a result of which monographs and individual articles were published. The second relevant result is the creation of the National corpus of the Tajik Language, which is the result of the painstaking work of professor D.M.Iskandarova. An analytical review of the author's scientific works, which were published in international journals peer-reviewed by Scopus and Web of Science, is also presented.

Keywords: Professor Iskandarova Diloru Mukaddasovna; scientific activity; mentoring; scientific school; applied linguistics; interdisciplinary characteristics; publication activity.

**ВОРИСНОКИИ ИЛМӢ ВА НАВОВАРӢ —
ПУЛЕ БАЙНИ АНӢАНА ВА ЗАМОНӢ МУОСИР**

Давлатмирова Манижа Бораковна

Доктори илми филология, дотсент,
профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
мдавлатмирова76@gmail.com

Худоёров Хусейн Ёдгорович

Номзади илмҳои филология,
муаллими калони кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии
Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон
734025, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. М.Турсунзода, 30
Тел.: (+992) 44 620 42 09
husein_h@mail.ru

Мақола ба фаъолияти илмӣ доктори илмҳои филологӣ, профессори кафедраи забоншиносии назариявӣ ва амалии Донишгоҳи (Славянии) Россия ва Тоҷикистон Дилоро Муқаддасовна Искандарова бахшида шудааст. Саҳми олимӣ намоёну барҷаста, шарқшинос дар пайдоиш ва рушди забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон инъикос шудааст. Дар асоси таҳлили асарҳои илмӣ ва таълимию методии олим саҳми Д.М.Искандарова дар забоншиносии муосири ватанӣ, махсусан дар забоншиносии амалӣ муайян карда шудааст. Хусусиятҳои ҳам фаъолияти илмию педагогӣ ва ҳам устодии олим қайд карда шудаанд. Нақши олим дар таъсиси мактаби илмӣ забоншиносии амалӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон, ташкил ва баргузории чорабиниҳои илмӣ, аз қабili мизҳои мудаввар, ҷамоиишҳо, инчунин курсҳои тақмили ихтисос, ҳамкорӣ ва робитаҳои илмӣ бо ҷомеаи илмӣ байналмилалӣ бузург аст. Корҳои илмӣ ӯ таҳқиқоти байнифанӣ, инчунин масъалаҳои типология, грамматикаи назариявӣ ва амалиро фарогиранд.

Ташкили фаъолияти лоиҳавӣ Д.М.Искандарова, ки дар натиҷаи он монография ва мақолаҳои алоҳида ба таъъ расидаанд, сазовори таваҷҷӯҳи махсус мебошад. Натиҷаи дигари муҳим ақтуалӣ – таъсиси Корпуси миллии забони тоҷикӣ мебошад, ки натиҷаи заҳматҳои ҳамаҷузай профессор Д.М.Искандарова мебошад. Инчунин шарҳи таҳлили асарҳои илмӣ муаллиф, ки дар маҷаллаҳои байналмилалӣ таҳти назари Scopus ва Web of Science нашр шудаанд, пешкаш мегардад.

Калидвожаҳо: профессор Искандарова Дилоро Муқаддасовна; фаъолияти илмӣ; роҳнамоӣ; мактаби илмӣ; забоншиносии амалӣ; хусусиятҳои байнифанӣ; фаъолияти публисисти.

УДК [81'33](#)

НАУЧНАЯ ШКОЛА УСПЕШНОГО НАСТАВНИКА

Мухторов Зайнидин Мухторович

Доктор филологических наук,
ректор

Филиал Сингапурского института развития менеджмента в Душанбе
734000, Республика Таджикистан, Душанбе, ул. Саида Носира, 33

Тел.: (+992) 907 80 18 22 (м.)

mukhtorov67@gmail.com

Природа и сотворение дают каждому человеку ту силу и интеллектуальную возможность, которые человек считает необходимыми для достижения своих благих намерений. Благодаря этому мы, люди, можем получить то, что твердо и серьезно хотим иметь и чего хотим достичь. Поэтому в народе говорят, что все достижения человека зависят от его намерений и желаний, и именно наша интенция всегда и везде руководит нами.

В лице успешного ученого и исследователя науки о языке, дорогого педагога и всеми нами уважаемой Дилоро Мукаддасовны Искандаровой, в ее достижениях, в ее работе, в ее повседневной деятельности, в ее успехах и усилиях в развитии науки, в ее руководстве в области науки и образования в течение долгих лет мы отчетливо видим, что она устойчивый, решительный, целеустремленный и, безусловно, счастливый человек, человеку, которому посчастливилось делать очень много добра людям, обществу и своей стране:

Прекрасно – зерен набросать полям!

Прекрасней – в душу солнце бросить нам!

И подчинить добру людей свободных

Прекраснее, чем волю дать рабам.

Такой характер, такая прекрасная человеческая натура и отношение доказывают, что уважаемый педагог Д.М.Искандарова с самого начала своей профессиональной карьеры ставила правильные цели, разрабатывала четкие и упорядоченные планы, успешно добивалась поставленных перед собой целей, настойчиво и успешно реализовывала свои новые планы.

Я знаю своего уважаемого и дорогого наставника, профессора Д.М.Искандарову с середины 90-х годов прошлого столетия, когда она вошла в мир науки как успешный инициативный новатор таджикской лингвистики и как ведущий представитель нового поколения языковедов. Наряду с этим, мне посчастливилось совместно работать в рамках новой лингвистической школы, созданной известным ученым, таджикским языковедом, членом-корреспондентом

Академии наук Республики Таджикистан, доктором филологических наук Мукаррамой Набиевной Касымовой. Именно по инициативе профессора М.Н.Касымовой на базе филологического факультета Таджикского национального университета была образована кафедра истории языка и типологии, где нам удалось погрузиться в мир языкознания и типологических исследований языков, и все это объединило нас вокруг новых и весьма интересных и актуальных вопросов языка и языкознания.

Таким образом наше сотрудничество с уважаемой Д.М.Искандаровой формировалось вокруг проблем языковых контактов, типологии и сравнения языков. Одна из значимых заслуг профессоров М.Н.Касымовой и Д.М.Искандаровой в конце 90-х годов и начале 2000-х заключалась в том, что после приобретения государственной независимости Таджикистана нашим ученым многое приходилось начинать с нуля, так как новые языковые контакты, новые потребности в изучении языков и в обучении языкам ставили перед ними новые задачи. В этом плане возникла необходимость разработки и составления новых двуязычных словарей. Будучи молодым и перспективным ученым и успешным педагогом, Д.М.Искандарова занимается разработкой двуязычных учебных словарей, где весьма значима инициатива и руководство профессора Мукаррамы Набиевны Касымовой. Благодаря их усердному труду в эти годы были составлены и изданы новые двуязычные таджикско-русские и русско-таджикские учебные словари для студентов и желающих изучать таджикский и русский языки. Мне посчастливилось участвовать в некоторых изданиях этих словарей в качестве корректора.

Стоит особо отметить, что эти словари были очень необходимым, ценным и важным ресурсом для студентов, соискателей, учащихся и педагогов в те годы, когда у людей был ограниченный доступ к словарям. К этим словарям относятся такие ценные источники для учащихся, студентов, как «Краткий таджикско-русский и русско-таджикский учебный словарь» (Душанбе, 2001, 2002), «Краткий русско-таджикский тематический учебный словарь» (Душанбе, 2002), а также «Русско-таджикский словарь» (Душанбе, 2011).

Поскольку предыдущие мои исследования были посвящены особенностям языка мистической литературы классического периода и вообще истории литературного языка, а также истории иранских языков, то после знакомства с научными трудами и взглядами Д.И. Искандаровой у меня возрос интерес к изучению типологических и сравнительно-исторических особенностей языков разной конструкции, а также к сравнительному анализу родственных языков. Следует особо отметить, что профессор Д.И.Искандарова в свое время получила высшее образование и ученую степень в Ленинградской лингвистической школе, а авторитет этой лингвистической школы мирового уровня признан всеми. Именно поэтому взгляды профессора Д.М.Искандаровой имели и имеют свою специфику, и они отличаются своей обоснованностью, объективностью и одновременно нелинейностью в вопросах языка и современного языкознания, и такой научный подход редко встречается в других исследованиях. Другая немаловажная особенность научного подхода профессора Д.М.Искандаровой к вопросам языка и языкознания заключается в том, что она владеет неповторимым «языковым чутьем». В

связи с этим следует особо отметить, что не каждому удастся осознать различные аспекты и тонкости языка, если он не владеет таким специфическим «языковым чутьем», как редкие и особые задатки. Если люди обычно знают и владеют языками, то лингвисту просто знать и владеть ими недостаточно, ему необходимо познать природу языка, погрузиться глубоко в мир языка и осознать всю суть и натуру языка. Лингвист без особого «языкового чутья», которое связано, скорее всего, с подсознанием человека, никогда не может познать так глубоко язык, как познает его тот, у кого есть такое «специфическое чутье».

Научные труды профессора Д.М.Искандаровой в конце 90-х и начале 2000-х годов стали главным путеводителем для большинства молодых ученых и соискателей в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. В трудах профессора Д.М.Искандаровой основные вопросы языка рассматриваются на материале иностранных языков с той целью, что на следующих этапах исследования языков можно имплементировать результаты проведенных исследований, и такой подход является весьма практико-ориентированным и ценным с точки зрения методологии науки. Например, кандидатская диссертация Д.М.Искандаровой была посвящена одному из распространенных и в историческом плане древних языков Индии – языку телугу. Работа называлась «Конструкции с предикатными актантами в языке телугу. Фазовые и модальные конструкции». В ней рассматривались такие конструкции, в которых имелись, как минимум, один синтаксический актанта вершинного глагола или вершинного слова с предикатным значением, так называемые конструкции с предикатными актантами. В данной работе проводилось изучение двух видов конструкции с предикатными актантами как фазовые и модальные глаголы, и автору удалось собрать и подвергнуть анализу 10 тысяч конструкций с предикатными актантами, которые широко представлены в языке телугу.

Такая интересная и в научном плане актуальная тема в эти годы рассматривалась Д.М.Искандаровой также на материалах современного таджикского языка. Через два года была издана ее монография, посвященная лингвистическим особенностям таджикских глаголов, под названием «Фазовые конструкции в таджикском языке» (Душанбе, 1997), где автору удалось провести всесторонний и скрупулезный анализ фазовых особенностей таджикского глагола, что являлась первой и успешной попыткой анализа и интерпретации таджикского глагола с учетом его фазовых значений. В том же году Д.М.Искандаровой была защищена ее докторская диссертационная работа на тему «Фазовые значения как компонент поля аспектуальности в таджикском языке в сопоставлении с телугу» в рамках сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. Данное диссертационное исследование стало краеугольным камнем в области сравнительно-исторического, типологического и сопоставительного языкознания. Именно в данной работе были раскрыты особенности предикатных актантов в разноструктурных языках. В работе было отмечено, что предикатные актанты имеют различное выражение в разноструктурных языках и в основном они выражаются глагольными формами, а также глагольными существительными или зависимыми предложениями. Следовательно применение методов изуче-

ния конструкции предикатных актантов позволило выделить средства выражения фазовости, в частности фазовые глаголы, в особый класс, а также удалось определить их актанты, очертить границы функционально-семантического поля фазовости.

Сопоставительное исследование аспектуальности глаголов разносистемных языков стало важным источником для последующих диссертационных изысканий в современном таджикском языкознании. Данное сопоставительное исследование аспектуальных отношений и в настоящее время представляет особый интерес в связи с тем, что поле аспектуальности существует во всех языках и в каждом языке средства выражения характера протекания действия во времени имеют свои особенности. По итогам проведенного изыскания Д.М.Искандаровой в 1998 году была опубликована другая ее монография под названием «Фазовые значения в таджикском языке в сопоставлении с телугу» (Душанбе, 1998), которая представляет особую значимость для современного языкознания.

Ценные труды профессора Д.М.Искандаровой стали для нас путеводной звездой и побудили нас еще глубже вникать в вопросы типологического, сравнительно-исторического, сопоставительного языкознания.

В 2004 году мне удалось определиться с моими новыми планами в исследовании таджикского языка в рамках типологического и сравнительно-исторического языкознания, в чем очень сильно помогли советы профессора Д.М.Искандаровой. По моей просьбе и по велению судьбы она была назначена научным консультантом моей докторской диссертации по проблемам типологического и сравнительно-исторического анализа и сравнения структуры и семантики текста в таджикском и русском языках, что сделало наше сотрудничество в исследовании языка еще более устойчивым, постоянным и продолжительным.

В своих трудах профессор Д.М.Искандарова рассматривала вопросы языка на основе принципов универсалий и общности языковой коммуникации, а также социальной и индивидуальной стороны языка, и все эти аспекты неразрывно связаны друг с другом, согласно известному определению Ф. де Соссюра, они представляли язык как «систему систем». По мнению профессора Д.М.Искандаровой, именно названные особенности представляли основные атрибуты языка, следовательно, все исследования по языку должны учитывать именно эти атрибуты. В связи с этим она считала, что изучение языка должно начинаться от языка индивида к общему языку и языку человечества как универсальной коммуникативной системы, а лингвистическое исследование, основанное только на одном языке, не всегда может принести желаемые результаты, так как все языки связаны друг с другом. Здесь уместно привести слова В.И.Абаева о том, что «монолитных языков» в мире не существует. Именно поэтому при изучении языка необходимо учитывать все аспекты и факторы, связанные с языками, их взаимосвязи, общности и отличия, а также взаимосвязанные и сопутствующие им явления. Именно поэтому изучение и исследование языков на основе сравнения и сопоставления позволяет получить более полные результаты, точные и ценные научные выводы и концепции.

Еще со студенческих лет я уделял внимание синтаксическим конструкциям в своих письменных работах, включая научные доклады на различных конференциях, курсовые работы и выпускной проект. После защиты кандидатской диссертации я обсудил эту тему со своим уважаемым педагогом и получил ее поддержку. Кроме того, она помогла мне прояснить некоторые сложные вопросы. После этого, по ее совету, я подготовил статью о синтаксической конструкции сложного синтаксического целого на английском языке и представил ее в научный сборник, опубликованный в рамках сотрудничества таджикских лингвистов с международной лингвистической организацией «SILL International», занимающейся научными исследованиями в летних лингвистических школах. В этом же сборнике на первых страницах была размещена интересная статья профессора Д.И.Искандаровой, посвященная стилистическим особенностям языка под названием «Are we polite?» («Являемся ли мы вежливыми?»). Данная статья имела большую научную значимость и содержала интересные факты, примеры и сравнения, раскрывающие роль языка в коммуникации, его потенциал в улучшении социальных отношений и сохранении моральных и этических норм.

Будучи моим научным консультантом, профессор Дилоро Мукаддасовна всегда была в поиске новых знаний, новых идей и считала своим принципом находить ответы на сложные вопросы, которые важны и значимы для современной науки. Она всегда работала по такому принципу, что если что-то новое мы находим в науке, то нужно всегда стараться эти же свои идеи в будущем обновлять, так как мы не можем найти абсолютной и окончательной аксиомы в языке. Да, любые идеи постепенно устаревают и уступают свое место новым идеям, поэтому мы сами должны изменить и обновлять их, как об этом говорил великий Хайям:

В науке странствуя, порой менял я взгляд,

В утрате цельного пути я виноват.

Такой диковинке любой зевака рад:

У однорукого в сто рукавов халат.

Таким образом, в течение более шести лет мы сотрудничали с профессором Д.М.Искандаровой в области лингвистики текста, следуя ее советам, я разрабатывал научный план работы, собирал материалы, работал с научной литературой и аналитическими материалами, классифицировал языковой материал и источники. В 2011-2012 годах я совершил научные поездки в зарубежные университеты в рамках программы «Erasmus Mundus», программы «MANECA», где мне удалось подготовить окончательный вариант своей докторской диссертации и провести предварительное обсуждение диссертации на кафедре истории языка и типологии Таджикского национального университета. В начале 2013 года финальная версия моей докторской диссертации на тему «Структура и семантика текста (сопоставительный анализ на материалах таджикского и русского языков)» была

завершена, после чего она была представлена для защиты в диссертационном совете Российско-Таджикского (Славянского) университета.

В итоге в рамках диссертационного исследования нам удалось разработать и внедрять свои научные концепции относительно определению структуры текста, коммуникативных и функциональных особенностей, а также места и роли текста в лингвистической системе таджикского и русского языков, которые используются в процессе текстологических исследований лингвистики и литературоведения, при изучении и исследовании состояния языка и литературы, при чтении лекций по лингвистике текста, типологическому и сравнительному языкознанию, а также по дискурсивному анализу, стилистике, функциональной лингвистике, истории лингвистических учений и текстологии.

В период с 2014 по 2018 годы я продолжил сотрудничество в рамках образовательных программ и научных проектов кафедры теоретической и прикладной лингвистики Российско-Таджикского (Славянского) университета, которой заведовала профессор Д.М.Искандарова, и в эти годы коллективом кафедры проводились весьма ценные и значимые для науки исследования различных научных вопросов, были реализованы научные проекты, опубликованы научные статьи, научные сборники и монографии, в которых были отражены результаты наших исследований.

Одним из таких интересных научных проектов было исследование проблемы существующих стереотипов и толерантности в образовательной среде Таджикистана на основе проведенного в вузах страны ассоциативного эксперимента, а также проблем социального компьютеринга и Интернет-толерантности, которое проводилось преподавателями кафедры теоретической и прикладной лингвистики под руководством профессора Д.М.Искандаровой. По итогам проведенного исследования в 2016 году была издана коллективная научная монография под названием «Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты)» с результатами исследований участников проекта по анализу и интерпретации маркеров национального самосознания, этностереотипов и ассоциативного поля толерантности молодежи Таджикистана в реальной и виртуальной интернет среде.

Другим немаловажным и весьма значимым для современного таджикского языка и таджикской науки и культуры проектом, который успешно был реализован на базе кафедры теоретической и прикладной лингвистики под руководством профессора Д.М.Искандаровой, был проект создания корпуса таджикского языка, который в настоящее время служит ценным источником в информационной среде таджикского языка.

В заключение хотелось бы отметить одно из самых интересных и ценных изысканий последних лет профессора Д.М.Искандаровой по вопросам языковой ситуации в Таджикистане. Научная статья под названием «Языковая ситуация в Таджикистане: этноконтактные зоны» является новым подходом к решению проблем языков в отдельно взятом ареале функционирования разных как родственных, так и неродственных языков. На этом основании анализируется языковая ситуация в диахроническом и синхронном аспектах с учетом историче-

ски сложившегося естественного билингвизма в контактных зонах проживания таджиков. Интересным наблюдением в данной статье является то, что языковые контакты способствовали развитию двуязычия и многоязычия, в основном мужского населения, где женщины зачастую оставались монолингвами. В статье приведены также результаты проведенного социалингвистического опроса и данные о функционировании таджикского и русского языков, малых языков Бадахшана, узбекского и кыргызского языков в ареале языковых контактов.

Можно говорить о многих аспектах заслуг и скрупулезных трудов и ценных изысканий профессора Д.М.Искандаровой в области языка и современного языкознания. Нет никаких сомнений, что ее заслуги огромны, велики, несравнимо ценны и значимы как для современной, так и для будущей науки и культуры нашей страны и нашего народа, а ее ученики всегда с большим интересом к ее новым изысканиям будут листать страницы научных сборников, монографий и научных журналов, в которых будут публиковаться ее новые и неповторимые труды еще многие и многие годы.

SCIENTIFIC SCHOOL OF A SUCCESSFUL EDUCATOR

Mukhtorov Zainidin Mukhtorovich

Doctor of philological sciences,
rector

Branch of the management development Institute of Singapore in Dushanbe
734000, Republic of Tajikistan, Dushanbe, Said Nosir str., 33
Ph.: (+992) 907 80 18 22 (m.)
mukhtorov67@gmail.com

МАКТАБИ ИЛМИИ УСТОДИ МУВАФФАҚ

Мухторов Зайнидин Мухторович

Доктори илмҳои филологӣ,
ректор

Донишқадаи рушди менеҷменти Сингапур дар Душанбе
734000, Ҷумҳурии Тоҷикистон, Душанбе, кӯч. Саид Носир, 33
Тел.: (+992) 907 80 18 22 (м.)
mukhtorov67@gmail.com

© Издательство РТСУ

Сдано в набор 25.12.2024 г. Подписано в печать 30.12.2024 г.
Формат 60x84_{1/16}. бумага и печать офсетная. Гарнитура литературная.
Объем 83 п.л. Тираж 100 экз. Заказ №68

Отпечатано в типографии РТСУ,
734025, Республика Таджикистан, г.Душанбе,
ул. Мирзо Турсунзаде, 30